

ВЕСТНИК
КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА
ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

**ВЕСТНИК
КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ РАН**

№ 4 / 2015

ВЕСТНИК КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

Издается с 1963 г.

ISSN 2410-7670 (online) ISSN 2075-7794 (print)

Журнал зарегистрирован 1 июля 2009 г. в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Рег. номер ПИ № ФС77-49346

№ 4, 2015

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

канд. полит. наук *Н. Г. Очирова*

Заместители главного редактора:

д-р ист. наук *Э. П. Бакаева,*

канд. фил. наук *Б. А. Кичикова*

Редакционный совет:

акад. РАН *Г. Г. Матишов* (председатель — Россия, г. Ростов-на-Дону),

чл.-кор. РАН *С. А. Арутюнов* (Россия, г. Москва), д-р ист. наук *М. М. Балзер* (США),

акад. *Л. Болд* (Монголия), д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай* (Россия, г. Москва), д-р юр. наук *Д. М. Демичев* (Белоруссия),

д-р экон. наук *О. В. Инишаков* (Россия, г. Волгоград), д-р фил. наук *М. И. Магомедов* (Россия, г. Махачкала),

д-р ист. наук *К. Н. Максимов* (Россия, г. Элиста), д-р ист. наук *И. Ф. Попова* (Россия, г. Санкт-Петербург),

д-р ист. наук *На. Сухэбаатар* (Монголия), д-р фил. наук *Чжао Геджин* (Китай),

д-р ист. наук *Д. Шорковиц* (Германия), акад. РАО, д-р пед. наук *П. М. Эрдниева* (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов* (г. Махачкала), чл.-кор. РАН *Б. В. Базаров* (г. Улан-Удэ),

канд. юр. наук *Л. В. Батиев* (г. Ростов-на-Дону), д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская* (г. Москва),

д-р фил. наук *Г. Ц. Пюрбеев* (г. Москва), д-р ист. наук *В. В. Трепавлов* (г. Москва)

д-р ист. наук *Е. Н. Бадмаева* (отв. секретарь),

д-р фил. наук *Т. Г. Басангова*, канд. фил. наук *Е. В. Бембеев*, д-р филос. наук *Б. А. Бичеев*,

канд. фил. наук *В. В. Куканова*, д-р экон. наук *Э. И. Мантаева*, канд. фил. наук *Д. Н. Музраева*,

д-р соц. наук *А. Н. Овшинов*, канд. фил. наук *Э. У. Омакаева*, д-р ист. наук *У. Б. Очиров*,

канд. пед. наук *Б. К. Салаев*, канд. ист. наук *В. П. Санчилов*,

канд. биол. наук *Л. Н. Ташинова* — г. Элиста

Адрес редакции и издателя:

358000 Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8;

тел. (84722) 3-55-06, (84722) 3-55-39; факс (84722) 2-37-84

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com

Сайт: www.kigiran.com

BULLETIN OF THE KALMYK INSTITUTE FOR HUMANITIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Published since 1963

ISSN 2410-7670 (online) ISSN 2075-7794 (print)

The Journal is registered in the Federal Service for Inspection in Communication, Information Technologies and Mass Communication (Roskomnadzor) on July 1, 2009.

Registration number ПИ № ФС77-49346

№ 4, 2015

Released four times a year

Editor-in-chief:

Ph.D. of Political Science N. Ochirova

Associate editors:

Ph.D. of History E. Bakaeva,

Ph.D. of Philology B. Kichikova

Editorial Council:

Acad. of the RAS G. Matishov (Chairman — Rostov-on-Don, Russia),

Corr. Member of the RAS S. Arutyunov (Moscow, Russia), Ph.D. of History M. M. Balzer (USA),

Acad. L. Bold (Mongolia), Ph.D. of History N. Bugai (Moscow, Russia), Ph.D. of Jurisprudence D. Demichev (Belarus),

Ph.D. of Economics O. Inshakov (Volgograd, Russia), Ph.D. of Philology M. Magomedov (Makhachkala, Russia),

Ph.D. of History K. Maksimov (Elista, Russia), Ph.D. of History I. Popova (Saint-Petersburg, Russia),

Ph.D. of History Na. Sukhebaatar (Mongolia), Ph.D. of Philology Chao Gedzhin (China),

Ph.D. of History D. Schorkowitz (Germany), Acad. of RAE, Ph.D. of Pedagogy P. Erdniev (Elista, Russia)

Editorial Board:

Corr. Member of the RAS Kh. Amirkhanov (Makhachkala), Corr. Member of the RAS B. Bazarov (Ulan-Ude),

Ph.D. of Jurisprudence L. Batiev (Rostov-on-Don), Ph.D. of History N. Zhukovskaya (Moscow),

Ph.D. of Philology G. Piurbeev (Moscow), Ph.D. of History V. Trepavlov (Moscow)

Ph.D. of History E. Badmaeva (executive secretary),

Ph.D. of Philology T. Basangova, Ph.D. of Philology E. Bembeev, Ph.D. of Philosophy B. Bicheev,

Ph.D. of Philology V. Kukanova, Ph.D. of Economics E. Mantaeva, Ph.D. of Philology D. Muzraeva,

Ph.D. of Sociology A. Ovshinov, Ph.D. of Philology E. Omakaeva, Ph.D. of History U. Ochirov,

Ph.D. of Pedagogy B. Salaev, Ph.D. of History V. Sanchirov,

Ph.D. of Biology L. Tashminova — Elista

The Editorial Board and Publisher's address:

358000 the Republic of Kalmykia, the city of Elista, Ilshkin Street, 8

tel.: (84722) 3-55-06, (84722) 3-55-39; fax: (84722) 2-37-84

e-mail: vestnik.kigiran@gmail.com

site: www.kigiran.com

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Тепкеев В. Т.</i> Русско-ойратские отношения в 1607–1608 гг.	8
<i>Санчилов В. П.</i> Новые ойратские историко-литературные памятники второй половины XVIII–XIX вв.	16
<i>Горяев М. С.</i> Социальные отношения калмыков в первой половине XIX в.	21
<i>Горяев М. С., Команджаев А. Н.</i> Политика российского государства по управлению кочевыми народами в первой половине XIX в. (на примере калмыков)	26
<i>Московкин В. В., Хажеева И. В.</i> Условия и механизмы установления власти Советов в Зауралье в 1917–1918 гг.	30
<i>Очилов У. Б.</i> Правоохранительные и судебные органы Калмыкии в 1917–1925 гг.	34
<i>Бугай Н. Ф.</i> Проблемы возвращения «плановых переселенцев» в районы прежнего проживания до 1940-х гг.	43
<i>Тетуев А. И.</i> Отечественная историография об участии народов Кабардино-Балкарии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.	54
<i>Кекеев Э. А., Буратаев Е. Г.</i> Спасательные раскопки курганной группы Восточный Маныч-1967	62
<i>Батыров В. В.</i> Левират у калмыков в XIX в.	66
<i>Тюхтенева С. П.</i> Личность и общество у алтайцев: от родовой принадлежности до общеалтайской идентичности	72
<i>Данчай-оол А. А., Айыжы Е. В.</i> Личность как основа сохранения культурно-исторической традиции	82
<i>Умгаев С. А.</i> Гендерная характеристика единоборств в представлении участников	86
<i>Батырева С. Г.</i> Калмыцкие коллекции в музеях Германии	89
<i>Дякиева Б. Б.</i> Языковая политика и вопросы языкового сознания титульного этноса (на примере Республики Калмыкия)	94
<i>Рассадин В. И., Болд Л.</i> Тюрко-монгольские лексические параллели в составе названий транспортного использования скота в монгольских языках	99
<i>Мушаев В. Н., Абдуллаев С. Н.</i> Взаимодействие университетов в евразийском научно-образовательном пространстве и исследования по тюрко-монгольской компаративистике	104
<i>Куканова В. В.</i> Косвенные наклонения в калмыцком языке: словоизменяемые модели (на материале Национального корпуса калмыцкого языка)	109
<i>Бутаева А. О., Баянова А. Т.</i> Калмыцкие сказки, записанные Г. Й. Рамстедтом: частотность граммем	118
<i>Куканова В. В., Горяева Б. Б.</i> Калмыцкие сказки, записанные Г. Й. Рамстедтом: опыт квантитативного анализа	124
<i>Корнеев Г. Б.</i> Особенности функционирования вопросительных местоимений <i>al</i> и <i>aliba</i> в ойратских переводах с тибетского языка (на материале сутры «Царь благих пожеланий»)	132

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

CONTENTS

HISTORY STUDIES & ARCHEOLOGY

<i>Tepkeev V.</i> Russian-Oirat Relations in 1607–1608	8
<i>Sanchirov V.</i> The New Oirat Historical and Literary Monuments of the Second Half of the XVIII th and XIX th Centuries	16
<i>Goryaev M.</i> Social Relations of Kalmyks in the First Half of the XIX th Century	21
<i>Goryaev M., Komandzhaev A.</i> The Policy of the Russian State on the Governance of Nomadic Peoples in the First Half of the XIX Century (the Case Study of Kalmyks)	26
<i>Moskovkin V., Khazheeva I.</i> Conditions and Methods of Soviet Government Establishment in Zauralye in 1917–1918	30
<i>Ochirov U.</i> Law-Enforcement and Judicial Authorities of Kalmykia in 1917–1925	34
<i>Bugai N.</i> Problems of «Planned Settlers»’ Returning to the Places of Former Residence until the 1940s	43
<i>Tetuev A.</i> Home Historiography on the Participation of the Peoples of Kabardino-Balkaria in the Great Patriotic War of 1941–1945	54
<i>Kekeev E., Burataev E.</i> Rescuing the Archeological Excavations of the Vostochniy Manych–1967 Barrow Group	62
<i>Batyrov V.</i> Levirate Marriage of Kalmyks in the XIX th Century	66
<i>Tyukhteneva S.</i> The Individual and Society in Altai: From Clan Affiliation to all Altaic Identity	72
<i>Danchay-ool A., Aiyzhy E.</i> Personality as a Basis for Saving of Cultural and Historical Traditions	82
<i>Umgaev S.</i> Gender Characteristic of Martial Arts in Participants’ View	86
<i>Batyreva S.</i> Kalmyk Collections in Museums of Germany	89
<i>Dyakieva B.</i> Language Policy and Issues of Linguistic Consciousness of the Titular Ethnos (the Case Study of Republic of Kalmykia)	94
<i>Rassadin V., Bold L.</i> Turkic-Mongolian Lexical Parallels within the Names of Transport Use of Livestock in the Mongolian Languages	99
<i>Mushaev V., Abdullaev S.</i> The Interaction of Universities in the Eurasian Scientific and Educational Space and Researches on the Turkic-Mongolian Comparative Studies	104
<i>Kukanova V.</i> Indirect Moods in the Kalmyk Language: Inflectional Models (Based on the National Corpus of the Kalmyk language)	109
<i>Butaeva A., Bayanova A.</i> Kalmyk Tales Recorded by G. J. Ramstedt: the Frequency of Grammemes	118
<i>Kukanova V., Goryaeva B.</i> Kalmyk Tales, Recorded by G. J. Ramstedt: Experience of Quantitative Analysis	124
<i>Korneev G.</i> The Peculiarities of Functioning of Interrogative Prounouns <i>Ali</i> and <i>Aliba</i> in the Oirat Translations from the Tibetan Language (the Case Study of the Sutra “King of Aspiration Prayers”)	132

LINGUISTICS & LITERATURE STUDIES

	<i>Хаджиева Т. М.</i> Антитеза как изобразительное средство в нартском эпосе карачаевцев и балкарцев	137
	<i>Мухомлева С. Д., Дмитриев П. Н.</i> Повесть Р. Кулаковского «Аџам Олоџо» («Жизнь отца») как фольклорный источник: олонхо и олонхосуты	141
	<i>Лиджиев А. Б.</i> Исследование стихотворной части «Оды Мукдену, написанной императором».	146
	<i>Бичеев Б. А.</i> Ойратские переводы сутр Праджняпарамиты	152
	<i>Бичеев Б. А.</i> История публикации ойратского перевода «Сутры Золотого света»	157
	<i>Топалова Д. Ю.</i> Национальное своеобразие рассказов С. Б. Балыкова «Растоптанный тюльпан», «У незримой стены»	161
	<i>Очирова Н. Ч.</i> Своеобразие концепции эпохи и личности в поэме Хасыра Сян-Белгина «Өнчн бөк» — «Борец-сирота» (1935 г.)	167
	<i>Кичикова Б. А.</i> «Путевые записки» А. С. Пушкина: эпизод в калмыцкой кибитке (из материалов к комментарию)	171
	<i>Эльдышев Э. А.</i> Особенности сюжетной структуры поэмы Д. Кугультинова «Сар-Герел»	179
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	<i>Марзаева М. Б.</i> Адаптация иностранных студентов (региональный опыт)	184
	<i>Намруева Л. В.</i> Сельские территории Республики Калмыкия в 2010-е гг.: типология и характеристики.	192
БИОЛОГИЯ	<i>Кравчук О. А., Ташинова А. А.</i> Почвенно-растительные условия среды обитания популяции сайгака (<i>Saiga tatarica</i>) в заповеднике «Черные Земли»	198
РЕЦЕНЗИИ	<i>Басангова Т. Г., Горяева Б. Б.</i> Рец. на: Герлтсн сувсн (Б. М. Санджиеван бичүлж авсн амн урн үгин көрнгэс). Сияющая жемчужина (Фольклорные материалы, собранные Б. М. Санджиевой). Собиранель Санджиева Б. М. Записи 1972–1974 гг. / Вступ. ст., сост., предисл., подг. текстов и прилож. И. М. Болдыревой. Элиста: КИГИ РАН, 2014. – Серия «Өвкнрин зөөр» («Сокровища предков»). На калм. яз. – 230 с.	203
	<i>Очиров У. Б.</i> Важный источник по истории органов госбезопасности Калмыкии. Рец. на: Во имя безопасности России. Элиста, 2005. 288 с.	206
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	210

	<i>Khadzhieva T.</i> Antithesis as a Figurative Means in the Nart Epos of the Karachay and Balkar Peoples	137
	<i>Mukhopleva S., Dmitriev P.</i> R. Kulakovsky's Story «Agam Ologo» 'Father's Life' as a Folklore Source: Olonkho and Olonkho-tellers	141
	<i>Lidzhiev A.</i> Research of the Poetic Part of «Ode to Mukden, Written by the Emperor»	146
	<i>Bicheev B.</i> Oirat Translations of Prajnaparamita Sutras	152
	<i>Bicheev B.</i> On the History of Publications of the Oirat Translation of «the Sutra of Golden Light»	157
	<i>Topalova D.</i> National Originality of Stories by S. B. Balykov «The Crushed Tulip», «At the Hidden Wall»	161
	<i>Ochirova N.</i> Conception Originality of the Epoch and the Personality in the Poem by Khasyr Syan-Belgin «Fighter Orphan» (1935)	167
	<i>Kichikova B.</i> «Travel Notes» by A. S. Pushkin: an Episode in the Kalmyk Kibitka (from the materials to the commentary)	171
	<i>Eldyshev E.</i> Peculiarities of the Plot Structure of D. Kugultinov's Poem «Sar-Gerel»	179
SOCIOLOGICAL STUDIES	<i>Marzaeva M.</i> Adaptation of Foreign Students (Regional Experience) . .	184
	<i>Namrueva L.</i> Rural Areas of the Republic of Kalmykia in 2010s: Typology and Characteristics	192
BIOLOGY	<i>Kravchuk O., Tashninova A.</i> Soil and Vegetation Habitat Conditions of Saiga Antelope Population (Saiga Tatarica) in the «Chernye Zemli» Reserve	198
REVIEW	<i>Basangova T., Goryaeva B. B.</i> Review: Gerltsn suvsn (B. M. Sandzhievan bichyulzh avsn amn urn yugin kyorngyas). Siyayushchaya zhemchuzhina. Refulgent pearl (Folklore material, collected by B. M. Sandzhieva). Compil. by Sandzhieva B. M. Records of 1972–1974. Introduction, comp., text prepar., appendix, by I. M. Boldyreva. Elista, KIH RAS, 2014. – “Ovknrin zyoor” (Sokrovishcha predkov) [“Treasures of ancestors”]. 230 p. (In Kalmyk)	203
	<i>Ochirov U.B.</i> The important source on the history of the state security agency of Kalmykia. Review: In the name of security of Russia. Elista, 2005. 288 p. (In Russ.)	206
SCHOLARLY MATTERS	210

УДК 94(47)
ББК 63.3 (2)46

РУССКО-ОЙРАТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1607–1608 гг.

Russian-Oirat Relations in 1607–1608

В. Т. Тенкеев (V. Terkeev)¹

¹кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of History, Senior Scientist of the History and Archeology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: tvt@mail.ru

Статья посвящена начальному периоду истории русско-ойратских отношений в Юго-Западной Сибири, который во многом до сих пор остается малоизученным в историографии из-за недостатка источников. Согласно выводу автора, выход ойратских улусов к сибирским границам Московского государства стал прямым следствием стремления тайшей сохранить в безопасности свои владения в условиях продолжавшейся на тот момент войны с Алтын-ханом и казахами. Это обстоятельство наложило отпечаток на мирный характер русско-ойратских отношений, которые на начальном этапе в 1607–1608 гг. развивались через два главных пункта Московского государства в Сибири — Тару и Томск.

Ключевые слова: ойраты, калмыки, XVII век, Московское государство, Сибирь, кочевники.

The article deals with the initial period in the history of Russian-Oirat relations in South-Western Siberia, which still remains poorly explored in the historiography due to the lack of sources. The author made a conclusion, that the fact of the Oirats' presence on the Siberian border of Muscovy was caused by taishas' desire to preserve their possessions under condition of the ongoing war against Altyn-Khan and Kazakhs. This fact left its imprint on the peaceful Russian-Oirat relations which at the initial stage in 1607–1608 developed through two stations of Muscovy in Siberia — Tara and Tomsk.

Oirat taishas participated in the negotiation process not only for the establishment of new politic and economic relations with the Moscow throne, but also to achieve their military and strategic objectives. Such policies led to the integration process of Oirats into Muscovy's sphere of political influence.

Keywords: Oirats, Kalmyks, XVII century, Muscovy, Siberia, nomads.

Первые сведения о перемещении ойратских улусов к сибирским границам Московского государства связаны с военными действиями отрядов русских служилых людей против хана Кучума. В ходе преследования был разгромлен лагерь кучумлян в августе 1598 г. на левом берегу Оби. Из сообщения тарского воеводы Андрея Воейкова царю Борису Годунову известно, что в двух днях пути от разгромленного лагеря Кучума кочевали некие «калмыцкие улусы», которых «сбираетца, государь, калмаков воинских

людей пять тысяч» [Акты 1841: 4]. К сожалению, из этого сообщения не понятно, выступали ли ойраты военными союзниками Кучума, либо были безучастными свидетелями его окончательного разгрома.

В дальнейшем ойратские улусы, откочевавшие из Западной Монголии, стали постепенно располагаться в верховьях рек Иртыша, Ишима, по Камышлову, Оми и у Соленых озер. Это были малонаселенные и почти никем не обороняемые степные пространства Юго-Западной Сибири. И первым

из сибирских уездов Московского государства, подвергшимся наплыву новых кочевых соседей, стал Тарский.

В наказе тобольскому воеводе от 11 февраля 1601 г. московское правительство предписывало внимательно наблюдать за передвижениями ойратов. Но первый официальный контакт в русских документах зафиксирован только в сентябре 1606 г., когда в Таре появляется посланец торгутского тайши Хо-Урлюка — Катачей Бурундуев. Тайша просил разрешения кочевать по Камышлову, Ишиму и приезжать для торговли в Тару. Однако первые переговоры не увенчались успехом, а попытки воеводы Силы Ивановича Гагарина продолжить переговорный процесс закончились исчезновением его посланников во владении Хо-Урлюка [Материалы 1959: 28, 29].

В 1606 г. наплыв ойратов в Тарский и Тюменский уезды стал все более угрожающим, поэтому местный воевода С. Гагарин неоднократно сообщал в Тобольск о появлении в ясачных волостях «калмыцких людей»: «а чаёт от них войны». Понятно, что этот тревожный сигнал не мог остаться без ответа. В Тюмени воевода Матвей Годунов стал срочно формировать вооруженные отряды из различных категорий ратных людей, куда, например, входили литовцы, украинцы, казаки, юртовские татары и охотники из числа ясачных людей [Миллер 1937: 194, 195]. Но далеко не все сибирские воеводы выступали за ответные силовые действия в отношении ойратов. Например, тот же тарский воевода С. Гагарин пытался выяснить истинные намерения новых соседей. С этой целью в начале 1607 г. он направил к ойратам делегацию из ясачных татар во главе с князем Енобаем и Куготаем, которые должны были передать ойратским владельцам, «чтоб они были под нашею царскою высокою рукою, а для шерти и укрепления и для договору... приехали бы они, лутчие люди, на Тару сами» [Материалы 1959: 21].

В Москве поддержали мирную инициативу тарского воеводы. 30 марта 1607 г. из Приказа Казанского дворца, который в это время заведовал и «Сибирскими делами», была послана от имени Василия Ивановича Шуйского грамота воеводе Гагарину, в которой ему предписывалось отправить к ойратам посольство. Велено было говорить, «чтоб колмацкие князи и мурзы и всякие улусные люди были под нашею царскою рукою и шерть и утверждение и заклады дали,

что им быти вперед под нашею царскою высокою рукою неотступным, и нам ясак с себя платить по вся годы безпереводно... нашим ясачным людям тесноты не чинили и не побивали, а мы их (ойратов. — В. Т.) также велим беречи и от недругов оберегати» [Материалы 1959: 21]. По мнению К. Н. Максимова, Московское государство в отношении местных народов использовало гибкую мирную дипломатию, предлагая взаимовыгодные условия, свое покровительство, а калмыцкие тайши не отрицали установления верховного права российского царя по отношению к ним [Максимов 2002: 13].

Ойраты также пошли навстречу, и 16 (26) июня 1607 г. в Тару прибыл их представитель — тайша Кугонай Тубиев (Тубеев) в сопровождении 20 человек. В ходе расспроса тайши выяснилось, что на переговоры его направили дербетский Далай-Батур и торгутский Эзинея с напутствием «государю бить челом», «чтоб их пожаловати, воевати их не велети, и велети им быти под царскою высокою рукою, и кочевати на земле вверх по Иртышу к соленым озерам, а что с них, колмацких людей, имати годно коньми или верблюдами или коровами, и они де тем бьют челом». В указанной ойратской группировке насчитывалось 45 владельцев под предводительством 5 старших тайшей — «Баатыря Янышева» (Далай-Батура), «Ичиня Уртуева» (Эзинея), «Кугоная Турбева», «Ужена» и «Юриқты Конаевых». Общая численность их улусных людей составляла примерно 120 тыс. человек. Но Кугонай не шертовал за торгутских Хо-Урлюка и Кирсана, которые три года назад отошли от них и расположились с улусами вверх по Иртышу [Материалы 1959: 22].

Из воеводского донесения видно, что данная группировка (по всей видимости, дербетско-торгутская) кочевала отдельно от основной массы ойратов и на тот момент действовала самостоятельно по отношению к царскому правительству. По мнению С. К. Богоявленского, торгуты в это время также не представляли собой единого общества, будучи разделенными, по крайней мере, на две группы [Богоявленский 1939: 53]. Основываясь на данных родословных торгутских князей, можно с уверенностью говорить, что под *Изенеем* здесь подразумевается не кто иной, как Эзинея-тайджи, двоюродный дядя Хо-Урлюка. Эзинея-тайджи стоял во главе той группы

торгутов, от которой действовал обособленно Хо-Урлюк.

Из донесения видно, что ойраты готовы были доставлять русским коней и верблюдов, хотя воевода не упомянул слово «ясак». Но в грамоте Приказа Казанского дворца воеводам снова был употреблен этот термин. Отсюда, делает вывод Г. В. Вернадский, в дальнейшем происходили недоразумения, но ясак калмыки, конечно, так и не согласились платить, при этом охотно продавали русским лошадей [Вернадский 1966: 28]. Не только калмыки, но и русские были крайне заинтересованы в торговле, поскольку нуждались в средствах для освоения Сибири [Любимов 2008: 46, 47].

Вести о переговорах сибирских воевод с ойратами получили поддержку в Москве. Тарскому воеводе предписывалось командировать к тайшам послов с объявлением, что Московское государство берет их под свое покровительство, обещает защиту от казахов и ногаев, разрешает кочевать вверх по Иртышу и намеревается выплатить тайшам жалованье. Царская грамота воеводе также содержала очень важный пункт — о разрешении калмыкам свободно приезжать в Тару для ведения торговли. На первых порах Москва решила сосредоточить в своих руках дела по осуществлению связей с калмыками, не передоверяя их сибирским воеводам. Для окончательного оформления присяги на подданство настоятельно рекомендовалось приглашать тайшей непосредственно в столицу. Правительство, не удовлетворившись несколько пассивными действиями тарского воеводы по призыву «под государеву высокую руку» Хо-Урлюка и «Кусургана-тайшу», поставило перед ним конкретную задачу — проявить инициативу и направить к указанным тайшам послов, чтобы призвать под «высокую государеву руку». В случае их возможного отказа воеводе не рекомендовалось применять военную силу, «покаместа большие калмыцкие тайши Изеней с товарищи в нашем жалованье укрепятца». Немаловажным оставался и вопрос о форме взимания будущего ясака с ойратов, а также выдачи жалованья тайшам и их приближенным лицам [Материалы 1959: 23].

Мирное предложение ойратов было поддержано в Таре, а Кугонай за свою посольскую миссию был вознагражден жалованьем. Обрато в улусы с ним были направлены литвин Болдан Бойкач, казак Иг-

нат Еманакон в сопровождении трех татар с заверением, что русская сторона в отношении ойратов не будет прибегать к военным мерам. Для материального стимулирования тайшей им были отправлены в качестве жалованья 5 портищ сукна. В знак подтверждения своих намерений тарские посланцы должны были взять у тайшей шерсть, чтобы «великому государю служить и прямить во всем правду» [Материалы 1959: 22, 24].

В начале октября посланцы вернулись в Тару в сопровождении новых ойратских послов: Баучина, Девлета Тахабакшеева, Арлая Алакова (Урлакова) и Кесенчака Чиганова — всего 8 человек. Все они представляли интересы 5 ойратских тайшей — Унгиная, Батыря (Далай-Батура), Эзинея, Шевгея Урлюкова и Урухту. Судя по составу, это была крупная дербетско-торгутская группировка улусов, вышедшая к Сибири, тайши которой просили царские власти разрешить им кочевать в верховьях Иртыша, в районе Соленых озер и по Камышлову. Немаловажное значение имела также просьба ойратов о защите их от военной угрозы Алтын-хана и Казахской и Ногайской орд. Видимо, положение этих улусов на тот момент было настолько критическим, что тайши были не против взимания с них ясака в виде лошадей, верблюдов и скота [Материалы 1959: 24].

Пользуясь возможностью, с послами прибыли и 90 торговых людей, пригнавших в Тару на продажу 550 лошадей. Причем продавали они их за деньги или же обменивали на одежду и писчую бумагу. По большому счету, тем самым было положено начало русско-ойратских торговых отношений. Местные власти, понимая, что ойраты предполагают кочевать под «государевой рукой» по Иртышу, Оми и Камышлову и, чтобы «их сперва не ожесточить и от царские милости не отгонити», не стали с них взимать торговую пошлину. Послы получили заверение от местных царских властей в возможности кочевать их улусам в безопасности на территории московской Сибири «под царскою рукою навеки неотступным». Члены посольства и улусные люди были взяты на полное довольствие [Материалы 1959: 24, 25].

В Москве было принято решение, чтобы четырех ойратских послов с литвином Болданом Бойкачом прислали в столицу. Выяснилось, что тайши не шертовали перед приехавшим к ним Бойкачом, а ожидали

возвращения своих послов с официальным ответом от царского правительства и жалованьем. В знак своего расположения тайши отдали приказ выдать ясачным татарам всех их захваченных в прошлых годах женщин и детей без какого-либо выкупа [Материалы 1959: 25].

Отдельно от указанной группировки улусов кочевали со своими улусными людьми торгутский тайша Хо-Урлюк и Корсуган¹. Летом 1607 г. они кочевали в трех днях пути от Тары, на левом берегу Камышлова и до озера Колмак, где захватили рыбные ловли и охотничью добычу у местных ясачных татар. К Хо-Урлюку присоединился его зять Ишим, сын Кучума, который скрывался в улусе тестя после разгрома его и братьев тюменскими ратными людьми. Планы этих владельцев по отношению к Тарским и Тюменским волостям были не совсем дружелюбными, так как, по информации от тех же ясачных татар, они замыслили на осень и весну следующего года набеги на указанные территории [Материалы 1959: 25].

В ходе переговоров с ойратскими послами, главными из которых выступали Арлай и Баучин, тайши просили разрешения для них кочевать на государевой земле по реке Омь и получили официальное разрешение со стороны тарского воеводы С. Гагарина. Улусы Эзиней и Далай-Батура прикочевали на Омь и расположились в четырех днях пути от Тары. Поскольку для ойратов существовала серьезная военная опасность со стороны Алтын-хана, тайши просили власти построить на Оми острог для их защиты. Причем ойраты готовы были защищать его с русскими ратными людьми от неприятеля, в том числе и от Алтын-хана. На приемлемых условиях тайши готовы были также платить в казну ясак лошадьми и скотом, но не шкурками соболей и черных лисиц. Послы объясняли это тем, что «в их земле того зверя нет, а бьют они зверь, только что есть». Со своей стороны ойраты готовы были на подконтрольных им охотни-

¹ Этого тайшу многие исследователи считают одним из младших сыновей Хо-Урлюка — Кирсана. По мнению автора, это, возможно, ошибка, поскольку для 1607 г. этот сын был еще ребенком, чтобы фигурировать в документах как отдельный тайша. Однако идентифицировать его, как и многих других владельцев, фигурирующих в русских документах начала XVII в., по имеющимся ойратским родословным пока не представляется возможным.

чьих угодьях не трогать сибирских людей, подданных московского царя [Материалы 1959: 25, 26].

На переговорах не остался без внимания и вопрос об ойратских пленниках, захваченных два года назад русскими ратными людьми. Многие из них находились в Тобольске и Таре, у юртовских людей и служилых татар. Тайши через послов просили государя издать указ о выдаче им всех пленников [Материалы 1959: 26]. Стоит отметить, что отныне вопрос о выдаче пленников в русско-ойратских отношениях становился постоянным и одним из основных на протяжении всего XVII в.

Обратно с послами пятерым старшим тайшам в качестве жалованья местными властями были отправлены по одной темно-красной однорядке², камчатому кафтану и бархатной лисьей шапке. В дальнейшем власти планировали окончательно привести старших тайшей к шерти в самой Таре, а других на местах, Оми или Камышлове, где предполагалось построить городок, куда могли бы попеременно приезжать различного рода ойратские владельцы и шертовали бы за себя и улусных людей, где записывали бы их имена и выдавали жалованье. На Тару для безопасности было велено пропускать небольшое количество тайшей, в основном только старших. Размер будущего выдаваемого ясака должны были определить сами тайши, «лучших» из которых лично приглашали в московскую столицу, обеспечив полным довольствием и безопасностью в дороге. В случае возникновения с их стороны недоверия к поездке в столицу указывалось предоставить им «закладных людей» [Материалы 1959: 26, 27].

Тарский воевода, следуя наказам правительства, отправил послов в Москву. Это было первое ойратское посольство, посетившее столицу Московского государства. 7 (17) февраля Баучин, Девлет, Арлай и Кесенчак предварительно были приняты в посольской палате дьяком Василием Теплевым, который подробно расспросил их о цели приезда. 14 (24) февраля 1608 г. послы уже присутствовали на приеме у царя Василия Ивановича Шуйского. В сопровождении «воротынца» Афанасия Тургенева и толмачей они проследовали к государю через

² Верхняя широкая, долгополая до щиколоток одежда, без воротника, с длинными рукавами, под которыми делались прорехи для рук. Застегивалась встык и часто опоясывалась.

площадь по средней лестнице до красного крыльца. Дьяк Телепнев представил послов царю следующими словами: «Великий государь и великий князь Василей Иванович, всеа Русии самодержец и многих государств государь и обладатель! Калматцкие орды больших князей Багатырь-тайша с товарищи послы Арлай с товарищи вашему царскому величеству челом ударили». После этих слов послы были пожалованы к руке государя, и они ему сообщили все то, что до этого рассказали дьяку Телепневу, который уже объявил официальный ответ царской стороны. После Василию Ивановичу представили привезенные подарки (поминки) от тайшей. В качестве жалованья послам дьяки возложили на них казенные платья, а позже государь «пожаловал послов, подавал им в ковшех мед» [Материалы 1959: 74].

Здесь обращает на себя внимание размер и перечень государева жалованья послам: «3 платна золотные, по 15 руб.; 3 однорядки багрецовые, по 4 руб.; 3 кафтаны камчатые, по 6 руб.; 3 шапки бархатные, по 2 руб.; 3 ковши серебряные, по пол 2 гривенки». Кроме того, кашевару были пожалованы однорядка в 2 рубля, кафтан в 40 алтын и шапка в полтину. В Москве были поражены простотой одежды калмыцких послов: «на них платьишко было худо» и «только на них шубенка, у государя быти им не в чем». Им были даже дополнительно выданы из Посольского приказа одежды: по однорядке за 2 рубля, кафтану по 40 алтын, суконной шапке и сапогам из телячьей кожи за 4 гривны [Материалы 1959: 75].

Это было первое ойратское посольство в Москве, а в течение всего XVII в. они уже были постоянными. На основе этих данных Г. В. Вернадский делает предположение, что тайши не возлагали больших надежд на это посольство и не придавали ему особого значения, а потому отправили в Москву не знатных, а «худых» людей [Вернадский 1966: 28]. Но по внешнему виду нельзя судить о знатности кочевников того периода, поскольку ойраты в тот период переживали весьма трудные времена, да и не обладали они тогда изысканным гардеробом, ограничившись в основном одеждой из грубых материалов.

Эзинею и Далай-Батуру было разрешено с улусами кочевать в сибирских пределах по Иртышу, Оми и Камышлову и обещана защита от неприятелей. При этом центральная власть подчеркивала обязатель-

ность приезда старших тайшей в Москву для переговоров. В качестве неперемennого условия выдвигалось требование о выдаче калмыцких *аманатов* (заложников) — привычный для царского правительства способ держать в повиновении подданных, особенно на национальных окраинах. По мнению М. Ходарковского, если власти рассматривали подобную процедуру как знак безусловного и исключительного подчинения, то «иноверцы» — как неприятный, но необходимый акт, сопутствующий договору с русскими о военном союзе, взаимном ненападении и покровительстве [Khodarkovsky 2002: 59]. Институт аманатов был заимствован русскими из ордынской политической практики [Трепавлов 2007: 140].

Хо-Урлюк и Корсуган также не остались без внимания царских властей. Им было указано отправить к указанным тайшам посланцами юртовских и служилых татар с наказом, «чтоб они были под царскою высокою рукою и шерть и утверженье и заклады в город на Тару дали». Правительство Василия Шуйского готово было предоставить и этим владельцам кочевать рядом с сибирскими городами царства и находиться под защитой их гарнизонов. Но в случае их отказа от предоставляемых русской стороной возможностей пребывания под «государевой рукою» и выплаты ясака указывалось взять под усиленную охрану ясачных татар в волостях и не допускать улусных людей этих тайшей к сибирским городам. В то же время в условиях начавшейся интеграции ойратов в зону внимания Московского государства местным властям запрещалось применять силовые действия против Хо-Урлюка и Корсугана, даже при их отказе подчиниться, «докуда большие колмацкие тайши Ичиней и Баатырь с товарищи в нашем жалованье укрепятца» [Материалы 1959: 27].

В районе Тарского острога предполагалось создание торгового пункта, куда ойраты могли бы пригонять на продажу лошадей или обменивать их на сукно или бумагу. В Москве были весьма заинтересованы в получении калмыцких лошадей в результате их покупки или обмена. В то же время не забывали и о безопасности Тары в условиях массового наплыва кочевников. Строго предписывалось впускать в острог ойратов только небольшими группами, по 5-6 человек, но без взимания каких-либо торговых пошлин, «чтоб им и вперед с

продажными лошадьми и со всякими товарами приходило было повадно» [Материалы 1959: 27, 28].

Место будущего острога на реке Омь или у соленых озер, как опорного пункта во взаимоотношениях с ойратами, должен был определить голова А. Поленов. С точки зрения безопасности, это место должно было находиться в весьма укрепленном районе с наличием строительного материала. В Москве очень внимательно следили за установлением русско-ойратских отношений и тарскому воеводе указывали полностью информировать об их состоянии и изменении [Материалы 1959: 28].

Помимо Тары, в переговорный процесс с ойратами включился и Томский город, когда в 20-х числах мая 1607 г. здесь не объявились послы от тайшей так называемых «черных калмыков» — Эзинея, Узенея — и Абака (главы «белых калмыков»). Эти владельцы просили царские власти взять их под защиту от казахов и Алтын-хана, предоставить рынок для торговли лошадьми и даже готовы были для этого встать «под царскою высокою рукою неотступным». Из Москвы поступили указания, во многом сходные с теми, которые были получены в Таре, и спустя полтора года, в середине октября 1608 г., к указанным тайшам были отправлены посланцами конные казаки Бажен Константинов, Иван Попов, Игнат Кудров и толмач Дружин Есырь. По дороге они должны были заехать к «белым калмыкам», которых власти рассматривали как посредников в предстоящих переговорах уже с «черными калмыками», т. е. ойратами. Но дальше кочевий «белых калмыков» томским посланцам так и не удалось выехать, так как там они узнали, что «черные калмыки» ушли на дальние кочевья, выступив в поход против Алтын-хана и Казахской орды. Часть «калмыков» откочевала от Эзинея и Узенея и представляла угрозу для посланцев. Последние так и не решились продолжить поездку и вернулись в Томск [Материалы 1959: 32, 33].

В то время как томские власти пытались установить отношения с ойратами, тарские жители и местные татары уже пользовались сложившейся возможностью завязать торговые отношения с близлежащими ойратскими улусами. Так, летом 1608 г. в ойратские улусы с русскими товарами ездила группа тарских жителей, вернувшаяся только в конце декабря того же года. С

ними прибыли и послы от Далай-Батура и Эзинея — Игтей и Катай. С их слов и стало известно о начавшихся военных действиях ойратов против Алтын-хана и казахов. Когда войско ойратов ушло на войну, их семьи и имущество были оставлены на прежнем кочевье, в 10 днях пути от Тары. Причем произведенный торговый обмен с ойратами был весьма выгоден для тарских жителей: за однорядки и другие вещи они получили меха, лошадей, скот и даже 10 душ ясыря — «арапов и муванцов». Заключение с царским правительством соглашения позволяло теперь тайшам не опасаться за безопасность своих семей и имущества во время военных действий, и они не скрывали своих надежд на дальнейшее русско-ойратское сотрудничество и в будущем [Материалы 1959: 34].

Правительство Василия Шуйского с большим вниманием отнеслось к этой информации, и из Москвы немедленно вышел указ о категорическом запрете служилым людям нападать на ойратские улусы. Тайшам с их улусными людьми разрешалось кочевать на государевой земле «безо всякие боязни». Но при этом местным властям предписывалось привести лично тайшей к шерти, взять у них «заклады», т. е. аманатов, и собирать с них ясак лошадьми. Власти также были не против видеть тайшей лично в Москве, чтобы пожаловать их «великим жалованьем». В целом условия были те же, что и год назад. На начальном этапе становления русско-калмыцких отношений правительство было заинтересовано и в покупке калмыцкого скота и лошадей. Пунктами торговли с калмыками были определены Тара, Тобольск, Тюмень, Пермь, Уфа, Казань и Москва. Калмыцких торговых представителей, едущих с «конскими базарами» в русские города, предписывалось пропускать без задержек и обеспечивать подводами и провожатыми [Материалы 1959: 34, 35].

Узнав об активных переговорах тайшей с русскими властями, другие торгутские тайши, не входившие в дербетско-торгутскую группировку Далай-Батура и Эзинея, также включились в переговорный процесс. Все началось с поездки отряда служилых людей под командой ротмистра Воина Волконольского и атамана Василия Тюменца за солью на озеро Ямыш: за три дня пути до озера в урочище Белые Воды они случайно наехали на торгутские улусы Улче-

нея (Илю-Цензе, дяди Хо-Урлюка), Тогачи Тохтораева, Буярана Улчиева и Дубеня. В результате переговоров Улченей и Хо-Урлюк шертовали на том, «что им быти под царскою рукою неподвижным и служитьи и прямити, и войною под сибирские города не приходити и волостных ясачных татар не воевати» [Материалы 1959: 36].

По мере расспросов приехавших в июне 1608 г. в Тару их посланцев, Шапкулы Тату-гуева и Кургая Белгетеева, выяснилось, что группу этих пяти торгутских тайшей возглавляет Хо-Урлюк, а численность их улусов составляет всего 4 тыс. людей. В Москве благожелательно отнеслись к контакту тарских властей с этой группой владельцев и указали разрешить им кочевать на государственной земле, не подвергать какому-либо нападению со стороны служивых людей, обложить ясаком и, приведя к шерти, взять у тайшей аманатов [Материалы 1959: 37].

После поездки в Москву ойратские послы Арлай и Баучин вернулись в Тару, откуда воевода И. В. Мосальский в начале сентября 1608 г. отправил их в улусы в сопровождении Оники Чернова и 6 сопровождающих лиц. Тарские посланцы должны были передать тайшам примерно те же условия, что и до этого определили ойратским послам: официальное разрешение кочевать по государственной земле на Иртыше, Камышлове и Оми; безопасность и защита от неприятелей со стороны государевых людей; выплата ясака лошадьми и скотом, а также предоставление рынка под Тарой для их продажи; приглашение владельцев для «шертования» и выдачи аманатов. В середине декабря Чернов вернулся в Тару вместе с новыми ойратскими посланцами. Среди них присутствовал уже приезжавший ранее в Тару и ездивший в Москву татарин Арлай Урлаков (Алаков), представлявший интересы тайши Узиня. Дербетского Далай-Батура представлял уже Буя Буланов, а торгутского Хо-Урлюка — Горзя Манибеев [Материалы 1959: 37, 38].

В улусах Онику Чернова встретили довольно приветливо, и, по его словам, Эджиней и Далай-Батур «нашему де жалованью они ради и под нашею де рукою бытии

хотят». Тайши объяснили свое отсутствие в Таре осенью этого года с целью «шертования» участием в походе против Алтын-хана и выпавшим глубоким снегом, не позволившим пригнать на продажу лошадей и скот. Только на весну следующего года они планировали дать шерть и для этого ждали приезда в район реки Омь и соляных озер Алексея Поленова с жалованьем. Приезжать лично в Тару ойратские владельцы отказались. По вопросу выдачи ясака послы объяснили, что «ясаку де они преж сего никому не даывали». В целом тайши отказались платить не только ясак, но и выдать аманатов [Материалы 1959: 38].

Таким образом, выход ойратских улусов к сибирским границам Московского государства стал прямым следствием стремления тайшей сохранить в безопасности свои владения в условиях продолжавшейся на тот момент войны с хотогойским Алтын-ханом и казаками. Это обстоятельство наложило отпечаток на мирный характер русско-ойратских отношений, которые на начальном этапе, в 1607–1608 гг., развивались через два главных пункта Московского государства в Сибири — Тару и Томск. Начавшийся переговорный процесс, в рамках которого и произошла первая в истории поездка ойратских послов в Москву, тайши использовали не только для установления политических и экономических отношений с царскими властями, но и в военно-стратегических целях. В условиях неудачного хода войны с неприятелями, когда происходит отступление части ойратов к русским границам, проводится перегруппировка их военных сил и контрнаступление ойратских войск против сил Алтын-хана в 1608 г. Поэтому тайши, главной задачей которых было всячески выиграть время в переговорах с царскими властями, через своих послов использовали вопросы принятия подданства и взимания ясака в политических целях. Как видим, такая политика себя оправдала только на короткий промежуток времени, но в дальнейшем это запустило процесс постепенной интеграции ойратов в орбиту политического влияния Московского государства.

Литература

- Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб.: Тип. П-го Отд-ния Собствен. Е. И. В. Канцелярии, 1841. Т. 2: 1598–1613. 482 с.
- Богоявленский С. К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века // Исторические записки. М., 1939. № 5. С. 48–102.
- Вернадский Г. В. Историческая основа русско-калмыцких отношений // Калмыцко-ойратский сборник / под ред. А. Э. Борманжинова, И. Крюгера. Филадельфия, 1966. С. 11–41. 227 с.
- Любимов Ю. В. Миграция западных ойратов в Поволжье и русско-калмыцкие отношения // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. № 2. М., 2008. С. 46–47.

- Максимов К. Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX). М.: Наука, 2002. 524 с.
- Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607–1636: Сб. документов / сост. Л. М. Гатауллина, М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук; отв. ред. И. Я. Златкин, Н. В. Устюгов. М.: Изд-во вост. лит., 1959. 552 с.
- Миллер Г. Ф. История Сибири. М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 1. 662 с.
- Трепавлов В. В. «Белый царь»: образ монарха и представление о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Вост. лит., 2007. 255 с.
- Khodarkovsky M. Where Two Worlds Met: The Russian State and The Kalmyk Nomad, 1600–1771. Ythaka, N. Y., 1992. 280 p.

References

- [Historical Acts Collected and Published by the Archeographic Commission]. St. Petersburg: 2nd Dept. of His Own Imperial Majesty's Chancellery, 1841. Vol. 2: 1598–1613. 482 p. (In Russ.)
- [Russian-Mongolian Relations: Historical Materials, 1607–1636]. Coll. documents. L. M. Gataullina, M. I. Golman, G. I. Slesarchuk (comps.); I. Ya. Zlatkin, N. V. Ustyugov (eds.). Moscow: Vostochnaya Literatura, 1959. 552 p. (In Russ.)
- Bogoyavlensky S. K. Materials on Kalmyk history: early to mid-17th century. *Istoricheskie zapiski*. 1939. No. 5. Pp. 48–102. (In Russ.)
- Khodarkovsky M. Where Two Worlds Met: The Russian State and The Kalmyk Nomad, 1600–1771. Ythaka, N. Y., 1992. 280 p. (In Eng.)

- Lyubimov Yu. V. Migration of Western Mongols to the Volga and Russian-Kalmyk relations. *Oriens*. 2008. No. 2. Pp. 46–47. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Kalmykia in Russia's Past and Present National Policies and Administrative System. Moscow: Nauka, 2002. 524 p. (In Russ.)
- Miller G. F. [History of Siberia]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1937. Vol. 1. 662 p. (In Russ.)
- Trepavlov V. V. [‘The White Tsar’: Image of the Monarch and Attitudes of Russia's Peoples towards Their Subordinate (Political) Position: 15th – 18th Centuries]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2007. 255 p. (In Russ.)
- Vernadsky G. V. Historical foundations of Russian-Kalmyk relations. In: [Kalmyk-Oirat Collection]. A. E. Bormanzhinov, I. Kruger (eds.). Philadelphia, 1966. Pp. 11–41. (In Russ.)

НОВЫЕ ОЙРАТСКИЕ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII–XIX вв.

The New Oirat Historical and Literary Monuments of the Second Half of the XVIIIth and XIXth Centuries

В. П. Санчи́ров (*V. Sanchirov*)¹

¹кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of History, Senior Scientist of History and Archeology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: kigiran@mail.ru.

Для изучения богатой знаменательными событиями истории ойратов XVII–XVIII веков важное значение имеют собственно ойратские источники, которые позволяют взглянуть «изнутри» на события ойратской и калмыцкой истории. Среди них особое место занимают обнаруженные в XX веке в Монголии и Китае ойратские историко-литературные произведения на «ясном письме». В данной статье рассматриваются наиболее репрезентативные из них: 1. «История Хо-Орлока»; 2. Анонимная «История дурбэн-ойратов»; 3. Родословная торгутских ханов и князей, известная под кратким названием «Торгудын гарулга» («Происхождение торгутов»).

Ключевые слова: история ойратов, ойратские историко-литературные памятники, «История Хо-Орлока», «История дурбэн-ойратов», «Происхождение торгутов».

To study and understand the rich and eventful history of the Oirats in the 17th-18th centuries, it is especially important to look into the sources written by the Oirats themselves, as they offer an “insider’s view” of the major events in the Oirat and Kalmyk history. Among them, a special mention must be made of the historico-literary works discovered in Mongolia and China in the 20th century. Written in “clear script”, they possess significant academic and cognitive value. The majority of them were produced by the representatives of nobility and Buddhist clergy. Up to a certain degree, they managed to convey the mood and way of thinking characteristic of the common people. The works by those authors reflect the people’s historical mentality – more archaic and simplified, and their estimation of certain events and personas. Here, we are dealing with the transformation of real historic facts in oral tradition and with their written fixation.

This paper is dedicated to the most significant works in that category: 1. “The Story of Kho Orluk”; 2. The anonymous “History of the Dörben Oirat”; 3. The genealogy of Torghut khans and princes known under the short title “Torgudyn Garulga” (“The Origin of Torghuts”).

Keywords: the history of the Oirats, Oirat literary and historic monuments, “The Story of Kho Orluk”, “History of the Dörben Oirats”, “The Origin of Torghuts”.

XVII и XVIII века чрезвычайно богаты знаменательными событиями в истории ойратов. Именно в этот период мы наблюдаем взлет военной и политической активности крупных ойратских этнополитических объединений джунгаров, хошутов, торгутов и дэрбэтов, который предопределил возникновение, расцвет и гибель на территории Евразии трех государственных образований кочевников: Джунгарского ханства (1635–1758) в Джунгарии и Западной Монголии,

Калмыцкого ханства (60-е гг. XVII в. — 1771) в Нижнем Поволжье и Хошутовского ханства (конец 30-х гг. XVII в. — 1724) в Кукуноре. Наши знания об исторических событиях той эпохи не могут быть полными и всеобъемлющими без использования собственных ойратских источников.

В связи с этим большое значение приобретают специальные источниковедческие разработки ойратских историко-литературных произведений, дошедших сравнитель-

но недавно до нашего времени. Они позволяют взглянуть на события ойратской и калмыцкой истории как бы «изнутри». Из них особое место занимают обнаруженные в XX в. в Монголии и Китае рукописи на зая-пандитской письменности «тодо бичиг» («ясное письмо»). Написанные на ойратском языке, эти сочинения имеют большую познавательную и научную ценность. Они опубликованы в сборниках [Oyirad teüken surbulji 1985; Oyirad teüke-yin durasqal-ud 1992; Ойрад Монголы түүхэнд 2002].

Их авторами являются в большинстве своем представители знатной верхушки ойратского общества и ламаистского духовенства. Им удалось в известной степени передать умонастроение народных масс. В сочинениях этих авторов, имена которых остаются неизвестными, нашли отражение историческое мышление народа, более архаичное и упрощенное, его оценки отдельных событий и лиц. Здесь мы имеем дело с трансформацией реальных исторических фактов XVII–XVIII вв. и более раннего периода в устной народной традиции и их фиксацией в письменном виде. Из наиболее репрезентативных изданных в последнее время в Китае и Монголии ойратских сочинений можно упомянуть следующие: 1. «История Хо-Öрлөка» («Qo Örlög-ün teüke»); 2. анонимная «История дурбэн-ойратов» («Dörbön Oyirad-un teüke tuxuji»); 3. Родословная торгутских ханов и князей, получившая название «Торгудын гарулга» («Происхождение торгутов»), и некоторые другие.

Хотя авторы названных сочинений вначале не были установлены, современные исследователи из Монголии и КНР, изучив их содержание, пришли к заключению, что они являются выходцами из разных ойратских этнополитических объединений. Автор первого из них был хошут, автором же второго был дэрбэт. Позднее у эцзинейских торгутов был найден второй список «Происхождения торгутов», в конце которого содержалась приписка: «Эту „Историю“ написал монах-гелюнг, рожденный в роду торгутских князей, Гэлэг Цогдан, известный под именем Эджэй».

У нас в стране перечисленные сочинения еще не переводились на русский язык и не были предметом специального источниковедческого исследования. Лишь академик Б. Я. Владимирцов использовал легенду об Амарсане, содержащуюся в «Истории дур-

бэн-ойратов», в своей статье, посвященной рассмотрению образа этого героя антиманьчжурской освободительной борьбы в Монголии в середине XVIII в. [Владимирцов 2002: 272, 279]. Ойратский текст сочинений местами чрезвычайно краток, содержит множество «темных» мест и не всегда понятных современному читателю историко-культурных реалий прошлого.

Автор «Истории Хо-Öрлөка», будучи хошутом, довольно подробно написал об истории хошуттов. Временем написания данного источника можно считать вторую половину XVIII в. Несмотря на свой небольшой объем, это сочинение по своему содержанию является очень ценным источником. В нем сообщается несколько особо важных сведений, относящихся к истории Ойратского союза (XIV–XVII вв.), в том числе о его составе в разные периоды, времени его образования, особенностях проводившейся им политики, деятельности известных личностей ойратской истории. В других источниках подобные сведения чаще всего отсутствуют.

Представляют интерес также сведения о том, кто именно из ойратских правителей участвовал в завоевании Кукунора в 1637 г., о переселении туда хошуттов во главе с Гуши-ханом, об обстоятельствах, при которых торгутский правитель Хо-Öрлөк покинул родные места в Джунгарии, и многие другие ценные сведения. Введение в научный оборот новых данных, содержащихся в «Истории Хо-Öрлөка», предоставляет возможности провести более углубленное исследование малоизученных вопросов истории ойратов и пересмотреть некоторые устоявшиеся взгляды. Хотя данное сочинение называется «История Хо-Öрлөка», сам торгутский тайша не является в нем главным героем. Он упоминается только в двух местах. Наиболее подробно о нем говорится в начале «Истории», где рассказывается, почему Хо-Öрлөк откочевал от остальной массы ойратов и поселился в местности **Орын ганц модн** («Одинокое дерево на реке Орь»), находившейся в Южном Приуралье в бассейне реки Орь. Там же приводится единственное в ойратских источниках сообщение об обращении его подданных людей к занятию земледелием, что обыкновенно случалось у кочевников в случае чрезвычайных обстоятельств: дзуттов и эпизоотий, бескормицы из-за летних засух, а также утраты пастбищных территорий в результате военных неу-

дач и поражений от воинственных соседей [История Калмыкии 2009: 225].

К сожалению, в нашем источнике ничего не сказано о том, что явилось причиной бедственного положения ойратов и когда это произошло. Такие бедствия, как описано выше, происходили у них довольно часто. Например, из русских источников известно, что большой урон скотоводческому хозяйству ойратов принесла суровая зима 1612–1613 гг., когда их скот из-за выпадения больших снегов лишился подножного корма и весь вымер. С. К. Богоявленский писал, что «калмыки от того „охудали“, как сообщали «побывавшие в калмыцких улусах татары», что должны были искать «добычи для своего пропитания» [Богоявленский 1939: 57]. Однако он не указал, как именно калмыки смогли выйти из создавшегося трудного положения. В аналогичном случае, если исходить из данных «Истории Хо-Öрлөка», дела в улусе торгутского тайши приняли благоприятный оборот, когда его подданные люди временно занялись земледелием и тем самым спаслись от голодной смерти. Хо-Öрлөку удалось собрать под своей властью 40 тыс. кибиток, к которым дополнительно присоединились многие выходцы из других улусов. Это дает некоторое, хотя и приблизительное, представление о количестве прикочевывавших к русским границам Сибири подвластных тайши Хо-Öрлөка.

Сведения, приведенные в «Истории Хо-Öрлөка», подтверждают предположение о существовании так называемого Ойратского союза и конкретизируют данные о времени его образования, его этническом составе и эволюции входивших в него этнических подразделений. Вплоть до недавнего времени для этого чрезвычайно запутанного вопроса так и не было найдено удовлетворительного ответа. Даже сейчас существующий большой разброс мнений представляют крайние точки зрения: «гиперкритическую» академика Б. Я. Владимирцова и «удревнительную» Г. О. Авляева.

Большинству авторов не были известны аутентичные ойратские источники, которые могли бы пролить свет на происходивший процесс консолидации кочевого населения в западной части Монголии. В источниках других народов на монгольском, китайском, тибетском и других языках отсутствуют какие бы то ни было упоминания об Ойратском союзе. Что же касается возникших

в родственно-преемственной среде ойратских и калмыцких историко-литературных произведений, то в них встречаются только упоминания, содержащие разрозненные и противоречащие друг другу сведения о составе союза средневековых дурбэн-ойратов. Лишь найденная в 1980-х гг. «История Хо-Öрлөка» содержит данные, которые позволили исследователям в Монголии и Китае установить хронологические рамки существования этого важного компонента в структуре ойратского общества XIV–XVII вв., изменения в его составе и время появления в нем новых племенных образований. Согласно данным нашего источника, в истории Ойратского союза выделяются три этапа, которые называются: **Түрүүн дөрбөн ойирад** («Первые четыре ойрата»), **Дунду дөрбөн ойирад** («Средние четыре ойрата») и **Сүүлийн дөрбөн ойирад** («Последние четыре ойрата»).

Время появления Первого союза дурбэн-ойратов в этом сочинении не указано. Известно, что в XII и XIII вв. ойратами называлось одно большое племя среди «лесных народов» Восьмиречья, завоеванных в 1207–1208 гг. монголами Чингис-хана. В эпоху монгольского господства старая оболочка племенных делений, характерная для ойратского кочевого общества того времени, подверглась коренным изменениям. В дочингисовскую эпоху никаких условий для образования политического союза дурбэн-ойратов не было. Тем более такой союз не мог образоваться под властью Чингис-хана и его преемников.

Начиная с последней трети XIV в. и в последующие десятилетия, т. е. после падения династии Юань в Китае в 1368 г., ойратские правители, воспользовавшись ослаблением власти монгольских ханов и их кровопролитной войной с Минской империей, распространили свою власть на соседние территории, где жили лесные народы: хойты, баргуты, бурааты (не путать с современными бурятами) и др., а также на отдельные группы восточных монголов и китайцев, бежавших в Монголию вместе с юаньским императором. Все они, помня о привилегированном положении, которое занимали ойраты и их знать в Монгольской империи и в государствах чингисидов, присвоили себе этноним «ойрат». Налицо эволюция данного этнонима, в прошлом обозначавшего только одно реально существовавшее племя.

В XIII–XIV вв. происходит смешение древних ойратов с другими «лесными народами», а затем с восточными монголами. Перемещение старых племен, стирание традиционных границ между ними, раздробление и вхождение их в новые этнические образования — этот процесс сложения новых кочевых объединений шел все время и подготовил консолидацию прежнего населения на территории Западной Монголии в новую этническую общность. После образования Первого союза дурбэн-ойратов входившие в него разные родоплеменные подразделения, хотя и сохраняли свои собственные первоначальные названия, но присвоили себе этноним «ойрат» и стали выступать в сношениях с внешним миром под общим названием «**дөрбөн-ойирад**» (букв. «четыре ойрата»). Еще их иначе называли восточные монголы «**дөрбөн хари улус**». «Хари улус», как объяснял в свое время Ю. Лыткин, означало «чуждые, отчуждившиеся, отошедшие, вероятно, потому что они отделились, отчуждились от своих земляков — монголов» [Лыткин 1969: 20]. Их объединили под своей властью в XV в. правители из знатного ойратского рода **Чорос**, Махмуд, его сын Тогон (ум. в 1439 г.) и внук Эсэн (1407–1455).

Самое большое племя, находившееся в их непосредственном подчинении, называлось «элёт» (**өөлөд**). Этноним «ойрат», утративший свое прежнее значение, был замещен этнонимом «элёт». Калмыцкий историк Батур-Убуши Тюмень сообщает, что «с того времени, когда калмыки, носящие красную кисть на шапке (**улаан залату**), получили прозвание «ойраты-элёты» (**ойирад өйилөд**) до нынешнего года «земли-зайца» (имеется в виду 1819 г. — В. С.) прошло 382 года» [Батур-Убуши Тюмень 1969: 18], т. е. указанное событие произошло в 1437 г. Термин «элёт» в разные периоды истории имел разное значение и прилагался к разным этническим подразделениям. Со временем он превратился в собирательное название всех ойратов (западных монголов). Этнонимы **ойрат** и **элёт** (особенно в XVIII в. в цинских источниках) стали выступать как синонимы и могли взаимно заменять друг друга. Современный историк из Китая Алтан-Оргил считает, что в основе этнонима «элёт» лежит монгольское слово **өөлий** («крупный, мощный»), и поэтому это название имеет значение «главное, большое племя» дурбэн-ойрат [Altanorgil 1987: 146].

В другом ойратском сочинении, имеющем два названия — «История о том, как управляли государством августейшего Чингиса и поддерживали ханское правление (букв. ставку)» (монг. название: *Boɣda Ćinggis-un tögü-yi barɣad qaɣan örgöge tedkügsen tuɣıjı*) и «Родословные августейшего Чингиса, дурбэн-ойратов и хошутов» (монг. название: *Boɣda Ćinggis-un ux, dörbön oyırad-un ux, qoşud-un ux*) [Oyırad teüke-yin durasqal-ud 1992: 3–21], — сказано, что трех князей, правнуков Эсэна-тайши, сыновей его внука Хамаг-тайши, звали элётами. В нем также конкретно сообщается о времени появления, рассказывается о происхождении хошутов и джунгаров, родословных их князей и событиях в Джунгарском ханстве. Само сочинение было найдено в 1980-х гг., имя его автора также неизвестно.

Из обнаруженных в XX в. ойратских исторических сочинений самое раннее по времени обнаружения и введения в научный оборот — это «Сказание (повесть) о дурбэн-ойратах» (Дөрбөн Ойирдийн түүхэй туужа кэмэн орошибой) неизвестного автора. Оно было опубликовано в 1976 г. в Улан-Баторе монгольским ученым Х. Лубсанбалданом в сборнике «Тодо үсгийн дурсгалууд» («Памятники на „ясном письме“»). Автор данного исторического сочинения в нем не назван, но анализ его содержания и тот факт, что в нем много места отводится рассказу о дэрбэтских князьях и их взаимоотношениях с правителями Джунгарского ханства накануне его крушения, позволяют согласиться с мнением составителей сборника «Ойратские исторические источники» о том, что автором «Сказания о дурбэн-ойратах» является какой-то дэрбэтский лама, живший в рассматриваемое время. В справедливости этого мнения нас убеждает то, что анонимный автор весьма лояльно относится к маньчжурскому императору, связывая с его правлением установление мира среди ойратов. Известно, что из всех этнических подразделений ойратов именно дэрбэты, откочевав за пределы Джунгарского ханства, меньше всего пострадали во время цинской экспансии в Центральную Азию в середине XVIII в. Из сообщаемых автором некоторых, подтверждаемых другими источниками сведений о событиях 1750-х гг., видно, что он жил в это время и сам был очевидцем описываемых исторических событий. Однако он, будучи дэрбэтом,

во время последней ойрато-цинской войны находился за пределами Джунгарского ханства и поэтому ничего не говорит о военных действиях на его территории. Вполне обоснованно предположить, что это сочинение написано вскоре после указанных событий, т. е. в 60–70-е гг. XVIII века.

Что касается содержания «Сказания», то оно не имеет четко выраженной структуры и написано без какого-либо определенного плана. О «лоскутном» характере его структуры свидетельствуют затронутые бегло многочисленные сюжеты, в которых причудливо перемешались исторические легенды и предания, устные рассказы как о знаменитых ойратских деятелях, силачах и т. д., так и о реальных исторических событиях. Таким образом, это сочинение, несмотря на свое название, не может быть отнесено к жанру летописей или хроник. Примечательно и полное отсутствие в нем генеалогических списков или родословных, что не характерно для произведений монгольской и ойратской традиционной историографии.

Если использовать «Сказание» как исторический источник, то следует сказать, что оно не восстанавливает фактической канвы событий, но в своей совокупности помогает

взглянуть как бы изнутри на события 30–50-х гг. XVIII века в Джунгарии, непосредственно предшествовавших гибели Джунгарского ханства. В нем отразилось историческое мышление народа, более архаичное и упрощенное, его оценки отдельных событий и лиц. В данном случае мы имеем дело с оценками и взглядом на события рядового члена ойратского общества, сталкиваемся с трансформацией реальных исторических событий в устной народной традиции. Наш источник был написан вскоре после драматических событий, произошедших в Джунгарии, и полон трагических предчувствий.

Авторы перечисленных выше и других ойратских сочинений при их написании использовали передававшиеся с давних пор в устной форме или в письменном виде сведения о прошлых событиях. Это позволяло им уточнить их датировку, получить представление о жизни ойратского общества в разных проявлениях и подробно описывать ее в отдельные периоды его истории. К сожалению, многое из ценных письменных памятников погибло во время разгрома Джунгарского ханства цинскими войсками и 10-летних эксцессов времен культурной революции в Китае.

Литература

- Батур-Убуши Тюмень.* Сказание о дербен-ойратах // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969. С. 13–48.
- Богоявленский С. К.* Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века // Исторические записки. Т. 5. М., 1939. С. 48–102.
- Владимирцов Б. Я.* Монгольское сказание об Амарсане // Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: Вост. лит., 2002. С. 272–279.
- История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В трех томах. Т. I. Элиста: ГУ Издат. дом «Герел», 2009. 847 с.
- Лыткин Ю.* Примечание к русскому переводу сочинения Батур-Убуши Тюменя «Сказа-

ние о дербен-ойратах» // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969. 204 с.

- Ойрад Монголы түүхэнд холбогдох сурвалж бичгүүг. I–III. Улаанбаатар, 2001–2002. 242 с., 167 с., 211 с.
- Altanorgil.* Todo üsüg degere jökiyaxdaysan Mongxol teüke-yin surbulji bičigud-un tanilčaxulya // Öbör Mongxol-un baxši-yin yeke surxaxuli-yin erdem šinjilgen-ü sedgül. Nemelte sedgül, 1987. С. 137–176.
- Oyirad teüke-yin durasqal-ud. Ürümči: Šinjiyang-un arad-un keblel-ün qoriya, 1992. 498 с.
- Oyirad teüken surbulji bičig. Kökeqota: Öbör Mongxol-un soyol-un keblel-ün qoriya, 1985. 442 с.

References

- [History of Kalmykia: from Earliest Times to the Present Days]. In 3 vols. Vol. I. Elista: Gerel, 2009. 847 p. (In Russ.)
- [Sources on the History of Oirat Mongols]. In 3 vols. Ulaanbaatar, 2001–2002. Vol.1, 242 p.; vol. 2, 167 p.; vol. 3, 211 p. (In Mong.)
- Altanorgil. Todo üsüg degere jökiyaxdaysan Mongxol teüke-yin surbulji bičigud-un tanilčaxulya In: Öbör Mongxol-un baxši-yin yeke surxaxuli-yin erdem šinjilgen-ü sedgül. Nemelte sedgül, 1987. Pp. 137–176. (In Mong.)
- Bogoyavlensky S. K. Materials on Kalmyk history: early to mid-17th century. *Istoricheskie zapiski*. 1939. No. 5. Pp. 48–102. (In Russ.)
- Lytkin Yu. 'The Story of Dorben Oirats' by Batur-Ubushi Tyumen: comments on the Russian translation. In: [Kalmyk Historical and Literary Monuments Translated into Russian]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1969. 204 p. (In Russ.)
- Oyirad teüken surbulji bičig. Kökeqota: Öbör Mongxol-un soyol-un keblel-ün qoriya, 1985. 442 p. (In Mong.)
- Oyirad teüke-yin durasqal-ud. Ürümči: Šinjiyangun arad-un keblel-ün qoriya, 1992. 498 p. (In Mong.)
- Tyumen B.-U. The Story of Dorben Oirats. In: [Kalmyk Historical and Literary Monuments Translated into Russian]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1969. Pp. 13–48. (In Russ.)
- Vladimirtsov B. Ya. Mongolian Tale of Amursana. In: Vladimirtsov B. Ya. [History and Ethnography of Mongolic Peoples: Collected Works]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2002. Pp. 272–279. (In Russ.)

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАЛМЫКОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Social Relations of Kalmyks in the First Half of the XIXth Century

М. С. Горяев (M. Goryaev)¹

¹кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Калмыцкого государственного университета (Ph. D. of History, Associate Professor of the Russian History Department at Kalmyk State University). E-mail: mergengoryaev@mail.ru.

В статье рассматриваются социальные отношения калмыков в первой половине XIX века. Анализ позволяет сделать вывод о том, что у калмыков до вхождения в состав Российского государства сложились социальные отношения, которые имели специфические особенности, связанные с кочевым образом жизни. Законодательно зависимые отношения не были зафиксированы ни в одном документе, и лишь российские законодательные акты закрепили их между простолюдинами и привилегированной кочевой верхушкой, укрепив сословную иерархию в калмыцком обществе.

Ключевые слова: калмыки, социальные отношения, сословие, нойон, зайсанг, простолюдин

The article examines the social relations in Kalmyk society in the first half of the XIXth century. Legally dependent relations had not been recorded in any document till the Russian legislation fixed them between the commoners and the privileged nomadic elite, having strengthened caste hierarchy in Kalmyk society. Taisha, who was officially called Khan governed the people. Noyons-landlords belonged to the highest class in the traditional social structure of Kalmyk nomads and their rights were hereditary. They were the heads of uluses but aimags were under zayangs. The descendants of Kalmyk commoners also belonged to tsagan yasn („white bone“). They had received from the Dalai Lama or khans freedom from taxes and land allotments – the aimags. The composition of the upper class also included the Kalmyk clergy, whose positions were not hereditary. The most part of the Kalmyk society were the commoners, or khar yasn („black bone“), who since the time of the Mongol Empire had to provide a certain number of the armed men and provisions. The commoners were divided into several groups: aimag, ketcheners, shabiners, tarkhans / darkhans, andyns. In the course of time the privileged position of the nomadic elite disappeared and both commoners and representatives of the highest class became full-fledged citizens of the Russian Empire.

Keywords: Kalmyks, social relations, estate, noyon, zaisang, commoner.

Степные просторы Нижнего Поволжья с давних времен привлекали многочисленными кочевыми народами, представляя для них ценность в качестве пастбищ. На рубеже XVII в. из Центральной Азии в эти земли переселились этнополитические объединения ойратов, получивших на новой Родине имя *калмыки*. Территория кочевий этноса в XVIII в. получила название Калмыцкая степь. В 1800 г. императорским указом был учрежден пост наместника и восстановлена центральная калмыцкая власть в особой административно-территориальной единице.

При этом, как отмечает К. Н. Максимов, новое административное образование не обладало признаками национально-государственного суверенитета и не имело своей системы государственного управления [Максимов 2002: 157].

История Калмыкии освещена в фундаментальном труде «История Калмыкии с древнейших времен до наших дней». В данном издании рассмотрены в том числе и процессы периода преобразований первой половины XIX в. [История Калмыкии 2009: 464–514]. Разными исследователями

в научных трудах изучены также вопросы истории калмыков в XVII–XIX вв., в частности: правовой статус калмыков в системе российской государственности [Бурчинова 1983; Максимов 2002; Абеева 2006], социальная стратификация калмыцкого общества [Митиров 1989; Нахаева 2000; Батыров 2004], российское подданство калмыков в ритуалах и символах [Трепавлов 2014], вопросы развития экономики в Калмыцкой степи [Карагодин 1988; Лиджиева 2015].

В данной статье рассматриваются социальные отношения калмыков в первой половине XIX в.

Социальная стратификация калмыков формировалась в условиях кочевого образа жизни и имела свои особенности. Общественные отношения у кочевников основывались на исторических традициях, уходящих корнями в военное прошлое: привилегированность положения во многом определялась происхождением от какого-либо военачальника. Известный исследователь истории Востока А. И. Першиц отмечал, что «у кочевников весь комплекс процессов классово-политогенеза протекал замедленными темпами» [Першиц 1998: 64]. Медлительность в образовании сословий у кочевников Евразии была связана с кочевым образом жизни, когда земля представляла для них ценность в качестве источника пропитания для скота до тех пор, пока на ней могли пастись стада. Земля не являлась частной собственностью какого-либо лица из высшего сословия и, пока не стала объектом товарно-денежных отношений в кочевых обществах, зависимые отношения четко не проявлялись. Используя землю в качестве пастбищ для скота, кочевники покидали ее, переходя на другие территории, не закрепив на нее никаких прав. Землей пользовался весь род, а повинности в пользу более богатых сородичей существовали в виде добровольных приношений.

Я. П. Дуброва считал, что зависимые отношения формируются через собственность на землю, крепостное же право, которое подразумевало феодально-зависимые отношения, у кочевых народов проявлялось иначе. Исследователь отмечал, что крепостное право у калмыков юридически было закреплено только благодаря российскому законодательству: «...признано было право владеть калмыками-простолюдинами на правах полного подчинения последних первым — не только в экономическом, но

и судебно-административном отношении» [Дуброва 1898: 12–13].

Иерархическую лестницу общества калмыков Дуброва описал следующим образом: родоначальник считается главой рода, как отец в семье, остальные же члены рода находятся в положении равноправных родственников. Родовитые калмыки не составляли отдельного сословия со своими обособленными правами, дающими им преимущество перед остальным народом. Привилегированностью положения пользовались старики, «не запятнанные пороками, мудрые житейским опытом и являющиеся хранителями родовых традиций и обычного права» [Дуброва 1898: 101–102]. По мнению ученого-этнографа, «...привилегированное калмыцкое сословие с правами господ над рабами есть продукт нашего собственного, искусственного, но не искусного создания среди калмыцкого народа...» [Дуброва 1898: 102].

Подобную точку зрения разделял и другой исследователь общественной жизни калмыцкого народа — Г. Н. Прозрителев, отмечавший, что именно с выходом в 1800 г. указа Павла I, даровавшего калмыкам землю, «владельцы их, получив права, окончательно закрепостили народ» [СГКМ. Ф. 2. Д. 96. Л. 13]. В начале XIX в., как он далее отмечает, калмыки находились в безграничном владении нойонов, которые пользовались особым уважением народа, так как являлись потомками знаменитого Чингисхана. Он также подчеркивает, что основой привилегированного положения кочевой аристократии является военное прошлое народа: «У калмыка всегда господствовало военное устройство, и калмык обязан был по первому призыву идти в ополчение. Калмык, просыпаясь и выходя из своей кибитки, прежде отгона своего стада на пастьбу, осматривал, не стоит ли владельческая пика со значком — символ призыва, и если усмотрел таковую, то он немедленно должен собираться, оставляя свое хозяйство» [СГКМ. Ф. 2. Д. 96. Л. 14–15].

Исследователь общественного устройства кочевников И. В. Бентковский отмечал, что «у монголов тайши и нойоны были потомственными воеводами. Что же касается народа, то военная его организация не допускала владения ими в смысле нашего прежнего крепостного права» [Бентковский 1888: 8].

Иную точку зрения встречаем в труде Н. А. Нефедьева, который подчеркивал, что до прихода в Россию у калмыков существовали зависимые отношения. При этом власть нойонов столь неограниченна, «что они могли располагать собственностью и свободой, но даже самую жизнь людей им принадлежащих» [Нефедьев 1834: 93]. Н. А. Нефедьев также отмечал благотворное влияние российской политики на кочевое общество калмыков, в частности, на облегчение участи простолюдинов.

Данное мнение разделял и Ф. А. Бюлер, утверждавший, что произвол и самоуправство нойонов были укреплены обычаями. Владельцы облагали сборами своих подвластных, брали с них подать скотом и деньгами, а тех, кто не мог их выплатить, продавали или подвергали жестоким истязаниям [Бюлер 1846, кн. 8: 64].

Сословные отношения у калмыков существовали задолго до вхождения в состав Российского государства. Их специфика была связана с особенностями общественного уклада жизни скотоводов. Зависимые отношения у калмыков не были «изобретены» русскими властями, которые старались не вмешиваться в сложившиеся отношения калмыцкого общества и только законодательно их подтверждали: из «Правил для управления калмыцким народом» 1825 г. следует, что «внутреннее управление Калмыками в улусах предоставляется владельцам» [ПСЗРИ 1830, Т. XL. № 3029].

Традиционная социальная структура калмыков-номадов была следующей. Высшим сословием являлись владельцы — нойоны, чьи права были наследственными. Они считались благородными по происхождению и относились к «белой кости» (цаһан ясн): «Начальное приобретение сих прав теряется в глубокой отдаленности, а потому и основания их остаются неизвестными. Полагают, однако же, что достоинство нойонов и соединенные с оным преимущества зависели от верховных повелителей Монгольской империи и были жалованы знаменитым их полководцам или родственникам» [Нефедьев 1834: 90]. Как видим, их власть напрямую связана с военной историей монголов.

Придя в пределы России, калмыки имели уже свое внутреннее устройство. Во главе народа стоял тайша, именовавшийся официально ханом. Во главе улусов — административно-территориального деления

— назначались ближайшие родственники тайши — нойоны, а аймаками управляли, по уполномочию нойонов, их родственники или близкие люди — зайсанги. У них в подчинении находились калмыки-простолюдины, со времен Монгольской империи обязанные поставлять известное число вооруженных людей и доставлять, смотря по потребностям, припасы на их содержание.

Общественные отношения у калмыков-кочевников покоились на родовых традициях: «Порядок избрания тайдзи из нойонов не был точно определен; власти этой обыкновенно достигал более сильный и влиятельный нойон, успевший подчинить себе других нойонов хитростью, лестью и оружием» [ГАСК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2. Л. 17]. Отношения знати и простолюдинов также основывались на обычаях, существовавших с давних времен. Уважение калмыков к владельцам зиждилось на вере в их высшее происхождение [Нефедьев 1834: 93].

К «белой кости» относились и потомки простых калмыков, которые получили от Далай-ламы или ханов свободу от податей и земельные наделы — аймаки. «Права зайсангов состоят в том, что они пользуются от аймаков своих по очереди прислугой и денежными доходами. Что же касается до обязанностей, то оныя заключаются в соблюдении по аймакам порядка и в исполнении владельческих приказаний. Каждый владелец в случае неудовольствия на подвластного зайсанга может, несмотря на белые кости, наказать его, на что нет и претензий, но лишать звания, от предков наследованного, или отобрать у него аймак без суда права не имеет» [Нефедьев 1834: 91].

В состав высшего сословия входили также служители веры — калмыцкое духовенство, не являвшееся потомственным. По обычаю каждая семья, имеющая трех или более сыновей, одного с младенчества назначала в духовный сан [Нефедьев 1834: 91]. Главой церкви являлся верховный первосвященник — Лама, назначаемый Далай-ламой, а впоследствии российскими властями Высочайшим указом по представлению министра внутренних дел [ПСЗРИ 1830, Т. XXII. № 21144].

Самой большей частью калмыцкого общества являлись простолюдины, или *хар ясн* (букв. «черная кость»). Как отмечал Н. А. Нефедьев, они не имели «семейственных фамилий и никаких прозваний, кроме одних собственных имен», и носили «целы-

ми поколениями или родами имена древних родоначальников» [Нефедьев 1834: 89].

В свою очередь простолюдины подразделялись на ряд групп:

- аймачные, состоявшие под управлением нойонов и зайсангов и несшие в их пользу повинности;

- кетчинеры, чье происхождение связано с военным прошлым калмыков. Они состояли при владельцах, обслуживая их в походах, в доме. Они набирались из лучших фамилий всех улусов и аймаков и должны были постоянно жить при ставках своих повелителей [Бентковский 1888: 9];

- шабинеры, пожалованные владельцам хурулам-монастырям;

- тарханы или дарханы – привилегированное сословие, освобожденное от повинностей за храбрость и отличную службу владельцам, находившееся в прямой зависимости от тайшей и нойонов и подсудное только им [Бентковский 1888: 9].

Кроме того, в Калмыцкой степи имелись лица, называвшиеся «андын», находившиеся как бы вне общества. Согласно религиозным представлениям, простолюдин, решивший спасти от смерти своего хозяина, должен был принести себя в «жертву», что в жизни означало его устранение из общества. Ему устраивали торжественные проводы, изгоняли из улуса, и он вынужден

был кочевать в одиночестве.

Из всех кочующих народов только иерархичность калмыков была узаконена, российские власти подтверждали их социальную структуру законодательно: «По состояниям калмыцкий народ разделяется на нойонов, владеющих улусами; на владельцев, имеющих по несколько кибиток и семейств; на зайсангов родовых, владеющих аймаками, и зайсангов безаймачных; на духовников, к коим принадлежит Лама и др. лица и, наконец, на простолюдинов» [ПСЗРИ 1830, Т. XXII. № 21144].

Подводя некоторые итоги, отметим, что социальные отношения у кочевников-калмыков имели специфические особенности, связанные с кочевым образом жизни. Российские власти укрепляли сословную иерархию, подтверждая ее законами. Важно отметить, что законодательно зависимые отношения не были зафиксированы ни в одном документе, и лишь российские законодательные акты закрепили их между простолюдинами и привилегированной кочевой верхушкой, хотя их знатное происхождение имеет свои истоки еще в древности. В дальнейшем привилегированное положение кочевой знати уйдет в прошлое, и кочевники-простолюдины станут наравне с ними полноправными гражданами Российской империи.

Источники

ГАСК – Государственный архив Ставропольского края.

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е (1649–1825). Т. XL. Санкт-Петербург: Тип. 2 Отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. 136 с.; Собр. 2-е (1825–1881). Т. XXII. Санкт-Петербург: Тип. 2 Отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. 950 с.

СГКМ – Ставропольский государственный краеведческий музей.

Литература

Абеева О. Н. Политика российского правительства по управлению Калмыкией в конце XVIII – первой половине XIX вв. Дис. ... канд. ист. наук. Элиста, 2006. 205 с.

Батыров В. В. Социально-экономическое и политическое положение нойонов и зайсангов в калмыцком обществе в конце XVIII – начале XX вв. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 229 с.

Бентковский И. В. Взгляд на кочевую культуру калмыков и причины ее живучести. Ставрополь: тип. Губ. правл., 1888. 92 с.

Бурчинова Л. С. Определение правового статуса калмыцкого крестьянства в системе российской государственности // Общественный строй и социально-политическое развитие дореволюционной Калмыкии. Элиста, 1983. С. 3–22.

Бюлер Ф. А. Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы // Отечественные записки. СПб., 1846. Т. XLVII. Кн. 7. С. 1–28; Кн. 8. С. 59–125.

Дуброва Я. П. Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 15 марта 1892 г. Казань: типо-лит. Имп. ун-та, 1898. 239 с.

История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х т. Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел», 2009. Т. 1. 848 с.

Карагодин А. И. Хозяйство и общественно-политический строй приволжских калмыков в последней трети XVIII – первой половине XIX в. Ростов-на-Дону: б.и., 1988. 150 с.

- Лиджиева И. В. Финансово-хозяйственная деятельность органов местного самоуправления Калмыцкой степи в XIX в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 1. С. 16–21.
- Максимов К. Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России. М.: Наука, 2002. 524 с.
- Митиров А. Г. Материалы к положению неподатного населения в калмыцком обществе (II пол. XVII – I пол. XIX века) // Социально-экономическое и политическое положение крестьянства Калмыкии в дооктябрьский период. Сб. ст. Элиста, 1989. С. 38–42.
- Нахаева И. В. Социальная стратификация у кочевых народов степного Предкавказья в XIX – начале XX века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2000. 23 с.
- Нефедьев Н. А. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. Спб.: тип-ия Карла Крайя, 1834. 287 с.
- Перишиц А. И. Кочевники в мировой истории // Восток. 1998. № 2. С. 64–72.
- Трепавлов В. В. Российское подданство калмыков в ритуалах и символах (из истории этнической политики (XVII–XIX вв.) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 4. С. 8–19.

Sources

- [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 1: 1649–1825. Vol. XL. St. Petersburg: 2nd Dept. of His Own Imperial Majesty's Chancellery, 1830. 136 p. Coll. 2: 1825–1881. Vol. XXII. St. Petersburg: 2nd Dept. of His Own Imperial Majesty's Chancellery, 1830. 950 p. (In Russ.)
State Archive of Stavropol Krai.
Stavropol State Museum of Local History and Lore.

References

- [History of Kalmykia: from Earliest Times to the Present Days]. In 3 vols. Elista: Gerel, 2009. Vol. 1. 848 p. (In Russ.)
- Abeeva O. N. [Administrative Policies of the Russian Government towards Kalmykia: Late 188th – Early-to-Mid 19th Centuries]. Cand.Sc. (history) thesis. Elista, 2006. 205 p. (In Russ.)
- Batyrov V. V. [Socioeconomic and Political Positions of Kalmyk Noyons and Zaisangs: Late 18th – Early 20th Centuries]. Cand.Sc. (history) thesis. Moscow, 2004. 229 p. (In Russ.)
- Bentkovsky I. V. [An Insight into Nomadic Culture of the Kalmyks and Causes of Its Persistence]. Stavropol: Stavropol Provincial Government, 1888. 92 p. (In Russ.)
- Burchinova L. S. Determining a legal status of Kalmyk peasantry within the Russian Imperial system. In: [Pre-Revolutionary Kalmykia: Social System and Sociopolitical Development]. Elista, 1983. Pp. 3–22. (In Russ.)
- Byuler F. A. Nomadic and sedentary non-Russian populations of Astrakhan Governorate. *Otechestvennye zapiski*. 1846. Vol. XLVII. Is. 7, pp. 1–28; is. 8, pp. 59–125. (In Russ.)
- Dubrova Ya. P. [Kalmyks of Stavropol Governorate: Their Everyday Life before the Decree of 15 March 1892]. Kazan: Imperial Kazan University, 1898. 239 p. (In Russ.)
- Karagodin A. I. [Volga Kalmyks: Economy and Sociopolitical System, 1770s – 1850s]. Rostov-on-Don, 1988. 150 p. (In Russ.)
- Lidzhieva I. V. Financial and economic activity of the institutions of local government in the Kalmyk Steppe in XIX century. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2015. No. 1. Pp. 16–21. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Kalmykia in Russia's Past and Present National Policies and Administrative System. Moscow: Nauka, 2002. 524 p. (In Russ.)
- Mitirov A. G. Conditions of tax-exempt groups in Kalmyk society: (documentary) materials, mid-to-late 17th – early-to mid 19th centuries. In: [Peasantry of Pre-October (Pre-Revolutionary) Kalmykia: Socioeconomic and Political Conditions]. Coll. papers. Elista, 1989. Pp. 38–42. (In Russ.)
- Nakhaeva I. V. [Social Stratification among Nomadic Peoples of Cis-Caucasian Steppe: 19th – Early 20th Centuries]. Cand.Sc. (history) thesis abstract. Stavropol, 2000. 23 p. (In Russ.)
- Nefediev N. A. [Volga Kalmyks: Detailed Data Collected on Site]. St. Petersburg: Karl Kray, 1834. 287 p. (In Russ.)
- Pershits A. I. Nomads in world history. *Oriens*. 1998. No. 2. Pp. 64–72. (In Russ.)
- Trepavlov V. V. Russian allegiance of Kalmyks in rituals and symbols (from the history of ethnic policy in 17th-19th centuries). *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2014. No. 4. Pp. 8–19. (In Russ.)

**ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
ПО УПРАВЛЕНИЮ КОЧЕВЫМИ НАРОДАМИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ КАЛМЫКОВ)**

**The Policy of the Russian State on the Governance of Nomadic Peoples
in the First Half of the XIX Century (the Case Study of Kalmyks)**

М. С. Горяев (M. Goryaev)¹, А. Н. Команджаев (A. Komandzhaev)²

¹кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Калмыцкого государственного университета (Ph. D. of History, Associate Professor of the Russian History Department at Kalmyk State University). E-mail: mergengoryaev@mail.ru.

²доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Калмыцкого государственного университета (Ph. D. of History, Professor of the Russian History Department at Kalmyk State University). E-mail: ak.narma@mail.ru.

В статье рассматривается политика российского государства по управлению калмыками в первой половине XIX в. После ухода большей части калмыцкого народа на территорию цинского Китая статус его государственности претерпевает большие изменения. В ходе преобразований правителей Российской империи Екатерины II, Павла I и Александра I была четко разработана и введена в действие система управления калмыками. Рядом законодательных актов на долгое время, вплоть до государственного переворота 1917 г., была установлена административная опека над народом.

Ключевые слова: Калмыцкая степь, калмыки, губернатор, наместник ханства, Коллегия иностранных дел, Главный попечитель, Комиссия калмыцких дел.

The article deals with the policy of the Russian state on the governance of Kalmyks in the first half of the XIXth century. After the departure of the most part of the Kalmyk people to the territory of Qing China, the status of its statehood was undergoing great changes. The system of the governance of Kalmyk people was clearly worked out and put into operation during the reforms of the governors of the Russian Empire, Catherine II, Paul I and Alexander I. The administrative guardianship was established over the Kalmyk people with a number of legislative acts for long time, till 1917.

Keywords: Kalmyk steppe, Kalmyks, governor, governor of the khanate, the Collegium of Foreign Affairs, Chief of Trustees, the Kalmyk Affairs Committee.

На рубеже XVIII–XIX вв. Российское государство переживает экономический и политический подъем. В это время российское правительство уделяет значительное внимание взаимоотношениям с кочевыми народами Юга России, стараясь действовать осторожно в рамках интереса охраны южных границ государства. Одними из первых номадов, подпавших под влияние российской администрации, были калмыки, кочевавшие в этот период на степных просторах Астраханской губернии. До 1771 г. правительство явно не вмешивалось во внутреннее управление калмыцкого народа, однако после ухода значительной их части в пределы Цинской империи указом императрицы

Екатерины II государственность калмыков была ликвидирована, титул хана упразднен. При этом первоначально правительство не решалось на кардинальные меры и сохраняло единоличную власть в руках сына хана Дондук-Омбо, правителя Багацохуровского улуса Алексея Дондукова, назвав его «главным над калмыцким народом». В дальнейшем и эта форма правления была ликвидирована, а вся власть отдана нойонам — владельцам улусов. Делами самих калмыков стало заведовать Астраханское Калмыцкое правление, надзор в степи осуществляли приставы.

Различным вопросам национальной государственности, социально-экономиче-

ского развития Калмыкии XVIII–XIX веков посвящены труды отечественных исследователей [Бурчинова 1983; Карагодин 1988; Команджаев 1999; Максимов 2000; Команджаев 2003; Деев 2004; Абеева 2006; Горяев 2009; Лиджиева 2015]. В первой половине XIX в. начались преобразования, затронувшие вопросы юридического статуса калмыцких земель, административного устройства калмыцких улусов, системы управления калмыцким народом, а также перевода калмыков на оседлый образ жизни и заселения дорог на калмыцких землях [История Калмыкии 2009: 464–514].

В 1800 г. с целью создания более четкой организации управления калмыцким народом происходит назначение особого чиновника из Коллегии иностранных дел и начинается новый этап в управлении номадами Астраханской губернии. Согласно Именному указу Коллегии иностранных дел № 6 от 29 августа «Об определении Коллежского Советника Макарова к управлению делами Калмык, Кабардинцев, Трухменцов, и Нагайцов и других Азиатских народов», к делам калмыков и других азиатских народов был определен коллежский советник Макаров. Непосредственно на месте он должен был находиться в подчинении астраханским военному и гражданскому губернаторам [ПСЗРИ 1830, Т. XXVI. № 19536].

По указу императора Павла I в том же году калмыки восстановили свою государственность в форме ханства с наместником во главе, суд Зарго, хоть и в ограниченном составе, а в области религии утверждался верховный Лама. Согласно грамоте от 14 октября, Чучей Тундутов, владелец Малодербетовского улуса, назначался наместником Калмыцкого ханства. Этой же грамотой при новоназначенном правителе восстанавливался местный суд Зарго [ПСЗРИ 1830, Т. XXVI. № 19599]. В его функции входило разрешение дел на основе древнего калмыцкого права. Правда, члены совета теперь выступали в качестве чиновников на русской службе и получали за это жалованье, а в случае разногласия определялся представитель центральной власти с правом решающего голоса [Максимов 2002: 156].

Таким образом, российское правительство законодательно оформило контроль над внутренней жизнью кочевников-калмыков без применения силы, постепенно интегрируя Калмыцкую степь в политическое и правовое поле Российской империи.

В 1800 г., как отмечает К. Н. Максимов, калмыки утрачивают национально-государственный суверенитет и не имеют своей системы государственного управления [Максимов 2002: 157]. В начале XIX в. правительство также взяло под свой полный контроль и назначение высшего духовного лица буддийской церкви в Калмыцкой степи. Согласно жалованной грамоте «О свободном отправлении всех духовных обрядов калмыков», Ламой калмыцкого народа был утвержден Сойбинг-Бакша [ПСЗРИ 1830, Т. XXVI. № 19599]. В дальнейшем политика российских властей в области религии характеризуется определенной веротерпимостью. В частности, инструкция Коллегии иностранных дел Главному приставу при калмыках и мирных чеченцах полковнику А. И. Ахвердову рекомендовала оказывать содействие и покровительство духовному сословию калмыков. Правда, это не мешало правительству поощрять принятие кочевниками-калмыками христианства.

После смерти Павла I император Александр I подтвердил привилегии калмыцкого народа, но отделил их в области управления от кабардинцев, туркмен и ногайцев и несколько ограничил власть наместника ханства, который теперь подчинялся астраханскому военному губернатору. В 1801 г. в штат управления Калмыцкой степью была введена отдельная должность — Главный пристав калмыцкого народа, который имел право участия в управлении калмыцкими делами и защиты интересов номадов Астраханской губернии. Кроме того, в его функции входило следить за всеми процессами, происходившими в калмыцком обществе. Таким образом, население Калмыцкой степи подпадало под полный контроль российских властей.

После смерти Чучея Тундутова в мае 1803 г. звание наместника было упразднено и больше никогда не восстанавливалось, суд Зарго полностью подчинился астраханскому губернатору. При этом дела между калмыками разбирались на основании обычного права, а уголовные дела контролировались русскими чиновниками, чтобы «преступники не наказывались отнятием членов и клеймением, но отсылались в ближайшие земские суды для отправления на поселение или в каторжную работу» [Бюлер 1846: 72].

В 20-х годах XIX в. произошли административные преобразования, коснувшиеся

и управления калмыцким народом. Правительство, стараясь содействовать «постепенному введению его в состав общаго губернскаго управления», разрабатывает «Правила для управления калмыцким народом». Утвержденные 10 марта 1825 г. Правила указывали, что Министерство внутренних дел надзирает вообще за благосостоянием калмыцкого народа, охраняет права его и пользы. В его компетенцию входило и назначение Главного пристава калмыцкого народа [ПСЗРИ 1830, Т. XL. № 30290].

Высшим органом власти на этот период являлась Комиссия калмыцких дел во главе с астраханским гражданским губернатором. Власть Комиссии была распорядительной, но рассматривались и судебные дела на сумму от 400 до 1000 рублей, решения по которым принимались в Зарго, но не устраивали подавших иск калмыков. Уголовные дела окончательно передавались российским судам. Комиссия также рассматривала дела по управлению аймаками, разбирала разногласия между зайсангами. Как видим, местная администрация постепенно подчиняет себе внутреннее управление номадами губернии, вмешиваясь и в их сословные отношения. Однако, несмотря на фактическое подчинение жизни калмыцкого народа российскому законодательству, в Правилах подчеркивалось: «Все вообще дела... производятся и решаются по... Калмыцкому Уложению...» [ПСЗРИ 1830, Т. XL. № 30290].

В реальном же общественном устройстве калмыков продолжали сохраняться отношения подчинения калмыков-простолюдинов кочевой аристократии. Положение 1825 г. не изменило социальные отношения в калмыцком обществе. Документ просто узаконил и подтвердил привилегированное положение калмыцкой знати. Н. В. Устюгов справедливо отмечал значение этого закона: Калмыцкая степь стала одной из внутренних областей империи. Хотя Правила 1825 г. усиливали роль представителей правительства в областном управлении калмыками, они не затронули отношений калмыцких владельцев и зайсангов к подвластному им населению [Устюгов 1960: 29].

Стараясь законодательными мерами исправить существующее положение, российская администрация под руководством астраханского военного губернатора Пяткина составила новое положение, утвержденное 24 ноября 1834 г. [Фарфоровский

1909: 9]. Согласно этому документу, главное управление калмыками предоставлялось Министерству внутренних дел, местное управление составляли астраханский военный губернатор и главный Попечитель, учрежден был Совет Калмыцкого управления, заведовал всеми делами суд Зарго [Бюлер 1846: 82]. Новый закон только ограничил привилегированные права калмыцкой аристократии.

В 1837 г. должности Главного попечителя калмыцкого народа и председателя Астраханской палаты государственных имуществ были объединены, и с этого времени управление кочевниками перешло в ведение Министерства государственных имуществ.

В 1847 г. с целью улучшения управления калмыцким народом вышло новое «Положение по управлению калмыцким народом», утвержденное 23 апреля, уточнившее и дополнившее ряд статей с учетом новых требований, связанных с переводом калмыков в категорию государственных крестьян. Этот закон в своей основе содержал основные положения документа 1834 г. и был направлен на усовершенствование жизни, быта, правового положения калмыцкого народа, дабы ускорить его интеграцию в социальную структуру российского общества. Этим Положением калмыки законодательно были приближены к полноправным гражданам Российской империи, так как власти старались постепенно стереть сословные различия в кочевом обществе и приблизить их к сословию государственных крестьян. Что, в свою очередь, было связано с привлечением кочевников-калмыков к оседлому образу жизни.

Положение также ограничило власть и произвол нойонов и зайсангов запрещением «продавать, закладывать и дарить подвластных им Калмыков» [ПСЗРИ 1830, Т. XXII. № 21144]. Кроме того, в законе четко определялись повинности. Денежные повинности с кибитки составляли 8 рублей 15 коп. серебра в год. Из этой суммы 57 коп. поступали в пользу зайсанга. Остальная сумма в казенных улусах назначалась на содержание управления, остатки обращались в общественный капитал; во владельческих улусах на управление и общественный капитал шло 44 коп. серебром, остальные семь рублей 14 коп. составляли албан для владельцев [Максимов 2002: 198]. Помимо денежных сборов, калмыки были обязаны

нести ряд повинностей: наряд подвод для чиновников, поставку кибиток для помещения улусных управлений; наряд для содержания в улусах пикетов; наряд 200 калмыков для кордонной службы; наряд рабочих [ПСЗРИ 1830, Т. XXII. № 21144].

В первой половине XIX в. российское правительство постепенно начинает уделять значительное внимание организации управления кочевниками Юга России, в том числе калмыцким народом. Рядом за-

конодательных актов система управления калмыками была четко разработана и введена в действие на долгое время, вплоть до государственного переворота 1917 г., и выражалась прежде всего в административной опеке над ними. Важную роль в этот период играла система попечительства. В целом же дореформенный период жизни кочевников ознаменовался попытками центральных властей сделать калмыков полноправными гражданами Российской империи.

Источники

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е (1649–1825). Т. XXII. Санкт-Петербург: Тип. 2 Отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. 1158 с.; Т. XXVI. Санкт-Петербург: Тип. 2 Отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. 873 с.; Т. XL. Санкт-Петербург: Тип. 2 Отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. 765 с.

Литература

Абеева О. Н. Политика российского правительства по управлению Калмыкией в конце XVIII – первой половине XIX вв. Диссертация ... кандидата исторических наук. Элиста, 2006. 205 с.

Бурчинова Л. С. Определение правового статуса калмыцкого крестьянства в системе российской государственности // Общественный строй и социально-политическое развитие дореволюционной Калмыкии. Элиста, 1983. С. 3–22.

Бюлер Ф. А. Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы // Отечественные записки. СПб., 1846. Т. XLVII. Кн. 7. С. 1–28; Кн. 8. С. 59–125.

Горяев М. С. Калмыкия в составе Российской империи: особенности социально-экономического и политического положения (1771 – 1825 гг.). Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2009. 132 с.

Деев С. Ю. Административные реформы в национальных окраинах Российской империи в конце XIX – начале XX вв. (На материалах Калмыкии). Дис. ... канд. ист. наук. Элиста, 2004. 209 с.

Sources

[Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 1: 1649–1825. St. Petersburg: 2nd Dept. of His Own Imperial Majesty's Chancellery, 1830. Vol. XXII, 1158 p.; vol. XXVI, 873 p.; vol. XL, 765 p. (In Russ.)

References

[History of Kalmykia: from earliest Times to the Present Days]. In 3 vols. Elista: Gerel, 2009. Vol. 1. 848 p. (In Russ.)

Abeeva O. N. [Administrative Policies of the Russian Government towards Kalmykia: Late 18th – Early-to-Mid 19th Centuries]. Cand.Sc. (history) thesis. Elista, 2006. 205 p. (In Russ.)

Burchinova L. S. Determining a legal status of Kalmyk peasantry within the Russian Imperial system. In: [Pre-Revolutionary Kalmykia: Social System and Sociopolitical Development]. Elista, 1983. Pp. 3–22. (In Russ.)

Byuler F. A. Nomadic and sedentary non-Russian populations of Astrakhan Governorate. *Otechestvennye zapiski*. 1846. Vol. XLVII. Is. 7, pp. 1–28; is. 8, pp. 59–125. (In Russ.)

Deev S. Yu. [Administrative Reforms in Non-Russian Peripheries of the Russian Empire: Late 19th – Early 20th Centuries (a Case Study of Kalmykia)]. Cand.Sc. (history) thesis. Elista, 2004. 209 p. (In Russ.)

Farforovsky S. V. [Kalmyks of Stavropol Governorate]. Stavropol: Stavropol Provincial Government, 1908. 42 p. (In Russ.)

Goryaev M. S. [Kalmykia as a Part of the Russian Empire: Specific Socioeconomic and Political

Conditions, 1771 – 1825]. Elista: Dzhangar, 2009. 132 p. (In Russ.)

Karagodin A. I. [Volga Kalmyks: Economy and Sociopolitical System, 1770s – 1850s]. Rostov-on-Don, 1988. 150 p. (In Russ.)

Komandzhaev A. N. [Kalmykia's Economy and Social Relations in the Late 19th – Early 20th Centuries: Experiences of the Past and the Present]. Elista: Dzhangar, 1999. 262 p. (In Russ.)

Komandzhaev E. A. [Kalmykia's Administrative and Court Authorities: 18th – 19th Centuries]. Elista: Dzhangar, 2003. 80 p. (In Russ.)

Lidzhieva I. V. Financial and economic activity of the institutions of local government in the Kalmyk Steppe in XIX century. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2015. No. 1. Pp. 16–21. (In Russ.)

Maksimov K. N. [History of Kalmyk National Statehood: Early 17th – 20th Centuries]. Moscow: Profizdat, 2000. 311 p. (In Russ.)

Maksimov K. N. Kalmykia in Russia's Past and Present National Policies and Administrative System. Moscow: Nauka, 2002. 524 p. (In Russ.)

Sarangov V. T. [Kalmyk Heroic Tale: Poetics and Style]. Elista: Kalmyk State University, 2015. 108 p. (In Russ.)

Ustyugov N.V. Kalmyks in the early-to-mid 19th century. In: [Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History: (Scholarly) Notes]. Vol. 1. Elista, 1960. Pp. 17–34. (In Russ.)

Farforovskiy S. V. Kalmyki Stavropolskoy gubernii. Stavropol: Тип. Губ. правления, 1908. 42 с.

УСЛОВИЯ И МЕХАНИЗМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ВЛАСТИ СОВЕТОВ В ЗАУРАЛЬЕ В 1917–1918 гг.

Conditions and Methods of Soviet Government Establishment in Zauralye in 1917–1918

В. В. Московкин (V. Moskovkin)¹ И. В. Хажеева (I. Khazheeva)²

¹доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Тюменского государственного университета (Ph. D. of History, Professor of the Chair of Russian History at Tyumen State University). E-mail: mosk1916@yandex.ru.

²старший преподаватель кафедры документоведения и документационного обеспечения управления Тюменского государственного университета (Senior Lecturer of the Chair of Documentary Research and Document Management at Tyumen State University). E-mail: ivkha@rambler.ru.

В статье анализируются особенности процесса установления власти Советов в Зауралье, отдаленной окраине России. Авторами рассматриваются политические настроения населения отдельных уездов Тобольской губернии осенью 1917 – весной 1918 гг. На основе исследования архивных документов и материалов периодической печати сделаны выводы об условиях и методах захвата власти большевиками, а также роли соседних регионов в данном процессе.

Ключевые слова: революция, Зауралье, Тобольская губерния, Советы, 1917–1918 годы, красногвардейцы.

The article deals with the peculiarities of Soviet government establishment in Zauralye. Zauralye is the region of Russia, covering the territory of Tobolsk province in early XX century. The authors analyzed the political sentiments of the population lived in the Tobolsk province districts in autumn 1917 – spring 1918 period. The situation was such that the news of the power seizure by the Bolsheviks of St. Petersburg in October 1917 caused a negative attitude of most political parties in Western Siberia and Zauralye. However the local Bolsheviks began to separate from the social-democratic organizations and form independent associations. This situation happened in Tyumen, Ishim and Kurgan. Using populist slogans, the Bolsheviks attracted a considerable part of workers and soldiers to their side, but not all the people of the region. Some conclusions on the conditions and methods of power seizure by the Bolsheviks are made on the base of archival sources and periodicals investigation. Few working classes and the wealthy peasantry were not ready to support the leftist position. Soviet government establishment in Zauralye became possible with the help of the Red Guard detachments from the neighboring regions of Siberia and Ural.

Keywords: revolution, Zauralye, Tobolsk province, Soviets, the years 1917–1918, the red guards.

На территории Западной Сибири и Зауралья известие о захвате власти большевиками в Петрограде в октябре 1917 г. вызвало негативную реакцию большинства политических партий. Так, омская группа партии социалистов-революционеров на общем собрании 30 октября назвала действия большевиков в столице «роковым заблуждением» [Дело Сибири 2 ноября 1917]. А на объединенном заседании исполнительного комитета Западно-Сибирского Совета рабочих и солдатских депутатов и исполкома Омского Совета рабочих и солдатских депутатов 25 октября выступление больше-

виков в столице посчитали несвоевременным. Под влиянием меньшевиков-интернационалистов собрание постановило, что не может встать на сторону Временного правительства, а должно быть и будет вместе с выступившими рабочими и солдатами [ГУ ГАОО. Ф. 658. Оп. 1. Д. 2. Л. 1]. Меньшевики-интернационалисты предлагали ждать созыва Учредительного собрания, а на местах создавать органы демократического самоуправления.

Наиболее последовательными противниками петроградских событий были местные кадеты. В ответ на активную агитацию

левых с целью привлечения на свою сторону солдат Омского гарнизона и создание Красной гвардии кадеты и правые эсеры поддержали начавшееся 1–2 ноября 1917 г. антибольшевистское выступление школы прапорщиков и части казачьих офицеров, занявших крепость и штаб военного округа. Но под воздействием пропаганды левых выступление было подавлено в короткий срок силами омских красногвардейцев и революционных солдат [Штырбул 2008: 275]. В связи с этим позиции левых в Омске укрепились. Характерной особенностью было то, что здесь большевики опирались не только на рабочих, но и на солдат крупного гарнизона, потому чувствовали себя достаточно уверенно и не скрывали своих истинных намерений. В итоге их надежды оправдались, и перевыборы Омского Совета рабочих и солдатских депутатов дали преимущество большевикам.

На заседании вновь избранного Совета 25 ноября 1917 г. большинством голосов была принята резолюция, ставившая задачу «провести в жизнь то, что уже осуществлено в Петрограде» [Дело Сибири 28 ноября 1917]. Председателем исполкома стал большевик В. М. Косарев, его заместителем — меньшевик П. Н. Половников. Третий Западно-Сибирский областной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, проходивший в Омске 2–10 декабря 1917 г., высказался за признание власти Советов и предложил всем делегатам немедленно приступить к ее организации на всей территории Западной Сибири [ЦДНИОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 140. Л. 21, 31]. На этом съезде присутствовали делегаты от Курганского, Ишимского, Тюменского, Тобольского, Тарского и других Советов Зауралья.

Один из активных участников съезда, курганский большевик П. Я. Гордиенко, предложил делегатам принять Устав Красной гвардии, он же был избран в состав военно-окружного комитета [ГУ ГАОО. Ф. 658. Оп. 1. Д. 1. Л. 67, 107].

В середине октября курганские большевики вышли из объединенной социал-демократической организации и создали свою, самостоятельную. Уже в первой половине ноября на выборах в городской Совет рабочих и солдатских депутатов ее представители заняли большинство мест. 18 ноября 1917 г. был избран большевистский исполком, который возглавил П. Я. Гордиенко. На следующий день Совет большинством голо-

сов принял решение взять власть в городе и установить контроль над местными органами самоуправления [ГКУ ГАКО. Ф. 852. Оп. 1. Д. 2. Л. 569; Земля и воля 6 декабря 1917].

В этих условиях эсеры и меньшевики отказались от работы с большевиками в исполкоме. 20 ноября 1917 г. в Кургане началась всеобщая забастовка, поводом к которой было увольнение рабочих на ряде предприятий города, данный протест был поддержан горсоветом. Пример соседних городов — Челябинска и Омска, переполненных красногвардейцами, вселял в бастующих надежду на успех. И в начале декабря забастовка закончилась удовлетворением основных требований рабочих. Эсеры, пользовавшиеся большим влиянием в деревне, попытались противопоставить городскому совету открывшийся 17 декабря 1917 г. в Кургане уездный крестьянский съезд, но он был разогнан солдатами [Новый мир 21 ноября 1917].

В Тюмени — крупном промышленном центре Зауралья — влияние большевиков было также невелико. Они все еще находились в составе объединенной социал-демократической организации. Октябрьский переворот в столице и победа левых сил в Омске придали местным большевикам уверенности в своих силах. Они попытались повести за собой городскую организацию РСДРП(б), однако на общегородском партийном собрании была принята резолюция, призывавшая к созданию однородного демократического правительства [Рабочий и крестьянин 11 ноября 1917].

Тюменский эсеро-меньшевистский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов игнорировал воззвание созданного исполкомом Омского Совета объединенного комитета от 27 октября, которое призывало встать на защиту восстания в Петрограде, и постановил «вести самые деятельные приготовления к Учредительному собранию» [Роцевский 1959: 61]. Таким образом, оформилась серьезная политическая сила, препятствовавшая взятию власти большевиками в Зауралье.

Противники большевизма в Тюмени имели серьезную опору в лице солдат местного гарнизона, который находился под влиянием эсеров. Об этом говорилось на III Западно-Сибирском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, проходившем в Омске в начале декабря 1917 г. Делегат

съезда Звездов после поездки в Тюмень докладывал: «Советская организация и гарнизонный комитет в Тюмени поставлены слабо... В городе безвластие... Совет вынес постановление организовать Красную гвардию, но солдаты вынесли контрпостановление, и организация не состоялась» [ГА РФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 356. Л. 22]. 6 декабря 1917 г. тюменские большевики выделились в самостоятельную организацию. Создав ее, они приступили к формированию партийных групп на предприятиях города, усилив пропаганду среди солдат местного гарнизона и крестьян Тюменского уезда.

4 января 1918 г. на заседании Совета была принята предложенная большевиками резолюция, в которой говорилось, что Совет «с данного момента берет власть в свои руки» [ГА РФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 356. Л. 161–162]. Однако провозглашение советской власти в Тюмени не означало реального перехода ее в руки большевиков. Государственные учреждения и организации во главе с городской Думой не признавали новой власти. Осознав невозможность своими силами взять всю полноту власти в городе, тюменский Совет обратился за помощью к большевикам Омска, Екатеринбургa и Перми. Прибывшие оттуда вооруженные отряды красногвардейцев и матросов помогли местным большевикам установить советскую власть. 22 февраля 1918 г. они заняли железнодорожную станцию, телеграф, почту, отделения банков, разогнали городскую думу и милицию [ГБУТО ГА. Ф. 722. Оп. 2. Д. 1. Л. 354]. Подобное насилие заставило подчиниться политических противников, и после отъезда отрядов из соседних городов 7 марта 1918 г. власть перешла в руки тюменского Совета.

Положение в Тарском и Тюкалинском уездах зависело от положения в Омске. 19 января 1918 г. III съезд Советов крестьянских депутатов и съезд Советов рабочих и солдатских депутатов Акмолинской области приняли постановление об образовании Омской области, куда включались Тарский и Тюкалинский уезды Тобольской губернии. Большевики установили здесь власть при помощи красногвардейцев из Омска во второй половине января 1918 г. Уездные комиссары свергнутого Временного правительства были арестованы, а дела комиссариатов «забраны большевиками» [ГБУТО ГА. Ф. 722. Оп. 3. Д. 3. Л. 131].

Немногочисленные большевики Ишима по примеру тюменских 27 декабря 1917 г. также выделились в самостоятельную партийную организацию. Влияние большевиков в городе, тем не менее, оставалось незначительным, так как основная часть горожан занималась сельским хозяйством, а рабочие трудились на железнодорожной станции. Постепенно положение в Ишиме и вокруг него изменялось. С возвращением солдат с фронта увеличивалось число сторонников советской власти. В соседнем Омске власть находилась уже у большевиков. Ишим и Ялуторовск становились препятствием в сношениях сибирских советов с центром. Важность этих городов состояла еще и в том, что они являлись центрами богатых сельскохозяйственных уездов, а Петроград требовал все новых эшелонов с хлебом. Эти причины побудили омских большевиков направить сюда красноармейские отряды. Под их давлением ишимский Совет рабочих и солдатских депутатов 28 января 1918 г. заявил о взятии власти в свои руки [ГБУТО ГА. Ф. 722. Оп. 3. Д. 19. Л. 52].

В Ялуторовске решающую роль в смене власти также сыграли прибывшие в конце февраля – начале марта 1918 г. омские красногвардейцы. Они заняли основные пункты города: железнодорожную станцию, почту, телеграф, разоружили гарнизон и милицию, разогнали местную группу эсеров, протестовавших против насилия: члены комитета были арестованы, а газета «Земля и воля» закрыта [Тобольское народное]. Бесцеремонные действия красногвардейцев неоднократно вызывали недовольство жителей уезда, которое, однако, не принималось большевиками в расчет. Открывшийся 21 марта 1918 г. уездный крестьянский съезд после бурных дебатов высказался за признание власти Советов.

В губернском городе Тобольске большое влияние имели представители свергнутого Временного правительства. Тем не менее, 1 декабря 1917 г. на заседании тобольского Совета рабочих и солдатских депутатов было принято решение о переходе власти в руки городской думы и Совета [Тобольский рабочий]. В городе продолжали действовать законы Временного правительства, но во многих местах губернии, как и в целом по стране, положение изменилось. В связи с этим губернский комиссар в конце января 1918 г. заявил о своей отставке. А 4 марта «Исполнительный комитет совета

городской Думы и Земства» принял на себя функции уездного и городского комиссаров. Тобольские большевики поддержали создание исполнительного комитета. Оставаясь в объединенной социал-демократической организации, они не отказывались от компромисса по вопросу о власти с политическими противниками, что вызывало нарекания со стороны их соратников на Урале и в Сибири.

В конце марта 1918 г. в Тобольск прибыли отряды Красной гвардии из Екатеринбург, Омска и Тюмени. Они арестовали бывшего губернского комиссара Временного правительства и заняли все государственные учреждения, 2 апреля в городе была создана самостоятельная большевистская

организация. Через несколько дней, 9 апреля, исполком переизбранного тобольского Совета издал постановление о переходе власти в городе и уезде в руки Совета [ГКУ ГАОПДКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 16. Л. 15].

Таким образом, используя популистские лозунги, большевики привлекли на свою сторону значительную часть рабочих и солдат и захватили государственную власть. Во многих уездах Тобольской губернии, то есть на большей территории Зауралья, установление советской власти растянулось до начала Гражданской войны и утверждалось при помощи вооруженной силы или угрозы ее применения, и в этом большую роль сыграли уральские и омские большевики.

Источники

- Государственное казенное учреждение «Государственный архив Курганской области» (ГКУ ГАКО).
- Государственное казенное учреждение «Государственный архив общественно-политической документации Курганской области» (ГКУ ГАОПДКО).
- Государственное учреждение «Государственный архив Омской области» (ГУ ГАОО).
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
- Государственное учреждение «Центр документации новейшей истории Омской области» (ЦДНННО).

Sources

- Omsk Oblast Documentary Center of Contemporary History.
- State Archive for Sociopolitical History of Kurgan Oblast.
- State Archive of Kurgan Oblast.
- State Archive of Omsk Oblast.
- State Archive of the Russian Federation.
- Delo Sibiri* (Omsk). 1917, November 2. (In Russ.)
- Rabochiy i krest'yanin* (Tyumen'). 1917, November 11. (In Russ.)
- Novyi mir* (Kurgan). 1917, November 21. (In Russ.)
- Delo Sibiri* (Omsk). 1917, November 28. (In Russ.)

- Дело Сибири (Омск). 1917. 2 ноября.
- Дело Сибири (Омск). 1917. 28 ноября.
- Земля и воля (Курган). 1917. 6 декабря.
- Новый мир (Курган). 1917. 21 ноября.
- Рабочий и крестьянин (Тюмень). 1917. 11 ноября.
- Тобольское народное слово. 1918. 13 марта.
- Тобольский рабочий. 1917. 14 декабря.

Литература

- Штырбул А. А.* Политическая культура Сибири: Опыт провинциальной многопартийности (конец XIX – первая четверть XX в.). Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. 612 с.
- Рощевский П. И.* Октябрь в Зауралье. Тюмень: Тюменское кн. изд-во, 1959. 133 с.

- Zemlya i volya* (Kurgan). 1917, December 6. (In Russ.)
- Tobol'skiy rabochiy*. 1917, December 14. (In Russ.)
- Tobol'skoe narodnoe slovo*. 1918, March 13. (In Russ.)

References

- Roshchevsky P. I. [The October (Revolution) in the Trans-Urals]. Tyumen: Tyumen Book Publ., 1959. 133 p. (In Russ.)
- Shtyrbul A. A. [Political Culture of Siberia: a Multi-Party System in the Periphery, 1890s – 1920s]. Omsk: Omsk State Pedagogical University, 2008. 612 p. (In Russ.)

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ И СУДЕБНЫЕ ОРГАНЫ КАЛМЫКИИ В 1917–1925 гг.

Law-Enforcement and Judicial Authorities of Kalmykia in 1917–1925

У. Б. Очиров (*U. Ochirov*)¹

¹доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D of History, Leading Scientist of the History and Archeology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: utash@elista.ru.

Статья посвящена комплексному изучению истории формирования и трансформации системы правоохранительных и судебных органов Калмыкии 1917–1925 гг. В ходе революции и Гражданской войны они подверглись коренному реформированию и развивались в очень сложных условиях, вызванных как боевыми действиями, так и природно-географическими и социально-экономическими факторами. Полностью и эффективно сеть правоохранительных и судебных органов Калмыкии начала работать лишь после завершения судебной реформы 1922 г.

Ключевые слова: история Калмыкии, правоохранительные органы Калмыкии, судебные органы Калмыкии, Гражданская война, борьба с бандитизмом, судебная реформа 1922 г.

The article is devoted to the integrated study of the history of formation and transformation of the system of law-enforcement and judicial authorities of Kalmykia in 1917–1925. During the revolution and Civil War they underwent a radical reformation process and were developing under very difficult conditions caused by combat operations, natural and geographic as well as socio-economic factors. The law enforcement and judicial authorities of Kalmykia began to function effectively and in full measure only after the judicial reform of 1922.

Keywords: history of Kalmykia, the law enforcement authorities of Kalmykia, the judicial authorities of Kalmykia, Civil War, combating banditry, judicial reform of 1922.

История правоохранительных и судебных органов Калмыкии XX века является одной из наиболее слабо изученных тем современной региональной историографии, изобилующей «белыми пятнами». К числу таких «пятен» следует отнести и период 1917–1925 гг., когда в течение нескольких лет, на историческом изломе эпох и при смене общественно-экономической формации, в Калмыкии сменились четыре системы правоохранительных и судебных органов, заметно отличающиеся друг от друга и основанные на разных кодексах законов. Даже специалисты по этому периоду не смогут перечислить все правоохранительные и судебные органы, функционировавшие в Калмыкии в указанные годы. Данная статья призвана восполнить этот пробел.

До начала революции 1917 г. вся система правоохранительных и судебных ор-

ганов Калмыцкой степи Астраханской губернии, неразрывно связанная с системой управления, основывалась на попечительской системе, основанной на «Положении об управлении калмыцким народом» 1847 г. [ПСЗРИ-П: 358–359]. Это положение в свое время принималось как временное, чтобы усилить контроль над калмыцкими нойонами, защитить простолюдинов от произвола улусовладельцев и «управление калмыцким народом... сблизить в правилах и порядке с управлением государственных крестьян... водворяя между калмыками постепенно русские начала, приуготовить их к слиянию с коренными жителями (т. е. с оседлым населением. – У. О.)» [Прозрителев 1912: 40]. После отмены обязательных отношений в 1892 г. система управления и судов, введенная фактически при феодализме, в эпоху империализма была не просто несовремен-

ной, а вообще считалась отсталой. Власти империи это прекрасно осознавали, но все проекты реформ реализовать так и не удалось вплоть до начала революции 1917 г.

По данному Положению вся следственно-полицейская часть была сосредоточена в улусных управлениях, а сами улусные попечители имели права уездных земских исправников. Полицейский аппарат в улусах состоял из вольнонаемной стражи, нанимавшейся за счет калмыцкого общественно-капитала. Следует заметить, что уровень преступности в Калмыцкой степи был невысок, и большей частью она была связана со скотоводством (угон скота, незаконный выпас, уклонение от налогов или арендной платы за выпас скота и т. д.). Вся «профессиональная» преступность состояла из нескольких малочисленных банд скотокрадов, для борьбы с которыми хватало полусотни стражников. Если в каких-то районах криминальная обстановка обострялась, то там могли временно организовать разъездные команды из вооружённых калмыков под руководством полицейских стражей или полицейско-сторожильные пункты. Кроме того, губернатор М. А. Газенкамф еще с конца XIX в. ввел запрет на хранение огнестрельного оружия у калмыков [ГА РФ. Ф. Р-102. Д-2. Оп. 54. Д. 15. Ч. 11. Л. 1], что, с одной стороны, ограничивало возможности усиления огневой мощи банд, с другой стороны, оставило законопослушное население безоружным перед бандитами.

Улусные попечители также осуществляли руководство улусными зарго, имевшими статус судов первой инстанции. Помимо самих попечителей, в состав зарго входили по два заседателя, избираемых на улусных сходах. Назначение улусных попечителей и их помощников на должности производилось по представлению заведовавшего калмыцким народом и утверждалось астраханским губернатором [ПСЗРИ-II: 359–361]. На эти посты назначались чиновники в большинстве своем не местные; калмыки попечителем или помощником попечителя никогда не назначались. Таким образом, улусные попечители совмещали в одном лице «административные, распорядительные, судебно-следственные, полицейские» функции, то есть являлись одновременно исполнительной и судебной властью, что давало почву для коррупции и разного рода других должностных преступлений.

С другой стороны, такой объем обязанностей приводил к нехватке времени для квалифицированного выполнения хотя бы одной из них. Как правило, предпочтение в работе отдавалось текущему (оперативному) управлению, а судебной деятельностью попечители занимались в свободное от этой работы время. В результате улусные суды работали не на постоянной основе и не могли оперативно отправлять правосудие, тем более на территориях площадью в десятки и даже сотни квадратных верст. При этом следует отметить, что если в административной сфере над улусами на уровне Калмыцкой степи действовало Управление калмыцким народом, возглавляемое «заведовывавшим», который постоянно контролировал работу подчиненных, то в следственно-полицейской и судебной сферах аналогичные учреждения отсутствовали. Огромное количество дел было прекращено из-за отсутствия подозреваемых или за недоказанностью преступлений, что «объясняется неудовлетворительностью сыска и чрезвычайным формализмом в делопроизводстве». В ходе процесса свидетели и участники процесса фактически не были защищены от угроз внесудебного преследования. Даже если исключить возможность взяточничества судей, которое было отнюдь не редким явлением, в большинстве случаев решения выносились в пользу богачей [Очиров 2006: 68].

С началом революции 1917 г. ситуация изменилась коренным образом. Поскольку полицейский аппарат считался одним из основных столпов царизма, то в Астраханской губернии начало революции отразилось в основном в разоружении полиции и арестах ряда полицейских чиновников. Однако в Калмыцкой степи роспуск полицейской стражи и увольнение улусных попечителей (руководителей зарго) обошелся без эксцессов подобного рода. По предложению новой власти бывший заведовавший калмыцким народом Б. Э. Криштафович «возглавил» процесс смены власти и созвал 26 марта 1917 г. съезд представителей калмыцких улусов, который должен был создать новый орган власти, имеющий опору и доверие населения степи [Иванько, Наберухин, Орехов 1968: 15]. Накануне съезда несколько чиновников-либералов распространили воззвание, призвав делегатов заняться вопросами реформ «в суде, в управлении, в образовании, в разрешении вопроса о земле, в

положении рабочих-калмыков, в скотоводстве, в медицине, нужно позаботиться и о родном языке в школе», продемонстрировав отличное понимание нужд калмыцкого народа и задач, стоящих перед участниками съезда [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 3. Д. 13. Л. 45]. Интересно отметить, что реформу суда они поставили на первое место, подчеркивая ее значимость и актуальность.

Съезд подтвердил уже прошедшую ликвидацию улусной полицейской стражи и принял решение о создании улусной народной милиции (по примеру столичной, хотя соответствующие положения еще не были приняты), перед которой сразу поставили задачу усиления борьбы со скотокрадством. Правда, средств на формирование, обучение, вооружение милиции не дали. Б. Э. Криштафович, назначенный Временным правительством областным комиссаром, хорошо осознавал проблемы, стоящие перед правоохранительной системой Калмыцкой степи, и пытался их как-то решить. Он обращался в Петроград с просьбой о выделении на 200 милиционеров 150 маузеров и 75 наганов с патронами (по 200 штук на ствол) и даже нашел где-то средства на их оплату, но поддержки не получил [НА РК. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 4. Л. 5]. В состав распущенных зарго было предложено избирать новых судей на улусных сходках, причем из людей, фактически не имеющих юридического образования и опыта работы. Также было разрешено совмещать деятельность улусных исполкомов и зарго, что явно противоречило принципу разделения властей. Новые власти обещали прислать нескольких опытных следователей из Астраханского окружного суда, но так и не сделали этого. Вскоре процесс формирования новой милиции и выборов судей зарго был прерван свержением Временного правительства и приходом к власти большевиков.

Установление Советской власти в улусах из-за казачьего мятежа в Астрахани (12–25 января 1918 г.) произошло лишь в феврале 1918 г. Калмыцкая секция (позже преобразованная в Калмыцкий исполком, а в 1920 г. — КалмЦИК) Астраханского губисполкома упразднила все органы власти Временного правительства, в том числе и милицию, и уволила всех чиновников. Тем не менее, задача защиты населения и скота от бандитских налетов, количество которых начало резко возрастать, являлась одной

из наиболее актуальных. 29 марта 1918 г. председатель Эркетеневского исполкома В. И. Елин сообщил в Калмыцкую секцию, что «...в Эркетеневском улусе организована народная охрана в 30 человек (из расчета 8 человек при улусной ставке, а остальные по аймакам)» [НА РК. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 3. Л. 42]. Такие же отряды создавались и в других улусах, включая поселок Калмыцкий Базар. Вскоре на их базе были сформированы 8 участков милиции.

Первоначально советская милиция в Калмыкии, как и по всей стране, фактически состояла из самостоятельных добровольческих отрядов, формируемых местными Советами. Они, как и их предшественники, не имели обмундирования, были плохо вооружены и не могли противостоять все более нарастающей волне бандитизма. Мало того, губернские власти подозрительно относились к калмыкам, огульно считая их контрреволюционерами из-за участия некоторых из них в казачьем мятеже, и отказывались выдавать им оружие. Представитель Наркомата внутренних дел (далее — НКВД) РСФСР А. Н. Соколов прямо заявил: «Калмыцкая степь к октябрьской революции приложилась одним боком, почему и к созданию отрядов на местах необходимо отнестись с осторожностью. Мы даем оружие только коммунистам» [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 15. Л. 108].

Однако Советская власть быстро осознала необходимость профессионализации этого органа правопорядка и его воссоздания как государственной организации со штатной структурой и бюджетным финансированием. Еще в марте 1918 г. комиссар НКВД РСФСР ставил этот вопрос перед Совнаркомом. Уже 10 мая 1918 г. коллегия НКВД РСФСР приняла решение о том, что «милиция существует как постоянный штат людей, исполняющих специальные функции». А 12 октября 1918 г. НКВД и наркомат юстиции утвердили инструкцию «Об организации Советской Рабоче-Крестьянской милиции», окончательно покончившей с идеей милиции как «вооруженного народа» и закрепившей функционирование штатной профессиональной милиции в РСФСР как «исполнительного органа рабоче-крестьянской центральной власти на местах, состоящего в непосредственном ведении местных Советов и подчиняющегося общему руководству НКВД». Управление милиции вывели из состава от-

дела местного управления НКВД РСФСР и реорганизовали в Главное управление милиции НКВД РСФСР. Аналогичные управления развертывались в регионах, причем, согласно инструкции, все предыдущие распоряжения по этому вопросу отменялись. Основываясь на этой инструкции, Астраханский губисполком 4 ноября 1918 г. вынес постановление о реорганизации милиции по новым требованиям, направленное подотчетным отделам, в том числе Калмыцкому исполкому [НА РК. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 3. Л. 35].

15 ноября 1918 г. Главное управление милиции НКВД РСФСР приказало названия «участок милиции» и «участковый начальник милиции», созвучные старорежимным словосочетаниям «полицейский участок» и «участковый пристав», заменить на «улузная милиция» и «улузный начальник милиции», соответственно [НА РК. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 20. Л. 12].

В конце 1918 г. Калмыцкий исполком утвердил штат милиции в составе 8 районных начальников, 33 старших милиционеров и 116 младших милиционеров (всего 157 милиционеров). Для координации ее деятельности в составе Калмыцполкома (в Астрахани) был образован подотдел милиции, состоявший из 4 человек: заведующего, делопроизводителя, машинистки и канцеляристки. Первым начальником калмыцкой милиции стал Д. М. Шагоров, назначенный на эту должность Калмыцполкомом 27 октября 1918 г. При этом на государственном содержании находились лишь начальники милиции и старшие милиционеры; младшие милиционеры должны были содержаться на средства улуса. Однако средств у местных исполкомов в условиях гиперинфляции и развала экономики было крайне мало, поэтому на практике младшие милиционеры стали нести службу либо в качестве бесплатной повинности (от каждого аймака выдвигалось по 3 человека, сменявших друг друга по очереди), либо за счет аймаков и хотонов при наличии соответствующих ходатайств [НА РК. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 18. Л. 26]. В результате младшие милиционеры большей частью стали использоваться в роли ночных сторожей хотонов и аймаков. Поэтому от этой практики вскоре отказались, и младших милиционеров перевели на государственное жалование.

Следует заметить, что милиция в Калмыкии, как и в других регионах РСФСР,

больше занималась охраной интересов Советской власти, нежели защитой личной и имущественной безопасности населения. Советские милиционеры, помимо ведения дознания по уголовным преступлениям, борьбы с «белым» и «зеленым» бандитизмом («красный» бандитизм они большей частью по вполне понятным причинам игнорировали или боролись с ним путем написания жалоб), занимались мобилизацией людей и скота для РККА, сбором (фактически конфискацией) хлеба и иных сельхозпродуктов после введения государственной монополии в рамках политики «военного коммунизма», распределением среди населения продукции, поступающей из городов, поисками дезертиров из Красной армии и т. д. [Цакиров 1972: 184, 186].

Однако в 1919 г. по мере усиления Гражданской войны происходит военизация милиции [Мулукаев 1965: 12]. Калмыкия втягивается в сферу боевых действий. Военкомы улусов становятся начальниками милиции, а милиционеры вливаются в состав улусных сотен военкоматов и начинают принимать участие в боевых действиях. Даже несмотря на это вооружение калмыцким милиционерам давали в очень малых количествах. Например, на 5 июня 1919 г. подотдел милиции Калмыцкого исполкома выдал в улусы всего 14 винтовок, 4 ящика патронов, а также 618 патронов россыпью [НА РК. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 87. Л. 1–3]. При этом в улусы винтовки отпускались по принципу «что нам не гоже»: 10,4-мм Веттерли образца 1871–1872 гг., 11-мм Гра образца 1874 г., 10,67-мм Бердана образца 1868 и 1870 гг., 6,5-мм Арисака образца 1897 и 1905 гг., патроны к которым найти было крайне сложно.

После занятия белыми большей части улусов в Калмыцкой степи функционировали лишь три отделения милиции: Багацохуровский, Хошеутовский и Яндыко-Мочажный, в которых осталось 49 милиционеров, причем самых лучших и опытных забрали в улусные сотни. Летом 1919 г. был назначен новый начальник калмыцкой милиции — Мухара Мунянов, с именем которого принято связывать ее реальное формирование.

После изгнания белогвардейцев из Калмыкии и провозглашения автономии калмыцкого народа на съезде в Чилгире (на котором М. М. Мунянов был избран членом КалмЦИК) калмыцкая милиция получила

новый толчок для развития. Было создано областное управление милиции, состоявшее из 5 отделов: общего, уголовного розыска, снабжения, инспекторского, промышленной милиции (последний отдел реально не функционировал), и утвержден новый штат милиции Калмыкии в количестве 500 человек, в том числе 154 конных милиционера, распределенных по улусам. Кроме того, было принято решение о новом делении милиции по 8 районам: Приволжский (Багацохуровский, Хошеутовский, Калмбазаринский), Икицохуро-Харахусовский, Яндыковский, Эркетеневский, Малодербетовский, Большедербетовский, Манычский, Сальский¹) [НА РК. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 3. Л. 15–16, 26–31].

Впрочем, несмотря на изгнание белогвардейцев, наиболее приоритетной задачей для милиции оставалась борьба с бандитизмом, теперь уже «зеленым», вызванным политикой «военного коммунизма», голодом 1921 г., перегибами нэпа. На территории Калмыкии действовали сильные «зеленые» банды, вооруженные пулеметами и даже пушками. Достаточно вспомнить банду Г. С. Маслака, состоявшую из взбунтовавшихся буденновцев 19-го Манычского кавполка РККА и овладевшую внезапно наскоком Элистой. Поэтому борьбу с бандитизмом милиция осуществляла путем прямых боевых столкновений (не всегда успешных) в традициях советского «истерна» — с длительными скачками, револьверными дуэлями и сабельными рубками.

Отдел уголовного розыска, первым начальником которого стал Борис Саввич, функционировал лишь в составе областного управления (в Астрахани) и состоял из 32 милиционеров: начальника, помощника (заместителя), инструктора, 7 старших и 16 младших сотрудников, а также 4 канцелярских сотрудников. При этом отдел мог формировать две опергруппы, к которым прикреплялись следователи, для выезда в улусы на места совершения преступлений [НА РК. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 87. Л. 29]. Понятно, что эффективность расследований

¹ Согласно решению 1-го Общекалмыцкого съезда Советов, в состав Калмыцкой автономной области должны были войти калмыцкие станции Сальского округа и Ремонтненский уезд, связывающий их с основной территорией Калмыкии. Однако позже сальские отказались от вхождения в состав Калмыкии, поэтому улусную милицию в этом районе не создали.

уголовных преступлений, осуществляемых таким способом, была невелика. Эту проблему удалось решить лишь после подавления бандитизма в степи и переноса столицы Калмыкии в Элисту [Цакиров 1972: 189].

Что касается судебной системы Советской Калмыкии, то она, как и в других регионах РСФСР, была сформирована на базе трех Декретов о суде (от 24 ноября 1917 г., 7 марта 1918 г., 20 июля 1918 г.) и «Положения о народном суде РСФСР» (от 30 ноября 1918 г.) [СУ РСФСР. 1917 г. № 4. Ст. 50; 1918 г. № 26. Ст. 347; 1918 г. № 52. Ст. 589; 1918 г. № 85. Ст. 889]. В ее основе были судебные органы двух видов: ревтрибунал, созданный «для защиты завоеваний и борьбы с контрреволюционными и др. наиболее опасными для Советского государства преступлениями» [Гражданская 1983: 500], и советский народный суд, который судил остальные гражданские и уголовные дела. Совнарсуды комплектовались местными Советами, а Высшим Судебным Контролем являлся наркомат юстиции. В Калмыкии советские нарсуды были созданы на базе ранее действовавших улусных судов путем перекомплектования кадров, осуществленных местными исполкомами и/или Советами. 15 января 1920 г. Калмыцкая степь была разбита на 8 судебных улусных участков и 11 следственных участков [Судебная 2007: 65]. Судебный орган областного уровня в Калмыкии отсутствовал до 5 июля 1921 г., когда пленум КалмЦИК образовал Совет народных судей в составе председателя А. М. Амур-Санана и членов Ромашкина, Миролюбова и Грузинцева [НА РК. Ф. Р-7. Оп. 2. Д. 10. Л. 1].

Ревтрибуналы (если не считать специальных органов) создавались в региональных центрах, поэтому в Калмыкии до образования автономной области они отсутствовали. Однако уже в начале августа 1920 г. КалмЦИК сформировал областной отдел юстиции, состоявший из общего отдела и четырех подотделов: административно-хозяйственного (с февраля 1921 года), ревтрибунала (с 30 мая 1921 года), судебно-следственного (с 1921 г.), карательного и исправительно-трудового (с 1921 г.) [Судебная 2007: 65]. Областной отдел юстиции КалмЦИК выступал одновременно в роли органа следствия, обвинения, надзора за исполнением наказаний, надзора за законодательной деятельностью советских органов власти, в том числе и улусных.

Реально в компетенцию ревтрибуналов входили дела: о контрреволюционных преступлениях, спекуляции, крупных должностных преступлениях, дискредитации власти совработниками, злостных дезертирах и др. [СУ РСФСР. 1919 г. № 13. Ст. 132]. При этом судебные органы выполняли ряд функций по надзору за следствием, по государственному обвинению и др., что приводило к нарушению прав подсудимых. И если в совнарсуде в качестве общественного обвинителя мог выступать любой *«неопороченный гражданин»*, что хотя бы теоретически давало надежду на независимость обвинения, то ревтрибуналы сами формировали следственные комиссии (или надзирали за следствием органов ЧК), выдвигали гособвинителя и судили подсудственного. Разумеется, орган, одобрявший результаты следствия по обвинению подсудственного или руководивший им, не был заинтересован в оправдании подсудимого, поскольку тем самым дискредитировал сам себя. Эти судебные органы не были независимыми от других ветвей власти: ревтрибуналы формировались местными Советами или их исполкомами. В своей работе члены ревтрибунала обязаны были руководствоваться декретами Советской власти, служебными инструкциями наркомата юстиции и *«революционным правосознанием»* [Гражданская 1983: 500].

Конечно, руководство советскими органами правосудия осознавало все недостатки этой системы, но объясняло ее сохранение требованиями *«революционного момента»* и условиями Гражданской войны. После ее окончания и подавления крестьянских восстаний 1921 г. внутривластная ситуация в стране стабилизировалась, и в 1922 г. наркомат юстиции при поддержке ВЦИК провел реформу, коренным образом изменившую систему правосудия страны. 1 июня 1922 г. вступил в силу новый Уголовный кодекс РСФСР. 28 мая 1922 г. ВЦИК принял «Положение о прокурорском надзоре», согласно которому в составе наркомата юстиции учреждалась прокуратура, на которую возлагались функции: осуществления надзора за законностью действий всех органов власти, хозяйственных учреждений, общественных, частных организаций и частных лиц путем возбуждения уголовного преследования против виновных и опротестования нарушающих закон постановлений; надзора за деятельностью следственных органов

дознания, в том числе органов ГПУ; поддержания обвинения на суде; наблюдения за правильностью содержания заключенных под стражей [СУ РСФСР. 1922 г. № 36. Ст. 424].

Вскоре началась работа на местах, в том числе и в Калмыкии. Летом 1922 г. Верховный трибунал при ВЦИК телеграммой № 25188 предложил Астраханскому губернскому прокурору подобрать кандидата на должность помощника прокурора в ревтрибунале Калмыцкой автономной области из работников трибунала. 15 сентября и. о. прокурора РСФСР Н. В. Крыленко телеграммой № 718/11555 утвердил предложенную кандидатуру Д. М. Ельницкого помощником прокурора, поручив ему организацию прокуратуры Калмыкии [НА РК. Ф. Р-14. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–2]. Следует заметить, что Ельницкий, в течение двух месяцев являвшийся единственным пом. прокурора Калмыкии (по плану предполагалось иметь в штате, помимо прокурора, 8 пом. прокурора), практически в одиночку провел объемную работу по ликвидации отдела юстиции КалмЦИК (завершена 9 октября 1922 г.) и организации нового органа правосудия. Значительная часть работников отдела юстиции (в основном, канцелярских) перешла на работу во вновь создаваемую Прокуратуру. Ревтрибунал еще продолжал функционировать, но 11 ноября ВЦИК, завершая судебную реформу 1922 г., принял «Положение о судостроительстве РСФСР», ликвидировавшее ревтрибуналы и формирующее единую судебную систему на базе совнарсудов [СУ РСФСР. 1922 г. № 69. Ст. 902].

Работу прокуратуры серьезно тормозило отсутствие облпрокурора, обладавшего полномочиями для решения многих указанных вопросов. К сожалению, выдвинутая КалмЦИК и обкомом кандидатура Г. М. Манкирова не нашла поддержки в Москве. 3 ноября приказом № 22 Прокурора РСФСР областным прокурором Калмыкии был назначен бывший заведующий расформированного Пензенского губотдела юстиции Н. М. Иванов [Справочник].

Одной из сложнейших проблем в период создания прокуратуры Калмыкии являлась организация системы правосудия в улусах. Широкие пространства, малочисленные и слабо развитые оседлые поселения, кочевой быт большей части населения значительно затрудняли ее работу. Нарследователям

приходилось делать выезды на 100–200 верст на гужевом транспорте (на лошадях и верблюдах), при этом они не всегда получали оплату для его найма — 10 руб. (вып. 1922 г.) за версту. Распутица могла вообще прервать сообщение с некоторыми участками степи. Положение ухудшали вспыхивающие «остатки бандитизма». В результате следователи не успевали прибыть к месту содержания под стражей пойманных бандитов в срок и, согласно ст. 148 Процессуального кодекса, милиционерам надо было выпустить преступников до представления следователю или нарушить закон.

Даже уже сформированная в улусах система совнарсуdivов во второй половине 1922 г. оказалась в состоянии кризиса после того, как наркомат юстиции РСФСР циркуляром № 52 от 22 июня перевел нарсуды и нарследователей на местный бюджет. Однако после трех лет ожесточенной Гражданской войны и голода 1921 г. *«установить какие-либо сборы с калмыцкого населения на местные нужды не представляется ни какой возможности»*. В результате имеющие опыт работы на местах нарсудьи, нарследователи и канцелярские работники, не получающие зарплаты, стали просить об увольнении. Объем работы у оставшихся сотрудников возрос в разы. Следователи жаловались, что *«нормальное и своевременное следствие невозможно, следственные дела затягиваются на 2–3 года и завершаются смертью обвиняемого или нераскрытия виновных... Следствие из живого дела превращается в обыкновенную переписку»* [НА РК. Ф. Р-14. Оп. 1. Д. 15. Л. 48–49].

Н. М. Иванов, вступивший в должность 21 ноября, проигнорировал многие решения предшественника и 30 декабря 1922 г. приказом № 35 организовал свою структуру прокуратуры. Помимо 6 помощников прокурора в улусах, он создал еще одну ступень — 3 номерных прокурорских участка, объединявших по два «старых» участка. В 1-й участок вошли Приволжский и Яндыко-Мочажный «старые» участки, во 2-й — Малодербетовский и Манычско-Икицохуровский, в 3-й — Большедербетовский и Ремонтненский. Во главе номерных участков (сотни тысяч кв. км каждый) ставились дополнительные помощники прокурора, причем их камеры (кабинеты) находились в Астрахани, в сот-

нях километров от районов их ответственности. Над вопросом, как руководители номерных участков должны управлять работой на местах в условиях отсутствия финансов на транспортные расходы и телеграфной связи, прокурор явно не задумывался. В новый штат Калмыцкой областной прокуратуры входили: прокурор, 5 помощников (губернских), 6 помощников (уездных), секретарь с двумя помощниками, счетовод, архивариус, статистик, 3 старших делопроизводителя, 3 машинистки, журналистка, сотрудник по хозяйству, кучер и 3 курьера [НА РК. Ф. Р-14. Оп. 1. Д. 15. Л. 65]. Как видно, предложенный штат был перегружен секретаршами и курьерами, а в документах «ивановского» периода упоминаются многочисленные «книжки» и «наряды», которые должны были вестись бюрократами.

В то же время прокуратура структурно состояла из трех отделений — общего надзора; организации обвинения; надзора над следствием и дознанием, — также укомплектованных канцелярскими работниками. Логичнее было бы поставить во главе каждого из них помощников прокурора, например, за счет расформирования явно лишней структуры номерных участков, от которой вскоре отказались. Не смог Иванов и наладить связи с местной советской элитой. Неудивительно, что почти через 5 месяцев (30 марта 1923 г.) его заменили на А. С. Григорьева — бывшего прокурора Царицынской губернии. Однако новый «варяг» прослужил в этой должности 3 с лишним месяца и был переведен в Череповец. Только тогда областным прокурором назначили Галзана Манкирова, занимавшего эту должность почти 6 лет. Под его руководством завершился процесс становления прокуратуры Калмыкии, была развернута система прокурорского надзора в районах (причем на базе улусов, а не искусственно сконструированных участков), осуществлен перевод прокуратуры в новую столицу Калмыкии — Элисту.

Судебная реформа 1922 г. коснулась и самих судов. 22 декабря 1922 г. КалмЦИК утвердил решение совместной коллегии ревтрибунала, прокуратуры, совета судей от 15 декабря об образовании Калмыцкого областного суда. В январе 1923 г. Совет народных судей был упразднен, а его функции перешли к Калмыцкому областному суду. Первым председателем облсуда стал

У. Л. Лавгаев, у которого было два заместителя (по уголовным и гражданским делам). Вместе они составляли Президиум. Областной суд состоял из двух отделов — гражданского и уголовного, каждый из которых делился на два отделения — судебское и кассационное. В отделении было по два члена коллегии (всего 8 человек). 3 члена Президиума и 8 членов Коллегии составляли Пленум областного суда. Также были созданы нотариат, следственная часть (из 6 старших следователей), общеканцелярская часть (не считая секретарей при отделах и отделениях), инструкторско-ревизионное отделение, бухгалтерия, хозяйственное отделение, комендантская часть [НА РК. Ф. Р-14. Оп. 1. Д. 15. Л. 31]. В улусах были созданы 8 судебно-следственных участков¹ со следующим штатом: нарсудья с помощником (заместителем), нарследователь с помощником (заместителем), два канцелярских работника и судебный исполнитель [Судебная 2007: 66].

После образования Калмыцкой автономной области в Астрахани был также создан и региональный орган государственной безопасности Калмыкии. Сначала 4 июля 1921 г. приказом № 192 ВЧК было создано Калмыцкое отделение в составе секретно-оперативной части (далее — СОЧ) Астраханской губЧК «в целях борьбы с государственными преступлениями на территории Калмыцкой автономной области» и улусные политические бюро (по одному бюро на два улуса). Начальником Калмыцкого отделения стал Борис Кантер. В штат Астраханской ГубЧК вводились два инспектора-организатора по делам Калмыцкой области [Во имя безопасности 2005: 35–36]. 10 июля 1922 г. Калмыцкое отделение СОЧ Астраханского губернского отдела ГПУ и улусные бюро были развернуты в самостоятельный областной отдел ГПУ Калмыцкой автономной области. Первым руководителем Калмыцкого областного отдела ГПУ стал Валериан Саввич [Во имя безопасности 2005: 36].

К сожалению, поиск в архивах информации о работе Б. Кантера и В. Л. Саввича не позволил выявить какие-либо следы их деятельности. Известно, что осенью 1922 г. приказы, запросы, ордера на аресты подписывал зам. начальника Калмотдела ГПУ,

¹ Включая Ремонтненский и Заветнинский участки, охватывавшие районы, в 1923 г. выведенные из состава Калмыкии.

начальник СОЧ Назаров, причем некоторые документы он подписывал как начальник облотдела [НА РК. Ф. Р-14. Оп. 1. Д. 13. Л. 1, 2, 34, 48; Д. 15. Л. 68–69об.]. Можно предположить, что замены на этом посту В. Л. Саввича и И. С. Ларисова-Лукьянца, отработавших всего по 13 месяцев [Очиров 2015: 148–149], не были случайностью.

Условия работы, осложненные природно-географическими и социально-экономическими особенностями Калмыцкой степи, для чекистов, многие из которых плохо знали специфику региона, были нелегкими. Большую часть работы, в том числе и по борьбе с контрреволюцией, они осуществляли в Астрахани и не очень активно занимались полевой работой в улусах. В этом отношении они мало чем отличались от представителей других правоохранительных органов Калмыкии: отдела юстиции КалмЦИК, ревтрибунала, прокуратуры и др. Эффективность и интенсивность работы этого органа, даже если сделать «скидку» на трудности переходного периода, следует признать не очень высокими. Неудивительно, что основную тяжесть борьбы с «политическим бандитизмом» — наибольшей и самой актуальной угрозой безопасности государства — несли улусные сотни, отряды ЧОН и эскадрон (затем дивизион) ВЧК-ГПУ, состоявшие большей частью из местных жителей и ветеранов РККА. Только с появлением в Калмыцком отделе ОГПУ таких работников, как И. И. Тенис, В. А. Брузгулис, В. Далингер, которые не боялись ездить в улусы, опирались на совпартработников и активно привлекали местные кадры, эффективность органов госбезопасности стала заметно усиливаться.

Таким образом, правоохранительные и судебные органы Калмыкии в ходе революции и Гражданской войны подверглись коренному реформированию и развивались с большими сложностями, обусловленными боевыми действиями, природно-географическими и социально-экономическими факторами. Даже после завершения Гражданской войны процесс развития правоохранительной системы шел замедленными темпами. Лишь после проведения судебной реформы 1922 г. сеть правоохранительных и судебных органов Калмыкии стала работать эффективно.

Источники

- ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации
 НА КИГИ РАН – Научный архив Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН
 НА РК – Национальный архив Республики Калмыкия.
 ПСЗРИ-II – Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. Т. XXII. Отделение первое. 1847. СПб., 1848.
 СУ РСФСР. 1917–1918 гг. – Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Упр. делами Совнаркома СССР, 1942. 1483 с. (СУ РСФСР. 1917–1918 гг.).
 СУ РСФСР. 1919 г. – Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. М.: Упр. делами Совнаркома СССР, 1943. 886 с. (СУ РСФСР. 1919 г.).
 СУ РСФСР. 1922 г. – Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1922 г. М.: Упр. делами Совнаркома СССР, 1950. 1932 с. (СУ РСФСР. 1922 г.).

Литература

- Во имя безопасности России. Элиста: УФСБ РФ по Республике Калмыкия, 2005. 288 с.
 Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1983. 702 с.
 Иванько Н. И., Наберухин А. И., Орехов И. И. Великий Октябрь и Гражданская война в

Калмыкии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1968. 148 с.

- Мулукаев Р. С. Советская милиция и ИТУ: Материалы к курсу лекций по истории государства и права СССР. М.: ВШ МООН РСФСР, 1965. 45 с.
 Очиров У. Б. Калмыкия в период Гражданской войны (1917–1920 гг.). Элиста: ЗАОр «НПП „Джангар“», 2006. 448 с.
 Очиров У. Б. Руководители органов госбезопасности Калмыкии в 1921–1943 гг. // Вклад регионов и народов Юга России в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Элиста, 23–25 апреля 2015 г.). Элиста: Изд-во КалмГУ, 2015. С. 147–152.
 Прозрителев Г. Н. Военное прошлое наших калмык. 2-е изд., репринт. Элиста: Санан, 1990. 144+28+60+44+30+XXXXIII+6 с.
 Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898–1991 [Электронный ресурс] // http://www.knowbysight.info/1_RSFSR/09798.asp (дата обращения: 2.07.2015 г.).
 Судебная система Республики Калмыкия (1922–2007 гг.). Элиста: ЗАОр «НПП „Джангар“», 2007. 176 с.
 Цакиров В. Г. Из истории образования и деятельности милиции в Калмыцкой степи (1918–1921 гг.) // Вестник института [КНИИЯЛИ]. № 6. Сер. истории. Элиста: КНИИЯЛИ, 1972. С. 183–192.

Sources

- [Collected Decrees and Enactments of the Soviet Government: 1917–1918]. Moscow: Executive Secretariat of the Council of People's Commissars of the Soviet Union, 1942. 1483 p. (In Russ.)
 [Collected Decrees and Enactments of the Soviet Government: 1919]. Moscow: Executive Secretariat of the Council of People's Commissars of the Soviet Union, 1943. 886 p. (In Russ.)
 [Collected Decrees and Enactments of the Soviet Government: 1922]. Moscow: Executive Secretariat of the Council of People's Commissars of the Soviet Union, 1950. 1932 p. (In Russ.)
 [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 2. Vol. XXII. Part One: 1847. St. Petersburg, 1848. (In Russ.)
 National Archive of the Republic of Kalmykia.
 Scientific Archive, Kalmyk Humanities Research Institute of the RAS.
 State Archive of the Russian Federation.

References

- [Communist Party of the Soviet Union: Historical Reference Book, 1898–1991]. Available at: http://www.knowbysight.info/1_RSFSR/09798.asp (accessed: July 2, 2015). (In Russ.)
 [Court System of the Republic of Kalmykia: 1922–2007]. Elista: Dzhangar, 2007. 176 p. (In Russ.)
 [In the Name of Russia's Security]. Elista: Kalmykia

Office of Federal Security Service, 2005. 288 p. (In Russ.)

- [Russian Civil War and Allied Intervention: Encyclopedia]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1983. 702 p. (In Russ.)
 Ivanko N. I., Naberukhin A. I., Orekhov I. I. [The Great October (Revolution) and Russian Civil War in Kalmykia]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1968. 148 p. (In Russ.)
 Mulukaev R. S. [Soviet Militia and Correctional Labor Facilities]. Supplement to a course book on the history of Soviet state and law. Moscow: RSFSR Ministry of Public Order Enforcement University Press, 1965. 45 p. (In Russ.)
 Ochirov U. B. [Kalmykia during the Russian Civil War: 1917–1920]. Elista: Dzhangar, 2006. 448 p. (In Russ.)
 Ochirov U. B. Executives of state security agencies in Kalmykia: 1921–1943. In: [Regions and Peoples of South Russia in the Great Patriotic War of 1941–1945: Their Impact in the Victory]. Conf. proc. (Elista; April 23–25, 2015). Elista: Kalmyk State University, 2015. Pp. 147–152. (In Russ.)
 Prozritelev G. N. [Military Past of Our Kalmyks]. 2nd ed., reprint. Elista: Sanan, 1990. 144+28+60+44+30+XXXXIII+6 p. (In Russ.)
 Tsakirov V. G. Establishment and activities of militia in Kalmyk Steppe: glimpses of history, 1918–1921. In: [Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History: Newsletter]. Vol. 6. Ser. 'History'. Elista: KRILLH, 1972. Pp. 183–192. (In Russ.)

ПРОБЛЕМЫ ВОЗВРАЩЕНИЯ «ПЛАНОВЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ» В РАЙОНЫ ПРЕЖНЕГО ПРОЖИВАНИЯ ДО 1940-х гг.

Problems of «Planned Settlers»' Returning to the Places of Former Residence until the 1940s

Н. Ф. Бугай (N. Bugai)¹

¹ доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (Ph. D. of History, Professor, Senior Scientist at the Institute of Russian History of the RAS). E-mail: nikolay401@yandex.ru.

В предлагаемой статье продолжено исследование сложной темы исторической науки — принудительных переселений народов в период войны 1941–1945 гг. Особое внимание при этом уделено возвращению спецпереселенцев и «плановых переселенцев» в районы их прежнего проживания до 1940-х годов. Предстояло в трудных условиях обустроить в очередной раз свое жилье, восстанавливать хозяйство, возродить культуру. Одновременно формировалась и система новых межэтнических отношений.

Ключевые слова: репрессированные народы, плановые переселения, реабилитация, возвращение, восстановление, культура, взаимоотношения.

The article continues to study the complicated issue of forced migrations in the period of war of 1941—1945. Special attention is paid to the return of spetspereselenetsy (pl.), (special settler, a person deported by the Soviet government and obliged to live in a given locality under supervision of the Ministry of Internal affairs (NKVD, later MVD), and the «planned settlers» to their former places of residence until the 1940s. The article is based on the intersection of history, sociology, and psychology. The focus of the research has been on the deportees, who were transported against their own will according to the so called «planned resettlement» leaving their homes and settling in the territory of residence of the repressed peoples by entire collective farms.

As the research showed the fate of both categories of people remained hard because of the ongoing war, economic difficulties, labour shortage for the restoration of the ruined economic sector, broken pre-war ties between the regions of the country.

The restoration of historical justice played a positive role and gave some hope to people for a new life. Afterwards under difficult circumstances both former special settlers, and «planned settlers», had to build their homes again, to restore economy, to revive the culture. At the same time the new system of ethnic relations was being formed.

Keywords: repressed peoples, planned resettlement, rehabilitation, return, restoration, culture, relationships.

Как известно, многие из репрессированных граждан Союза ССР во второй половине 1950-х гг. на основе принятых законодательных актов были реабилитированы и возвращались в места своего исконного проживания. По этой теме уже опубликована большая литература, рассмотрены многие стороны процесса [Бакаев 1992; Бугай 1990, 1991, 1993; Бугай, Гонов 1998; Максимов 2004, 2010; Национальная 2003; Петров, Скоркин 1999; Политические 2003; Сидоренко 2000; Убушаев 1991; Убушаев, Убушаев 2009; Хунагов 1998]. Тем не ме-

нее, до сих пор никто не обратил внимание на такой контингент граждан, которые разными способами заселяли территорию проживания подвергшегося репрессиям населения. В условиях возвращения спецпереселенцев им как «плановым переселенцам» также было предложено право возвращения в места проживания, откуда они переселялись на земли депортированных. Этот вопрос приобрел самостоятельное направление в общем процессе реабилитации граждан и также требует своего изучения.

СССР, как и любое государство, проявил беспокойство о территориях, оказавшимися освобожденными от выселенных граждан, обвиненных по разным причинам в «неблагонадежности», — то ли на основании превентивного фактора, то ли на основании неповиновения указам и предписаниям сверху, то ли по другим причинам. С целью сохранения экономического потенциала освобожденных регионов страны переселение на эти территории населения из других республик и областей осуществлялось по разнарядкам. Так, переселение на территорию Калмыцкой АССР и Северного Кавказа в первую очередь осуществлялось из соседних северокавказских регионов. В Автономии немцев Поволжья формы заселения территории приобретали разный характер. Трудно происходил процесс роста численности населения и в районах Крымской АССР, проживания финнов-ингерманландцев, в Закавказье. Территории выселяемых народов передавались в ведение оставшихся титульных этнических общностей (Кабардинская АССР), союзных республик (Грузинская ССР) или передавались в состав вновь созданных регионов, например, Грозненской или Крымской области.

Снятие ограничений и возвращение спецпереселенцев на прежние места своего проживания (до 1940-х гг.) сразу же поставило на повестку дня проблему возврата им территорий, занятых другими, так называемыми «плановыми» переселенцами. Правда, как свидетельствуют воспоминания участников этих процессов, эти переселения зачастую осуществлялись по приказу и по принуждению. Восстанавливались и их государственные образования. По-своему развивались эти процессы применительно к национальным меньшинствам, подвергшимся принудительным переселениям, часть из которых возвращалась на территории прежнего проживания до 1940-х гг.

Корейцы. 3500 корейцев, принудительно переселенных в 1937 г. из Еврейской автономии, обратно не возвратились и остались в регионах Средней Азии и Казахстана. Однако в последующем возвращение корейцев на территорию все же состоялось, о чем свидетельствуют и переписи населения. До 1937 г. корейцы на территории автономии были объединены в колхозы. Они функционировали наряду с 11 еврейскими колхозами [ЦК ВКП(б) 2009: 57]. Возвращение

последовало не только в автономию, но и в другие административные края и области Дальнего Востока уже в новом формате существования России как самостоятельного правового государства (1990-е гг.).

Финны-ингерманландцы. Не будет ошибкой утверждать, что их реабилитацией на практике занимались в основном общественные объединения самих ингерманландцев. Администрации субъектов подключались, как правило, к уже организованному процессу, не проявляя особой инициативы. Районы прежнего проживания финнов-ингерманландцев на северо-западе РСФСР отличались достаточно высокой плотностью населения и высоким процентом использования земель. Большое количество земельных площадей, ранее принадлежавших финнам-ингерманландцам, со второй половины 1940-х — в 1950-х гг. оказалось в распоряжении войсковых частей, военных лесхозов, заняты под полигоны. Они располагались в таких районах, как Ломоносовский, Гатчинский, Всеволожский, Выборгский (в приграничной зоне) Ленинградской области. Все предложения общественных организаций финнов-ингерманландцев сводились к тому, чтобы эти земельные территории были возвращены под компактные поселения вернувшихся спецпереселенцев. Территориальный фактор и здесь играл первостепенную роль и выступал базой выстраивания отношений между общностью финнов-ингерманландцев и органами государственной власти, политическими институтами. В то же время Ленинградские областной и городской Советы народных депутатов сообщали, что в их планах предусматривается «создание условий для добровольного возвращения принудительно высланных национальных групп в районы их традиционного проживания, предоставление приемлемой в современных условиях автономии, обеспечивающей национально-культурное возрождение». Ими же предписывалось районным, городским и сельским исполкомам поселковых советов «разработать предложения о выделении земли под национальные поселения, а также программу их освоения с учетом бывших национальных поселений, согласно заявлению национальных обществ и организаций» [По решению 2003: 848-852]. При этом местным Советам народных депутатов и их исполнительным органам рекомендовалось «приостановить передачу земель нынешними землепользова-

телями различным предприятиям, учреждениям и организациям в местах предполагаемого создания национальных поселений». В Ленинградской области инициаторами подобных преобразований выступали председатель Ленсовета А. А. Собчак и председатель Леноблсовета Ю. Ф. Яров.

Немцы. Возвращение граждан Автономии немцев Поволжья в районы прежнего проживания на Волге до начала 1970-х гг. было незначительным. Медленно протекал этот процесс и в последующем. Политика государственных органов власти была направлена на то, чтобы как можно больше немцев оставить на местах спецпереселения. Только 9 ноября 1972 г. появился приказ № 54 Генерального прокурора СССР, в котором сообщалось: «Объявляя не подлежащий опубликованию Указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 ноября 1972 г. «О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного для отдельных категорий граждан», предлагаю обеспечить надзор за его выполнением. И. О. Генерального прокурора СССР, Государственный советник юстиции I класса М. Маляров» [Бугай 2006: 408]. Однако подобные заверения даже на государственном уровне остались на бумаге. Значительная часть представителей перечисленных в приказе этнических общностей, в том числе и болгар, оказалась в Ростовской области и Краснодарском крае, особенно в Темрюкском районе. Таманский полуостров приютил болгар-спецпереселенцев. Они облюбовали поселки Сенной, Мирный, Виноградный и др. Однотипной была судьба советских немцев Поволжья и в других регионах страны. Это обуславливалось тем, что меры по реабилитации советских немцев в 1970–1980-е гг. приносили мало результатов, хотя они и получали право свободного проживания на территории СССР. Расселялись немцы главным образом в Энгельсе, Саратове, Волгограде и некоторый процент – в сельской местности.

Карачаевцы. 9 января 1957 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР признавалось необходимым восстановить национальную автономию карачаевского народа, что нашло свое выражение в создании Карачаево-Черкесской автономной области в составе Ставропольского края РСФСР. Это было третье государственное образование, в котором титульными этническими общностями признавались черкесы и карачаевцы.

По их названию получило наименование и национально-государственное образование. Одновременно решались вопросы границы, проводилось административно-территориальное обустройство новой автономной области. Карачаевский народ, возвратившийся из спецпереселения, получал право проживания и расселения по всей территории области и восстановил свою государственность в существенно расширенных территориальных рамках. Значительная часть карачаевцев расселялась на территориях, на которых они до принудительного переселения не проживали. Как отмечалось, эти территории в общей массе составили более 60 тыс. га. Начиная с 1960-х годов, народы области (которых наряду с карачаевцами и черкесами, представляли абазинцы, ногайцы, русские, осетины, балкарцы и др.) активно участвовали в восстановлении экономического потенциала региона, возрождении национальной культуры.

Калмыки. 12 сентября 1958 г. Совет Министров РСФСР принял специальное постановление «О мерах помощи Калмыцкой АССР» (№ 1067). В 1959 г. должно было завершиться окончательное возвращение калмыков на территорию их бывшей республики. В числе приоритетных положений в постановлении оставались пункты, касающиеся жилья и землеустройства. В п. 3 были определены все стороны, участвующие в решении земельных проблем Калмыкии: Министерство лесного хозяйства РСФСР, Калмыцкий облисполком, Ставропольский крайисполком, Ростовский, Сталинградский и Астраханский облисполкомы. Четыре последних органа власти представляли регионы, между которыми и была разделена территория республики в конце 1943 г. после принудительного выселения калмыков. Государственные органы власти обязывались рассмотреть вопрос «о выделении Калмыцкой АССР земельных участков на отгонных пастбищах на «Черных землях». Они также были обязаны представить в трехмесячный срок предложения в Совет Министров РСФСР» [ГА РФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 75. Л. 28–30].

Калмыки, совместно с представителями других этнических общностей, практически восстановили территорию, равную той, которую имели до выселения: площадь вновь созданной автономии составила 75,9 тыс. кв. км против 76,4 тыс. кв. км в 1943 г. В то же время бесспорен тот факт, что в сос-

тав автономии не вернулись самые лучшие земли калмыцкого Поволжья, каковыми являлись Лиманский и Наримановский районы, отошедшие под юрисдикцию соседнего субъекта в Нижнем Поволжье. Для Калмыцкой АССР как территории безлесной и страдавшей зачастую от суховея, отсутствия влаги, важно было возобновить работы по созданию государственной защитной лесополосы Сталинград – Элиста. В связи с этим было решено организовать в короткие сроки три лесничества, а также Калмыцкий трест «Сельхозводстрой», без которого вряд возможным было бы создание системы в этой отрасли. В обязанность этой организации республиканского масштаба вменялось «*осуществление строительных работ по обводнению северо-восточной части Каспийского района Калмыцкой АССР*» [ГА РФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 75. Л. 28–30]. Постановлением были определены и другие задачи хозяйственного назначения. Подобные меры проводились и на территории Сталинградской области, куда также возвращались калмыки-спецпоселенцы.

Чеченцы и ингуши. Для населения, прибывшего в районы, принадлежавшие упраздненной Чечено-Ингушской АССР, был характерен трудовой энтузиазм. За короткое время они адаптировались в новых условиях, на собственной основе и при помощи государства создавали свои хозяйства, в большей мере объединявшиеся в колхозы, и частично работая в совхозах, на промышленных предприятиях. Поначалу были слабыми заработки, расселение имело вялотекущий характер. Фактически колхозники не получали заработной платы, кроме наличных продуктов. За время нахождения хозяйств на этой территории они заметно окрепли. В середине 1950-х гг. в них уже насчитывалось 123 колхоза, 20 МТС, 11 совхозов [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 56. Л. 103]. Благодаря их усилиям ликвидировалась проблема трудоустройства граждан. Несколько иным было положение на промышленных предприятиях. Процент занятости на них вновь прибывающих на территорию бывшей Чечено-Ингушской АССР оставался незначительным. Так, в 1955 г. годовой объем валовой продукции промышленности составил 242 068 млн руб. [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 56. Л. 103]. Разными были показатели и по соседним регионам, где уже расселились возвратившиеся бывшие спецпоселенцы, в частности, в Дагестанской

АССР, Северо-Осетинской АССР. В районах, отошедших к Дагестанской АССР, из числа приезжих в промышленности было занято 600 рабочих. Годовой объем валовой продукции промышленного производства составлял в это время 18,4 млн руб. [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 56. Л. 103]. Активное освоение территории наблюдалось в Кизлярском районе Грозненской области. Городской комитет КПСС Кизляра сообщал в записке на имя М. А. Суслова, что только за 1955 г. пригородные колхозы и совхозы заготовили более 8,5 млн чубуков и посадили 20 га виноградной школки, заложили 42,5 га новых виноградников. Тем самым в регионе на перспективу формировалась мощная производственная база [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 56. Л. 9]. В районах, отошедших к Северо-Осетинской АССР, в промышленности были заняты 3380 рабочих — плановых переселенцев. Объем валовой продукции равнялся 175,5 млн руб. [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 56. Л. 9].

Не изъявляло особого желания трудиться ингушское население, расселявшееся в Пригородный район Северо-Осетинской АССР. Использовались разные формы воздействия на органы власти по принятию окончательного решения о принадлежности самого района. Несомненно, проблема с Пригородным районом Северо-Осетинской АССР приобретала обостренный характер. Это учитывалось и Президиумом ЦК КПСС. Была сформирована комиссия с участием руководителей Грозненской области, Дагестанской, Северо-Осетинской АССР и представителей от чеченцев и ингушей. Было положено начало поиску путей мобилизации населения с целью решения этой проблемы. Одним словом, с новой силой актуализировалась проблема территориального обустройства. Таким образом, если в отношении других территорий вопрос решался относительно спокойно, главным образом путем консенсуса, то Пригородный район требовал к себе большего внимания.

Группа Президиума ЦК КПСС (А. Микоян, К. Ворошилов, Г. Маленков, Л. Брежнев, Н. Беляев) [Бугай, Гонов 1997: 172–174], изучив материалы, 22 декабря 1956 г. представила в Президиум ЦК КПСС заключение, в котором детально излагались условия возникновения самой проблемы Пригородного района. Пригородный район вплотную примыкает к г. Орджоникидзе и играл большую роль «в обеспечении города

продуктами сельского хозяйства, в решении продовольственной задачи в целом». Его 33-тысячное население (в том числе 23,5 тыс. осетин) было занято главным образом в аграрной сфере. Адекватной была и направленность промышленного производства, нацеленного в основном на переработку сельхозпродукции. На территории района функционировали 4 колхоза, располагавшие 13,3 тыс. га земельных угодий, одной МТС, несколькими предприятиями пищевой промышленности, на которых были заняты 1200 рабочих [Бугай, Гонов 1998: 122–125]. Фактически промышленная зона была полностью обеспечена трудовыми ресурсами. Возможностями для дополнительного заселения район не располагал. Вывод был однозначным – оставить район в структуре Северо-Осетинской АССР.

Конечно, таким решением вряд ли могли быть довольными возвращающиеся чеченцы и ингуши. Об этом свидетельствуют и многочисленные их обращения в правительственные органы власти. В феврале 1957 г. группа ингушей в составе 8 человек обратилась к заместителю председателя Совета Министров СССР Г. М. Маленкову. Просьба их сводилась к тому, чтобы *«решить вопрос о Пригородном районе, присоединении его к Чечено-Ингушской ССР»* [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 81. Л. 47–48]. К решению спорных вопросов, сопровождавшихся претензиями, привлекался и депутатский корпус, представлявший все регионы Северного Кавказа. Депутат Верховного Совета СССР П. Москатов, защищавший интересы избирателей Шурагатского района, жители которого были переселены в 1940-е гг. на земли убывших на спецпоселение чеченцев, сообщил в середине января 1957 г. в ЦК КПСС: *«Избиратели выступают против вхождения района (Дагестанская ССР) в состав восстанавливавшейся Чечено-Ингушской АССР»* [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 81. Л. 13]. Кстати, эта просьба избирателей находила поддержку и со стороны секретаря Дагобкома КПСС А. Даниялова.

В первой половине 1957 г. возникла проблема с переселением колхозников Коста-Хетагуровского района с территории Чечено-Ингушской АССР в Северо-Осетинскую АССР. В этом районе осетины представляли собой национальное меньшинство. В связи со сменой ситуации они обратились с просьбой о возвращении в со-

став Северо-Осетинской АССР. Их просьба была удовлетворена 12 апреля 1957 г. специальным постановлением Совета Министров РСФСР № 295 [ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 75. Д. 482. Л. 16]. Постановление о предоставлении льгот и оказании помощи колхозникам, рабочим и служащим, возвращавшимся из районов в условиях переселения, было весьма своевременным. Определялись размеры кредитов на строительство жилья, ремонт надворных построек, приобретение крупного рогатого скота, условия освобождения от уплаты сельхозналога, обязательных поставок сельхозпродуктов, создания непрерывного стажа работы, оказания единовременной помощи наиболее нуждавшимся семьям. Общая сумма кредита на эти цели в 1957 г. составляла 150 млн руб.: по Чечено-Ингушской АССР — 63 млн руб., Кабардино-Балкарской АССР — 19,65 млн руб., Калмыцкой автономной области — 30 млн руб., Карачаево-Черкесской автономной области — 37,5 млн руб. [ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 1. Д. 910. Л. 142–144].

Совет Министров Северо-Осетинской АССР и Оргкомитет по Чечено-Ингушской АССР подготовили единый документ, отвечающий интересам 4000 осетин. Был выработан и механизм реализации решения проблемы: определены льготы, размеры ссуды, освобождения от уплаты налогов, обязательных поставок продовольствия и т. д. Органы государственной власти брали на себя расходы, в том числе и по перевозке колхозных семей в Северо-Осетинскую АССР, на что выделялось 600 тыс. руб. [ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 1. Д. 10. Л. 138]. В группу переселяемых наряду с колхозниками были включены и такие категории граждан, как учителя, врачи, работники торговых предприятий, механизаторы сельского хозяйства. Правда, льготы на эти категории граждан не распространялись, и им пришлось столкнуться с большими трудностями. В связи с этим Совет Министров Северо-Осетинской АССР (Б. Зангиев) обратился 20 июня 1957 г. в Совет Министров РСФСР с просьбой об оказании соответствующей помощи. Просьба была учтена, что нашло отражение в специальном распоряжении Совета Министров РСФСР от 28 июня 1957 г. [ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 1. Д. 10. Л. 4]. Этот контингент населения пополнил трудовой ресурс Северо-Осетинской АССР.

Из Чечено-Ингушской АССР в Дагестанскую АССР в ходе кампаний по

возвращению планового населения предстояло переселить 13 700 хозяйств. Выразили свое согласие на переселение из так называемых «плоскостных» районов Дагестанской АССР 7200 хозяйств, в горные — 6500 хозяйств [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 81. Л. 75–76]. Можно предположить, что эти хозяйства не попадали в те районы, в которых находились до 1940-х гг.

Конечно, в практическом осуществлении этих мер было множество неувязок и неразберихи. Не случайно вопрос «О ходе переселения жителей Чечено-Ингушской АССР» специально обсуждался правительством Дагестанской АССР на заседании 9 августа 1957 г., на котором были намечены меры по ускорению работы в этом направлении. На 25 августа 1957 г. из Чечено-Ингушской АССР возвратились 1479 хозяйств, в горные районы — 2992 хозяйства. Хотя и замедленными темпами, работа по возвращению их продолжалась. Дагестан провел предварительную подготовку к приему населения. Для жителей, переселявшихся на «плоскость», планировалось построить 33 населенных пункта. Полностью была закончена разбивка приусадебных участков и подготовлены проекты застройки. В 30 поселках были полностью построены дома для 25 семей возвращавшихся колхозников, находились в стадии строительства 760 домов [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 81. Л. 75–76].

Совет Министров Дагестанской АССР и бюро Дагобкома КПСС, 17 сентября 1957 г. информируя ЦК КПСС, сообщали, что из планируемых 7 тыс. хозяйств из Чечено-Ингушской АССР были перевезены к середине сентября 1957 г. 5189 хозяйств. В «плоскостные» районы республики из них возвратились 2684 хозяйства, в горные — 2505 хозяйств [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 81. Л. 103–104]. Тем не менее, в письме сообщалось, что руководители Ботлихского, Хунзахского, Казбековского, Сергокалинского, Гумбетовского, Дахадаевского, Цунтинского районов «не обеспечили выполнение постановления Совета Министров республики и бюро обкома КПСС «О передаче земли переселенческим колхозам» и тем самым препятствуют переселению колхозов на плоскость и проведению осенних сельхозработ» [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 81. Л. 75–76]. Наряду с этим отмечались и другие недостатки работы районных партийных и советских ор-

ганов власти: несоблюдение сроков строительства жилья, отсутствие артезианских колодцев, неподготовленность школ к приему детей возвращающегося из Чечено-Ингушской АССР населения (на 1 сентября 1957 г. в школах районов должны были начать учебу 81 758 школьников, из них 18 123 — из числа чеченцев и ингушей. Обучалось фактически 80 449 учащихся; 1 304 учащихся не посещали школу [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 81. Л. 136]), а также отсутствие должного медицинского обслуживания. Партийные и советские органы власти ориентировались на то, что возвращение граждан должно осуществляться в уже подготовленное жилье. Получила одобрение инициатива колхоза им. В. И. Ленина (с. Андрей-аул Хасавюртовского района) «оказывать практическую помощь посредством выделения транспортных средств для постройки домов, семян для озимых посевов, корма для скота» [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 81. Л. 110]. Вновь внимание руководителей районного масштаба акцентировалось на необходимости в течение пяти дней «обеспечить передачу земель» колхозам, возвращающимся с территории Чечено-Ингушской АССР.

Не все поселенцы покидали селения Чечено-Ингушской АССР во второй половине 1950-х гг. Они переселялись из одних колхозов в другие, иногда даже в территориальных границах одного района. Это, несомненно, было связано с существовавшими в том или ином колхозе бывшими домовладениями чеченцев и потребностью их срочного освобождения. Однако в тех хозяйствах, где имелось свободное жилье и ощущалась потребность в рабочей силе, прежние поселенцы из Дагестанской АССР могли оставаться на проживании. Переселялось население на близкие расстояния. Однако подобное расселение в районах республики не устраивало бывших жителей Дагестанской АССР. Не случайно в центральные и местные органы власти поступали письма с просьбой переселить всех в Дагестан. Жители Дагестанской АССР приветствовали «создание Чечено-Ингушской АССР», но выступали против совместного проживания, что объяснялось рядом причин.

Самым наболевшим был земельный вопрос. Как замечал по этому поводу зав. отделом партийных организаций ЦК КПСС по РСФСР В. Чураев, ощущалась острая нехватка земельных угодий при избытке

рабочей силы в колхозах расселения. Так, в Андалалском, Ритлябском, Веденском районах на одного трудоспособного колхозника приходилось по 0,4–0,8 га пашни, в Шурагатском районе – 1,8 га. Многие из колхозников не вырабатывали минимум по той простой причине, что их нечем было занять [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 80. Л. 3]. Все это повсеместно порождало неспокойную обстановку, обостряло отношения между представителями разных этнических общностей. С учетом имевшего место разгула со стороны чеченцев (нападение на школы, драки) 11 тыс. хозяйств аварцев и даргинцев обращались с просьбой вернуть их на территорию Дагестанской АССР, оказав помощь по линии государства. Аварцы предъявляли требование «*вывезти и чеченские семьи (32 человека) из сел. Моксоб Ритлябского района*» [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 80. Л. 7–8]. Скорейшее высвобождение территории от переселенцев, которые еще в 1940-е гг. заполняли освобождавшиеся колхозы Чечено-Ингушской АССР, становилось приоритетной задачей и для Совета Министров РСФСР, и для Совета Министров Чечено-Ингушской АССР. 28 февраля 1958 г. Совет Министров РСФСР в очередной раз обсудил вопрос о мероприятиях по хозяйственному и культурно-бытовому устройству возвращавшегося из Чечено-Ингушской в Дагестанскую АССР населения. В связи с этим Совет Министров РСФСР рассмотрел все поступившие с мест предложения. В числе первоочередных мер было решено заняться освоением в 1958–1960-х гг. 70 тыс. га новых земель, в том числе в 1958 г. — 24 тыс. га земель, находившихся под кустарником и мелколесьем.

Конечно, Дагестанская АССР оставалась специфичной территорией. Ощущалась необходимость заняться решением задачи по обеспечению ее засушливых районов водой в достаточном объеме для организации орошаемого земледелия. Уже в 1958 г. планировалось пробурить в республике 50 артезианских скважин: 30 скважин — в переселенческих колхозах, 20 — на государственной трассе скотопрогона, на отгонных зимних пастбищах [ГА РФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 75. Л. 6–11]. Особым пунктом значилось в постановлении задание МТС и совхозам Дагестанской АССР на проведение работ по освоению новых земель и хозяйственному устройству переселенческих колхозов.

Реализация этих мер, несомненно, способствовала облегчению положения колхозников, возвращавшихся с территории Чечено-Ингушской АССР.

Одновременно в Грузинскую ССР возвращались из Дагестанской АССР 375 хозяйств, планомерно переселенных в 1944 г. и в последующее время. Предстояло в планомерном порядке провести работу по очередному переселению в союзную республику 3816 хозяйств [РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 80. Л. 75].

Балкарцы. Необходимость предоставления исконных территорий возвращавшимся балкарцам привела к возникновению вопроса внутриреспубликанских переселений, поскольку в 1944 г. некоторые «высвобожденные» территории были заняты кабардинцами и представителями других этнических общностей. Однако требовалось принципиальное согласие и самих этнических общностей. Кабардинский обком КПСС, Совет министров республики выражали полное согласие с принятым решением о возвращении балкарцев и сразу же откликнулись на решение ЦК КПСС от 24 ноября 1956 г. о возвращении балкарского народа к местам прежнего жительства и преобразовании Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую АССР.

В 1944 г. в бывшее балкарское село Гунделен Эльбрусского района было переселено 500 семей из кабардинских колхозов. Конечно, в 1950-е гг. подавляющее большинство прибывающих балкарских семей старались разместить в тех местах, где они жили до выселения, поэтому в 1958 г. необходимо было переселить кабардинские семьи из Гунделена. В данном случае вступало в действие право на льготы. Они были предусмотрены принятым 22 января 1958 г. постановлением Совета Министров СССР № 96 [ГА РФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 77. Л. 14]. О ходе переселения в марте 1958 г. информировал зав. отделом переселения и оргнабора рабочих Совета Министров КБАССР И. Батчаев: «...*После восстановления национальной автономии балкарского народа, началом организационного возвращения балкарцев в прежние места жительства, в частности в с. Гунделен, в июле 1957 г. граждане-кабардинцы изъявили желание переселиться в другое село — Заюково Эльбрусского района. В связи с этим они обратились с этой просьбой в Совет Министров Кабардино-Балкарской*

АССР. Совет Министров республики, считая это переселение целесообразным, решил кабардинцам организованно переселиться, поручив Отделу переселения и оргнабора рабочих Совета Министров КБ АССР, оказать помощь в планировке нового места поселения и руководства переселением. На март 1958 г. организовано переселились 300 семей. Готовились к переселению в ближайшие месяцы и остальные семьи» [ГА РФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 77. Л. 151]. В апреле 1958 г. начальник Главного Переселенческого управления при Совете Министров республики М. Поляков сообщил: «Переселение фактически уже производится, и оно вызвано тем, что большинство возвращающихся балкарских семей, проживавших ранее в этой деревне, вернулись к прежнему месту жительства» [ГА РФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 77. Л. 152].

Турки-месхетинцы. К сожалению, о Грузии в данном случае говорить не приходится. В течение двух десятилетий правительство республики занималось решением проблемы принудительно переселенных народов с территории республики в 1940-е гг. Турки-месхетинцы трудились в сельскохозяйственной сфере республик Средней Азии и Казахстана (38 505 человек). Они относились к той категории граждан, применительно к которой была избрана установка «оставить на спецпоселении». Речь могла идти только о смягчении режима проживания: снятие с учета спецпоселенцев, обучение детей в школах, призыв на военную службу и др. В этой ситуации появлялся и большой соблазн самовольного переселения в Закавказье. В 1956 г. в Грузию возвратились 1030 бывших спецпереселенцев, выселенных ранее из южных районов республики. Просьба прибывших граждан о постоянном проживании не была удовлетворена. В мае 1968 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о праве турок-месхетинцев и других этнических меньшинств проживать на всей территории СССР, в том числе и в Грузии. Но практическое решение этого вопроса так и не было осуществлено.

Органы государственной власти Грузии в это время были заняты решением проблем других контингентов переселенцев. Намечалось возвращение переселенных после 1944 г. по плановым заданиям 26 тыс. южных осетин, расселявшихся на территории Пригородного района (Северо-

Осетинская АССР). В новой ситуации они должны были освободить территорию. К сожалению, Грузия не гарантировала им ни «теплый» прием, ни обустройство. Имелась особая «помета»: южным осетинам не разрешается возвращение к родным очагам в Грузинской ССР. Южные осетины стали перед дилеммой нового, теперь уже фактически принудительного переселения. С возвращением спецпереселенцев непосредственно в г. Орджоникидзе проблем не возникало. Ранее принудительно выселенных из города граждан было 2254 человека. В целом с Пригородным районом — 26 029 человек. Южные осетины вынуждены были вторично менять место проживания. В связи с этим принимались специальные постановления Совета Министров Северо-Осетинской АССР от 6 и 22 апреля 1957 г.

Для Грузии аналогичная ситуация возникла и в конце 1980-х гг. В это время, как и в последующие два десятилетия, возвращение в свою республику выселенцев 1940-х гг. проходило в тяжелых условиях развала СССР. Правительство Грузии выражало нежелание принимать у себя ранее принудительно выселенные этнические общности. Не случайно в 1990-е гг. туркам-месхетинцам было разрешено поселяться в соседних с Московской областью регионах. В указанные области были поселены 3319 семей (более 16 тыс. человек). Численность турок-месхетинцев и курдов постепенно возрастала, часть из них сразу приступила к работе на новом месте. Они были заняты на общих работах в полеводстве, в строительных бригадах, на животноводческих фермах. Предусматривалось и компактное поселение турок-месхетинцев в сельской местности, обзаведение жильем и приусадебными участками. Совет Министров СССР постановлением № 503 от 26 июня 1989 г. распространил на турок-месхетинцев льготы, установленные постановлением Совета Министров СССР от 31 мая 1973 г. «О льготах по переселению». Исполкомам местных советов поручалось использовать свободные жилые дома для временного проживания людей, оказывать содействие в трудоустройстве, обзаведении скотом, отведении земель для строительства индивидуальных домов, в обмене жилья и т. д. Тем не менее, турки-месхетинцы особо не стремились к оседанию в указанных субъектах РФ, считали свое пребывание там временным, и, по данным Верховного

Совета СССР, более 60 % турок-месхетинцев к работе не приступали [Турки 1994: 110-113].

В аналогичном положении оставались также и спецпереселенцы — крымские татары, армяне, болгары, греки. На законодательной основе их проблема не была решена. Их возвращение в Крым не разрешалось, хотя на самостоятельной основе, пусть и медленно, процесс все-таки протекал. При этом возвращения с территории Крымской области плановых переселенцев как такового не наблюдалось, хотя во второй половине 1940-х гг. обстановка в регионе по-прежнему оставалась сложной. Переселенцы в области охватывали огромный комплекс полевых и других видов хозяйственных работ. Посевная площадь в Крыму в 1940 г. составляла 767,4 тыс. га, в 1951 г. — 680 тыс. га. Это сокращение объяснялось нехваткой рабочей силы.

Крымские татары в основной группе спецпереселенцев, выселенных в период Великой Отечественной войны, на март 1954 г. составляли 119 215 человек [Максимов 2013: 361], как было констатировано в обобщающей справке Комиссии ЦК КПСС (К. Е. Ворошилов) по снятию ограничений в правовом положении спецпереселенцев. 19 апреля 1956 г. Президиум ЦК КПСС специальным постановлением снял «ограничения по спецпоселению с крымских татар, балкарцев, турок — граждан СССР, курдов, хемшилов и членов их семей». Во второй половине 1950-х гг. и в 1960-е гг., а также в период проживания крымских татар в республиках Средней Азии, главным образом, в Узбекской ССР, продолжалась последовательная и непрекращавшаяся борьба крымских татар за возвращение в Крым [Принудительное 2015].

Острым и противоречивым оставалось положение российских немцев, крымских татар, реабилитация которых в 1960-е гг. действительно ограничилась полумерами. По этим этносам специально организованные комиссии провели работу, итоги которой нашли отражение в постановлении Верховного Совета СССР «О выводах и предложениях комиссии по проблемам советских немцев и крымско-татарского народа». Становилась очевидной необходимость более обстоятельной проработки вопроса. В связи с этим поручалось «образовать Государственную комиссию для решения практических вопросов, связанных с

восстановлением прав советских немцев и крымско-татарского народа» [Ведомости 1989: 495], созданной спустя месяц постановлением Совета Министров СССР. В ее состав вошли первый зам. Председателя Совета Министров СССР В. Х. Догужиев, зам. Председателя Совета Министров РСФСР В. Г. Захаров и другие, всего 10 человек. Комиссии поручалось в ближайшее время подготовить предложения, которые позволили бы обеспечить «восстановление прав советских немцев и крымско-татарского народа» [Реабилитация 2000: 43-44]. Проводилась работа по подготовке «Концепции государственной программы возвращения крымских татар на постоянное жительство в Крымскую область». Было также разработано Положение о Государственной комиссии по проблемам крымского народа.

После принятия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 г. в области началось массовое возвращение крымских татар, проживавших ранее в Крыму, что отрицательно сказалось на состоянии общественного порядка. В результате мер, принятых административными органами, эти лица возвратились к прежним местам жительства. Именно на этих позициях строилась работа крымско-татарского национального движения в Узбекской ССР, а также в других регионах Союза ССР, где проживали крымские татары, в том числе и в Крымской области. На 1972 г. здесь насчитывалось около 3 тыс. крымских татар. Правда, отдельные семьи возвращались на прежние места жительства в Узбекскую ССР, считая, что условия жизни там не хуже, чем в Крыму [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 52. Л. 50-53].

В 2010-е годы в Крыму проживало 2,6 млн чел., в том числе 61,5 % — русские, 24,2 % — украинцы, 7,7 % — крымские татары (которых после возвращения стало 13-14 %) [Депортация 2002: 209]. Возвращение татар происходило и в этот период (первый этап — 8 125 человек). Увеличилась и численность армян — до 13 тыс. человек (по данным переписи 1939 г., проживало 12 483 человек) [Сенюшкина 2000: 115], греков — до 6 863, из них 1 500 переселялись на жительство в г. Севастополь (в 1939 г. — 17 370 человек), болгар — 8 771 (проживало в 1939 г. — 17 547 человек) [Депортация 2002: 219-225]. Окончательное решение проблемы этнических общностей Крыма,

подвергшихся репрессиям, было связано с присоединением Крыма к России на основе итогов референдума в марте 2014 г. и принятием Указа Президента РФ В. В. Путина «О мерах по реабилитации армянского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития» № 268 от 21 апреля 2014 г.

Принимались меры по освоению районов на территории Грузинской ССР, которые освободили в принудительном порядке представители таких этнических меньшинств, как турки-месхетинцы, курды, хемшилы, цыгане, тёрёкама. Распоряжением Совета Министров СССР № 9384р от 12 июня 1951 г. решался вопрос об улучшении положения прибывших на поселение в Адигенском, Аспиндзском и Ахалкалакском районах на юге Грузинской ССР [ГАРЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 515. Л. 76]. Однако в 1950–1960-е гг. проблема логического завершения не получила. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 августа 1960 г. разрешалось «признать утратившим силу постановление ЦИК и СНК СССР от 17 июля 1935 г. «О въезде и проживании в пограничных полосах» [СЗ

СССР 1935 г.: 721–722]. 21 июня 1962 г. начальник секретариата Верховного Совета СССР К. Черненко направил соответствующий проект. В последующем среди турок-месхетинцев наблюдались попытки переселения в Грузию. Так, из Киргизской ССР «...в период с 1975 по 1979 гг. около 20 семей турок-месхетинцев выезжали на постоянное жительство в Грузию и Краснодарский край. В этот же период в республику вернулись 6 семей, которые отрицательно высказались об идее выезда на Кавказ. Возвратившиеся семьи оказали благотворное влияние на оздоровление автономистских и экстремистских настроений» [Дьяченко 2013: 305].

Одним словом, постепенно решалась проблема не только подвергшихся репрессиям этнических общностей, но и тех, кто планомерно переселялся на «высвобожденные» земли. Разумеется, это требовало дополнительных средств и усилий со стороны органов государственной и партийной власти, вносило определенную дезорганизацию в жизнь тех граждан страны, которые также по приказу власти должны были переселяться на территорию проживания «наказанных народов».

Источники

- Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)
 Российский Государственный архив новейшей истории (РГАНИ)
 Государственный архив российской экономики (ГАРЭ)
 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)
 Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР за 1935 г. М., 1947. 1033 с. (СЗ СССР 1935 г.)

Литература

- Бакаев П. Д. Размышления о геноциде. Элиста, 1992. 115 с.
 Бугай Н. Ф. «Жду Вашего справедливого решения...». Из писем спецпереселенцев // Дружба народов. 1993. № 8. С. 196–199.
 Бугай Н. Ф. О депортации калмыцкого народа // Теегин герл. 1990. № 3. С. 20–29.
 Бугай Н. Ф. Операция «Улусь». Элиста, 1991. 88 с.
 Бугай Н. Ф. Реабилитация репрессированных граждан России (XX – начала XXI века). М., 2006. 464 с.

- Бугай Н. Ф., Гонов А. М. Кавказ: народов в эшелонах (20–60-е годы). М., 1998. 368 с.
 Бугай Н. Ф., Гонов А. М. Северный Кавказ: границы, конфликты, беженцы. Ростов-на-Дону, 1997. 204 с.
 Ведомости Съезда народных депутатов СССР Верховного Совета СССР. 1989. № 25. 540 с.
 Депортация народов Крыма. Документы, факты, комментарии. М., 2002. 240 с.
 Дьяченко Л. Н. Депортированные народы на территории Кыргызстана (проблемы адаптации и реабилитации). Дис. ... д-ра ист. наук. Фрунзе, 2013. 344 с.
 Максимов К. Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М., 2010. 406 с.
 Максимов К. Н. Калмыкия в советскую эпоху: политика и реалии. Элиста, 2013. 464 с.
 Максимов К. Н. Трагедия народа. Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е годы. М., 2004. 311 с.
 Национальная политика Советского государства: репрессии против народов и проблемы возрождения. Элиста, 2003. 257 с.
 Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник. М., 1999. 503 с.

- «По решению Правительства Союза ССР...». Нальчик, 2003. 928 с.
- Политические репрессии в Калмыкии в 20–40-е гг. XX в. Сборник научных трудов. Элиста, 2003. 208 с.
- Принудительное переселение крымских татар: путь к реабилитации / сост., предисл., коммент., заключ. Н. Бугай. М., 2015. 256 с.
- Реабилитация народов России. Сборник документов. М., 2000. 448 с.
- Сенюшкина Т. Межэтническое напряжение в Крыму // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень. Март–апрель, 2000. С. 115–117.
- Сидоренко В. П. Войска НКВД на Кавказе в 1941–1945 гг.: исторический аспект. Автореф. дис... д-ра ист. н. СПб., 2000. 45 с.
- Турки из Месхетии: долгий путь к реабилитации / сост., предисл. Н. Ф. Бугай. М., 1994. 161 с.
- Убушаев В. Б. Калмыки: выселение и возвращение. 1943–1957. Элиста, 1991. 96 с.
- Убушаев В. Б., Убушаев К. В. Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943–1959. Элиста, 2007. 494 с.
- Хунагов А. С. Депортация народов с территории Краснодарского края и Ставрополя. (20–50-е годы). Майкоп, 1998. 170 с.
- ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. М., 2009. 1096 с.

Sources

- [Collected Decrees and Enactments of the Workers and Peasants' Government of the USSR: 1935]. Moscow, 1947. 1033 p. (In Russ.)
- Russian State Archive of Contemporary History.
- Russian State Archive of Economy.
- Russian State Archive of Socio-Political History.
- State Archive of the Russian Federation.

References

- [‘By the Decision of the Soviet Government ...’]. Nalchik, 2003. 928 p. (In Russ.)
- [Central Committee of the All-Union Communist Party and the National Question]. Vol. 2: 1933–1945. Moscow, 2009. 1096 p. (In Russ.)
- [Deportation of the Crimean Peoples: Documents, Facts, Comments]. Moscow, 2002. 240 p. (In Russ.)
- [Forced Resettlement of the Crimean Tatars: Path towards Rehabilitation]. N. Bugay (comp., foreword, etc.). Moscow, 2015. 256 p. (In Russ.)
- [National Policy of the Soviet State: Repressions against Nations and Problems of Revival]. Elista, 2003. 257 p. (In Russ.)
- [Political Repressions in Kalmykia: 1920s – 1940s]. Coll. scholarly papers. Elista, 2003. 208 p. (In Russ.)
- [Rehabilitation of Russia’s Peoples]. Coll. documents. Moscow, 2000. 448 p. (In Russ.)
- [Turks from Meskhetia: the Long Path to Rehabilitation]. N. F. Bugay (comp., foreword.). Moscow, 1994. 161 p. (In Russ.)
- Bakaev P. D. [Reflecting on the Genocide]. Elista, 1992. 115 p. (In Russ.)
- Bugay N. F. [Operation Ulusy]. Elista, 1991. 88 p. (In Russ.)
- Bugay N. F. [Rehabilitation of Russia’s Repressed Citizens: 20th – Early 21st Centuries]. Moscow, 2006. 464 p. (In Russ.)
- Bugay N. F. ‘Looking forward to Receiving a Just Decision of Yours...’: excerpts from letters of special settlers. *Druzhba narodov*. 1993. No. 8. Pp. 196–199. (In Russ.)
- Bugay N. F. Deportation of the Kalmyk people revisited. *Teegin gerl*. 1990. No. 3. Pp. 20–29. (In Russ.)
- Bugay N. F., Gonov A. M. [Caucasus: Nations in Trains, 1920s – 1960s]. Moscow, 1998. 368 p. (In Russ.)
- Bugay N. F., Gonov A. M. [North Caucasus: Borders, Conflicts, Refugees]. Rostov-on-Don, 1997. 204 p. (In Russ.)
- Dyachenko L. N. [Deported Peoples in Kyrgyzstan: Problems of Adaptation and Rehabilitation]. Dr.Sc. (history) thesis. Frunze, 2013. 344 p. (In Russ.)
- Khunagov A. S. [Deportation of Peoples from Krasnodar Krai and Stavropol Region: 1920s – 1950s]. Maykop, 1998. 170 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. [Great Patriotic War: Kalmykia and the Kalmyks]. Moscow, 2010. 406 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. [Kalmykia in the Soviet Era: Policy and Realia]. Elista, 2013. 464 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. [Tragedy of the Nation: Repressions in Kalmykia, 1918–1940s]. Moscow, 2004. 311 p. (In Russ.)
- Petrov N. V., Skorin K. V. [NKVD Executives, 1934–1941: Reference Book]. Moscow, 1999. 503 p. (In Russ.)
- Senyushkina T. Interethnic tension in the Crimea. In: [Ethnological Monitoring and Early Conflict Prevention Network]. Bulletin. 2000, March – April. Pp. 115–117. (In Russ.)
- Sidorenko V. P. [NKVD Troops in the Caucasus, 1941–1945: a Historical Aspect]. Dr.Sc. (history) thesis abstract. St. Petersburg, 2000. 45 p. (In Russ.)
- Ubushaev V. B. [Kalmyks: Deportation and Return, 1943–1957]. Elista, 1991. 96 p. (In Russ.)
- Ubushaev V. B., Ubushaev K. V. [Kalmyks: Deportation, Return, Revival, 1943–1959]. Elista, 2007. 494 p. (In Russ.)
- Vedomosti S’ezda narodnykh deputatov SSSR Verkhovnogo Soveta SSSR*. 1989. No. 25. 540 p. (In Russ.)

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОБ УЧАСТИИ НАРОДОВ
КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941–1945 гг.
Home Historiography on the Participation of the Peoples of Kabardino-Balkaria
in the Great Patriotic War of 1941–1945**

*А. И. Темева (A. Tetuev)*¹

¹ доктор исторических наук, главный научный сотрудник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований (Ph. D. of History, Senior Scientist of the Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Studies).

В статье подробно анализируется состояние историографии, раскрывающей участие народов Кабардино-Балкарии в Великой Отечественной войне, в советский и постсоветский периоды. Особое внимание уделяется острым и дискуссионным проблемам, требующим дополнительного изучения: учетно-мобилизационным мероприятиям, причинам ограничительной политики государства в области призыва, дезертирства и коллаборационизма в регионе, численности призванных в ряды Красной Армии, людским потерям, судьбам военнопленных, подвигам уроженцев Кабардино-Балкарии в годы войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, историография, народы Кабардино-Балкарии, фашизм, мобилизация, кавалерийская дивизия; патриотизм, подвиги, потери.

The article examines in detail the state of the historiography, revealing the participation of the peoples of Kabardino-Balkaria in the Great Patriotic War in Soviet and post-Soviet periods. Special attention is given to the vexed issues that require additional study: accounting and mobilization activities, the reasons for the restrictive policy of the state regarding call-up, desertion and collaborationism in the region, the number of conscripts into the Red Army, casualties, the fates of prisoners of war, the feats of the natives of Kabardino-Balkaria during the war.

Keywords: Great Patriotic War, historiography of the peoples of Kabardino-Balkaria, fascism, mobilization, cavalry division, patriotism, deeds, casualties.

Война многонационального Советского Союза против фашистской Германии была Отечественной для всех его народов. Каждый из них внес посильный вклад в борьбу с фашизмом. Поэтому исследование вклада народов Советского государства в годы войны имеет не только научное, но и научно-практическое значение. Изменения в общественно-политической жизни страны оказывали влияние на подходы и методологию изучения проблемы. В этой связи историографию Великой Отечественной войны исследователи делят на три периода: 1941 г. – середина 1950-х гг.; вторая половина 1950-х гг. — до конца 1980-х гг.; начало 1990-х гг. — по настоящее время.

Первые исследования по изучению вклада Кабардинской АССР в разгром гитлеровской Германии были опубликованы в послевоенные годы. В работах И. В. Давыдова и

А. С. Кабанова имеется большой фактический материал о вкладе народов республики на фронтах войны и в тылу. Особое внимание уделяется боевым подвигам уроженцев региона на фронтах Великой Отечественной войны [Давыдов 1945; Кабанов 1950]. Вместе с тем следует отметить, что во время войны и в послевоенные годы в советской историографии полностью отсутствовала информация о депортированных народах.

После войны из открытых фондов библиотек вообще исчезли все книги о судьбе сосланных северокавказских народов и их вкладе в Победу в Великой Отечественной войне. В соответствии с требованиями цензуры в спецхран были переведены не только сами книги, но и каталоги, содержавшие сведения о публикациях, посвященных депортированным народам [История советской 1997: 506].

В этой связи историография депортированных народов, в том числе балкарского народа в годы Великой Отечественной войны, берет свое начало с 1960-х гг. После XX съезда КПСС критика «культы личности» вызвала существенные изменения в развитии историографии депортированных народов. Принудительные переселения советских народов оценивались как нарушения «социалистической законности» и «ленинской национальной политики». Данный подход получил отражение в 6-томном фундаментальном труде по истории Великой Отечественной войны. Указанные подходы проявились и в региональной историографии периода «оттепели» [История Великой 1965: 105].

Определенный интерес по исследуемой проблеме представляет также работа И. В. Давыдова «Партийная организация Кабардино-Балкарии в период Великой Отечественной войны». Впервые в исторической литературе о последепортационном периоде балкарского народа здесь обобщена деятельность Кабардино-Балкарской областной партийной организации в годы войны [Давыдов 1961]. Следует отметить, что для работы характерны субъективистские оценки деятельности партийной организации республики, многие факты и события, имевшие место в Кабардино-Балкарии, замалчиваются или искажаются в угоду идеологическим принципам своего времени.

Исследованию вопросов перестройки народного хозяйства на военный лад, развития промышленности, сельского хозяйства, а также вклада рабочих и колхозников республики в снабжение фронта была посвящена работа Т. А. Жакомихова [Жакомихов 1967], содержащая богатый фактический материал. В то же время следует отметить, что автор, исходя из требований времени, не смог выявить серьезные упущения, трудности и недостатки в деятельности партийных и советских органов республики по руководству народным хозяйством и проанализировать их.

Многочисленные факты героизма, проявленного воинами, призванными из Кабардино-Балкарии, содержатся в публицистических работах Т. Буряковой, В. Кабаненко, М. Л. Башлоева, А. И. Исмаилова, И. Ф. Евдокимова [Башлоев, Исмаилов 1969; Бурякова, Кабаненко 1960; Евдокимов 1966].

Боевым делам и судьбам воинов 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской ди-

визии посвящены работы А. Т. Хатукаева, К. Н. Керефова, Т. М. Катанчиева [В огне закаленные... 1995; Катанчиев 1999; Хатукаев 1971, 1985], в которых приводятся воспоминания командиров и бойцов дивизии о ее формировании, боевых действиях и подвигах воинов. Вместе с тем авторы названных работ, в основном опирающиеся на воспоминания участников боев, игнорируют архивные документы, что приводит к субъективным суждениям и оценкам численности дивизии, ее потерь, а также просчетов командования 51-й армии, приведших к неоправданным потерям [Катанчиев 1999: 24; Хатукаев 1971].

Значительный вклад в изучение истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны внес Е. Т. Хакуашев. На основе материалов центральных и местных архивов, периодических изданий, воспоминаний участников войны он комплексно исследовал основные этапы истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны [Хакуашев 1967: 259–276; 1968, 1983]. Вместе с тем в работах Е. Т. Хакуашева, как и в других аналогичных работах советского периода, не анализируются просчеты и ошибки, допущенные республиканскими партийными и советскими органами, особенно в вопросах эвакуации скота, имущества колхозов и совхозов, стабилизации общественно-политической ситуации в республике.

Боевым делам и подвигам уроженцев Кабардино-Балкарии на фронтах Великой Отечественной войны посвящены работы «Боевая слава Кабардино-Балкарии» в шести книгах, «Золотые Звезды Кабардино-Балкарии», «Кавалеры полководческих и флотоводческих орденов периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», написанные учеными, журналистами, писателями [Аккиева, Сабанчиев 2014; Боевая слава 1994; Опрышко 2012; Хакуашев 1975, 1967: 259–275]. В указанных изданиях были опубликованы более 1220 очерков о боевом пути солдат Великой Отечественной, призванных из Кабардино-Балкарии.

Отдельные книги посвящены жизни и боевым подвигам воинов, удостоенных звания Героя Советского Союза: А.-Х. Т. Канкошева, А. Ю. Байсултанова и Г. А. Кузнецова, М. М. Уммаева [Занкишиев 1971; Кауфов 1971; Мизиев 2005; Мухажир Уммаев 2015; Эльберд 1971].

Боевым действиям Красной Армии в период оборонительных и наступательных боев на территории Кабардино-Балкарии посвящены работы А. А. Гречко, А. М. Гусева, И. В. Давыдова, Ф. В. Захарова, И. В. Романова, Е. Т. Хакушева, О. Л. Опрышко [Битва за Кавказ 2002; Гречко 1969; Гусев 1972; Давыдов 1946; Захаров, Романов 1962; Опрышко 1970, 1976; Хакушев 1971, 1971а, 1968].

Партизанское движение на территории Кабардино-Балкарии рассматривается в работах А. В. Грудциной, Е. Т. Хакушева. На основе архивных документов и воспоминаний очевидцев показаны действия партизан в Республике [Грудцина 1968; Хакушев 1971].

Определенный интерес представляют опубликованные мемуары фронтовиков — боевых офицеров Б. М. Карданова, К. Л. Карданова, М. И. Казьмина, В. Д. Лесева, А. Х. Налоева [Казьмин 1968, 1972; Карданов 1978; Карданов К. Л. 1985; Лесев 1975, Налоев 2001].

Несмотря на большое количество разнохарактерных и разноплановых работ, опубликованных по данной проблеме в советский период, следует признать, что история Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны еще нуждается в научном осмыслении. При всей бесспорной ценности собранного фактического материала и его научной интерпретации многие из анализируемых выше работ, и прежде всего те, которые написаны до 1960-х гг., носят описательный характер, относительно скупо представлена в них документальная основа. В некоторых исследованиях изложение событий и фактов очевидно, что получило ныне распространенный характер, приукрашивается. В ряде работ просматриваются элементы тенденциозности, связанные прежде всего с подчинением истории политике.

В большинстве исследований слабо представлена необходимая источниковедческая база, сомнительна научная ценность отдельных публиковавшихся документов и материалов. Они, как правило, использовались для иллюстрации господствовавших в тогдашней историографии схем и положений. В издававшихся документальных сборниках наблюдается дублирование материала.

В целом, первый и второй этапы развития историографии исследуемой нами

проблемы отмечены накоплением богатого фактического материала, который не был в достаточной степени осмыслен на основе современных методологических принципов (научность, историзм, объективность, системность).

Третий этап в освещении истории Великой Отечественной войны начался в 1990-е гг. Наступление его связано с демократизацией общественной жизни, открытием секретных фондов и возможностью использования новой методологии. Заметным явлением на этом этапе стало издание фундаментального труда по истории Великой Отечественной войны в 12 томах. Это первая попытка в новейшей истории России дать всестороннюю и объективную оценку событиям Великой Отечественной войны. В первом томе излагаются современные взгляды на проблемы Великой Отечественной войны [Великая Отечественная... 2011–2015].

Проблемам формирования современной российской историографии истории Северного Кавказа посвящена монография Е. Ф. Кринко, Т. П. Хлыниной [Кринко, Хлынина 2009]. В ней рассматриваются особенности региональной и общероссийской историографии, природа и характер возникновения наиболее острых и дискуссионных сюжетов.

Анализируя новейшие региональные исследования, авторы подчеркивают, что «тенденция героизации прошлого, порождающая новые исторические мифы, нередко связана с развитием этнического самосознания. В результате характерной моделью освещения участия того или иного народа в войне становится пересказ подвигов его представителей на фронте и в тылу. Данный подход находит свое отражение, например, в попытках посчитать, какой народ внес больший вклад в дело победы или в максимальной степени пострадал от жесткостей сталинского режима» [Кринко, Хлынина 2009: 55].

На наш взгляд, данный вывод не вполне объективен. Каждый народ советской страны внес посильный вклад в борьбу с фашизмом как на фронте, так и в тылу. Поэтому изучение подвигов представителей народов Советского Союза в войне против фашистской Германии имеет непреходящее значение для патриотического воспитания молодежи.

Особый научный интерес представляет монография известных специалистов в области истории Северного Кавказа советского периода А. Ю. Безугольного, Н. Ф. Бугая, Е. Ф. Кринко [Безугольный, Бугай, Кринко 2012]. В монографии рассматриваются наиболее проблемные вопросы, связанные с участием северокавказских народов в Великой Отечественной войне, анализируются особенности организационно-мобилизационной работы в национальных регионах Северного Кавказа и прохождения горцами военной службы, история национальных частей, оккупационный фашистский режим, причины и масштаб явлений коллаборационизма и антисоветского повстанческого движения, депортации ряда народов с исторической родины. В работе дан подробный анализ состояния историографического и источниковедческого освоения перечисленных тем.

Вместе с тем, на наш взгляд, авторы субъективно утверждают, что прямым следствием ограничительной политики государства в области призыва и мобилизаций по социально-политическим и национальным мотивам стала явная диспропорция вкладов различных народов СССР в дело достижения Победы. Так, по их мнению, из Кабардино-Балкарии было призвано в 1941 г. 6777 человек, а число безвозвратных людских потерь среди кабардинцев и балкарцев в годы Великой Отечественной войны составило 3,4 тысячи человек [Безугольный, Бугай, Кринко 2012: 122, 164].

Приведенные цифры не соответствуют действительности. Согласно официальным данным, с начала Великой Отечественной войны всего в Красную Армию по состоянию на 15 августа 1944 г. было призвано из республики 48300 человек. При этом нужно еще учесть призванных в 1938–1940 гг., а также в период с 16 августа 1944 г. по май 1945 г. С учетом этого из Кабардино-Балкарии призвано в Красную Армию до 60 тыс. человек. Численность безвозвратных людских потерь (убитые, умершие от ран, пропавшие без вести и погибшие в плену) составляет, согласно Книге памяти Кабардино-Балкарской Республики, 38 578 человек, в том числе кабардинцев — 14 988 человек, балкарцев — 4 550 человек, русских — 15 750 человек, других национальностей — 3 290 человек [Кабардино-Балкария в годы ... 1975: 658; Книга Памяти 2014–2015].

Кроме того, в коллективной монографии указанных авторов в ряду сведений о награжденных орденами и медалями СССР за годы Великой Отечественной войны представителях народов Северного Кавказа по национальному составу отсутствуют данные по балкарцам [Безугольный, Бугай, Кринко 2012: 236–238]. Авторы не указали, что звание Героя Советского Союза удостоены А. Ю. Байсултанов и М. М. Уммаев. Кроме того, по состоянию на 15.05.2015 г. по неполным данным, выявленным нами на сайте Министерства обороны РФ «Подвиг народа», всего до депортации балкарского народа за боевые подвиги награждены только орденами (Ленина, Красного Знамени, Александра Невского, Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды) более 200 балкарцев. Внесение имен награжденных на указанный сайт еще не завершено, он постоянно пополняется новыми именами [Мизиев 2005; Мухажир Уммаев 2015; Информационный ресурс «Подвиг народа»].

Как известно, в соответствии с секретным распоряжением начальника VIII Управления Генерального штаба, принятым в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля 1944 г. «О переселении балкарцев, проживающих в Кабардино-Балкарской АССР, и о переименовании Кабардино-Балкарской АССР в Кабардинскую АССР», все военнослужащие балкарской национальности подлежали снятию с фронта независимо от звания, наград, заслуг [Сабанчиев 2008: 274].

Однако в реальной действительности все обстояло сложнее, чем в служебном циркуляре. Многие командиры, очевидно, зная своих товарищей по оружию не только по анкетным данным, брали на себя ответственность и не только оставляли их на фронте, но и представляли балкарцев к награждению. Так, Якуб Цикоевич Базиев (балкарец, призван Черекским РВК КБАССР), капитан, зам. командира полка, в боях на территории Германии и при взятии Берлина проявил исключительную смелость и отвагу. 3 мая 1945 г. командир 1894-го самоходного артполка майор Грипков составил наградной лист на Я. Ц. Базиева, представляя его к ордену Ленина. В представлении в графе «Национальность» записано «русский», в графе «Каким РВК призван» указывалось «Пятигорским ГВК». Это делалось специально, чтобы в высших инстанциях власти пред-

ставление к награде не было отклонено. Приказом 3-й гвардейской армии № 0171 от 31 мая 1945 г. капитан Я. Ц. Базиев был награжден орденом Александра Невского [Опрышко 2012: 28].

Аналогичный пример: Кеккез Магомедович Эльсуеров (балкарец, призван Нальчикским РВК), командир стрелковой роты 827-го стрелкового полка 302-й стрелковой дивизии, гвардии старший лейтенант, проявил героизм в боях за освобождение Польши. В наградном листе Эльсуерова, подписанном 25 августа 1944 г. командиром полка подполковником Н. Т. Дужиком, имя и отчество Эльсуерова записаны как «Николай Михайлович», а национальность – «русский». Именно поэтому в приказе командира 28-го стрелкового корпуса № 059/н от 3 сентября 1944 г. командир стрелковой роты 827-го стрелкового полка 302-й стрелковой дивизии, гвардии старший лейтенант был награжден Орденом Отечественной войны I степени, а за освобождение г. Кракова и Берлинскую операцию он же был награжден 28 февраля 1945 г. орденом Отечественной войны II степени и 30 апреля 1945 г. — орденом Александра Невского [Опрышко 2012: 55, 156]. И таких примеров множество.

Таким образом, приведенные выше факты свидетельствуют о том, что численность призванных в ряды Красной Армии, людских потерь, награжденных уроженцев Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны требуют тщательного изучения.

Предметом острых дискуссий являются также некоторые вопросы, связанные с историей 115-й Кабардино-Балкарской национальной кавалерийской дивизии, сформированной из уроженцев Кабардино-Балкарии в 1941 г. В первую очередь это касается численности состава дивизии. Исследователи Т. М. Катанчиев, С. И. Аккиева, Х.-М. А. Сабанчиев, опираясь на воспоминания бывших воинов дивизии (без привлечения архивных документов), утверждают, что общая численность 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии составляла 5500 человек [Аккиева, Сабанчиев 2014: 9; Катанчиев 1999: 9]. Между тем, в соответствии с постановлением ГКО СССР от 13.11.1941 г. за № 894 сс, на территории СКВО предполагалось сформировать национальные кавалерийские дивизии, в том

числе 115-ю Кабардино-Балкарскую кавалерийскую дивизию численностью до 3500 человек.

Данная цифра подтверждается рядом документов — прежде всего решением Нальчикского комитета обороны от 25.11.1941 г. о размещении в населенных пунктах Республики 3000 человек, призванных в 115-ю Кабардино-Балкарскую национальную кавалерийскую дивизию [Кабардино-Балкария в годы... 1975: 423, 658]. Кроме того, согласно письму Нальчикского комитета обороны командованию Северо-Кавказского военного округа от 09.12.1941 г., начальник снабжения 115-й кавдивизии Безруков был командирован в Ростов-на-Дону для получения комплектов черкесок и башлыков в количестве 3500 штук. И еще один немаловажный факт: для 115-й кавалерийской дивизии колхозы Кабардино-Балкарии поставили свыше 3000 лошадей [Лики войны 1996: 58, 69].

В своей монографии А. Ю. Безугольный, Н. Ф. Бугай, Е. Ф. Кринко на основе архивных материалов указывают, что к моменту отправки на фронт численность дивизии составляла 4508 человек [Безугольный, Бугай, Кринко 2012: 199]. На наш взгляд, эта цифра — наиболее реальна, но с учетом всех приданных 115-й кавалерийской дивизии подразделений.

Следует уточнить и потери 115-й кавалерийской дивизии. А. Т. Хатукаев в своей работе пишет, что, в соответствии с приказом войскам 51-А от 15.10.1942 г., из уцелевших подразделений 115-й кавдивизии были сформированы «истребительно-противотанковый дивизион и отдельные дивизионы разведки, вошедшие в 4-й кавалерийский корпус» [Хатукаев 1985: 164]. В выявленном в ЦАМО РФ списке потерь личного состава 115-й кавалерийской дивизии, составленном 15.09.1942 г. (за подписью начальника штаба дивизии подполковника М. С. Эхохина) и направленном в Центральное бюро учета потерь личного состава Красной Армии, числится 3019 человек, в том числе погибших — 878, пропавших без вести — 928, попавших в плен — 5, эвакуированных — 8, раненых — 846 [ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 818883]. Однако анализ указанных потерь показал, что 219 человек, числившихся пропавшими без вести, оказались живыми. Не удалось пока выяснить судьбу 135 человек. Полагаем, что они попали в плен.

Заслуживает внимания исследование О. Л. Опрышко «Кабардино-Балкария в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Автор приводит новые сведения о боевых действиях партизан на территории Республики, участии уроженцев Республики на фронтах войны, вкладе тружеников тыла в победу над фашизмом [Опрышко 2007].

Новый аспект исследуемой темы представлен в книге «Кабардино-Балкария: тыл и фронт 1941–1945», посвященной вкладу народов Кабардино-Балкарии в достижение победы над фашизмом. В работе освещаются мобилизационные мероприятия по перестройке работы предприятий, учреждений, колхозов и совхозов на нужды фронта. Особое внимание уделяется самоотверженности и героизму, проявленным уроженцами региона в тылу и на различных фронтах войны [Кабардино-Балкария 2005].

Изучению, обобщению и осмыслению причин этнической депортации народов СССР в годы Великой Отечественной войны посвящены работы Н. Ф. Бугая, А. М. Гонова, Х.-М. А. Сабанчиева, С. И. Аккиевой и др. [Аккиева, Сабанчиев 2014; Бугай 1989, 1992, 1995; Бугай, Гонов 1997; Сабанчиев 2004, 2008]. В основу оценки причин принудительного выселения народов в них положены материалы XX съезда КПСС, где указано, что «причины массового выселения со своих родных мест целых народов никак не диктовались военными соображениями, поскольку в 1943 г. на фронтах Великой Отечественной войны определился коренной перелом в ходе войны» [О культуре личности...1989].

Вместе с тем некоторые исследователи придерживаются иной точки зрения на данную проблему. Они мотивируют необходимость депортации рядом факторов: военными событиями, обстановкой на фронте и в тылу, замыслами немецких спецслужб в отношении народов Северного Кавказа,

а также ролью «бандформирований» [Аренин 2010; Вылцан 1995; Кречетнев 2009; Марченко 2002; Пыхалов 2008; Сидоренко 1994; Сеницын 2011; Смирнов 2010]. В сущности, указанные авторы считают указы Президиума Верховного Совета СССР о выселении целых народов правомерными. На наш взгляд, нельзя отрицать факты коллаборационизма, как это сегодня делают некоторые исследователи, но недопустимо преувеличивать это явление, как это происходило в 1942–1946 гг. для оправдания насильственного выселения народов.

В контексте подобных разноречивых суждений выявление объективных предпосылок и основных причин этнических депортаций является и сегодня актуальной научной проблемой.

В целом в отечественной историографии накоплен значительный опыт исследования истории народов Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны. В то же время в изучении указанной проблемы остается много не исследованных до конца вопросов, которые нуждаются в уточнении как путем проведения дополнительной работы с архивными источниками, так и путем проведения научных дискуссий.

Особо следует отметить, что в историографии отсутствуют обобщающие исследования по ряду важных проблем: деятельности государственных органов и общественных организаций, социальных процессов, повседневной жизни населения и формирования этнического сознания народов Кабардино-Балкарии. Требуют дополнительного изучения учетно-мобилизационные мероприятия, причины ограничительной политики государства в области призыва, дезертирства и коллаборационизма в регионе, численность призванных в ряды Красной Армии, людских потерь, судьбы военнопленных, подвиги уроженцев Кабардино-Балкарии в годы войны.

Источники

- Бугай Н. Ф. Иосиф Сталин – Лаврентию Берию: «Их надо депортировать...»: документы, факты, комментарии. М., 1992. 228 с.
- Бугай Н. Ф., Гонов А. М. «По решению Правительства Союза ССР». Нальчик: Эльфа, 2003. 927 с.
- Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник документов и материалов. Нальчик: Эльбрус, 1975. 795 с.

- Лики войны: сб. документов и материалов по истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Нальчик, 1996. 500 с.
- О культуре личности и его последствиях: доклад Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева к XX съезду КПСС 25 февраля 1956 года // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 128–170.
- Информационный ресурс «Подвиг народа» [Электронный ресурс] // URL: <http://>

www.podvignaroda.mil.ru (дата обращения: 03.05.2015).

Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 58. Оп. 818883.

Литература

- Акжиева С. И., Сабанчиев Х.-М. А.* Балкарский народ в годы войны и депортации (1941–1957 гг.) (к 70-летию насильственного выселения балкарского народа). Нальчик: Эльбрус, 2014. 320 с.
- Арепин С. П.* Борьба органов НКВД с бандитизмом и дезертирством в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Северо-Кавказского региона): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2010.
- Башилов М. Л., Исмаилов А. И.* Комсомольцы в боях за Родину // Из истории комсомола Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969. С. 75–98.
- Безугольный А. Ю., Бугай Н. Ф., Кринко Е. Ф.* Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945. М.: Центрполиграф, 2012. 479 с.
- Битва за Кавказ. М: Триада-ф, 2002. 428 с.
- Боевая слава Кабардино-Балкарии: очерки. В 6-ти кн. Нальчик. Кн. 1. 1965. 399 с.; Кн. 2. 1966. 662 с.; Кн. 3. 1975. 592 с.; Кн. 4. 1980. 512 с.; Кн. 5. 1986. 560 с.; Кн. 6. 1994. 640 с.
- Бугай Н. Ф.* Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...»: документы, факты, комментарии. М., 1992. 228 с.
- Бугай Н. Ф.* К вопросу о депортации народов СССР в 30–40-х годах // История СССР. 1989. № 6. С. 135–144.
- Бугай Н. Ф.* Л. Берия – И. Сталину: «согласно Вашему указанию...». М., 1995. 320 с.
- Бугай Н. Ф., Гонов А. М.* В Казахстан и Киргизию из Приэльбрусья (20–50-е годы). Нальчик: Эльбрус, 1997. 285 с.
- Бурякова Т., Кабаненко В.* Воспитанники комсомола в годы Великой Отечественной войны // Боевой путь комсомола Кабардино-Балкарии: сборник статей и воспоминаний. Нальчик, 1960. С. 43–60.
- В огне закаленные. О боевых делах воинов 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии / ред. кол.: К. Н. Керефов, Т. М. Катанчиев, С. М. Черкесов, Х. Х. Гатаев. Нальчик: Эльбрус, 1995. 176 с.
- Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12-ти тт. М: Воениздат. Т. 1. 2011. 993 с.; Т. 2. 2012. 1058 с.; Т. 3. 2012. 864 с.; Т. 4. 2012. 864 с.; Т. 5. 2013. 864 с.; Т. 6. 2013. 864 с.; Т. 7. 2013. 864 с.; Т. 8. 2014. 864 с.; Т. 9. 2014. 864 с.; Т. 10. 2014. 864 с.; Т. 11. 2015. 864 с.; Т. 12. 2015. 864 с.
- Вылцан М. А.* Депортация народов в годы Великой Отечественной войны // Этнографическое обозрение. 1995. № 3.
- Гречко А. А.* Битва за Кавказ. М.: Воениздат, 1969. 563 с.
- Грудцина А. В.* Партизанская быль. Нальчик, 1968. 178 с.
- Гусев А. М.* От Эльбруса до Антарктиды. М., 1972. С. 221–233.
- Давыдов И. В.* Красная Армия – защитница и освободительница народов Кабарды от немецко-фашистских захватчиков // Кабардинская АССР: сборник статей. Нальчик, 1946. С. 351–394.
- Давыдов И. В.* Партийная организация Кабардино-Балкарии в период Великой Отечественной войны. Нальчик, 1961. 172 с.
- Давыдов И. В.* Сыны Кабарды на фронтах Отечественной войны: сборник статей, писем и очерков. Нальчик, 1945. 122 с.
- Евдокимов И. Ф.* Сыны Кабардино-Балкарии в героической обороне Киева. Нальчик, 1966. 97 с.
- Жакомихов Т. А.* Народное хозяйство Кабардино-Балкарской АССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) и его восстановление в послевоенные годы (1946–1950 гг.) // История народного хозяйства Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1967. Ч. II. С. 97–144.
- Занкишиев Х.* Сын гор – сокол Балтики. Нальчик, 1971. 118 с.
- Захаров Ф. В., Романов И. В.* Плечом к плечу: повесть-хроника. Нальчик, 1962. 193 с.
- История Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. 6. М.: Воениздат, 1965. 365 с.
- История многовекового содружества: к 450-летию единения народов Кабардино-Балкарии с Россией. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2007. 720 с.
- История советской политической цензуры: документы и комментарии. 1917–1993 гг. М.: РОССПЭН, 1997. 672 с.
- Кабанов А. С.* Нальчик в годы Великой Отечественной войны // Нальчик – столица Советской Кабарды. Нальчик, 1950. С. 118–147.
- Кабардино-Балкария: тыл и фронт 1941–1945 (к 60-летию Великой Победы) / сост.: Х. М. Думанов, В. Х. Кажаров, А. И. Тетугев, О. Л. Опрышко. Нальчик: Эльфа, 2005. 340 с.
- Казьмин М.* Их звали комиссарами. Нальчик, 1968. 111 с.
- Казьмин М.* Однополчане. Нальчик, 1972. 159 с.

- Карданов Б. М. Память сердца. Нальчик: Эльбрус, 1978. 279 с.
- Карданов К. Л. Полет к Победе. Нальчик: Эльбрус, 1985. 280 с.
- Катанчиев Т. М. Правда о дивизии: к истории 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. Нальчик: Эльфа, 1999. 220 с.
- Кауфов Х. Орел умирает в полете. Нальчик, 1971. 118 с.
- Книга Памяти Кабардино-Балкарской Республики (сост.: О. Л. Опрышко, А. И. Тетуев, Х.А. Атабиев) Нальчик: Эльбрус. В 4 тт.: Т. 1. 2014. 448 с.; Т. 2. 2014. 408 с.; Т. 3. 2015. 424 с.
- Крекотнев А. Погиб в бою // Ветеран. 2009. № 10.
- Кринко Е. Ф., Хлынина Т. П. История Северного Кавказа в 1920–1940 гг.: современная российская историография. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. 304 с.
- Лесев В. Д. Поиск продолжается. Нальчик, 1975. 203 с.
- Марченко Г. В. Государственная национальная политика на Северном Кавказе (20–40-е гг. XX в.). Ростов-на-Дону, 2002. 428 с.
- Мизиев Т. С. Алим Байсултанов – легенда Балтики. Нальчик, 2005. 269 с.
- Мухажир Уммаев: статьи, очерки, воспоминания о Герое Советского Союза Мухажире Уммаеве. Литературные произведения Мухажира Уммаева. Документальные материалы / сост. Т. С. Мизиев. Нальчик: Эльбрус. 2015. 232 с.
- Налоев А. Х. Избранное в 2-х тт. Нальчик: Эльбрус, 2001. Кн. 1. – 328 с.; Кн. 2 – 296 с.
- Опрышко О. Л. Заоблачный фронт Приэльбрусья. М.: Воениздат, 1976. 149 с.
- Опрышко О. Л. Золотые звезды Кабардино-Балкарии. Нальчик, 2010. 168 с.
- Опрышко О. Л. Кабардино-Балкария в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // История многовекового содружества: к 450-летию единения народов Кабардино-Балкарии с Россией. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2007. С. 378–400.
- Опрышко О. Л. Кавалеры полководческих и флотоводческих орденов периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Нальчик: КБИГИ, 2012. 166 с.
- Опрышко О. Л. На Эльбруском направлении. Нальчик, 1970. 167 с.
- Пыхалов И. В. За что Сталин выселял народы. Сталинские депортации – преступный произвол или справедливое возмездие? М.: Яуза-пресс, 2008. 480 с.
- Сабанчиев Х.-М. А. Балкарцы: выселение и возвращение. Нальчик: Эльбрус, 2008. 437 с.
- Сабанчиев Х.-М. А. Были сосланы навечно. Нальчик: Эльбрус, 2004. 160 с.
- Сидоренко В. П. Войска НКВД на Кавказе в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1999. 417 с.
- Синицын Ф. Л. Сопrotивление народов СССР депортациям // Вопросы истории. 2011. № 2. С. 32–51.
- Смирнов П. А. Депортация как способ борьбы с «пятой колонной» в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // URL: <http://www.chekist> (дата обращения: 03.05.2015).
- Хакуашев Е. Т. Боевое братство: 1941–1945 гг. Нальчик: Эльбрус, 1983. 167 с.
- Хакуашев Е. Т. Боевые действия партизан Кабардино-Балкарии // В боях за Кабардино-Балкарию. Нальчик, 1971. С. 97–113.
- Хакуашев Е. Т. В боях за Кабардино-Балкарию (1942–1943 гг.). Нальчик, 1971а. 37 с.
- Хакуашев Е. Т. Героизм сынов и дочерей Кабардино-Балкарии в наступательных боях // История Кабардино-Балкарской АССР. М.: Наука, 1967. Т. 2. С. 259–276.
- Хакуашев Е. Т. Золотые звезды Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1975. 20 с.
- Хакуашев Е. Т. Из истории Нальчикской оборонительной операции // Вестник КБНИИ. Нальчик, 1968. Вып. I. С. 44–60.
- Хакуашев Е. Т. Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Нальчик, 1978. 318 с.
- Хатукаев А. Т. Боевой путь 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. Нальчик, 1971. 234 с.
- Хатукаев А. Т. Славой овеянные. Боевой путь 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. Нальчик, 1985. 240 с.
- Эльберд М. (Мальбахов Э. Т.) Набирая высоту. Нальчик, 1971. 146 с.

Sources

- [Faces of War: Collected Documents and Historical Materials on Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Nalchik, 1996. 500 p. (In Russ.)
- [Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War of 1941–1945: Collected Documents and Materials]. Nalchik: Elbrus, 1975. 795 p. (In Russ.)
- [People's Valor: Web Resource]. Available at: <http://www.podvignaroda.mil.ru> (accessed: May 3, 2015). (In Russ.)
- Bugay N. F. [Joseph Stalin to Lavrentiy Beria: 'Those Should Be Deported ...': Documents, Facts, Comments]. Moscow, 1992. 228 p. (In Russ.)
- Bugay N. F., Gonov A. M. ['By the Decision of the Soviet Government ...']. Nalchik: Elfa, 2003. 927 p. (In Russ.)
- Central Archives of the Russian Ministry of Defense. Coll. 58. Ser. 818883. (In Russ.)
- On the Cult of Personality and Its Consequences: report by Nikita Khrushchev, First Secretary of the Communist Party of the Soviet Union, made to the 20th Congress of the CPSU on 25 February 1956. *Izvestiya TsK KPSS*. 1989. No. 3. Pp. 128–170. (In Russ.)

References

- [Hardened in Fire: Warriors of the 115th Kabardino-Balkarian Cavalry Division and Their Deeds of Valor]. K. N. Kerefov et al (eds.). Nalchik: Elbrus, 1995. 176 p. (In Russ.)
- [Memorial Book of the Kabardino-Balkarian Republic]. In 4 vols. O. L. Opryshko et al. (comps.). Nalchik: Elbrus, 2014–2015. Vol. 1, 448 p.; vol. 2, 408 p.; vol. 3, 424 p. (In Russ.)
- [Military Glory of Kabardino-Balkaria: Collected Essays]. In 6 vols. Nalchik, 1965 – 1994. Vol. 1, 399 p.; vol. 2, 662 p.; vol. 3, 592 p.; vol. 4, 512 p.; vol. 5, 560 p.; vol. 6, 640 p. (In Russ.)
- [Mukhazhir Ummaev: Articles, Essays, Memoirs about the Hero of the Soviet Union, His Literary Works, and (Related) Documentary Materials]. T. S. Miziev (comp.). Nalchik: Elbrus. 2015. 232 p. (In Russ.)
- [Struggle for the Caucasus]. Moscow: Triada-F, 2002. 428 p. (In Russ.)
- [The Great Patriotic War of 1941–1945]. In 12 vols. Moscow: Voениzdat, 2011–2015. Vol. 1, 993 p.; vol. 2, 1058 p.; vol. 3, 864 p.; vol. 4, 864 p.; vol. 5, 864 p.; vol. 6, 864 p.; vol. 7, 864 p.; vol. 8, 864 p.; vol. 9, 864 p.; vol. 10, 864 p.; vol. 11, 864 p.; vol. 12, 864 p. (In Russ.)
- Akkieva S. I., Sabanchiev Kh.-M. A. [Balkar People during the War and Deportation: 1941–1957 (Commemorating the 70th Anniversary of the Balkar Deportation)]. Nalchik: Elbrus, 2014. 320 p. (In Russ.)
- Arenin S. P. [Struggle of NKVD Organs against Banditry and Desertion during the Great Patriotic War of 1941–1945: a Case Study of the North Caucasus Region]. Cand.Sc. (history) thesis abstract. Saratov, 2010. (In Russ.)
- Bashloev M. L., Ismailov A. I. Komsomol members in battles for Motherland. In: [Komsomol of Kabardino-Balkaria: Glimpses of History]. Nalchik, 1969. Pp. 75–98. (In Russ.)
- Bezugolny A. Yu., Bugay N. F., Krinko E. F. [North Caucasian Highlanders in the Great Patriotic War of 1941–1945]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2012. 479 p. (In Russ.)
- Bugay N. F. [Joseph Stalin to Lavrentiy Beria: 'Those Should Be Deported ...': Documents, Facts, Comments]. Moscow, 1992. 228 p. (In Russ.)
- Bugay N. F. [L. Beria to J. Stalinu: 'According to Your Directive ...']. Moscow, 1995. 320 p. (In Russ.)
- Bugay N. F. Deportation of Soviet peoples in the 1930s–1940s revisited. *Istoriya SSSR*. 1989. No. 6. Pp. 135–144. (In Russ.)
- Bugay N. F., Gonov A. M. [From the Elbrus Region to Kazakhstan and Kirgizia: 1920s – 1950s]. Nalchik: Elbrus, 1997. 285 p. (In Russ.)
- Buryakova T., Kabanenko V. Komsomol youths during the Great Patriotic War. In: [The Combat Path of Kabardino-Balkaria's Komsomol: Collected Articles and Memoirs]. Nalchik, 1960. Pp. 43–60. (In Russ.)
- Davydov I. V. [Kabardino-Balkaria's Party Organization during the Great Patriotic War]. Nalchik, 1961. 172 p. (In Russ.)
- Davydov I. V. [Sons of Kabardia in the Battles of the Great Patriotic War]. Collected articles. (In Russ.)
- Davydov I. V. The Red Army – defender and liberator of Kabardia's peoples. In: [Kabardian ASSR]. Coll. papers. Nalchik, 1946. Pp. 351–394. (In Russ.)

- Elberd M. (Malbakhov E. T.) [Gaining Height]. Nalchik, 1971. 146 p. (In Russ.)
- Grechko A. A. [Struggle for the Caucasus]. Moscow: Voениzdat, 1969. 563 p. (In Russ.)
- Grudtsina A. V. [The Authentic Story of Partisan Movement]. Nalchik, 1968. 178 p. (In Russ.)
- Gusev A. M. [From Elbrus to Antarctica]. Moscow, 1972. Pp. 221–233. (In Russ.)
- Katanchiev T. M. [Truth about the Division: History of the 115th Kabardino-Balkarian Cavalry Division Revisited]. Nalchik: Elfa, 1999. 220 p. (In Russ.)
- Kaufov Kh. [The Eagle Dies in the Sky]. Nalchik, 1971. 118 p. (In Russ.)
- Khakuashev E. T. [Combat Brotherhood: 1941–1945]. Nalchik: Elbrus, 1983. 167 p. (In Russ.)
- Khakuashev E. T. [Gold Stars of Kabardino-Balkaria]. Nalchik, 1975. 20 p. (In Russ.)
- Khakuashev E. T. [Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Nalchik, 1978. 318 p. (In Russ.)
- Khakuashev E. T. [Struggling for Kabardino-Balkaria: 1942–1943]. Nalchik, 1971. 37 p. (In Russ.)
- Khakuashev E. T. Guerrilla operations in Kabardino-Balkaria. In: [Struggling for Kabardino-Balkaria]. Nalchik, 1971. Pp. 97–113. (In Russ.)
- Khakuashev E. T. Heroism of Kabardino-Balkaria's sons and daughters in offensive combats. In: [History of the Kabardino-Balkarian ASSR]. Moscow: Nauka, 1967. Vol. 2. Pp. 259–276. (In Russ.)
- Khakuashev E. T. Nalchik defensive operation: glimpses of history. *Vestnik KBNII*. 1968. Is. I. Pp. 44–60. (In Russ.)
- Khatukaev A. T. [115th Kabardino-Balkarian Cavalry Division: Combat Path]. Nalchik, 1971. 234 p. (In Russ.)
- Khatukaev A. T. [Covered with Glory: Combat Path of the 115th Kabardino-Balkarian Cavalry Division]. Nalchik, 1985. 240 p. (In Russ.)
- Krekotnev A. Killed in action. *Veteran*. 2009. No. 10. (In Russ.)
- Krinko E. F., Khlynina T. P. [History of the North Caucasus, 1920–1940: Modern Russian Historiography]. Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of RAS, 2009. 304 p. (In Russ.)
- Lesev V. D. [Search Activities Proceed]. Nalchik, 1975. 203 p. (In Russ.)
- Marchenko G. V. [State National Policy in the North Caucasus: 1920s – 1940s]. Rostov-on-Don, 2002. 428 p. (In Russ.)
- Miziev T. S. [Alim Baysultanov – Legend of the Baltic Region]. Nalchik, 2005. 269 p. (In Russ.)
- Naloev A. Kh. [Selected Works]. In 2 vols. Nalchik: Elbrus, 2001. Vol. 1, 328 p.; vol. 2, 296 p. (In Russ.)
- Opryshko O. L. [Elbrus Region: Battlefield beyond Clouds]. Moscow: Voениzdat, 1976. 149 p. (In Russ.)
- Opryshko O. L. [Gold Stars of Kabardino-Balkaria]. Nalchik, 2010. 168 p. (In Russ.)
- Opryshko O. L. [Great Patriotic War of 1941–1945: Holders of Orders for Army and Fleet Executives]. Nalchik: Kabardino-Balkarian Humanities Research Institute, 2012. 166 p. (In Russ.)
- Opryshko O. L. [In the Elbrus Theater of Operations]. Nalchik, 1970. 167 p. (In Russ.)
- Opryshko O. L. Kabardino-Balkaria in the Great Patriotic War of 1941–1945. In: [History of Centuries-Long Cooperation: Celebrating the 450th Anniversary of Russia's Annexation of Kabardino-Balkaria]. Nalchik: M. and V. Kotlyarov, 2007. Pp. 378–400. (In Russ.)
- Pykhalov I. V. [Why Stalin Deported Nations: Stalinist Deportations – Criminal Despotism or Just Punishment?]. Moscow: Yauza-Press, 2008. 480 p. (In Russ.)
- Sabanchiev Kh.-M. A. [Balkars: Deportation and Return]. Nalchik: Elbrus, 2008. 437 p. (In Russ.)
- Sabanchiev Kh.-M. A. [Those Deported Forever]. Nalchik: Elbrus, 2004. 160 p. (In Russ.)
- Sidorenko V. P. [NKVD Troops in the Caucasus during the Great Patriotic War]. St. Petersburg, 1999. 417 p. (In Russ.)
- Sinitsyn F. L. Resistance of Soviet peoples to deportations. *Voprosy istorii*. 2011. No. 2. Pp. 32–51. (In Russ.)
- Smirnov P. A. [Behind the Scenes of the Great Patriotic War: Deportation as a Means to Demolish the Fifth Column]. Available at: <http://www.chekist> (accessed: May 3, 2015). (In Russ.)
- Vyltsan M. A. Deportation of nations during the Great Patriotic War. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1995. No. 3. (In Russ.)

СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАСКОПКИ КУРГАННОЙ ГРУППЫ ВОСТОЧНЫЙ МАНЫЧ–1967

Rescuing the Archeological Excavations of the Vostochniy Manych–1967 Barrow Group

Э. А. Кекеев (E. Kekeev)¹, Е. Г. Буратаев (E. Burataev)²

¹младший научный сотрудник отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Researcher of History and Archeology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: kekeev.kekeev@yandex.ru.

²младший научный сотрудник отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Researcher of History and Archeology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: burataev1981@mail.ru.

Статья посвящена результатам изучения сохранности археологических находок из раскопок У. Э. Эрдниева и И. В. Сеницына трех курганных групп могильника Восточный Маныч в 1967 г.

Ключевые слова: Восточный Маныч, спасательные раскопки, курган, погребение, музейная коллекция, археологические находки

The article considers the results of the excavations of barrow groups in Vostochniy Manych–1967. The excavations were carried out by Prof. U.E. Erdniev and Prof. I.V. Sinitin in 1967 in the construction zone of Chograisкое reservoir. Earlier the findings of the excavations of the burial grounds Lola I and II, Arkhara and Vostochniy Manych (1965, 1966) have been studied and the results of the research have been published. 30 barrows and 255 burials were studied in 1967. The barrows are located on the southern (right) bank of the river which is subject to flooding. The proportion of burials of the Bronze Age is predominant in the barrow group and make 83.5 % (213 out of 255 burials). The archeological findings from the 1967 excavations are stored in the National Museum of the Republic of Kalmykia named after N. N. Palmov. The article provides a list of the findings stored in the Museum. The results of the excavations were highlighted in the series of the articles "Archeological sites of the Southern Yergeni" (1982). The prolonged interval had a negative impact on the evaluation of the work carried out. The solution to this problem is to collect all the materials together, to create a common database of all the projects undertaken in Kalmykia which will allow not only to preserve the heritage, but also to reconsider the results of the work undertaken.

Keywords: the Vostochniy Manych, rescuing excavations, barrow, burial, museum collection, archeological findings.

Раскопки 1965–1967 гг. являются одними из самых масштабных работ на территории Республики Калмыкия. Раскопки связаны с памятниками, расположенными в зоне строительства плотины Чограйского водохранилища и на территории, подлежащей затоплению. За три полевых сезона исследовано 329 курганов, 1539 погребений.

Ранее были рассмотрены результаты раскопок курганной группы Восточный Маныч полевых сезонов 1965 и 1966 гг. [Кекеев 2011, 2014]. В данной статье будет проведен анализ археологических раскопок

сезона 1967 г.

В сезоне 1967 г. было изучено 30 курганов с 255 погребениями. Группа располагалась на правом берегу р. Восточный Маныч в зоне строительства Чограйской плотины и являлась продолжением курганной группы, исследованной И. В. Сеницыным и У. Э. Эрдниевым в 1965 г. (ВМ-пб-65). Курганы располагались на южном (правом) берегу в полосе, подлежащей затоплению [Эрдниев 1982: 8]. Данная территория до строительства Чограйского водохранилища не подвергалась археологическому из-

учению. Таким образом, У. Э. Эрдниеву и И. В. Синицыну принадлежит приоритет в этой области исследования.

Так как в публикациях отсутствует кар-

тосхема курганной группы, она была воссоздана на основе описания, данного в тексте отчета о раскопках (рис. 1) [Эрдниев 1982].

Таблица 1.

*Курганный могильник Восточный Маныч, 1965 г.
Общее количество курганов, погребений
и их культурно-хронологическая принадлежность*

Год раскопок	Могильник	Кол-во погребений	Погребения эпохи бронзы			Погребения раннего железного века		Погребения эпохи средневековья			Неопределенные погребения
			Ямная культура	Катакомбная культура	Срубная культура	Сарматский период	Скифское время	Период поздних кочевников	Половцы	Золотоордынский период	
1967	ВМ-пб-67	255	68	145	0	29	8	1	2	0	2
Итого в 1967 г.		255	68	145	0	29	8	1	2	0	2

Всего в 1967 г. в курганной группе раскопано 30 курганов с 255 погребениями. Нужно отметить, что количество погребений в среднем на один курган очень большое — 8,5 (табл. 1). В среднем по Калмыкии это число равняется 3,3. Насыщенность погребений в одном погребении вообще характерна для могильника, расположенного на правом берегу р. Восточный Маныч. В первой группе, исследованной в 1965 г. (ВМ-пб-65), количество погребений на один курган равнялось 5.

Далее приведены результаты анализа взаиморасположения курганов. Из 30 курганов 29 насыпано в эпоху бронзового века (23 — в эпоху ямной культуры, 6 — в эпоху катакомбной культуры). Один курган насыпан сарматами. Из 68 погребений ямной культуры 23 были основными в курганах, когда лишь 6 погребений катакомбной культуры из 145 имели собственный курган. Сарматы насыпали лишь один курган, остальные 28 погребений были впускными в уже существующих курганах. Представители более поздних эпох не сооружали новых насыпей, а впускали свои погребения в курганы бронзового века (скифское время — 8, поздние кочевники — 1, половцы — 2).

При рассмотрении соотношения погребений различной культурно-хронологиче-

ской принадлежности выявлены основные характеристики памятника. В курганной группе преобладает доля погребений эпохи бронзы: 213 из 255 погребений (83,5 %). Также важно отметить отсутствие в могильнике погребений срубной культуры и периода существования Золотой Орды. Судя по всему, Кумо-Манычская впадина была наиболее интенсивно заселена в бронзовом веке. Наименьшим количеством представлены погребения кочевников: ранний железный век — 37 погребений (14,5 %) и 3 погребения эпохи средневековья (1,2 %). Лишь два погребения остались без определения возраста. Оба погребения были впускными в кургане 4 (погребение 5 и 7). Полное преобладание погребений эпохи бронзы над погребениями остальных эпох (ранний железный век, эпоха средневековья) наблюдаются на всей территории Волго-Манычских степей. Например, среди памятников, раскопанных с 1929 по 1997 гг. на территории Республики Калмыкия, 2510 погребений датированы эпохой бронзы (64,6 %), в то время как общее количество исследованных погребений составляет 3885 [Очир-Горяева 2008].

Таким образом, выявленные закономерности культурно-хронологической принадлежности характерны почти для всех погребений. Самый высокий процент в

определении времени сооружения захоронений наблюдается в курганных группах, где преобладают комплексы бронзового века (датировка производится на основе анализа позы погребенного и инвентаря погребения). Совсем иначе обстоит дело с кочевническими погребениями (раннего железного века и эпохи средневековья), среди которых чаще встречаются безынвентарные погребения в насыпи. Отсутствие инвентаря и стратиграфических данных затрудняет точную датировку таких погребений [Очир-Горяева 2008: 144].

Для изучения сохранности археологического материала из курганной группы Восточный Маныч–1967 была составлена коллекционная опись находок. Находки были охарактеризованы по 45 позициям: могильник, год, номер кургана, номер погребения, номер находки, наименование находки, сохранность, материал, количество, цвет, форма, длина, ширина, толщина, диаметр, высота, место хранения, музейный шифр, музейный номер и т. д.

Всего в сводной таблице учтены данные о 270 находках. Основным материалом изготовления являлась глина — 153 (111 сосудов, 18 курильниц, 2 миски и др.). Вторым материалом по количеству находок являлась бронза — 67 (16 ножей, 9 подвесок, 8 шильев и др.). 27 находок было изготовлено из кости (11 молоточковидных булавок, 5 колец, 3 трубки и др.). Из остальных материалов выделяются камень — 22 находки (9 пестов, 6 орудий, 2 топора, булава и др.) и железо — 13 находок (3 ножа, 2 меча, 2 наконечника стрел и др.).

Находки из раскопок 1967 г. были переданы в три музея: Национальный музей Республики Калмыкия, Краеведческий музей г. Саратова и Государственный Исторический музей (ГИМ). Авторами была проведена работа с находками в Национальном музее Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова. Из 270 находок в хранилище фондов находится лишь 19. 16 из них — это изделия из глины, два каменных орудия и один железный нож (табл. 2).

Таблица 2.

*Курганный могильник Восточный Маныч, 1967 г.
Находки, хранящиеся в фондах Национального музея РК им. Н. Н. Пальмова*

№/№	Наименование	Материал	Могильник	Год	Курган	Погребение	Музейный шифр
1	Сосуд	Глина	Вост. Маныч	1967	1	1	кп 3357/139
2	Сосуд	Глина	Вост. Маныч	1967	5	10	кп 7745/73
3	Сосудик	глина	Вост. Маныч	1967	6	1	кп 3557/723
4	Горшок	глина	Вост. Маныч	1967	9	2	-
5	Нож	железо	Вост. Маныч	1967	9	11	б/н
6	Сосуд	глина	Вост. Маныч	1967	10	11	кп 7745/354
7	Сосуд	глина	Вост. Маныч	1967	11	12	кп 7745/75 о.ф.
8	Сосуд	глина	Вост. Маныч	1967	16	7	кп 3105
9	Кувшин	глина	Вост. Маныч	1967	16	7	кп 7745/209
10	Сосуд	глина	Вост. Маныч	1967	16	7	кп 3557/34 нвф
11	Кувшин	глина	Вост. Маныч	1967	19	2	кп 7745/24
12	Предметы	камень	Вост. Маныч	1967	19	7	-
13	Сосуд	глина	Вост. Маныч	1967	19	8	кп 3357/135 нвф
14	Сосуд	глина	Вост. Маныч	1967	20	3	кп 7745/199
15	Пест	камень	Вост. Маныч	1967	23	-	кп 7745/26
16	Кувшин	глина	Вост. Маныч	1967	25	1	кп 3357/36 нвф
17	Кувшин	глина	Вост. Маныч	1967	27	-	кп 7745/160
18	Сосудик	глина	Вост. Маныч	1967	29	6	кп 3051
19	Сосуд	глина	Вост. Маныч	1967	-	5	кп 3052

Такое малое количество находок может объясняться несколькими причинами: фонды Национального музея не являются основным местом хранения находок, часть находок утеряна или же утеряны их паспорта. По нашим данным, количество беспаспортных находок, находящихся в фондах, — 385. Возможно, какая-то часть принадлежит могильнику Восточный Маныч–1967.

На данном этапе необходимы дальнейшая оценка фондов и сбор информации по остальным могильникам. Ведется работа по созданию базы данных находок: описание, фотографирование, зарисовка и т. д. Подобную работу необходимо осуществить для последующих исследований и для восстановления информации о находках, данные о которых утеряны.

Большинство археологических находок из раскопок могильника Восточный Маныч–1967 изготовлены из прочных материалов, по несложной технологии. Для их хранения требуются просторные поме-

щения с полками или шкафами, поскольку недопустима укладка находок друг на друга — может произойти их деформация или разрушение. Фондохранилище Национального музея РК имеет две комнаты, приспособленных для хранения археологических находок. Судя по упаковкам и биркам, находки из раскопок 1967 г. не подвергались переупаковке и находятся в хорошем состоянии.

Таким образом, в результате анализа археологических памятников курганной группы Восточный Маныч–1967 выявлено, что на протяжении ряда десятилетий не проводился комплексный учет предметов, обнаруженных в ходе раскопок могильника. Решением данной проблемы является сбор воедино всех материалов, создание общей базы данных по всем археологическим проектам, осуществленных на территории Республики Калмыкия, что позволит не только сохранить историческое наследие, но и переосмыслить результаты работ.

Литература

Кекеев Э. А. Анализ археологического материала раскопок курганной группы «Восточный Маныч» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, 2011. № 1. С. 70–74.
 Кекеев Э. А. Спасательные археологические раскопки курганной группы «Восточный Маныч» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, 2014. № 2. С. 73–77.

Очир-Горяева М. А. Археологические памятники волго-маньчских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: ГУ «Издат. дом „Герел“», 2008. 298 с.
 Эрдниева У. Э. Курганный могильник Восточного Маныча (правый берег) // Археологические памятники Южных Ергеней. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. С. 6–52.

References

Erdniev U. E. East Manych burial mounds: right bank. In: [Archaeological Monuments in the South of Ergeni Uplands]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1982. Pp. 6–52. (In Russ.)
 Kekeev E. A. East Manych mound group: analysis of excavated archaeological materials. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2011. No. 1. Pp. 70–74. (In Russ.)
 Ochir-Goryaeva M. A. [Archaeological Monuments of the Volga-Manych Steppe: Compendium of Monuments Investigated across Kalmykia in 1929–1997]. Elista: Gerel, 2008. 298 p. (In Russ.)
 Kekeev E. A. Rescuing the archeological excavations of the Vostochnyi Manych barrow group. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2014. No. 2. Pp. 73–77. (In Russ.)

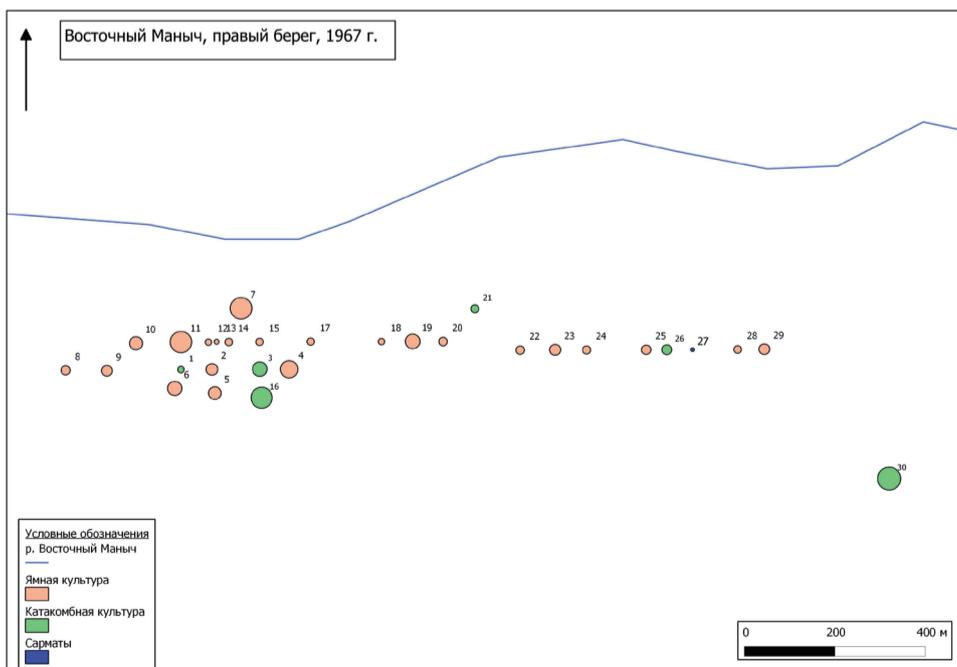

Рисунок 1. Схема курганной группы Восточный Маныч–1967

ЛЕВИРАТ У КАЛМЫКОВ В XIX в. Levirate Marriage of Kalmyks in the XIXth Century

В. В. Батыров (V. Batyrov)¹

¹ кандидат исторических наук, заведующий отделом этнологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of History, Head of Department of Ethnology at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS).
E-mail: valerabatyrov@gmail.com.

В статье рассматриваются вопросы бытования левиратных браков у калмыков в XIX в. Левират был одним из фундаментальных институтов, который обеспечивал устойчивость общества и противостоял процессам социальной и экономической раздробленности. Институт левирата защищал семьи калмыцкой аристократии от утраты материальных и людских ресурсов в результате дробления наследства между наследниками. Среди калмыков-простолюдинов левиратные браки были преимущественно формой экономического брака с целью не допустить дробления семейного хозяйства большой патриархальной семьи. В конце XIX – начале XX вв. большая патриархальная семья постепенно теряет свое значение среди калмыков, все большее распространение получает малая индивидуальная моногамная семья.

Ключевые слова: семья и брак у калмыков, левират, история Калмыкии, традиционная культура, обычное право.

The article is devoted to the question of the existence of the levirate marriage among Kalmyks in the XIXth century. The levirate was one of the fundamental institutions that maintained the stability of society and opposed the processes of social and economic fragmentation. The institute of the levirate of Kalmyk aristocracy defended their family from the loss of material and human resources as a result of fragmentation of the inheritance among the heirs. The levirate marriage among Kalmyk-commoners was predominantly economic form of marriage: to prevent the fragmentation of the farm of a large patriarchal family. However, the reform of 1892 and the reduction of areas of Kalmyk lands caused the crisis and led Kalmyks make the transition from nomadic economy to a semi-nomadic economy. At the end of XIX – early XX centuries large patriarchal family was gradually losing its importance among Kalmyks, while an individual small monogamous family was becoming increasingly prevalent.

Keywords: family and marriage of Kalmyks, levirate, history of Kalmykia, traditional culture, common law.

Левиратные браки применялись многими народами Евразии и Америки в древности и по настоящее время. Левират (от лат. *levir* — деверь, брат мужа) — это одна из форм брака, по которой вдова была обязана или имела право вступить вторично в брак с ближайшими родственниками своего умершего мужа, в первую очередь — с его братьями. Институт левирата позволял оставить женщину в роду ее покойного мужа, сохранить за родом ее имущество и фертильный потенциал. Известный исследователь семьи и брака у калмыков Д. Шалхаков указывал, что сохранение института левирата у калмыков в XIX – начале XX вв. было «следствием правовых норм патри-

архально-родового быта, устойчивости его обычаев и традиций, следствием экономических отношений внутри семейно-родственных групп» [Шалхаков 1982: 25].

Американский антрополог Е. Сапир считал, что левират является формой сорората. По его мнению, левират и сорорат отражаются в слиянии терминологической классификации дядей, теток и детей братьев и сестер [Sapir 1916: 328]. При этом левиратный брак, по мнению ученого, накладывал на мужчину право и обязанность воспитания детей своего покойного брата. В дальнейшем другие исследователи стали ставить под сомнение определение левирата у Сапира, указывая, что в истории

встречались случаи левирата, когда мужчина мог иметь детей со вдовой своего брата от имени этого брата, но не вступая с ней в брак [Pans 1989: 343]. Это противоречило традиционным представлениям о левирате, по которым левират описывается как право и обязанность мужчины жениться на вдове брата. Интересно, что в конце XX в. исследователь Б. Бирдж увидела в левирате частичные элементы инцеста [Birge 1995: 145].

Среди основных факторов функционирования левирата в кочевом обществе, по мнению Дж. Хольмгрен, была система калыма и все другие брачные обычаи, направленные на ослабление или разрыв связей с родителями и другими родственниками новобрачной [Holmgren 1986: 190]. Женщины, выходя замуж, переходили в локальную группу мужа, поэтому у калмыков даже замужняя дочь хозяина считается посторонней и ни в коем случае не может умереть в кибитке своих близких (по отцовскому роду). Надо отметить, что в отечественной исторической литературе институт левирата у калмыков до настоящего времени является не до конца исследованным явлением. Долгое время общепризнанным считалось, что левират — это «архаизм» и «пережиток» патриархально-родового строя, который не имел большого распространения в истории семьи и брака у калмыков в XIX в. Случаи левиратных браков упоминались как довольно редкие, без анализа их происхождения и механизмов функционирования в обществе [Эрдниев 1985; Шалхаков 1982; Батмаев 2008; Шараева 2011].

Более подробно функционирование левиратного брака в XIX в. можно проследить в материалах различных судебных решений. Так, в 1837 г. калмыцкий суд Зарго решал вопрос, кому управлять аймаком Гурбуг-Зур, оставшимся после смерти Эркетеневского зайсанга Церен-Убуши Мазанова. Среди прочих на управление аймаком претендовала зайсангша Амгулунг, у которой был малолетний сын Цеден, младший брат Церена-Убуши. Тогда суд Зарго отказал Амгулунг, на том основании, что Цеден «прижит незаконно» [Батмаев 2008: 106]. Позднее, в 1843 г., уже подросший Цеден инициировал новое разбирательство о признании его законнорожденным.

Данное дело послужило причиной довольно детального рассмотрения в Совете калмыцкого управления о законности бра-

ков в случаях «замужества вдов за кого-либо из родственников умершего мужа». В январе 1843 г. Цеде Манжи из Эркетеневского улуса, ранее признанный по решению суда Зарго незаконнорожденным, подал прошение в Совет калмыцкого управления, в котором указывал на законность своего рождения своего от эркетеневского зайсанга Тугуджи Ончикова [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 29. Л. 1]. В качестве доказательства Цеде Манжи сообщал, что по «обычаям калмыков и правилам веры меньшие братья имеют право брать в замужество снох своих, и что обряды такого бракосочетания уже не совершаются чрез Гелюнггов, но бывают по согласию одних родственников, сохраняя все права брачного союза».

Из прошения выяснилось, что его мать Амгулунг в первый раз вышла замуж за Муку — сына эркетеневского зайсанга Ончика, после смерти Муки она перешла в замужество к Джиргалу — младшему брату Муки, затем к Мирзе, дяде Джиргала, а после смерти последнего перешла в замужество к племяннику Мирзы, зайсангу Тугуджи, от которого и был рожден сам проситель Цеде Манжи [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 29. Л. 1об]. При этом в 1821 г. зайсангша Амгулунг, мать Цеде Манжи, подавала прошение в котором указывала, что «прежде в замужестве она была за Мукою, сыном зайсанга Ончика, а по смерти его свекровь ее зайсангша Улюмжи выдала ее в замужество за брата того Ончика зайсанга Мирзу от коего и имеет рожденного сына Церен Убашу (старшего брата Цеде Манжи)» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 179. Л. 48].

Поступившее прошение стало причиной того, что Совет калмыцкого управления вступил в активную переписку «о порядке бракосочетания и перехода в замужество вдов за родственников мужей их» с наиболее авторитетными фигурами Калмыцкой степи: владельцем Хошутского улуса С. Тюменем, владельцем Малодербетовского улуса Д. Тундутовым и зайсангами, правителями Багацохуровского улуса. Попечителю Эркетеневского улуса также предписывалось провести отдельное расследование по поводу законности «супружества зайсанга Тугуджи на зайсангше Амгулунг» [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 29. Л. 2].

Полученные ответы озадачили членов Совета калмыцкого управления, поскольку все указанные лица действительно подтвердили, что калмыки «при первоначальном

только сочетании совершают обряд чрез духовенство и хотя при переходе вдовствующих женщин к родственникам мужняго колена или даже сторонних никаких обрядов со стороны духовенства не совершается, но рожденные от такого брака дети пользуются всеми правами законнаго происхождения и правами на наследство».

Так, полковник С. Тюмень сообщал, что на «основании древних калмыцких обычаев, меньшие братья имеют право брать в замужество вдовых жен оставшихся после смерти старших братьев – согласно чему бывают примеры и между прочими степенями родства как то: дядями, племянниками и деверями и пр.». Далее С. Тюмень добавлял: «а потому и прижитые от оных дети признаются законными же наследниками и получают право наследовать званием отца и его достоянием». В своем письме С. Тюмень даже приводил отдельные примеры существования левиратных браков в калмыцком обществе [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 29. Л. 5, 2об.].

Владелец Малодербетовского улуса капитан Д. Тундутов также отмечал, что «калмыки при первоначальном только бракосочетании совершают обряд чрез духовенство — и хоть при переходе женщин к родственникам мужеска пола или даже сторонних каких обрядов со стороны духовенства не совершают, но рожденные в таком состоянии дети пользуются полным правом на наследство своего родителя». То же подтверждал и один из правителей Багцохуровского улуса, который писал, что «по калмыцкому закону и обычаям ближние родственники между собою беспрепятственно берут в замужество жен умерших родственников своих. И прижитые от них дети бывают законными, и как обряды бракосочетания совершены уже были при первом браке, то во втором таковых духовенством уже не совершается [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 29. Л. 6–6об.].

Между тем расследование, проведенное попечителем Эркетеневского улуса, дало противоположный результат. Попечитель сообщил, что «разные калмыки того улуса при повальном опросе показали, что по смерти зайсанга Мирзы, жена его Амугуланг по смерти оставалась вдовою и в замужество за зайсанга Тюгуджу не выходила». Оказалось, что отрицание бракосочетания населением Эркетеневского улуса базировалось на том, что если бы «такое замужество действительно было, то по обычаям

народа на это должно было быть согласие родственников а при бракосочетании людей значительных согласия и всего общества». Однако ни согласия родственников, ни согласия всего общества при бракосочетании Тюгуджи и Амгуланг, по словам калмыков Эркетеневского улуса, никто не спрашивал [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 29. Л. 3]. Можно предположить, что в начале XIX в. при левиратных браках представителей калмыцкой аристократии, помимо согласия родственников, обычно испрашивалось согласие улусного общества (т. е. населения улуса). После 1834 г. это стало лишь данью условностям и всецело зависело от доброй воли самих участников левиратного брака.

Имея столь противоречивые сведения о законности левиратных браков, Совет калмыцкого управления 18 июня 1843 г. обратился в Ламайское духовное правление¹ с просьбой «уведомить Совет о порядке перехода вдовствующих женщин за родственников их мужей, и сообразны ли отзывы владельцев Тюменева, Тундутова и Правителя Багацохуровскаго улуса с правилами ламайскаго исповедания, обычаями и обрядами калмыков», а также о том, «точно ли при сочетании браком людей значительных на вдовах их родственников, точно ли нужно согласие общества улуснаго и родственников? И если то действительно нужно, то могут ли быть признаны законными браки не сохранившие сих условий?» [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 29. Л. 3об.].

26 июня 1843 г. Астраханское Ламайское духовное правление отправило ответное письмо в Совет калмыцкого управления, в котором уведомяло:

1. «По древним Калмыцким обычаям, и ныне существующих – младшие братья по смерти старших братьев имеют полное право брать за себя в замужество вдовых снох своих, хотя бы и сверх желания их; Это право позволяет и родственникам мужей их как то: дядьям, племянникам и деверям мужеска колена, но только с согласия вдовствующих женщин. Старшим же братьям после смерти меньших братьев иметь в супружестве младших снох своих, мужеска колена, ни каким правом не дозволяется».

¹ Ламайское духовное правление — административный орган по вопросам управления духовной деятельностью калмыков, находился в г. Астрахани (1836–1848 гг.).

2. «При сочетании браком, людей значительных, на вдовах их родственников, испрашивает согласия улуснаго общества и родственников добрая воля самих вступающих в браки, хотя бы и не сохранены были условия с родственниками и обществом признаются законными и, принимаются в Ламайском исповедании за действительныя брачныя союзы».
3. «Отзыва, по сему предмету Хошоутовскаго владельца Полковника князя Тюменева, Малодербетовскаго владельца капитана Тундута и Правителей Багацохуровскаго улуса, о порядке бракосочетания и перехода в замужество вдовых жен за родственников мужеска колена Ламайское духовное правление находит сообразными с правилами Ламайскаго исповедания, обычаям и обрядам Калмыков» [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 29. Л. 7–8].

Следует отметить, что разбирательство по вопросу о законности рождения Цеде Манжи, сына Тугуджи Ончикова, позволило определить основные условия левиратного брака у калмыков в XIX в. Так, по калмыцким обычаям, младшие братья имели право брать в замужество своих овдовевших снох после смерти старших братьев даже против их желания. Это же право предоставлялось и другим родственникам мужа (дядьям, племянникам и деверям), но уже с предварительного согласия самих женщин. И, наконец, полностью запрещалось брать в замужество жен после смерти младших братьев старшим братьям.

Выявленные материалы по условиям функционирования левирата у калмыков приводят нас к мысли, что левиратный брак с древности являлся в основном привилегией знати, которая использовала его для решения своих экономических и политических целей [Zhao 2008: 25]. С XVII в. левират являлся формой политического и экономического брака среди калмыцкой аристократии (нойонов и зайсангов), который имел своей целью не допустить дробления калмыцких улусов. Так, А. В. Цюрюмов приводит сведения о том, что сын калмыцкого хана Аюки по имени Гунжеп женился на вдове тайши Араптана, чтобы получить ее улус во владение [Цюрюмов 2005: 24]. В этих условиях левиратный брак был всецело направлен на подавление центробежных процессов в Калмыцком ханстве. По калмыцкой традиции, было принято делить

свои улусы и аймаки между всеми сыновьями, но перманентное дробление наследства между многочисленными наследниками приводило к утрате материальных и людских ресурсов. Ярким примером является история хошутского тайши Кунделен-Убаши, который разделил свой улус между всеми своими сыновьями, о чем позже сожалел: «Я, предоставив все управление сыновьям своим, обессилил себя» [Цит. по: Батмаев 2002: 148]. Среди калмыков-простолюдинов левиратные браки были преимущественно формой экономического брака с целью не допустить дробления семейного хозяйства большой патриархальной семьи. В суровых условиях кочевого образа жизни калмыцкая семья могла легко растерять все свое материальное благополучие.

В начале XIX в. русское правительство произвело некоторые изменения в наследственном праве калмыков, введя в обиход кочевой знати понятие майората. Положением об управлении калмыками 1834 г. Положение об управлении калмыцким народом запрещало дробить улусы или аймаки между наследниками, а предписывало передавать их старшему в роду [Бюллер 1846: 27]. Фактически Положение 1834 г. привело к прекращению условий для дальнейшего функционирования левирата в среде калмыцкой аристократии. В конечном итоге, это привело к тому, что случаи левиратных браков стали сохраняться только среди простых калмыков как средство сохранения своего хозяйства. И. А. Житецкий упоминал, что во второй половине XIX в. калмыки имели «по две жены, и большею частью тогда, когда старший брат умирая, оставляет по себе молодую жену, но меньший брат, хотя и женатый уже, может по согласию взять ее за себя и таким образом живет с двумя женами, помещающимися в разных кибитках» [Бентковский 2011: 458].

Реформа 1892 г. привела к отмене феодалной зависимости калмыков-простолюдинов от нойонов и зайсангов, их место в калмыцких аймаках и улусах заняли представители российской администрации. Следствием реформы также стало исчезновение традиционных правил кочевков, и теперь население калмыцких аймаков стало дробиться на более мелкие подразделения для того, чтобы более эффективно использовать свои территории в условиях все большего роста крестьянской переселенческой

деревни и связанного с ней сокращения территории калмыцких земель. Все это, а также активное развитие отходничества, привело к изменению традиционного хозяйственного уклада — переходу на полуседлый образ жизни [Батыров 2009: 523].

Бесконтрольный выпас огромного количества скота из соседних губерний привел к сокращению общинных сенокосных и пастбищных угодий в Калмыцкой степи. Для каждого хозяйства большой патриархальной семьи это стало причиной выделять совершеннолетних членов семьи мужского пола для получения в соответствии с общепринятыми правилами дополнительного пая из общинных сенокосных угодий. Вынужденная сегментация большой патриархальной семьи в конце XIX – начале XX вв. привела к распространению малой индивидуальной моногамной семьи. Новая господствующая форма семьи у калмыков привела к тому, что левиратные браки стали исчезать и среди простых калмыков.

Таким образом, с древности левиратный брак играл важнейшую роль подавления центробежных процессов в калмыцком обществе. Институт левирата защищал семьи калмыцкой аристократии от утраты материальных и людских ресурсов в результате дробления наследства между наследниками. Среди калмыков-простолюдинов левиратные браки были преимущественно формой экономического брака с целью не допустить дробления семейного хозяйства большой патриархальной семьи.

После исчезновения Калмыцкого ханства в 1771 г. только левиратный брак по-

зволял представителям высшего сословия сохранить материальные ресурсы, которые семья могла утратить. Левират был одним из фундаментальных институтов, который обеспечивал устойчивость общества и противостоял процессам социальной и экономической раздробленности. Однако после того, как российское законодательство в 1834 г. ввело понятие майората, необходимость в сохранении левирата среди калмыцкой знати отпала. После 1834 г. случаи левиратных браков среди калмыцкой знати становятся все более эпизодическими, ввиду распространения моногамных браков.

В отличие от калмыцкой элиты у простых калмыков в богатых патриархальных семьях левират сохранялся на протяжении всего XIX в. В семьях калмыков-простолюдинов сохранение института левирата в течение XIX в. во многом имело экономическую подоплеку — оставить женщину в роду ее покойного мужа, сохранить за родом ее имущество и фертильный потенциал. Это стремление избежать материальных расходов наглядно подтверждается тем, что при таких браках не проводилось свадебных обрядов. Реформа 1892 г. и сокращение территорий калмыцких земель стали причиной кризиса кочевого хозяйства и привели к переходу на полуседлый образ жизни, что стало основной причиной трансформации исторически сложившейся структуры семьи. В конце XIX – начале XX вв. большая патриархальная семья постепенно теряет свое значение среди калмыков, все большее распространение получает малая индивидуальная моногамная семья.

Источники

- Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).
Ф. 1. Оп. 1. Д. 179.
Ф. 42. Оп. 1. Д. 29.

Литература

- Батмаев М. М. Семья и брак в традициях калмыков. Элиста: ГУ «Издат. дом „Герел“», 2008. 256 с.
Батмаев М. М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 400 с.
Батыров В. В. Рыболовство у калмыков в XIX – начале XX вв. // Мат-лы Междунар. науч. конф. «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посвящ. 400-летию

добровольного вхождения калмыцкого народа в состав российского государства (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). Ч. II. Элиста: ЗАОр «НПП „Джангар“», 2009. С. 522–527.

- Бентковский И. В. Женщина-калмычка Большедербетовского улуса в физиологическом, религиозном и социальном отношении // Опальные: русские писатели открывают Кавказ. Т. 2. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. С. 450–469.
Бюллер Ф. А. Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы. Их история и настоящий быт // Отечественные записки, 1846. №7. С. 45–89.
Шалхаков Д. Д. Семья и брак у калмыков (XIX – начало XX вв.). Историко-этнографическое

- исследование. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. 86 с.
- Шараева Т. И. Обряды жизненного цикла калмыков (XIX – начало XXI вв.). Элиста: НПП «Джангар», 2011. 224 с.
- Цюрюмов А. В. Калмыцкое ханство в 1724–1741 гг.: хроники династийных междоусобиц. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 159 с.
- Эрдниева У. Э. Калмыки: Историко-этнографические очерки. 3-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 282 с.
- Birge B. Levirate Marriage and the Revival of Widow Chastity in Yüan China // *Asia Major*. Third Series, Vol. 8. No. 2 (1995). Pp. 107–146.
- Holmgren J. Observations on marriage and inheritances practices in early Mongol and Yüan society, with particular reference to the levirate // *Journal of Asian History*. Vol. 20, No. 2 (1986). Pp. 127–192.
- Pans A. E. M. J. Levirate and Sororate and the Terminological Classification of Uncles, Aunts, and Siblings' Children // *Ethnology*. Vol. 28, No. 4 (Oct., 1989). Pp. 343–358.
- Sapir E. Terms of Relationship and the Levirate // *American Anthropologist*. New Series, Vol. 18, No. 3 (Jul. - Sep., 1916). Pp. 327–337.
- Zhao G. Q. Marriage as political strategy and cultural expression: Mongolian royal marriages from World Empire to Yuan dynasty. New York: Peter Lang Publishing Inc., 2008. 319 p.

Sources

- National Archive of the Republic of Kalmykia:
Coll. 1. Ser. 1. File 179.
Coll. 42. Ser. 1. File 29.

References

- Batmaev M. M. [Kalmyk Traditions: Family and Marriage]. Elista: Gerel, 2008. 256 p. (In Russ.)
- Batmaev M. M. [Kalmyks: Sociopolitical System and Economy, 17th – 18th Centuries]. Elista: Dzhangar, 2002. 400 p. (In Russ.)
- Batyrov V. V. Fishing practices of the Kalmyks: 19th – early 20th centuries. In: [United Kalmykia in United Russia]. Jubilee conf. proc. (Elista; September 13–18, 2009). Vol. II. Elista: Dzhangar, 2009. Pp. 522–527. (In Russ.)
- Bentkovsky I. V. Kalmyk woman of Bolshederbetovsky District: physiological, religious and social perspectives. In: [The Disfavored: Russian Writers Discovering the Caucasus]. Vol. 2. Stavropol: Stavropol State University, 2011. Pp. 450–469. (In Russ.)
- Birge B. Levirate marriage and the revival of widow chastity in Yüan China. *Asia Major*. Third Series, Vol. 8. No. 2 (1995). Pp. 107–146. (In Eng.)
- Byuler F. A. Nomadic and sedentary non-Russian populations of Astrakhan Governorate: their history and actual household activities. *Otechestvennye zapiski*. 1846. Is. 7. Pp. 45–89. (In Russ.)
- Erdniev U. E. [The Kalmyks: Historical and Ethnographic Essays]. 3rd ed., rev. and suppl. Elista: Kalmyk Book Publ., 1985. 282 p. (In Russ.)
- Holmgren J. Observations on marriage and inheritances practices in early Mongol and Yüan society, with particular reference to the levirate. *Journal of Asian History*. Vol. 20. No. 2 (1986). Pp. 127–192. (In Eng.)
- Pans A. E. M. J. Levirate and sororate and the terminological classification of uncles, aunts, and siblings' children. *Ethnology*. Vol. 28. No. 4 (Oct., 1989). Pp. 343–358. (In Eng.)
- Sapir E. Terms of relationship and the levirate. *American Anthropologist*. New Series. Vol. 18. No. 3 (Jul. - Sep., 1916). Pp. 327–337. (In Eng.)
- Shalkhakov D. D. [Kalmyk Family and Marriage (19th – Early 20th Centuries): a Historical and Ethnographic Study]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1982. 86 p. (In Russ.)
- Sharaeva T. I. [Life-Cycle Rituals of the Kalmyks: 19th – Early 21st Century]. Elista: Dzhangar, 2011. 224 p. (In Russ.)
- Tsyuryumov A. V. [Kalmyk Khanate in 1724–1741: Chronicles of Dynastic Feuds]. Elista: Dzhangar, 2005. 159 p. (In Russ.)
- Zhao G. Q. Marriage as Political Strategy and Cultural Expression: Mongolian Royal Marriages from World Empire to Yuan Dynasty. New York: Peter Lang Publishing Inc., 2008. 319 p. (In Eng.)

ЛИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО У АЛТАЙЦЕВ: ОТ РОДОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ДО ОБЩЕАЛТАЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

The Individual and Society in Altai: From Clan Affiliation to all Altaic Identity

С. П. Тухтенева (S. Tyukhteneva)¹

¹доктор исторических наук, эксперт-исследователь ООО «Этноконсалтинг» (Ph. D. of History, Expert-Researcher of ООО «Etnokonsulting» (Limited Liability Company). E-mail: kerel 63@mail.ru.

В статье на основе широкого круга источников и полевых материалов, собранных автором на протяжении 1986–2015 гг. у алтайцев, проживающих в селах Республики Алтай и в г. Горно-Алтайск, рассмотрены представления о личности, которые были характерны для их традиционной культуры. Один из основных выводов автора касается этносоциального контекста существования личности в современном алтайском обществе: многое здесь все еще определяется кругом традиционных представлений, верований и практик. Рассматривая сеок (вторичный род) как социальный инструмент, структурирующий отношения родства, свойства и брака у алтайцев, автор отмечает, что сеок это одновременно и элемент идеальной модели культуры, сегодня составляющий одну из базовых структур этнокультурной идентичности; продолжает бытовать также характерная для алтайцев многослойность идентичности.

Ключевые слова: алтайцы, личность, сеок, общество, традиционная культура, идентичность.

Based on a wide range of sources and field data collected by the author from the Altaians living in the villages of the Altai Republic and in Gorno-Altai town over the years 1986–2015, the article forms a true notion of the individual that was typical for their traditional culture. One of the main conclusions the author makes, concerns the existence of ethno-social context of the individual in modern society of the Altaians: much of which is still determined by the range of traditional views, beliefs and practices. Considering seok (secondary clan) as a social tool, structuring the relations of kinship, affinity, and marriage among Altaians, the author notes that seok is at the same time an element of the ideal model of culture, constituting one of the basic structures of ethnocultural identity. Though, a multi-layered identity typical for the Altaians also prevails.

Keywords: the Altaians, personality, seok, society, traditional culture, identity.

Полноценной личностью в традиционной культуре алтайцев мог быть лишь человек, который владеет скотом, имеет свое жилище, семью и детей, питается мясо-молочной пищей. Подобный человек включен в широкую сеть родства и свойства, что тоже было нормой для традиционного общества. Важным, с точки зрения традиционного общества, было родство по сеоку (роду) и по браку. Традиционный алтайский социум представлял собой общество, в котором каждый индивид принадлежит к одному сеоку (*сёёк*, букв. 'кость'), наследуемому по отцу, и все люди одного с ним сеока, в зависимости от возраста, считались ему братом или сестрой. В совокупности с представителями тех сеоков, которые считаются «единоутробными», а также людьми, представ-

ляющими свойственников по браку самого индивида, его братьев и сестер, дяди/тети и т. д., индивид вступал в отношения родства и свойства с большим количеством людей.

В XXI в. ситуация существенно изменилась. Высшее образование, урбанизация, глобализация и политический транзит — это тот социально-культурный фон, в котором вчерашние кочевники осуществляют собственный переход. В наши дни не у каждого алтайца есть скот и собственное жилище. Современные алтайцы, особенно молодого возраста, живут в арендованном или купленном в ипотеку жилье. У них нет домашних животных, поскольку они родились и выросли в семьях, для которых содержание скота не является единственной экономической стратегией. Они ходят

в кафе и рестораны японской, китайской и европейской кухни, употребляя суши и роллы. Молодые алтайцы остаются после окончания университета жить в Москве, Санкт-Петербурге или Новосибирске, и потому зачастую мало знакомы со своими многочисленными родственниками. Они не торопятся заводить детей. Так какова она, полноценная личность, у алтайцев первой четверти XXI века? Каков этносоциальный контекст существования личности в алтайском обществе? Исследованию указанной проблемы и посвящена данная статья.

В становлении человека как личности у современных алтайцев большую роль продолжают сохранять представления о том, что полноценный человек — это тот, у которого есть сеок и, соответственно, его судьба связана с судьбой его родственников по отцу; у которого есть свои «земля-вода», следовательно, он находится в отношениях «брать-давать» с духами-хозяевами малой родины; у которого есть движимое имущество, его личная собственность *мал*, посредством которой человек приносит жертвы объектам культа; этой собственностью его наделяют родители, родственники, друзья, соседи в период проведения обрядов перехода, называемых *три тоя* («три обязательных торжественных трапезы»), одновременно с собственностью наделяя его и долей счастья, понимаемого как наличие семьи и детей, здоровья, долголетия и богатства в виде скота.

Включенность индивида в систему родства, и прежде всего родства по сеоку (собственно, «по кости»), является решающим моментом для определения вопроса «кто ты?». основополагающим критерием для самоопределения человека в алтайской традиции является происхождение по отцу — дети наследуют сеок отца. Но значима и сеочная принадлежность матери, а также матери отца и матери матери. Обычно, когда речь заходит о родстве в связи с чьей-либо генеалогией, сеоки всех указанных лиц, важных для эго, упоминаются обязательно. Представления о том, что кости ребенок наследует от отца, а волосы и плоть — от матери, сохраняются по сей день. Поэтому инцест опасен — он приводит к «расщеплению» костей ребенка, родившегося от такого брака. Кровь, однако, как считается, наследуется и от матери, и от отца. Судя по различным рассказам информантов и речевым клише наподобие «кровь тянет / зовет»

каны тарткан, «кровь пересилила» *каны тынг болгон*, можно предположить, что кровь как жизненная субстанция наследуется и от отца, и от матери¹. Вместе с тем, имеются и представления о том, что в процессе роста ребенок меняется, становясь похожим то на отца, то на мать, то на дедушек и бабушек с обеих сторон, до достижения 24 лет, когда, наконец, он обретает собственное лицо — буквально «пока не примет / возьмет собственное лицо» *бойынын чырайын алганча*. Эти изменения связаны именно с кровью.

Кроме кости, крови, волос и плоти — вполне материальных элементов, из которых состоит тело человека, важное значение для определения степени родства имеет запах. Для обозначения дальних родственников алтайцы используют выражение «родственный запах имеющие» *төрбөн жытту*². Оно используется в случае, когда кровное родство подтверждается генеалогически, но тесные связи между родственниками не поддерживаются. Для обозначения тех, кого считают родственниками, хотя родство с ними подтвердить генеалогически сложно, используют выражение «родственное имя имеющие» *төрбөн атту*.

В алтайском языке имеется фразеологизм *баш терезин кийип алган*, буквально означающий «головы кожу (скальп) надевший». Смысл этого выражения заключается в том, что человек, о котором идет речь, унаследовал от кого-либо из родителей или бабушек и дедушек внешний облик, похож на него/ нее лицом и фигурой. Помимо этого, описывая человека, могут сказать, что характером и манерой поведения он — самый что ни на есть типичный представитель сеока, к которому принадлежит по отцу, или, будучи носителем сеочного имени отца, унаследовал физиологические или

¹ Эти выражения применяются обычно в том случае, если ребенок родился в межэтническом браке — наследование каких-либо физических черт одного из родителей, а также черт характера описываются таким образом. Точно так же описывается наследование основных черт облика и характера и по отношению к детям, родившимся в моноэтническом браке.

² Любопытно отметить, что алтайцы приписывают собакам способность определять кровных родственников своих хозяев по запаху — и даже требуют этого. Часто рассказывают, что даже самые свирепые псы пропускают в дом, к примеру, брата или сестру хозяина дома.

психологические черты представителей материнского сеока. Помимо сходства внешнего облика или характера, наследуемых от обеих, отцовской и материнской, линий, наследственными считаются талант сказителя *кайчы*, певца *кожончы*, швеи *кӧкчи*, охотника *анчы*, шаманский дар. Употребляются термины *ук*, или *ук-тӧс*, при этом имеется в виду наследственность¹. В современном алтайском языке слово *ук* имеет несколько значений, основное из которых «порода», «род», «национальность». Этот термин употребляется как в отношении человека в вышеуказанных значениях «род» и «национальность», например, в выражении «такова порода этого человека» *угы ондый*, когда хотят подчеркнуть какие-либо физические или психологические особенности (эквивалент выражения «это у него фамильное / семейное» в русском языке), так и в отношении скота, например, *укту мал* «породистый скот».

Современный сеок (*сӧӧк*) алтайцев — это патрилинейное, экзогамное, экстерриториальное (внутри Республики Алтай) образование, имеющее общее самоназвание, считающееся происходящим от единого предка-человека. Кроме этого, сохраняются представления о наличии у сеока предков-покровителей: божеств, животных, птиц, деревьев, гор. До сих пор бытуют представления о территории расселения (или даже зарождения) сеока, о малой родине, выражаемой в концепте «своя

¹ Интересно в связи с этим отметить, что этимологию этнонима *огуз* А. Н. Кононов выводит из старотюркского *ог* ‘мать’, со временем вошедшего в употребление в значении «род», «племя», и, таким образом, первоначально *огуз* могло означать просто «племена» и «объединение племен», а с течением времени стало этнонимом — *тогуз огуз*, ‘девять (разных) племен’, *уч огуз* ‘три (разных) племени’ [Кононов 1958: 84]. Помимо этого, существительное *ук* в современном алтайском языке имеет значение «внутренний войлочный чулок кожаной обуви». Можно предположить, что это значение проливает свет на семантику *ук*, на эволюцию смысла термина от значения «род» к значению «национальность», строящуюся на метафоре рода / племени как внутренней единицы большого социального организма, описываемой известными также с древности терминами *эль / иль*, *албаты*, *улус*, *жон*, которые можно перевести как ‘народ определенного владельца’, ‘подданные’, ‘народ’.

земля и вода», отражающей современный локальный уровень этнической идентичности алтайцев [Сагалаев, Октябрьская 1990: 3–63; Тюхтенева 2009: 5–6]. Следовательно, внешне современный алтайский сеок продолжает сохранять архаические черты генеалогической и социальной единицы, основным принципом структурирования которой является кровное («по кости») патрилинейное родство. Современный сеок у алтайцев — это культурная модель, связанная с их семейной генеалогией, устной историей, социальной организацией, этнической идентичностью. Именно потому, что сеок вбирает в себя множество феноменов культуры, значимых, ценных для алтайцев, он воспроизводится вновь и вновь по некогда сложившемуся шаблону. Важно подчеркнуть, что эта модель не статична, в современности она изменяется так же, как менялась на протяжении веков, в зависимости от ситуации. Сеок как актуальный социальный феномен у алтайцев, сохраняющий большую роль в жизни людей, выступает как этнокультурная ценность и этнокультурный маркер принадлежности к алтайскому этносу [Сагалаев, Октябрьская 1990: 5–13]. В XXI в. сеок у алтайцев сохраняет две основные функции: а) регуляции брачных отношений, б) способствования максимально возможному расширению родственных, дружеских сетей, охватывающих всю территорию проживания алтайцев, что позволяет им использовать эти связи как социальный и экономический ресурс.

Вместе с тем, хотя сеок по сути изменяется, то есть включает в себя не только кровных родственников, остается неизменным вопрос «*соогин не?* ‘какой ты кости?’», задаваемый алтайцем другому, незнакомому ему алтайцу при встрече, как это делали в XI в. огузы. «Махмуд Кашгарский дает любопытное пояснение: «Если встречаются два человека, не знающие друг друга, то один приветствует другого, потом говорит «Бой ким?», то есть: «Кто твой род, племя, народ?». И тот отвечает: «Салгур», то есть «род мой — племя Салгур», — или же называет один из родов, которые я перечислил в начале книги и которые [названия родов] есть имена предков этих родов» [Цит. по: Лашук 1967: 29–30]. В конце XIX в. Г. Н. Потанин пишет об алтайцах: «Все члены одного рода, хотя бы они и не знали друг друга, считаются братьями, родными и потому не могут брать жен из своего рода.

При встрече друг с другом инородцы предлагают первый вопрос — какого сеока, кости, и если окажется — одного и того же, то они держатся как родные, помогают друг другу, меняются вещами и совсем их дарят и вообще не отказывают ни в какой просьбе, обращенной сородичем» [Потанин 2005: 936]. На обязательность внутрисеочной взаимопомощи указывает и специально изучавшая этот феномен в первой трети XX в. Н. П. Дыренкова: «Родовая помощь сородичей была необходимым условием их кочевой и скотоводческой жизни, когда каждый из них из-за падежа скота в любой момент мог сделаться из богача нищим» [Дыренкова 1926: 251].

Один из современных исследователей, Ш. Степанов, определяет антропологический статус алтайского сеока как клан, исходя из того, что «саяно-алтайский сеок, будучи социальной группой, для которой характерны экзогамия и коллективная ритуальная жизнь, соответствует обычным критериям, определяющим „клан“» [Степанов 2009: 130–131].

В начале третьего тысячелетия сеок можно отнести к одному из феноменов культуры алтайцев, отличающих их от соседних сибирских тюркоязычных народов, например, тувинцев, которые «уже в конце XIX в. идентифицировали себя скорее по административному делению, нежели по родственным группам» [Степанов 2009: 131]. Несмотря на древность этого феномена, назвать его пережитком культуры периода родо-племенных отношений сложно. А. М. Сагалаев и И. В. Октябрьская, определяя сеок как «основную морфологическую единицу этносоциальных структур тюркских народов Южной Сибири», вместе с тем отмечают, что, «как ни парадоксально, род (сеок) до сих пор остается загадочным явлением в типологии этнических общностей южно-сибирских тюрков» [Сагалаев, Октябрьская 1990: 12; 8].

Таким образом, можно заключить, что сеок современных алтайцев в идеальном варианте должен быть сообществом кровных родственников, ведущих счет родства по отцовской линии. Фактически же в него могут входить как кровные родственники, на уровне патронимии, так и не кровные родственники, на уровне всего сеока. Тем не менее, несмотря на то, что сеок — это идеальная модель родства, люди в реальной жизни соблюдают экзогамию как основополагающий принцип, позволяющий структурировать их

социальные взаимоотношения и отношения с объектами природы, воспринимаемые (оформленные) также как родство.

В конце XIX – начале XX вв. сеок как социальный организм состоял из больших патриархальных семей *юрт*, возглавляемых отцом женатых сыновей. Семьи, как правило, были моногамны, за исключением полигамии состоятельных и/или бездетных в первом браке мужчин. Отец такой семьи руководил хозяйственной и общественной жизнью женатых, отделенных сыновей и внуков. Каждый из сыновей и внуков, имея собственное хозяйство, свой скот, жилище и прочее, в главных проблемах жизнеобеспечения руководствовался решениями отца. Как правило, большая патриархальная семья *юрт* проживала в одном урочище, логу, и место ее поселения называлось *айыл* (так же называется и жилище). В зависимости от качества пастбищных угодий в одном логу жило 3–5 и более малых семей. Они совместно перекочевывали с зимников на летники, пасли сообща скот, стригли овец, охотились и промышляли. Глава домохозяйства, отец большой семьи — в его отсутствие старший сын, или младший брат, или, в случае неимения таковых, мальчик, достигший семилетнего возраста, — обязаны были осуществлять представительские функции, принимая участие от имени семьи на ежегодных собраниях сеоков, участвовать в выборах зайсанов и пр. Наблюдения над современными семьями алтайцев, занятых скотоводством/животноводством, показывают, что в большинстве случаев они используют вышеописанный принцип общего руководства отцом большой семьи как стратегию развития хозяйства [ПМА 2007 г., с. Каракол Усть-Канского р-на Республики Алтай; с. Агайры Шебалинского р-на Республики Алтай].

Общество, в котором каждый индивид является членом сеока, позволяет структурировать взаимоотношения людей на основе родства, поскольку индивид имеет сеок отца, и все люди одного с ним сеока, в зависимости от возраста, будут считаться ему братом или сестрой. Вместе с тем, он считает всех, кто принадлежат к такому же сеоку, как у его матери, дядями и тетями. Этот вид родства обозначается термином *таай* (букв. ‘дядя по матери’). Те, кто имеет сеок, схожий с сеоком матери матери, относятся к категории *чыккан таай* (букв. ‘родивший меня дядя по матери’), а представители сеока матери отца — *тӱс таай* (букв. ‘коренной / основной

дядя по матери¹). Кроме того, имеются так называемые «единоутробные» сеоки, представители которых считаются родственниками. Определенную часть общества составляют люди, представляющие свойственников по браку самого индивида, его братьев и сестер, дяди/тети и т. д. Таким образом, индивид вступает в отношения родства и свойства с большим количеством людей, иначе — родственно-свойственную сеть¹. Метафорически эту сеть можно описать как паутину — чем больше родственников по сеоку и по браку, а также друзей, соседей, одноклассников и т. д., тем больше сеть, тем больше разного рода ресурсов у индивида. Обращение к метафоре сети / паутины здесь не случайно. Именно так А. В. Головнёв характеризует социальные взаимоотношения ненцев, в которых усматриваются множество аналогий с ситуацией у алтайцев: «Сгустки социальных связей образуются на перекрестках кочевий, будто узлы огромной колышущейся сети. Нити этой сети, свитые из контактов отдельных людей, семей, родов и народов, растянуты в пространстве тундр и циклическом времени традиционного календаря» [Головнёв 2004: 37].

Интерпретировать сеок у современных алтайцев не только как родство, но и как элемент модели культуры, позволяют следующие моменты. Как мы пытались показать, сеок у современных алтайцев является идеальной моделью, сложившейся на протяжении длительного исторического периода. В традиционном обществе не было человека, не имевшего сеока, как и не было человека, не имеющего родственников и свойственников. То есть, это был один из признаков, характеризующих человека как человека. Более того, ряд исследователей отмечают восприятие сеока как социального организма, выражаемого метафорой тела. Так, А. М. Сагалаев и И. В. Октябрьская описывают род у южносибирских тюрков как единство предков и потомков, «как некую целостность в сочленениях, единое в частях. Сочленение костей-поколений придает этой целостности гибкость, подвижность. Здесь, вероятно, подразумевается момент движения во времени, который и делает род живым организмом. Подобные представления имели в прошлом универсальный, по всей видимости, характер» [Сагалаев, Октябрьская 1990: 40]. О равно-

¹ Можно рассматривать эти отношения при помощи метода анализа социальных сетей, однако такая задача нами не ставилась.

значности социального организма телу, организму, пишет и Л. П. Лашук: «Китайские хроники и памятники орхонской письменности полны описаниями того, как тюркские каганы и хитрой союзнической политикой, и насильственными мерами создавали «вечный эль тюркского народа», который в одном орхонском тексте очень удачно назван *бод*'ом — «телом, организмом», что, по принятой нами терминологии, равно социальному организму» [Лашук 1967: 34; ссылкой на: Малов 1951: 70, 372]. Несмотря на включение в этот организм этнических других, принимавших название сеока (этнонима) как целостность или единое тело, он не переставал быть, поскольку новые члены принимали правила, нормы, регулирующие жизнь этого социального организма.

Сеок имеет общее наименование, общий культ, этиологический миф о происхождении от единого предка, которым мог быть как человек, так и животное, птица, дерево, гора, то есть природное окружение, выражающееся в представлении о малой родине, своей «земле-воде», а также нормы общежития, важнейшими из которых являются экзогамия, «сеочный непотизм» и реципрокность.

Социальные взаимоотношения внутри сеока, описываемые как «единоутробность» *карындаш* (этот термин в современном алтайском языке имеет также значение «младший брат», а в диалектах — и «сестра»), предполагают отношения, равные внутрисемейным отношениям. Называя свой сеок, алтаец этим как бы описывает свое место в системе социальных координат, самоопределяя себя как представителя алтайского народа, как члена группы, как члена определенной семьи, которой присущи определенные характеристики.

Так, шуточные характеристики сеоков стали известными благодаря работам таких авторов, как А. В. Адрианов, А. М. Сагалаев и И. В. Октябрьская [Адрианов 1883, 4: 936–941 (записано им в 1881 г.); Сагалаев, Октябрьская 1990: 13–16 и др.]. Шуточные характеристики бытуют и поныне. Но, помимо этого, имеются также характеристики, в которых члены сеока представляются таким образом, что благодаря им можно определить, чего именно и в какой именно ситуации от них можно ожидать. Например, сеок тодош в шуточной форме называют «съевшие девять чашек супа, наполнившие своими испражнениями девять ям, решетчатую юрту своими газами переместившие

на другую сторону», а в обыденной речи эта шутка передается как «к пище своей заботливо относящиеся». Однако в качестве черт «тодошского» характера членам этого сеока приписываются политическая осторожность, взвешенность, неконфликтность.

Таким образом, когда алтайцы называют друг другу свой сеок, в голове каждого автоматически «срабатывает» стереотип, связанный с характеристиками того или иного сеока, важными с точки зрения прошлых и возможных в будущем взаимоотношений, совместимости при вступлении в брак, при совместной деятельности и т. д. Если оказывается, что оба коммуниканта принадлежат к одному сеоку, они выясняют возраст друг друга, чтобы определить, кто кому будет старшим братом / сестрой, кто к кому должен обращаться на «Вы», кто кого и о чем может попросить. Точно так же, если один из акторов принадлежит к сеоку матери собеседника, он автоматически будет причислен к категории «брат / сестра матери» и будет называться вторым *таай*, «дядя / тетя по матери», и т. д. Если в ситуации коммуникации оказываются молодые люди и девушки, то в процессе выяснения сеока друг друга они определяют потенциальную возможность матримониальных отношений. Современные молодые алтайцы интересуются своей генеалогией, сеоком друг друга, подшучивают друг над другом — наглядным примером чего служат интернет-форумы [напр.: <http://wap.ongudai.forum24.ru>].

Подобные стереотипы сознания и поведения совершенно аналогичны тому, как в интерпретации А. В. Головнёва воспринимают род ненцы: «Первое, что интересует ненцев при знакомстве: *Еркарап җамгэ* (какого ты рода)? Указание рода, с уточнением его ветви, включает в сознании ненца целую сеть ассоциаций относительно территории кочевий и святилищ, былых и ожидаемых контактов и конфликтов, дистанции родства и возможности брачных связей» [Головнёв 2004: 48].

В Республике Алтай, по подсчетам автора статьи, сегодня проживают представители более 80 сеоков, а по данным переписи населения 1897 г., было учтено 68 сеоков. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., было переписано 82 сеока (совокупно у всех групп — северных и южных — алтайцев). Поскольку в результатах переписи-2010 нет данных о численности каждого из учтенных сеоков, то можно предпо-

ложить, что полученные С. П. Швецовым в XIX в. данные о численности и процентном соотношении к численности всех алтайцев таких сеоков, как *алмат*, *иркит*, *жетимас / жытас*, *көбөк*, *кергил*, *кыпчак*, *майман / найман*, *мундус*, *саал / сагал*, *төблөс*, *тодош*, *чагат / чаат*, могут быть подтверждены [Швецов 1900: 237–245].

Проблема учета сеоков у алтайцев возникла еще в процессе подготовки переписи населения 2002 г.¹ Тогда представители общественных организаций алтайцев, и прежде всего старейшины сеоков — зайсаны — проявили заинтересованность в подсчете количества людей, идентифицирующих себя с тем или иным алтайским сеоком. Они обращались как в республиканские и федеральные органы исполнительной и законодательной власти, так и в Росстат, ссылаясь на исторический прецедент подобного рода переписи, которая была проведена в 1897 г.

Другой аспект сеока как многоаспектного феномена состоит в том, что он образует один из уровней этнической идентичности алтайцев. «Быть» алтайцем означает сложное переплетение различных уровней идентичности. В основе этнокультурной идентичности алтайцев лежит принадлежность к патронимии, называемой «гнездо» — *уйа*, затем следует принадлежность к ответвлению от большой семьи — *кезек*, потом — к подразделению сеока — к примеру, *кара майман*, затем к сеоку — *майман*, к территории проживания («зарождения») сеока — *Караколдын маймандары* ‘майманы Каракола’, *Тоотойдын*, *Нач-Өрөңин кыпчактары* ‘кыпчаки Тоботой или Нач-Өро’ и пр., затем к локальному сообществу по долинам рек — *Чуй ичинин теленгиди* ‘теленгит долины реки Чуй’, *Урсул ичинин алтайы* ‘алтаец долины реки Урсул’, *Аба-Жыштын алтайы*, *тубазы*, *чалкандузы* ‘алтаец, туба, челканец черневой тайги’, затем следует привязка к современному административному району — *Кош-Агаштын*, *Ондойдын*, *Кан-Оозынын*, *Улаганнын*, *Горно-Алтайсктын* и т. д., после чего следует национальная составляющая этнической идентичности — алтаец. Традиционная география алтайцев учитывала лишь четыре² части Алтая: *Аба Жыш* (‘Отец-Черневая тайга’), *Ак Чолыш*

¹ Подробнее об этом см.: [Степанов, Тюхтенева, Функ 2011: 326–350].

² В различных жанрах фольклора имеются клишированные названия Алтая: «с тремя углами Хан Алтай, с четырьмя сторонами Хан Алтай».

на ('Белый Челушман'), *Эре Чуй* ('Возвышенный / Высокогорный Чуй') и *Ак Алтай* ('Белый Алтай'). Соответственно, жители этих частей именовались *туба* из Аба-Яшш, *телес* из Ак Чолышпа, *теленгит* из Эре Чуй и *алтай* из Ак Алтай [Никифоров 1994: 29].

Важно отметить, что теленгиты Улагана в тот период (а цитируемый «Аносский сборник» вышел в 1915 г., соответственно, сбор фольклора, мифов и легенд производился намного раньше) в особую территориальную категорию не выделялись. Возможно, что *теленгит* употреблялось наравне с *алтай*, или *алтай кижги*¹. О существовании на территории современной Республики Алтай этнической общности теленгит, подразделяющейся на *алтынкол теленгит* и *туу / тау теленгит* в XVII–XIX в., и об особой роли в консолидации территориальной группы «алтай», писал Г. И. Самаев [Самаев 1991]. Вероятно, именно сохранением в устной истории и генеалогиях алтайцев памяти об исторической общности современных *алтай кижги* и *теленгитов* можно объяснить болезненную реакцию основной массы алтайцев на выделение последних в особую категорию, на причисление их к коренным малочисленным народам Республики Алтай в 2000 г.

Вышеуказанные четыре традиционных наименования групп дают нам указание на локально-территориальную идентичность алтайцев, которая бытует и поныне. Этнокультурной идентичности алтайцев посвящен ряд публикаций Н. А. Тадиной, в том числе освещение ею темы локального уровня этнической идентичности алтайцев на примере рек и речных долин как образа малой родины [Тадина 2007].

Имея в виду все вышеизложенное, можно попытаться представить сеок в динамике его изменений на протяжении XIX – начала XXI вв. Эти изменения, как представляется, связаны с общими модернизационными, трансформационными и адаптационными процессами, происходившими и происходящими в этнической культуре алтайцев.

Как уже упоминалось, сеок в идеале — группа людей, объединенных происхождением от единого предка. Однако, как зачастую происходит у современных алтайцев,

человек может относить себя к сеоку не биологического отца, а усыновителя, зная при этом о сеоке своего родителя. Детальное изучение генеалогии обычно проводится при подозрении, что жених и невеста, возможно, имеют общий сеок. В таком случае родственники обращаются к авторитетным, хорошо знающим родословные старикам своего сеока. И если выясняется, что реальным отцом отца (деда, прадеда) жениха или невесты был человек из другого сеока, то сеок жениха или невесты изменяется, о чем они объявляют другой стороне.

Из рассказа информанта И. С.:

Когда я сказала родителям, что выхожу замуж за М. С., моя бабушка по отцу, в то время уже сильно больная, почти не встававшая с постели, вдруг в один день исчезла. Появилась через два дня. Как оказалось, она стала выяснять, что это за семья, кто предки отца и матери моего будущего мужа. Кто-то из ее знакомых, пожилых женщин или мужчин, сказал, что мой папа и папа М. из одного сеока. Вот тогда она и исчезла: велела племяннику увезти ее на машине в ту деревню, где живут мои свекор и свекровь, чтобы выяснить все самой. Потом она, по приезде, рассказала, что разговаривала с людьми не только в этом селе, Мөндүр-Соккон, но и в Экинуре была. Как оказалось, отец моего мужа, что называется, ичте келген бала, «в утробе пришедший ребенок», ну, так говорят, когда женщина выходит замуж, будучи беременной. И что реальный отец моего свекра — из другого сеока, другой человек, а не тот, который его воспитал. Поэтому, выяснив все эти детали, она дала свое согласие на нашу свадьбу» [ПМА 1998 г., г. Горно-Алтайск, информант И. С., сеок кобок, 1964 г. р.]

Рассказов такого рода приходится слышать довольно много. На основании подобных сведений можно сделать вывод о том, что, ориентируясь на формальную патрилинейность как культурную модель, небиологический отец дает сыну / детям свой сеок. Однако, как правило, детям сообщается об их истинном сеоке, когда подходит время женитьбы / замужества. Это первый пример того, что сеок возможно менять, то есть «официально», перед деревенским сообществом, числясь представителем одного сеока, зная о том, что на самом деле человек относится к другому сеоку, обнаружив это в период проведения обрядов свадебного цикла. Кроме того, предложение об изменении сеока может поступить от одной семьи

¹ Хотя сами себя современные алтайцы «алтай кижги» не называют, поскольку *киджи* имеет значение «человек», а вопрос не звучит как «ты человек или не человек?», то в ответ на вопрос о национальности говорят просто *алтай*, или *мен алтай*, «я алтаец / алтайка».

другой семье того же сеока в случае, если, по их предположению, они не имеют никакого родства, но установить это затруднительно в связи с различными причинами.

Другой пример связан с механизмом учета генеалогической близости / дальности представителей одного сеока. К примеру, сеоки *тодош* и *кыпчак* относятся к многочисленным сеокам, их представители проживают практически во всех районах республики. Несмотря на экзогамию как норму, некоторая часть алтайцев считает, что проживающие в разных районах тодоши и кыпчаки генетически «отдалились» *ыражып калган*, и браки внутри сеока возможны. Для этого они используют «правило седьмого отца» — если до седьмого отца включительно у отца юноши и отца девушки нет родства, то брак считается возможным. По рассказам информантов, нарушение экзогамии в традиционном обществе каралось изгнанием этой семьи за пределы территории обитания патронимии как минимум. Следует все же отметить, что не все алтайцы одобряют эту практику и не все признают это «правило седьмого отца». Значительная часть, возможно, большинство алтайцев, остаются приверженцами абсолютного запрета браков внутри сеока. Мне приходилось разговаривать с родителями молодых супругов одного сеока, воспринимающих их брак как позор (букв. 'большой стыд').

Следующий пример связан с «одержимостью» алтайцев сеоком. Следуя традиционному этикету, при знакомстве собеседники называют свое имя, или имя и фамилию, а также сеок. Над человеком, рожденным матерью-алтайкой, говорящим по-алтайски, фенотип которого не выдает в нем представителя другого народа, но не имеющим сеока, обычно подшучивают, что тот имеет сеок «капуста» или «картошка», а то и вовсе «состоит» только из мяса, «не имея костей». При этом совершенно обыденным считается, если этнический русский, воспитанный отчимом алтайцем, считает своим сеоком сеок отчима и причисляет себя к нему. Более того, обратный пример вызывает удивление. Вместе с тем, норма патрилинейности как одна из основных характеристик сеока соблюдается не всегда. Так, например, дети, рожденные матерью-алтайкой от отца-неалтайца, зачастую могут быть отнесены к сеоку матери (то есть сеоку отца матери). Примеры такого рода сегодня также достаточно часты. Так, в одном из интервью газете «Алтайдын Чолмоны» молодая пара,

в которой и муж и жена рождены матерями-алтайками от отцов-неалтайцев, сказали, что они оба считают себя представителями сеока *тонжаан*, поскольку это сеок матери супруги и бабушки по матери супруга [Алтайдын 27.09.2010.]. Будучи воспитанной в алтайской этнической культуре, в одном селе, зная о норме патрилинейности и экзогамии, эта пара, тем не менее, не считает невозможным определять своей сеок по сеоку матери/бабушки. В связи с этим сошлемся на выводы в работе Шарля Степановфа «Метаморфозы родства у тувинцев», отмечающего современные «существенные изменения в разных аспектах родства, таких как филиация, нормы брачного союза и терминологии» у тувинцев [Степановф 2009: 129]. Указанный алтайский пример сходен с описанием аналогичных процессов у тувинцев, происходивших в первой трети XX в., когда «пределы допустимых браков меняются от поколения к поколению и прямо зависят от позиции индивидуума» [Степановф 2009: 131]. Еще в 2002 г. Тöргөө (Совет) зайсанов Алтая на одном из заседаний обсуждал вопрос о принятии алтайцами новой культурной нормы — причислять детей от отцов-неалтайцев к сеоку матери.

В первой трети XX в. надделение детей сеоком матери происходило в случае сиротства и отказа родственников отца взять этих детей на воспитание. Об этом писала еще в начале XX в. Н. П. Дыренкова: «В крайнем случае ребенка берет сёбк матери; причем часто ребенок этот впоследствии получает имя этого сёбк'а» [Дыренкова 1926: 252, примеч. 1]. В досоветский период усыновление / удочерение ребенка происходило на общем собрании членов сеока и публичном провозглашении сеока усыновляемого ребенка. То есть, легитимность идентификации человека с тем или иным сеоком достигалась путем публичного объявления. Этот механизм действует до сих пор, как показывает следующий пример.

В августе 2010 г. впервые в новейшей истории алтайцев было объявлено о появлении нового сеока. В. Келюев писал об этом случае в газете: «В с. Оро Эркемен Феликсович Дмитриев во время празднования дня рождения сыновей сделал интересное заявление собравшимся родственникам и друзьям. Впредь его сеок (род) будет называться *куу*. Так свой сеок называл его отец Феликс Николаевич. Являясь русским по национальности, но живя среди алтайского населения, Феликс Николаевич так называл свой

сеок. Такую идею о том, что наши русские братья, живущие рядом с нами, могут образовать свой сеок, высказывал Николай Шодоев. Его идея начинает материализоваться. Слово *куу* можно перевести дословно «лебедь», или «бело-серый». Второе — более близкий цвету кожи обладателя сеока. История сеоков уходит в далекую древность. При нахождении ребенка в трудные годы в истории нашего народа, у которого, естественно, невозможно было установить его сеок, давали свой сеок, но при этом чуть изменив его приставкой. Например, сеок кыпчак имеет несколько «приставок» — *котон*, *сурас* и т. д. Таким образом, настал исторический момент — объявлен новый сеок — *куу*, заложено начало нового рода. Пусть этот род процветает и множится» [Келюев 2010] (новость процитирована полностью с сохранением орфографии и пунктуации. Название сеока выделено нами. — С. Т.).

Действительно, идею о возможности образования сеока русским старожильческим населением Республики Алтай Николай Андреевич Шодоев, известный в республике организатор краеведческого музея в с. Мендур-Соккон Усть-Канского района, высказывал неоднократно еще в 1990-х гг. С таким предложением он обращался даже к президенту страны.

Вероятно, мысль об образовании нового сеока детьми выходца из русско-алтайской семьи (отец — русский, мать — алтайка) появилась не без влияния сообщений о том, что во время переписи населения России 2010 г. будут учитываться и сеоки алтайцев. И, хотя в переписной анкете наименования нового сеока нет, сам факт появления нового сеока у людей, формально не относящихся к алтайскому сообществу, по отцу являющихся русскими, говорит о многом. Прежде всего о том, что сеок — это один из критериев самоидентификации алтайца как алтайца, значимости и актуальности для современных алтайцев сеока как культурной нормы.

Другой аспект — это самоопределение потомков межэтнического брака. Вышеприведенный пример появления нового сеока подтверждает множественность идентичности индивидов как сознательного выбора не только национальности, но и сеока как одной из форм проявления общеалтайской идентичности.

Обычно потомки алтайско-русских, русско-алтайских браков на вопрос об их сеоке отвечают, если отец русский, что их мать

такого-то сеока, и, следовательно, считают односеочников матери относящимися к категории *таай* «дядя по матери». Те же, кто родился от отца-алтайца и матери-русской, так и указывают, что их сеок такой-то, а мать русская, потому сеока не имеет.

Сеок сегодня является инструментом, структурирующим родство, свойство и брак у алтайцев. Более того, сеок важен и в иных формах социальных взаимоотношений, охарактеризовать которые можно как «сеочный непотизм» и реципрокность. Современные праздники-собрания сеоков, помимо мотивации проведения, выраженной словами их организаторов: «чтобы наши дети знали в лицо своих братьев и сестер», — имеют также более рациональную цель: расширение родственной сети, поскольку именно она представляла реальный ресурс в жизнеобеспечении в первые годы постсоветского политического, социального и экономического кризиса.

На протяжении XIX–XXI вв. сеок у алтайцев претерпел ряд изменений, оставаясь при этом одной из граней их этнической идентичности, причем гранью очень важной, служащей маркером их этничности. Актуализировался этот институт в конце XX в., в период перестройки, наряду со всем множеством феноменов культуры, начавших ревитализироваться в середине 1980 – конце 1990-х гг. Начало процесса ревитализации было связано с общественной полемикой, обусловленной важным для алтайского социума вопросом: «Могут ли вступать в брак люди с одинаковым сеоком?». Полагаем, что именно с поиска ответов на этот вопрос в этнокультурной жизни алтайского общества начался процесс актуализации такого многостороннего феномена культуры, как сеок. Немаловажно отметить, что этот процесс вначале вызывал негативные оценки и предположения, что алтайцы разойдутся по «родовым квартирам» и «перестанут быть единым народом». Это была одна сторона «кризиса развития» сеока как социального феномена, важного для личности и ее этнокультурного и этносоциального самоопределения.

Затем, в начале XXI в., в связи с появлением среди алтайцев «вместо» субэтнических групп других, иного таксономического характера, коренных малочисленных народов, проявилась вторая сторона «кризиса» сеока на уровне личности. Она заключалась в том, что этносоциальные процессы, про-

исходившие в алтайском обществе, вынуждали каждого алтайца самоопределяться как в смысле этническом, субэтническом, так и в сеочном.

Результатом сложных самоидентификационных процессов на личностном уровне, начавшихся в 1980-е гг., стал не менее сложный процесс поиска общеалтайской этнической идентичности, каждый раз с новой силой политизировавшийся перед переписью населения, — т. е. в 2002 и 2010 гг. После того, как были опублико-

ваны данные переписи по национальному составу населения Республики Алтай, в которых содержатся наименования сеоков алтайцев, разнесенные по всем их группам, политический накал спал, отпала также необходимость в этнической мобилизации. Алтайцы остались алтайцами — со множеством сеоков, с многослойной этнической идентичностью, исторически характерной для всех территориальных групп современного аборигенного населения Республики Алтай.

Источники

Алтайдын Чолмоны. 2010. 27 сентября. № 165. С. 3.

Полевые материалы автора (ПМА).

Литература

Адрианов А. В. Сёбки и шуточные характеристики инородческих родов (сёбков). Записано г. А. Адриановым в 1881 г. // Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV. Материалы этнографические. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1883. С. 936–941.

Головнёв А. В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 344 с.

Дыренкова Н. П. Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеут. // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л.: Изд-е Комиссии по трудоустройству студенческих этнографических экскурсий, 1926. Вып. I. С. 247–259.

Интернет-форум [Электронная версия] // URL: <http://wap.ongudai.forum24.ru>.

Келюев В. И. О появлении нового сеока // Газета «Листок». Районный информационно-аналитический еженедельник Усть-Канского района Республики Алтай. 4.08.2010 г. № 31.

Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази, хана хивинского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 192 с.

Лашук Л. П. Историческая структура социальных организмов средневековых кочевников // Советская этнография. 1967. № 4. С. 25–39.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 372 с.

Sources

Altaydyn Cholmony. 2010, September 27. No. 165. P. 3. (In Russ.)

Author's field data.

References

[Internet Forum]. Available at: <http://wap.ongudai.forum24.ru> (In Russ.)

Adrianov A. V. Söbks and joking songs to characterize non-authentic clans (söbks). Recorded by A. Adrianov in 1881. In: Potanin G. N. [Essays on Northwestern Mongolia]. Vol. IV: Ethnographic materials. St. Petersburg: V. Kirshbaum, 1883. Pp. 936–941. (In Russ.)

Dyrenkova N. P. Altaians and Teleuts: clan, kinship classification system and marriage norms. In: [Peoples of the USSR: Materials on Marriage and Family-Clan Schemes] Leningrad: Commission for Employment of Student Ethnographic Excursions, 1926. Vol. I. Pp. 247–259. (In Russ.)

Golovnev A. V. [Nomads of Tundra: the Nenets and Their Folklore]. Yekaterinburg: Uralic Department of RAS, 2004. 344 p. (In Russ.)

Kelyuev V. I. Emergence of a new seok revisited. *Listok*. 2010, August 4. No. 31. (In Russ.)

Kononov A. N. [Genealogy of the Turkmens: a Work by Abu al-Ghazi Bahadur, Khan of Khiva]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1958. 192 p. (In Russ.)

Lashuk L. P. Medieval nomads: historical structure of social organisms. *Sovetskaya etnografiya*. 1967. No. 4. Pp. 25–39. (In Russ.)

Malov S. E. [Monuments of Old Turkic Script]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1951. 372 p. (In Russ.)

Nikiforov N. Ya. [Altai Tales, Supplemented with

Nikiforov N. Ya. Аносский сборник. Сб. сказок алтайцев с примечаниями Г. Н. Потанина. Горно-Алтайск: Изд-во «Ак Чечек». 1995. 263 с.

Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, выполненного в 1879 г. по поручению Императорского Русского Географического Общества членом-сотрудником одного Г. Н. Потаниным. Вып. IV. Мат-лы этнографич., с 26 табл. рисунков. Изд. 2, репринт. Горно-Алтайск, Изд-во «Ак Чечек». 2005. 1025 с.

Сагалаев А. М., Октябрьская И. В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск: Наука, 1990. 209 с.

Самаев Г. П. Горный Алтай в XVII – сер. XIX вв.: Проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск, 1991. 256 с.

Степанов В. В., Тюхтенева С. П., Функ Д. А. «Этническая идентичность» и «национальная принадлежность» в Республике Алтай // Этнологический мониторинг переписи населения. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 326–350.

Степанов Ш. М. Метаморфозы родства у тувинцев // Этнографическое обозрение. 2009. № 4. С. 129–145.

Тадина Н. А. Река как образ родины у алтайцев // Реки и народы Сибири. Отв. ред. Л. Р. Павлинская. МАЭ РАН. СПб.: Наука, 2007. С. 150–158.

Тюхтенева С. П. Земля. Вода. Хан Алтай: Этническая культура алтайцев в XX веке. Элиста: Изд-во КалмГУ. 2009. 169 с.

Швецов С. П. Горный Алтай и его население. Т. 1. Вып. 1. Кочевники Бийского уезда. Барнаул: Типо-лит. Гл. упр. Алт. края, 1900. 360 с.

G. N. Potanin's Comments]. Gorno-Altaysk: Ak Chechek, 1995. 263 p. (In Russ.)

Potanin G. N. [Essays on Northwestern Mongolia: (Summarizing) Results of the 1879 Journey Sanctioned by the Imperial Russian Geographical Society]. Vol. IV: Ethnographic materials. Suppl. with 26 pict. tables. 2nd ed., reprint. Gorno-Altaysk: Ak Chechek, 2005. 1025 p. (In Russ.)

Sagalaev A. M., Oktyabrskaya I. V. [Traditional Worldview of South Siberian Turks: Sign and Ritual]. Novosibirsk: Nauka, 1990. 209 p. (In Russ.)

Samaev G. P. [Altay Mountains in the 17th – Early-to-Mid 19th Centuries: Problems of Political History and Russia's Annexation]. Gorno-Altaysk, 1991. 256 p. (In Russ.)

Shvetsov S. P. [Altay Mountains and Their Heritage]. Vol. 1. Is. 1: Nomads of Biysk Uezd. Barnaul: Altai Provincial Administration, 1900. 360 p. (In Russ.)

Stepanoff Sh. Tuvans: kinship metamorphoses. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2009. No. 4. Pp. 129–145. (In Russ.)

Stepanov V. V., Tyukhteneva S. P., Funk D. A. 'Ethnic' and 'national' identities in the Altai Republic. In: [Population Census: Ethnological Monitoring]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology (RAS), 2011. Pp. 326–350. (In Russ.)

Tadina N. A. River as a symbol of ancestral lands among the Altaians. In: [Rivers and Peoples of Siberia]. L. R. Pavlinskaya (ed.). St. Petersburg: Nauka, 2007. Pp. 150–158. (In Russ.)

Tyukhteneva S. P. [Earth, Water, Khan Altay: Altaian Ethnic Culture in the 20th Century]. Elista: Kalmyk State University, 2009. 169 p. (In Russ.)

ЛИЧНОСТЬ КАК ОСНОВА СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ*

Personality as a Basis for Saving of Cultural and Historical Traditions

А. А. Данчай-оол (A. Danchay-ool)¹ Е. В. Айыжы (E. Aiyzhy)²

¹ аспирант кафедры философской антропологии и истории философии РГПУ им. А. И. Герцена, ассистент кафедры философии Тувинского государственного университета (Post-graduate Student of the Philosophical Anthropology and History of Philosophy Chair at Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, Department of Philosophy, Junior Member of Teaching Staff at the Tuvan State University). E-mail: dayas@inbox.ru.

² кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и археологии Тувинского государственного университета. (Ph.D. of History, Associate Professor of the World History and Archaeology Chair at the Tuvan State University). E-mail: aiygy@mail.ru.

Статья посвящена актуальным проблемам диалектики личности и культурно-исторической традиции. Формулируется особый подход к решению проблемы сохранения целостной культурно-исторической традиции в связи с антропологическими и духовно-ценностными основами деятельности. Противоречия современной цивилизации связываются с редукцией системы образования к простой схеме передачи информации. Указывается, что передача культурно-исторической традиции должна быть включена в систему формирования полноценной личности, а также подчеркивается необходимость анализа коллективного субъекта в виде симфонической личности.

Ключевые слова: культурно-историческая традиция, диалектика, личность, субъект, индивид, ценность, духовность.

The article is devoted to the problems of preservation of cultural and historical traditions in the context of globalization and the unification of values and categorical systems. An important aspect of overcoming these contradictions of social development is seen as a special understanding of the individual, not only as individuals but also as a subject of particular historical community. The system of socialization, which mainly lies in the educational structure of society forms the people who will carry out certain functions in the system of social production. Holistic personality development is not a priority. Values and spirituality of the people create the whole person, for this reason, the subject is not only the individual, but also the subject of cultural-historical community, symphonic personality. Spiritual values are fundamental to the individual person. They indicate the objectives, targets, provide an opportunity to dialectically overcome all the problems posed by reality. Man is a creature both biological and social, and thus it is born only in society. Outside of society is born only individual who is very far from being able to become a full and integral member of the human race. Gradually formed individual personality, which has a vital connection with the cultural and historical tradition, from the spiritual foundation of the people. The moral principle lies in the basis of thinking. Consciousness in the goal-setting is not only the motives, but also collective. Personality can not go against moral principles. Such an act leads to its internal conflict, which becomes intractable. Value system is formed by a person of culture.

Keywords: cultural and historical tradition, dialectics, personality, subject, individual, value, spirituality.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект 15-21-03002 «Диалог цивилизаций народов Центральной и Внутренней Азии: история, культура и парадигмы существования».

Культурно-историческая традиция со- держит в себе память поколений конкретно- исторической общности. Культурная пре- емственность невозможна в условиях заме- щения конкретной традиции абстрактными ценностными установками. До новейшего времени сохранение опыта предыдущих по- колений позволяло решать насущные про- блемы действительности. В современный период процессы научно-технической ре- волюции, глобализации и развития инфор- мационно-коммуникационных технологий приводят к тому, что традиционные формы хозяйствования заменяются новыми обще- мировыми моделями. Географические и климатические условия легко преодолева- ются с использованием современных дости- жений развития технологий. Отпадает не- обходимость сохранения культурно-исто- рической традиции. Но нужно уточнить, что это суждение правильно только по от- ношению к цивилизации. Редукция куль- туры к цивилизации не позволит решить конкретные антропологические проблемы, которые возникают неизбежно. В первую очередь антропологические противоречия касаются личности как целостного субъек- та. Диалектическое понимание личности создает особое понимание субъекта, так как он является источником деятельности, раз- умной активности.

Деятельность человека всегда антропо- логична, она направлена на достижение не только личных целей, но и всего человече- ства. Именно философско-антропологиче- ский подход рассматривает индивида в его духовном единстве с конкретно-историче- ской общностью.

В. Е. Кемеров определяет понятие лич- ности как субъект воспроизводства обще- ственных связей и как субъект психической деятельности [Кемеров 1977: 226]. В нашем исследовании важно подчеркнуть, что лич- ность является субъектом воспроизводства культурно-общественных связей. В. В. Да- выдов подчеркивает необходимость соотне- сения проблемы личности и проблемы твор- чества как процессов создания новых форм общественной жизни [Давыдов 1996: 45]. Деятельность всегда происходит на осно- ве сознания, которое является творческим. Жизнь индивидуальной личности конкрет- на, и каждый момент является для нее уни- кальным. Как указывает В. В. Давыдов, «любая конкретная деятельность субъекта (индивида) осуществляется лишь в систе-

ме вполне определенных общественных от- ношений». Личность определяется указан- ной системой отношений [Давыдов 1996: 45]. И благодаря этому личность намного шире и богаче по содержанию, чем просто индивид. Личность обязательно обладает целостностью, без которой она теряется в наличном бытии. Деятельная личность яв- ляется лучшим проявлением человеческой свободы в индивиде. Стремление преодо- левать ограничения наличного бытия при- водит к дальнейшему развитию мышления. Посредством творческого мышления лич- ность проявляет свою свободу, свой талант.

Современная система формирования личности, заключенная в систему образова- ния, стремится к созданию людей, которые будут иметь необходимый багаж знаний для выполнения социально-экономической функции в общей структуре материального производства. При таком подходе к соотно- шению науки и учебного предмета оказы- вается утерянным критерий, указывающий на необходимое содержание образования. Когда система образования сводится к пе- редаче знаний, то возникает противоречие в формировании содержания педагогической парадигмы. Процесс формирования челове- ка должен пониматься как процесс форми- рования социальной личности «... именно игнорированием проблемы человека как со- циальной личности, проблемы целостности этой личности, ее отношения к миру можно объяснить факт, который... выражается в том, что у нас так или иначе происходило и, на наш взгляд, продолжает происходить разрушение общего образования... Это, в свою очередь, основывается на отсутствии у нас научно разработанного и детализиро- ванного представления о целях образова- ния. Сейчас у нас нет общесоциологических критериев, которые позволяют говорить об общем образовании как факторе формиро- вания и развития личности».

Существующая система познания и вос- питания зачастую формирует личность, ко- торая оперирует абстрактными понятиями. Эта абстрактность никак не может связаться с конкретной действительностью. Л. Фейер- бах определял истину как не являющуюся «единой в смысле абстрактного единства, т. е. она не простая мысль, которой проти- востоит различие; она является духом, жиз- нью, самоопределяющим и различающим единством, т. е. конкретной идеей [Фейер- бах 1974: 12].

Человек, являясь биосоциальным существом, рождается только в обществе. Вне общества рождается только индивид, который очень далек от того, чтобы стать полноценным и целостным представителем человеческого рода. В процессе воспитания и образования индивид обретает единство с обществом, включается в коллективный субъект, воспринимает все богатство культуры. Постепенно формируется индивидуальная личность, которая имеет живую связь с культурно-исторической традицией, с духовными основаниями народа. «Именно в общности совершается становление мировоззренческих и духовно-нравственных констант, которые, подвергаясь коррекции, в принципе, остаются неизменными на протяжении всей жизни человека, составляя ядро личности, определяя ее самоидентичность и судьбу» [Валицкая 2009: 35]. С. С. Хоружий указывает: «Культурные феномены, обладающие подобным свойством неуходящей, самовоспроизводящейся актуальности, играют особую роль в культурном процессе: они не стареют, не сдаются в архив, но в каждый очередной культурный период принимают участие в жизни культурного сознания, в работе его самоосознания и самоопределения; и в отношениях с такими феноменами, на материале этих отношений культурное сознание — в частности, философское сознание — понимает и формирует себя» [Хоружий 2012: 214]. Культурно-историческая традиция является формой самоактуализации конкретно-исторической общности, познания себя как «симфонической личности».

Личность всегда имеет целостную связь с ценностями и духовностью народа. Благодаря этому субъектной характеристикой обладает не только индивид, но и культурно-историческая общность. В историческом процессе именно конкретный народ имеет свое лицо и ответственность. Общие конкретные ценности необходимым образом формируют коллективный субъект. Стремление к денационализации культуры и атомизации индивидуальной личности изначально не может иметь положительного результата, т. к. духовность является фундаментальной ценностью для любого человека. Именно она указывает цели, ориентиры, дает возможность диалектически преодолеть все проблемы, которые ставит действительность. Глубокое сущностное изучение идеального Э. В.

Ильенковым позволяет обозначить его взаимосвязь с сознанием и деятельностью. Основная черта единства понятий сознания, идеального и деятельности заключается в духовной составляющей конкретно-исторической общности. Духовность, являясь высшим проявлением ценностной системы, формирует сознание в соответствии с диалектически становящимся общим интересом коллектива и индивида. По определению В. В. Давыдова, сознание — это воспроизведение человеком идеального плана своей целеполагающей деятельности и идеального представительства в ней позиции других людей. В своей деятельности личность учитывает интересы других членов общества [Давыдов 1996: 43]. Нравственный принцип заключен в основе мышления. Сознание в целеполагании имеет не только свои мотивы, но и коллективные. Личность не может идти наперекор нравственному принципу. Такой поступок приводит ее к внутреннему конфликту, который становится трудноразрешимым. Ценностная система формируется в личности посредством культуры. Конкретные ценности создают у личности возможность для осознания себя, позволяют индивиду самоидентифицироваться в окружающем пространстве. А. П. Валицкая указывает, «каждый из тех, кто принадлежит общности, исповедует этот образ — символ духовного братства» [Валицкая 2009: 35].

Л. П. Карсавин создал учение о «симфонической личности» в русле теологической персонологической парадигмы. Но впоследствии эта концепция находит сближение с подходом морфологии культур, который трактует конкретные культуры «как автономные социокультурные организмы или «коллективные личности» [Хоружий 2012: 214]. Но при этом важно учесть, что учение о «симфонической личности» основано на духовном единстве народа.

Структура индивидуальной личности сложна и множественна. Провести ее полноценный анализ невозможно, так как личность является собою только в единстве множества моментов. Биологическое, социальное, культурное, психологическое — все это обуславливает существование индивидуальной личности, и в отрыве от них не может быть построено всеобъемлющее знание. Но личность культурно-исторической общности, кроме вышеперечисленного, имеет в себе и множество индивидов, кото-

рые в совместной жизнедеятельности обнаруживают живое единство. Они единым многоголосием обозначают свое единство перед лицом истории. Культурные основы являются для множества индивидов фундаментом конкретной жизни. Они выступают единым «оркестром» и являются «симфонической» личностью.

Л. П. Карсавин в своей работе «О личности» подробно обозначает диалектическое развитие личности, указывает на необходимые стадии самоединства, саморазъединения и самовоссоединения. «Она — «сначала» единство, «затем» разъединение и разъединенность или множественность и «наконец» воссоединение и воссоединенность» [Карсавин 2003: 262]. Личность всегда стремится к своему совершенству, но при этом она таковой может быть только в действительности своего бытия. Это состояние она обретает в конкретном бытии индивидуальной личности в симфонической.

Индивидуальная личность в отрыве от живого единства с «симфонической» личностью является «в себе самой». Она в таком состоянии является «несовершенным единством множества или — своим несовершенным всеединством» [Карсавин 2003: 263]. Л. П. Карсавин посредством учения о «симфонической личности» применяет к социальному бытию идею всеединства [Хоружий 1994: 213]. В его учении творческая активность личности обнаруживает необходимое проявление в творчестве общественно-культурного субъекта. Как отметил А. А. Корольков о русском философе начала XX в. И. А. Ильине, «Гибель государств он связывал с распадом цельности личности... Такая распадающаяся личность ведет смутную жизнь и ... становится частицей хаоса и пребывает в вечном замешательстве и безответственном смятении» [Корольков 2005: 286].

Литература

- Валицкая А. П. Образ России в контексте национального самосознания // Образ России: Сборник научных статей. СПб.: Пневма, 2009 г. С. 6–22.
- Давыдов В. В. Теория развивающего обучения. М.: ИНТОР, 1996. 544 с.
- Кемеров В. Е. Проблема личности: методология исследования и жизненный смысл. М.: Политиздат, 1977. 256 с.
- Карсавин Л. П. О личности // Карсавин Л. П. Путь православия. М.: ООО «Изд-во АСТ»;

- Харьков: Фолио, 2003. С. 120–168.
- Корольков А. А. Духовная антропология. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. 324 с.
- Фейербах Л. История философии. Собрание произведений в трех томах. Т. 2. М.: Мысль, 1974. 480 с.
- Хоружий С. С. Философия Карсавина в судьбах европейской мысли о личности // Лев Платонович Карсавин. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2012. С. 193–214.
- Хоружий С. С. После перерыва. Пути русской философии. СПб.: Алетейя, 1994. 448 с.

References

- Davydov V. V. [Theory of Developmental Teaching]. Moscow: INTOR, 1996. 544 p. (In Russ.)
- Feuerbach L. [History of Philosophy: Collected Works]. In 3 vols. Vol. 2. Moscow: Mysl, 1974. 480 p. (In Russ.)
- Karsavin L. P. About personality. In: Karsavin L. P. [Path of Orthodox Christianity]. Moscow: AST; Kharkov: Folio, 2003. Pp. 120–168. (In Russ.)
- Kemerov V. E. [Problem of Personality: Research Methodology and Reasons for Being]. Moscow: Politizdat, 1977. 256 p. (In Russ.)
- Khoruzhiy S. S. [After the Break: Paths of Russian Philosophy]. St. Petersburg: Aleteiya, 1994. 448 p. (In Russ.)
- Khoruzhiy S. S. Karsavin's philosophy in European thought about personality. In: [Lev Platonovich Karsavin]. Moscow: ROSSPEN, 2012. Pp. 193–214. (In Russ.)
- Korolkov A. A. [Spiritual Anthropology]. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2005. 324 p. (In Russ.)
- Valitskaya A. P. Image of Russia in the context of ethnic identity. In: [Image of Russia]. Coll. scholarly papers. St. Petersburg: Pnevma, 2009. Pp. 6–22. (In Russ.)

ГЕНДЕРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЕДИНОБОРСТВ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ УЧАСТНИКОВ

Gender Characteristic of Martial Arts in Participants' View

С. А. Умгаев (S. Umgaev)¹

¹аспирант Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Post-graduate student at the Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS named after N.N. Miklukho-Maklai). E-mail: sam_umg@yahoo.com

Статья посвящена гендерным характеристикам единоборств в представлении участников и выполнена на материалах исследований в спортивных группах г. Элисты Республики Калмыкия. В статье рассматривается вопрос, являются ли единоборства мужскими или женскими видами спорта, и в какой мере? Полевые материалы свидетельствуют о том, что единоборства рассматриваются как «мужское» направление в спорте. В то же время явных запретительных стереотипов относительно женщин не выявлено.

Ключевые слова: спорт, единоборства, боевые искусства, мужественность, женственность, гендерные стереотипы.

The article is devoted to basic gender stereotypes and gender representations of martial arts by sportsmen and people engaged in sports activities in the city of Elista, Republic of Kalmykia. Specifically, they were asked whether martial arts were considered as masculine or feminine kinds of activity (or both) and to what extent. It is concluded that martial arts are seen principally as a masculine activity, but at the same time they aren't viewed as non-recommended for women.

Keywords: sport, single combats, martial arts, masculinity, femininity, gender stereotypes.

Гендерные представления являются неотъемлемой частью повседневного общения. Они оказывают прямое влияние и на спортивную деятельность. Гендерная проблематика в спорте рассматривается в основном с женской перспективы в рамках феминистского дискурса [Birrell, Theberge 1994]. Однако связь представлений о мужском и женском в контексте изучения спорта и единоборств представляет самостоятельный интерес. В традиционном понимании спорт является сферой применения физических, иначе, биологических возможностей человека, на которые прямо влияет свойственный человеку половой диморфизм [См.: Соха, Соха 1999; Ткачук, Дюсенова 2015]. В силу этого обстоятельства деление видов спорта на мужские и женские выглядит оправданным с точки зрения теории, методики, практики и результатов занятий [Староста 1999]. Половая специализация коснулась единоборств: соревнова-

ния проводятся отдельно в женских и мужских категориях. Все это является основой для различий в гендерных представлениях о единоборствах. В статье рассматриваются базовые представления участников единоборств о мужском и женском характере их видов спорта на материале полевых исследований, проведенных в г. Элисте Республики Калмыкия в июне–сентябре 2015 года.

Полевые исследования включали в себя наблюдение, интервьюирование и анкетирование в группах занимающихся единоборствами: боксом, вольной и классической борьбой, тхэквондо, каратэ синкиокусинкай, айкидо мутокукай, кэндо, рукопашным боем, самбо и дзюдо. В результате исследования было опрошено 263 человека (в том числе 31 респондент женского пола). Женщины составляли меньшинство во всех опрошенных группах занимающихся единоборствами. Все виды спорта и группы (за

исключением спортивной борьбы) были открыты для лиц любого пола.

Очевидная половая диспропорция в составе групп сделала существенным вопрос о связи представлений о мужском и женском с занятиями единоборствами, о роли гендерных стереотипов в выборе конкретного направления спорта. В ходе исследования и в зависимости от пола респондента допускалась нюансировка основного для рассматриваемой темы вопроса: являются ли единоборства «мужским» направлением спорта и в какой степени; являются ли они направлением «не-женским» и в какой степени.

Обычно единоборства в пространстве гендерных стереотипов относительно других видов спорта оцениваются как очень маскулинные, с одной стороны, и как наименее женственные, с другой [Дамадаева 2011: 68–69]. Кроме того, у спортсменов гендерные стереотипы относительно своих видов спорта выражены слабее, чем по отношению к неизвестным им видам. У людей, не имеющих отношения к спорту, гендерные стереотипы выражены сильнее, чем у спортсменов. А. С. Дамадаева назвала это «фактором лояльности к лицам, занимающимся «своим» видом спорта» [Дамадаева 2011: 71], но можно предположить, что на формирование подобных представлений повлияла практика занятий конкретными видами спорта. Нужно отметить, что представления о мужском и женском в спорте и единоборствах у спортсменов и не-спортсменов различаются в сторону усиления гендерных стереотипов у последних.

В ходе экспертного интервьюирования были получены существенно различающиеся мнения об объективных причинах интереса к единоборствам. Отмечались этнические (традиции и менталитет калмыцкого народа), социальные (социальное и экономическое неблагополучие республики), антропометрические (анатомическая предрасположенность к единоборствам), психологические (самоутверждение, поиск собственной исключительности) факторы привлекательности единоборств в Калмыкии [ПМА]. С учетом результатов экспертных интервью были разработаны анкеты для спортсменов.

На вопрос о причине занятий единоборствами ответ «улучшить физическую форму» дали 134 человека, «улучшить здоровье» — 92, «постоять за себя» — 118, «воспитать

характер» — 128, «спортивное мастерство» — 135, другой ответ дали 10 человек (собственные ответы, как правило, дополняли отмеченные выше причины). Большинство опрошенных выбрало несколько вариантов ответа, что связано в первую очередь с комплексностью феномена единоборств, сложной личной мотивацией к занятиям. Ни один из вариантов ответа не является гендерно-детерминированным, так как физическая форма, здоровье, характер, способность дать отпор, спортивное мастерство в равной степени свойственны как женщинам, так и мужчинам. Отсюда можно сделать вывод, что гендерный аспект единоборств определяется не столько личной мотивацией занимающихся, сколько характером занятий единоборствами и культурным контекстом, определяющим этот характер [ПМА].

На вопрос, следует ли женщинам заниматься единоборствами, 134 информанта ответили «да, в спорте женщины ничем не отличаются от мужчин»; «да, но с ограничениями» — 111, «совсем не женское занятие» — 17; другой ответ дали 4 человека. Таким образом, на уровне представлений о единоборствах среди их участников практически никто не считает, что единоборства совсем не являются «женским» занятием, однако значительное количество респондентов посчитало, что женщины должны заниматься единоборствами с некоторыми ограничениями. Включенное наблюдение показало, что под «ограничениями» понимаются в первую очередь ограничения, связанные с особенностями женского организма, его предполагаемой неприспособленностью к единоборствам. Так, одним спортсменом было приведено мнение о вредности занятий единоборствами для женского организма, поскольку они могут обернуться возможным ущербом для функции деторождения из-за «ударов по животу» [ПМА].

В свою очередь, на вопрос «должен ли мужчина заниматься единоборствами?» «да» ответили 239 человек, «не обязательно» — 19, ответов «нет» не было. Единоборства однозначно связаны с мужским началом, сама ситуация поединка является скорее мужской, чем женской. В ходе включенного наблюдения и интервьюирования некоторые спортсмены-калмыки выделяли единоборства как исторически мужское занятие, связанное с воинской деятельностью, подчеркивая, что калмыки исторически являлись «воинами». Вне этнических катего-

рий, всеми национальностями, единоборства упоминались как мужское занятие, поскольку мужчина должен уметь «постоять за себя и своих близких». Это умение является частью его гендерной роли [ПМА]. Последнее представление непосредственно отразилось на результатах опроса.

Таким образом, единоборства в представлении их участников являются мужским занятием, связанным с мужественностью, мужской гендерной ролью. Единоборства ассоциируются с войной, агрессией, схваткой, умением проявлять и отражать физическое насилие — сторонами действительности, тесно связанными с мужественностью в представлении респондентов. В то же время единоборства не столь однозначно

являются занятием «не-женским», деятельностью, к которой не следует подпускать женщин, девушек или девочек. Подобного запрета и даже негативного отношения у занимающихся единоборствами не наблюдается, несмотря на присутствие опасений по поводу возможной угрозы для здоровья женщины. Активное участие и победы калмыцких спортсменов-единоборцев на соревнованиях различного уровня являются тому подтверждением [<http://kalmykia-online.ru/news>; Джоркаев 1999: 111]. Нужно добавить, что личная мотивация спортсменов не несет выраженного гендерного подтекста, однако сам характер единоборств как деятельности имеет прочные мужские гендерные ассоциации.

Источники

Полевые материалы автора [ПМА].

Литература

Birrell S., Theberge N. The Sociological Study of Women in Sport/Women and Sport: Interdisciplinary Perspectives, Champaign, IL, 1994. P. 323–331.

Дамадаева А. С. Гендерные стереотипы относительно мужественности-женственности спортсменов разного пола // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. № 8. 2011. С. 67–71.

Джоркаев Джан. Калмыкия спортивная / авт.-сост. А. П. Лактионов. Элиста: НПП «Джан-

гар», 1999. С. 143–145.

Соха С., Соха Т. Половой диморфизм в теории и практике современного спорта // Теория и практика физической культуры. 1999. № 6. С. 4–7.

Староста В. Обосновано ли деление спорта на мужские и женские? // Теория и практика физической культуры. 1999, № 8. С. 55–58.

Ткачук М. Г., Дюсенова А. А. Половой диморфизм и его отражение в спорте. М.: Директ-Медиа, 2015.

[Электронный ресурс] // URL: <http://kalmykia-online.ru/news>. 2014–2015 гг. (дата обращения: 20.10.2015).

Sources

Author's Field Data.

References

[Kalmykia Online Information Portal]. Available at: <http://kalmykia-online.ru/news>. Years: 2014–2015 (accessed: October 20, 2015). (In Russ.)

Birrell S., Theberge N. The sociological study of women in sport. In: Women and Sport: Interdisciplinary Perspectives. Champaign: Human Kinetics, 1994. Pp. 323–331. (In Eng.)

Damadaeva A. S. Gender stereotypes relating to masculinity and femininity of both sexes athletes. *Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta*. 2011. No. 8. Pp. 67–71. (In Russ.)

Djorkaeff, Jean. In: [Kalmykia – Territory of Sport]. A. P. Laktionov (comp.). Elista: Dzhangar, 1999. Pp. 143–145. (In Russ.)

Sokha S., Sokha T. Sexual dimorphism in theory and practice of modern sport. *Theory and Practice of Physical Culture*. 1999. No. 6. Pp. 4–7. (In Russ.)

Starosta V. Is the division of sports disciplines into men's and women's well-founded? *Theory and Practice of Physical Culture*. 1999. No. 8. Pp. 55–58. (In Russ.)

Tkachuk M. G., Dyusenova A. A. [Sexual Dimorphism and Its Reflection in Sports]. Moscow: Direkt-Media, 2015. (In Russ.)

КАЛМЫЦКИЕ КОЛЛЕКЦИИ В МУЗЕЯХ ГЕРМАНИИ

Kalmyk Collections in Museums of Germany

С. Г. Батырева (*S. Batyreva*)¹

¹доктор искусствоведения, заведующий Музеем традиционной культуры имени Зая-пандиты Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук (Ph. D. of Art Studies, Head of the Museum of Kalmyk Traditional Culture named after Zaya-Pandita at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: sargere1@mail.ru.

Статья посвящена обзору калмыцких коллекций в музеях Германии. Объектом исследования является традиционная культура, представленная предметами хозяйства и быта номадов, а также буддийского культа. Рассматривая культурное наследие Калмыкии, автор выявил состав и содержание коллекций бытовой культуры и буддийского искусства из собраний Этнографического музея (Гернгут) и Государственного этнографического музея (Дрезден). Собранные в миссионерской деятельности гернгутеров в кочевьях калмыков XVIII–XIX вв. коллекции требуют дальнейшего комплексного изучения, сочетающего в музееведческом направлении методы искусствоведения, истории, этнокультурологии.

Ключевые слова: калмыки, традиционная культура, музеи Германии, коллекции, экспозиция, предметы быта, искусство буддизма, культурное наследие, исследование.

The traditional culture of the Kalmyks – everyday objects and works of art of Buddhism is represented in museum collections of Germany. On the occasion of the 125th anniversary of the museum's foundation, a new permanent exhibition was opened in the Ethnographic Museum at Herrngut. Entitled «Ethnography and Herrnhut Mission», it presents displays about the historical cultures of peoples with whom the Herrnhut missionaries worked. One of them is dedicated to the Kalmyk collection gathered by the efforts of the Germans from Sarepta, a town founded by Herrnhut missionaries on the lower Volga of Russia. The cultural heritage of the Kalmyk nomads is represented in museums and archives of Germany. Of special importance is the Herrnhuters' research in the field of language and traditional life and culture of the Kalmyk Buddhism, representing the heritage of the Mongolian peoples as well as the experience of scientific cataloging of museum collections in the works of foreign researchers, allowing in more detail to establish patterns of ethnocultural genesis which are not fully represented in the museum collections of Kalmykia due to historical circumstances.

Keywords: Kalmyks, traditional culture, museums of Germany, collections, display, household items, the art of Buddhism, cultural heritage, research.

Большой интерес для исследователя представляет собрание Этнографического музея г. Гернгут (Германия), знакомящее посетителей с миссией членов евангелического общества гернгутеров по всему миру (Америка, Аляска, Коста-Рика, Гондурас, Ямайка, Лабрадор, Суринам, Танзания и др.). Обзору музейного собрания посвящено каталогизированное издание [Ethnographie und Herrnguter Mission 2003: 57–72]. Сферой активной проповеднической деятельности моравских братьев было знакомство и изучение традиционного быта, хозяйства

и культуры народов, населявших осваиваемые ими территории. Среди последних для нас особую значимость имеет степное Поволжье, где с начала XVII столетия проживают калмыки, чьи предки — ойраты пришли сюда из Западной Монголии. Поселение немцев-колонистов Сарепта было основано в 1765 году выходцами из Богемии — братьями-гернгутерами — на берегу речки Сарпа (калм. Шорва), у северной границы калмыцких кочевий [Алексеева 2010: 21]. Попытки распространения христианства в среде калмыков сопровождалась последо-

вательным сбором предметов их материальной и духовной культуры на протяжении периода второй половины XVIII по первую четверть XIX вв. Калмыцкая коллекция, собранная ими, представлена в постоянной экспозиции Этнографического музея в г. Гернгут, посвященной буддийской культуре монгольских кочевников.

Экспозиция «Этнография и миссия гернгутеров» в реализованной концепции автора, С. Августина, включает в себя раздел «Калмыки — монголы в Европе», представляющий материальную и духовную культуру народа. Знаком самобытной культуры воспринимается в экспозиции костюм замужней калмычки, дополненный куклами, одетыми немцами-сарептянами в традиционное платье, мужское и женское, с точно исполненными деталями. Из предметов традиционного быта представлена домашняя утварь: деревянные столики «ширэ», украшенные резьбой и расписанные, посуда — деревянные чаши для чая и мяса (ааһ, тевш), курительная трубка, кисет, кошелек для серебряных денег, сумочка для охотничьих принадлежностей и кожаные сосуды отличной выделки. Небольшого размера, декорированные тиснением по коже и чеканкой металлической оправы, сосуды бортх и бұрв отличаются компактностью лаконичной формы, подчеркнутой растительным и геометрическим узором, выполненным в технике тиснения. Этих изделий, по предварительным данным, около десятка единиц хранения, что дает возможность сравнительного изучения орнаментированных предметов быта, которых в музеях Калмыкии считанные экземпляры. Традиционная пища калмыков представлена плитками прессованного чая, по всей вероятности, изготовления того же времени. И это тоже материал этнографического и естественнонаучного исследований гернгутеров.

Хозяйственный подраздел традиционного быта в экспозиции дополнен материалом, посвященным истории и духовной культуре калмыков. На ритуальном столике ширэ, резном из дерева и расписанном, расположены предметы буддийского культа, дополненные рукописью медицинского трактата на «тодо бичиг», картами и гравюрами, изображающими поселения и традиционный быт калмыков в степи. Кукла в костюме миссионера призвана ориентировать внимание посетителей на большой кропотливой работе гернгутеров по сбору матери-

ала кочевнической культуры. Под текстом библиографической справки о калмыках — монголах в Европе — расположен алтарный поставец с образами миниатюрной рельефной пластики. Это является необходимым акцентом в экспонировании материала духовной культуры: молитвенных текстов на тибетском языке и старокалмыцком «тодо бичиг», амулетов, четок из косточек и зерен растительного происхождения, ритуальной металлической посуды и миниатюрных глиняных изображений «мирд». Рельефная пластика хранилась верующими в специальных футлярах (металлических и деревянных) в качестве нагрудных оберегов.

В экспозиции воспроизведен фрагмент интерьера кибитки. Композиция составлена из икон с образами Авалокитешвары (в двух ипостасях), Будды Шакьямуни и Ваджрапани, культовой скульптуры, круглой и рельефной, и алтарной утвари (жертвенных чаш цөгц и лампадок зулын цөгц), трубы бишкур. Особую часть музейной коллекции представляет достаточно обширный ряд графики, иллюстрирующий быт, костюм, традиции и религию калмыков. Авторами произведений, выполненных в гравюре, являются художники, большей частью немцы, в том числе сопровождавшие научно-исследовательские экспедиции П. Палласа, И. Георги в XVIII–XIX вв. Экспедиции организовывались с целью изучения народов и народностей, проживавших на обширной территории Российской империи. Графические листы, запечатлевшие карты расселения этноса, сделанные по материалам экспедиций, дополняют редкие фотографии сановных лиц, священнослужителей и калмыков-мирян XIX в. Небольшой, но содержательный раздел экспозиции дает достаточно полное представление о традициях кочевой культуры.

Закономерным следствием этнокультурных контактов явился интерес гернгутеров к вероучению калмыков. Этнос буддийского вероисповедания, единственный в среде народов мусульманского и христианского мира, становится предметом научного наблюдения исследователей и переселенцев из Германии. Миссионерство братьев было связано с изучением религии и языка, начатым И. Я. Шмидтом, Л. фон Швайницем, Й. Г. Шиллем и продолженным Г. А. Цвиком. Последний является автором книги «Путешествие из Сарепты в различные орды калмыков в Астраханской губернии

в 1823 году», опубликованной в Лейпциге [Zwick 1827]. Так, в Саксонской земельной библиотеке г. Дрездена оказались 70 оригинальных манускриптов буддийской литературы как на тибетском, так и на калмыцком и монгольском языках. Более 100 ед. хр., а именно культовых предметов буддизма, поступило в 1839 г. от Г. А. Цвика. Эти и другие предметы материальной и духовной культуры калмыков были переданы в Государственный этнографический музей Дрездена и основанный в 1878 г. Этнографический музей Гернгута. Объекты, собранные членами братской общины Сарепты, «на основании своей древности и редкости в музейных коллекциях могут быть охарактеризованы как драгоценные исторические свидетельства культуры кочевых калмыков, носящей отпечаток буддизма и истории культуры Нижнего Поволжья», — справедливо обобщает Ш. Августин [Августин 1995: 13].

Часть экспозиции музея Гернгута дополнена небольшим подразделом из монгольских экспонатов, ориентирующих посетителя на исторические истоки происхождения народа. Экспонаты по культуре калмыков находят органичное продолжение в ряду экспозиции, посвященной буддизму стран гималайского региона, осваиваемого в XIX в. гернгутерами Ладака и Тибета [Bilder aus ... 2008: 58, 123–142]. Подобные общины были созданы миссионерами по всему миру. Собранный ими материал, систематизированный и концептуально представленный в постоянной экспозиции Этнографического музея г. Гернгут, — плод усердных усилий миссионеров. Изучая язык подопечных племен и народов, они публиковали свои наблюдения об их истории и культуре в научных изданиях. В таком этнографическом ракурсе представлена деятельность Калмыцкой миссии, продолжавшейся до 1822 г. и связанной с основанием и развитием поселения Сарепта. Этому посвящена статья Ш. Августина, директора музея Гернгута «Этнографические коллекции гернгутеров Нижнего Поволжья» [Augustin 1998: 217–240], ставшая расширенной редакцией материала «Этнографические коллекции гернгутеров Нижнего Поволжья», опубликованного в сборнике тезисов конференции «Колония Сарепта и немцы Поволжья в истории России» [Августин 1995: 12–13].

Обзор истории коллекционирования охватывает разнообразные документальные сведения и свидетельства культуры калмыков, собранные членами братской общины и другими лицами из Сарепты, а также современными дарителями (рубеж XX–XXI вв.). Миссионерской деятельностью членов евангелического объединения гернгутеров, Х. Гамеля, Ф. Мальча, К. Найца и М. Ничмана, входивших в тесные контакты с кочевниками во второй половине XVIII в., было положено основание калмыцким коллекциям музеев Германии. Таковы этнографические собрания в Дрездене, Гернгуте, Лейпциге, Геттингене, Барби и Ниски, городах восточной Германии [Augustin 1998]. Экспонаты музея г. Гернгут охватывают временной период от самых ранних предметов, попавших в музейное собрание около 1774 г., до небольшого количества объектов калмыцкой культуры, которые удалось приобрести в 1995 г. и позже — в начале XXI в. Отметим, что в силу исторических обстоятельств предметы традиционного быта и культовые произведения из музейных фондов Калмыкии в большинстве своем относятся к позднему периоду развития культуры — рубежу XIX–XX вв.

Благодаря миссионерской деятельности гернгутеров сохранилось традиционное наследие Калмыкии XVIII–XIX вв., собранное в уникальной полноте немецких музейных коллекций. К сожалению, этот период материально-духовной культуры народа фрагментарно представлен в музейном фонде не только современного архитектурно-музейного комплекса «Старая Сарепта», но и Элисты. Вместе с тем связи калмыков с гернгутерами, уходящие в историю России XVIII–XIX вв., продолжают и сегодня. Таковы визиты в Калмыкию пастора Карла-Эугена Лангерфельда, предки которого были колонистами Сарепты. Он подарил библиотеке КИГИ РАН издание Г. А. Цвика «Путешествие из Сарепты в различные орды калмыков в Астраханской губернии в 1823 году» и Музею традиционной культуры имени Зая-пандиты – CD-диск с иллюстративным рядом калмыцких коллекций в музеях Гернгута и Дрездена.

Буддийская коллекция Государственного этнографического музея в Дрездене, филиалом которого является Этнографический музей в Гернгуте, представлена большей частью предметами, собранными Г. А. Цвиком во время его поездки в Повол-

жье в 1823 г. Сферой его интересов были язык и религия калмыков, поэтому в коллекции так много культовых предметов. В ее составе представлены ритуальные предметы, литые из металла, — колокольчики, ваджры, цанги и блюда, сосуды човрун, сопровождаемые в отдельных случаях формами для литья и футлярами для изделий. Последние в единичных экземплярах хранятся в Национальном музее имени Н. Н. Пальмова Республики Калмыкия.

Высокохудожественным уровнем исполнения примечателен скульптурный образ Будды Шакьямуни, отлитый из белого металла, возможно, серебра. Четкий оттиск на донной металлической пластине скульптурного изображения несет рисунок ваджры, в полости скульптуры сохранены рулоны молитвенных текстов, заложенные при изготовлении на рубеже XVIII–XIX вв. Много образцов молитвенных текстов вложено в специальные молитвенные цилиндры, по внешней поверхности орнаментально декорированные. Скульптура буддизма дополнена поставцами-футлярами, вырезанными из дерева и нередко живописно расписанными или обитыми фактурной тканью. Изящной простоты форма культовых поставцов лаконична и целесообразна в декоративном обрамлении образов буддийской пластики. Эта традиция художественного оформления произведений, распространенная в XVIII – начале XIX вв., была впоследствии утрачена в искусстве буддизма Калмыкии.

Из многочисленного ряда штампованных из глины рельефных изображений отметим образ Зеленой Тары, имеющий на оборотной стороне оттиск надписи на старокалмыцком «тодо бичиг», что предполагает его местное изготовление. Произведения изобразительного искусства представляют полный пантеон буддизма в центральноазиатском варианте монголоязычных народов, состоящий из групп условных портретов: «будды», «бодхисаттвы», «учителя веры», «идамы»,

«дхармапалы», «локапалы». Большой интерес для исследования представляют графические произведения, сопровождаемые молитвенными надписями и изображающие субурганы, мандалы и образы, возможно, добуддийского происхождения. Судя по трактовке каноничных сюжетов и деталей некоторых изображений, а также цветовой гамме иконописи, кстати, во многих случаях неудовлетворительной сохранности (думаем, изначальной), возможно предположить производство местной художественной школы, поскольку в связи с упразднением Калмыцкого ханства культурные связи калмыков с буддийскими центрами Центральной Азии со второй половины XVIII в. ограничиваются [Батырева 2005: 41].

Культурное наследие калмыков в музейных и архивных собраниях Германии значительно. В содержании и научной обработке — технике и принципах сбора традиционного материала, его систематизации и современной трактовке в условиях музейного хранения и экспонирования — материал отмечен детальной тщательностью немецкого профессионализма. Автор выражает глубокую благодарность и признательность Штефану Августину, исполняющему обязанности директора Этнографического музея, и директору Объединенных Моравских архивов (г. Гернгут) Рюдигеру Крегеру за возможность ознакомиться с калмыцкими коллекциями, а также пастору Карлу-Эугену Лангерфельду за предоставленную возможность посетить Германию. Без сомнения, необходимо дальнейшее углубленное изучение документального материала, предметов быта и произведений искусства буддизма. Упрочение международных связей будет содействовать объективному и всестороннему исследованию ценнейшего материала в условиях многих утрат традиционной культуры народа. Результатами его могут стать новые данные о наследии калмыков в реальной перспективе научно-исследовательского сотрудничества.

Литература

Августин Ш. Этнографические коллекции гернгутеров Нижнего Поволжья // Колония Сарепта и немцы Поволжья в истории России. Сборник тезисов конференции. Волгоград, 1995. С. 12–13.

Augustin S. Zur Geschichte ethnographischer Erkundungen bei den Kalmyken im

Missionsgebiet der Evangelischen Bruder-Unitat (Herrnhuter Mission) an der unteren Wolga // Abhandlungen und Berichte des Staatlichen Museums für Volkerkunde Dresden. Forschungsstelle. Band 50. Berlin: Verlag für Wissenschaft und Bildung, 1998. P. 217–240.

Алексеева П. Э. Роль Сарепты в калмыковедении // Немецкий акцент: Германия в исто-

- рии, науке и культуре Калмыкии: материалы международной научно-практической конференции 30 сентября 2010 г. Элиста: КалмГУ, 2010. 136 с. С. 21–24.
- Батырева С. Г.* Культура и искусство калмыков в собраниях музеев Германии // Немецкий акцент: Германия в истории, науке и культуре Калмыкии: материалы международной научно-практической конференции 30 сентября 2010 г. Элиста: КалмГУ, 2010. 136 с. С. 37–41.
- Bilder aus der Herrnguter Mission. Fotografien des 19. Jahrhunderts aus den Sammlungen des Unitatsarchivs Schriften aus dem Unitatsarchiv, Band 3. Herausgegeben von Rudiger Kroger. Comenius-Buchhandlung GmbH, Herrnhut, 2008. 161 p.
- References**
- Alekseeva P. E. Sarepta and its role in Kalmyk studies. In: [A German Accent: Germany in Kalmykia's History, Science, and Culture]. Conf. proc. (Elista; September 30, 2010). Elista: Kalmyk State University, 2010. Pp. 21–24. (In Russ.)
- Augustin S. Ethnographic collections of Lower Volga Herrnhuters. In: [Sarepta and the Volga Germans in Russian History]. Report abstracts. Volgograd, 1995. Pp. 12–13. (In Russ.)
- Augustin S. Zur Geschichte ethnographischer Erkundungen bei den Kalmyken im Missionsgebiet der Evangelischen Bruder-Unitat (Herrnhuter Mission) an der unteren Wolga. In: Abhandlungen und Berichte des Staatlichen Museums für Volkerkunde Dresden. Forschungsstelle. Band 50. Berlin: Verlag für Wissenschaft und Bildung, 1998. Pp. 217–240. (In Germ.)
- Batyрева S. G. Kalmyk culture and arts in museum collections of Germany. In: [A German Accent: Germany in Kalmykia's History, Science, and Culture]. Conf. proc. (Elista; September 30, 2010). Elista: Kalmyk State University, 2010. Pp. 37–41. (In Russ.)
- Bilder aus der Herrnguter Mission. Fotografien des 19. Jahrhunderts aus den Sammlungen des Unitatsarchivs Schriften aus dem Unitatsarchiv, Band 3. Herausgegeben von Rudiger Kroger. Comenius-Buchhandlung GmbH, Herrnhut, 2008. 161 p. (In Germ.)
- Ethnographie und Herrnguter Mission. Volkerkundemuseum Herrnhut / Katalog zur ständigen Ausstellung im Volkerkundemuseum Herrnhut Außenstelle des Staatlichen Museums für Volkerkunde Dresden. Herausgegeben von PD Dr. Annegret Nippa, Direktorin. Redaktion: Dipl.ethn. Petra Martin, Dipl.ethn. Stephan Augustin. Staatlichen Museums für Volkerkunde Dresden, 2003. 168 p. (In Germ.)
- Zwick H. A. [Journey from Sarepta to Different Kalmyk Hordes of Astrakhan Governorate Undertaken between 26 May and 21 August 1823 on Instructions of the Russian Society for Printing and Dissemination of the Holy Bible]. L. F. Schwarz (transl.). 1993. At: Alt Sarepta Museum, Archive of Museum Collections. (In Russ.)
- Zwick H. A. Reise von Sarepta in verchiedene Rflmucken-Horden...in Jahre 1823. Leipzig, 1827/ АФ МЗСС (Архив фондов музея-заповедника "Старая Сарепта"). Путешествие из Сарепты в разные калмыцкие орды Астраханской губернии в 1823 г. с 26 мая по 21 августа по новому стилю по делам Российского общества по печатанию и распространению Библии. Перевод Л. Ф. Шварц. 1993.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ / LINGUISTICS
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ / LITERATURE STUDIES

УДК 81' 272

ББК 81.2 (2Рос_Калм.)

**ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ВОПРОСЫ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ
ТИТУЛЬНОГО ЭТНОСА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ)**

**Language Policy and Issues of Linguistic Consciousness of the Titular Ethnos
(the Case Study of Republic of Kalmykia)***

Б. Б. Дякиева (B. Dyakieva)¹

¹доктор педагогических наук, профессор Калмыцкого государственного университета (Ph.D. of Pedagogics, Professor of Kalmyk State University). E-mail: raisadyakieva@mail.ru

В статье подробно рассмотрены вопросы формирования языковой политики на примере калмыцкого языка, изучено законодательное регулирование языковой политики как фактора сохранения языкового сознания народа, выявлены объективные и субъективные факторы сложившейся языковой ситуации в настоящее время, проведен анализ лингвосоциологического опроса среди учащихся общеобразовательных школ республики.

Ключевые слова: языковая политика, языковое сознание, законы о языке, реформы в сфере языка, обучение, региональная система образования.

This article considers the issues of forming a language policy on the example of the Kalmyk language. The author studied the issue of legislative regulation of language policy as a factor in the preservation of linguistic consciousness of the people, revealed objective and subjective factors of the current language situation, carried out the analysis of linguistic and sociological survey among the students of secondary schools of the republic.

Keywords: language policy, linguistic consciousness, language laws, reforms in the field of language, training, regional education system.

Сохранение языкового разнообразия было и остается одной из приоритетных задач мирового сообщества. Сегодня все большее внимание уделяется разработке принципов языковой политики как важного компонента национальной государственной политики, в основу которой должны быть положены такие факторы, как самобытность народов, уникальность их языков, традиций, культур, своеобразие этнической психологии. Основой для реализации языковой политики посредством законов, концепций, программ является языковое законодательство. Совершенное языко-

вое законодательство, ориентированное на определенное национальное образование, учитывающее особенности этнолингвистической ситуации в регионе, ареальных связей языка или языков, а также социально-экономической ситуации, является одним из основополагающих факторов стабильности межнациональных отношений в регионе, способствует установлению взаимопонимания, толерантности в обществе, стимулирует восстановление миноритарных языков. Необходимо при этом учитывать условия функционирования языков, специфику языковой ситуации: территори-

* Статья написана при поддержке РГНФ, проект 14-04-00613/15.

альные, демографические факторы, способ расселения жителей и т. п.

Следует отметить, что вопросы законодательного регулирования языковой политики как фактора сохранения языкового сознания титульного этноса на примере калмыцкого языка рассматриваются впервые. В целом, проблеме сохранения языков российских народов, в особенности малочисленных, с этой точки зрения уделяется недостаточное внимание.

Языковую политику в отдельно взятом регионе правильно рассматривать в неразрывной связи с общегосударственной языковой политикой. С демократизацией общества появилась возможность взглянуть на те же вещи под другим углом зрения. Наметилась тенденция к пересмотру языковой политики советского государства. При объективном ее рассмотрении оказалось, что в разные периоды языковая политика советского государства в отношении национальных языков не была одинаковой. Неоспорим тот факт, что именно в 1920–1930-е гг. многие языки расширили свои общественные функции, языки ранее бесписьменные получили графическую основу, стали литературными. В первой половине XX в. в области языковой политики перед советским государством стояли следующие проблемы: создание письменности для бесписьменных народов, определение основного диалекта и графической основы для создания литературных языков.

Существует мнение, что языковые процессы достаточно спокойно протекают в государствах, устроенных по территориальному принципу, наиболее сложно — в странах с национально-административным делением, к числу которых относится Россия.

Как известно, в состав Российской Федерации входят национально-государственные, национально-территориальные, а также территориально-административные образования. Такое устройство создает различные условия для функционального развития языков. Россия — многонациональная страна, в ней проживает много народностей, функционирует много языков. В России существуют старописьменные, младописьменные, новописьменные, бесписьменные языки, что определяет специфичность принципов языковой политики и языкового законодательства в том или ином регионе. Не является исключением и Республика Калмыкия.

В своем становлении и развитии Республика Калмыкия проходила ряд этапов. 4 ноября 1920 г. Постановлением ВЦИК была создана Калмыцкая автономная область, что привело к формированию самостоятельной территории. 20 октября 1935 года Калмыцкая автономная область была преобразована в АССР. В числе главных задач было решение вопросов языкового строительства.

В 1924 г. было вынесено постановление Исполкома Совета депутатов трудящихся о переводе калмыцкой письменности на кириллицу с добавлением ряда букв (шести). С данного момента произошла унификация графического изображения слов в калмыцком и русском языках, что облегчило изучение этих языков.

Новый алфавит создавался с целью ускорения распространения грамотности. На новой графике были выпущены буквари и учебники. Вскоре стали высказываться мнения о латинизации алфавитов. Латинизированный алфавит представляет собой первый опыт создания международной формы алфавитов. Мнение, например, Е. Д. Поливанова по данному поводу таково: «Латинский алфавит или даже латинская основа алфавита означают для наших национальных письменностей не более, не менее как интернациональную систему, рассчитанную, во-первых, на взаимное сближение национальных культур внутри Союза и, во-вторых, на сближение приемов графического общения в международном масштабе» [Поливанов 1928: 306]. Таким образом, калмыцкая письменность на кириллице была переведена на латинизированный алфавит. Новый латинский алфавит узаконен IX Калмыцким областным Съездом Советов в январе 1930 г. как государственный алфавит Калмыкии. До 1938 г. учебники родного языка, республиканская периодическая печать издавались на этом алфавите, на нем было введено всеобщее начальное обучение. Но и этот алфавит на основе латинского тогда не был признан совершенным. В этом же году вновь вводится алфавит на русской графике, которым калмыки пользуются по настоящее время.

Конец 1930-х — начало 1940 гг. — время сталинских репрессий в отношении народов Советского Союза, в число которых вошли и калмыки. В 1943 г. ликвидируется Калмыцкая автономия. Калмыки были расседоточены в разных районах северной и

восточной части страны. Тринадцать лет депортации — большой пробел в социально-экономическом и культурном развитии народа. После реабилитации и возвращения на родину в 1956 г. еще долго пришлось восстанавливать все сферы социальной, культурной жизни народа, некоторые же сферы, как, например, языковую, не удалось восстановить и развить вплоть до настоящего времени.

Живя в иноязычной среде, обучаясь в школе на русском языке, калмыки не имели возможности изучать родной язык, говорить на нем. Но не следует думать, что потеря национальной культуры и родного языка произошла только в годы депортации. К такому результату привел ряд причин, наслаивавшихся годами. К примеру, еще до депортации рассмотренные нами ранее, подчас нецелесообразные языковые реформы и некоторые преобразования мешали расширению функций калмыцкого языка.

В 1956 г. калмыцкий народ был реабилитирован, восстановлена Калмыцкая автономия. В стенографическом отчете заседания Верховного Совета КАССР читаем: «В 1958/1959 учебном году началось обучение детей на родном языке: стало работать 178 калмыцких классов с охватом 2389 детей первых и вторых классов» [Стенографический 1958: 124].

Активно развивается и двуязычие, в частности, калмыцко-русское. Формирование данного типа двуязычия берет начало с середины XVI в. Торговые, политические, экономические отношения требовали интенсивного общения калмыков с другими народами. Еще предки калмыков (ойраты) вступали в торгово-экономические взаимоотношения с русским населением Сибири. Позже, с вхождением калмыков в состав России, языковые контакты усиливаются и получают дальнейшее развитие. В дореволюционный период получило распространение и русско-калмыцкое двуязычие. Как черта в основном лишь образованных слоев калмыков, оно носило индивидуальный характер. Двуязычие еще не было массовым, в основе своей калмыки были одноязычны, почти не владели русским языком. Особенно интенсивно калмыцко-русское двуязычие стало распространяться в конце XIX — начале XX вв. в связи с ликвидацией безграмотности, формированием национальной образовательной системы, подготовкой кадров [Павлов 1984].

Калмыцко-русское двуязычие можно рассматривать с двух сторон. Молодежь благодаря русскому языку приобретала профессии, что способствовало решению кадровых вопросов, но параллельно шло свертывание обучения на калмыцком языке. Такое положение дел оставалось до начала 1990-х гг., хотя в советское время были приняты отдельные постановления, направленные на восстановление функций калмыцкого языка.

Вторая половина 1980-х гг. ознаменована социально-экономическими, политическими, идеологическими переменами в российском обществе, в том числе и в Калмыкии как субъекте Российской Федерации. В республиках стала ощущаться обеспокоенность по поводу состояния родного языка.

Современная языковая ситуация в Республике Калмыкия характеризуется значительным сужением сфер функционирования калмыцкого языка, отсутствием должной языковой среды. Основной формой сложившейся в Калмыкии лингвистической ситуации является двуязычие с доминирующей ролью русского языка.

Калмыцкий язык практически перестает быть полноправным языком на территории проживания своих носителей. Он не функционирует ни в сфере государственного управления, ни в общественно-политической деятельности, используется частично в сфере образования и массовой коммуникации. Калмыцкий язык занесен ЮНЕСКО в Красную книгу языков как один из исчезающих на планете языков.

Причин, объясняющих сложное положение калмыцкого языка среди российских калмыков, много. Перечислим лишь главные из них:

а) предпочтение русского языка, которым многие калмыки, преимущественно среднего и младшего возраста, владеют значительно лучше, чем калмыцким;

б) отсутствие желания носителями калмыцкого языка, в силу объективных и субъективных причин, продолжать традицию общения на родном языке, вполне удовлетворяясь русским языком, который удовлетворяет всем их коммуникативным потребностям.

Критическое состояние языка требовало принятия срочных и эффективных мер по сохранению и расширению функций родного языка, роста его престижа и востребованности. Конкретные меры по целена-

правленной работе восходят к 1993 г., когда были приняты важнейшие Указы Главы Республики Калмыкия и правительственные решения, касающиеся языка: «О мерах по дальнейшему возрождению и развитию калмыцкого языка», «О проблемах калмыцкого языка», «О развитии национальной системы образования Республики Калмыкия» и др. [Сборник нормативных 2006: 80]. Они охватывали многие сферы жизнедеятельности народа: социально-экономическое развитие, культуру, образование, физическую культуру и спорт, здравоохранение, средства массовой информации.

В самом деле, за последние годы в республике многое сделано по сохранению и развитию языка, но этих мер явно недостаточно, и специфика современной ситуации характеризуется языковой неоднозначностью. Этнолингвистическая жизнеспособность калмыцкого этноса, несомненно, возрастает, но обретение языком важной функции полноценного регулятора социальной и индивидуальной жизнедеятельности не может быть достигнуто только законодательным путем.

Как известно, функциональное развитие языка зависит от объективных и субъективных факторов, которые формируют языковую ситуацию в регионе. Калмыкия относится к типу республик с различным уровнем и объективными возможностями функционального развития двух государственных языков республики — калмыцкого и русского. Современная этнолингвистическая ситуация в Калмыкии складывалась постепенно в процессе социально-экономического, исторического развития республики. В. Ю. Михальченко считает, что демографические, социальные, этнические и культурные факторы могут влиять на vitalность языка, языковое развитие и положительно и отрицательно, в зависимости от сочетания особенностей территории и этнолингвистических, социальных условий [Михальченко 1992: 39–43].

Специфика языковой ситуации в Калмыкии, как уже ранее отмечалось, зависит также от количества носителей языка. Анализ населения Республики Калмыкия по итогам переписей показывает, что численность населения за последнее десятилетие имеет тенденцию к уменьшению. Так, если в 1989 г. в республике проживало 322,6 тыс. человек, то через двадцать лет, по переписи 2010 года население республики составило уже 289,4 тыс.

Общепринято, что основополагающими факторами, влияющими на современное состояние языков, являются индустриализация, урбанизация и глобализация. Это можно проследить на примере любого языка, в том числе и калмыцкого. Возьмем к примеру такой фактор, как пропорции городского и сельского населения региона. Так, в Калмыкии в 1995 г. удельный вес сельского населения составлял 61,9 %, в 2000 г. — 58,6 %, но уже в 2009–2010 гг. сельское население в республике уменьшилось до 54,5 %. Соответственно, численность городского населения с каждым годом увеличивается: прирост городского населения идет преимущественно за счет миграции сельских жителей республики, что существенно сказывается на языковом поведении, языковой компетенции, образовательном и культурном уровне калмыков [Михальченко 1992: 20].

В целях выявления реальной языковой картины с января 2012 г. по май 2013 г. Министерством образования, культуры и науки Калмыкии было проведено лингвосоциологическое исследование в общеобразовательных школах республики. Всего было опрошено 1885 учащихся 5–11 классов школ районов и города Элисты.

Исследование проводилось в целях реализации проекта «Проблемы функционирования и развития языков в полилингвальном пространстве» в рамках аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы». Обобщение результатов проведенного лингвосоциологического исследования функционирования и развития языка в полилингвальном пространстве, каким является Республика Калмыкия, станет важным шагом в деле дальнейшего языкового строительства.

Необходимо отметить, что такой всесторонний и масштабный опрос по выявлению реальной языковой ситуации через систему образования в Калмыкии был проведен впервые. Опрос проводился в городе Элисте и во всех тринадцати районах республики, включая маленькие села, где имеются школы. Зафиксированные результаты исследования показывают: 61 % респондентов-горожан, 77 % респондентов-селян разговаривают с родителями на двух языках — русском и калмыцком. На вопрос: «Говорите ли Вы на родном языке?» из предложенных семи вариантов ответа школьники выбрали: «в большей степени общаюсь на

родном языке в школе с учителями». Таких 66 % из числа опрошенных респондентов-горожан, 90 % — респондентов-селян.

Как показало исследование, выше процент использования калмыцкого языка учащимися сельских школ, на втором месте — школьники городских школ, на третьем месте — учащиеся школ районных центров. Это обусловлено тем, что в селе языковая среда сохранилась лучше, так как 98–100 % населения сел — калмыки, а в райцентрах проживает неоднородное население. Одним из определяющих факторов, влияющих на характер языковой ситуации, является способ расселения населения. В Калмыкии исторически сложился этнически дифференцированный принцип расселения народов: город в основном русскоязычный, село — калмыцкоязычное. Это важный фактор, поскольку считается, что смена родного языка быстрее протекает среди городского населения, чем у компактно проживающего сельского населения, что объясняется многонациональным составом горожан, большим процентом межнациональных браков.

Высокий процент показаний о смешении языков, выявленный среди городских школьников, объясняется тем, что в анкетировании принимали участие инновационные школы, где чаще всего обучаются дети с высокой мотивацией и среди которых много выходцев из сел.

В целом данные показывают, что калмыцкий язык в качестве родного языка в

сознании калмыков занимает прочную позицию, несмотря на то, что на самом деле респонденты, назвавшие язык своей национальности родным, могут и не владеть им. Надо полагать, что смена родного языка, перемена национального самосознания расценивается как последняя стадия ассимиляции этноса.

Вместе с тем существует значительная разница между низким уровнем знания калмыцкого языка и высоким уровнем языкового самосознания этноса. Интенсификация обучения родному языку молодого поколения создает предпосылки для изменения картины в сторону увеличения демографической мощности калмыцкого языка. На современном этапе восстановления языка титульного этноса в Республике Калмыкия принимаются разнообразные меры для того, чтобы калмыцкий язык повысил свою демографическую и коммуникативную мощи.

Основной тенденцией функционального развития калмыцкого языка становится восстановление его социальных функций. Это сознательное воздействие общества на язык играет определяющую роль в восстановлении и расширении ранее утраченных социальных функций и языка. Реализация языкового законодательства предполагает создание условий для дальнейшего развития языка, повышение его статуса и роли в духовной и культурной жизни республики.

Литература

- Михальченко В. Ю. Проблема витальности языков малочисленных народов России // Языковая ситуация в Российской Федерации: 1992. М., 1992. С. 39–43.
- Павлов Д. А. О калмыцко-русском двуязычии // Вопросы калмыцкой филологии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1984. С. 3–20.
- Поливанов Е. Д. Основные формы графической революции в турецких письменностях СССР

- // Новый Восток. Кн. 23–24. М., 1928. 306 с.
- Сборник нормативных документов по развитию национальной системы образования в образовательных учреждениях Республики Калмыкия. Элиста: Изд-во Министерства образования и науки Республики Калмыкия, 2006. Вып. 3. 80 с.
- Стенографический отчет заседания Верховного Совета КАССР. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1958. 124 с.

References

- [Developing an Ethnic Educational System in Kalmykia's Learning Institutions: Collected Regulatory Documents]. Elista: Ministry of Education and Science of the Republic of Kalmykia, 2006. Vol. 3. 80 p. (In Russ.)
- [Supreme Council of the Kalmyk ASSR: Verbatim Record of the Meeting]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1958. 124 p. (In Russ.)
- Mikhailchenko V. Yu. Russia's minority languages: the issue of vitality revisited. In: [Language Situation in the Russian Federation: 1992]. Moscow, 1992. Pp. 39–43. (In Russ.)
- Pavlov D. A. Kalmyk – Russian bilingualism revisited. In: [Questions of Kalmyk Philology]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1984. Pp. 3–20. (In Russ.)
- Polivanov E. D. Turkic scripts of the USSR: most essential forms of the graphic revolution. *Nouvel Orient*. 1928. Vols. 23–24. 306 p. (In Russ.)

**ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ
В СОСТАВЕ НАЗВАНИЙ ТРАНСПОРТНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СКОТА
В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ***

**Turkic-Mongolian Lexical Parallels within the Names of Transport Use of Livestock
in the Mongolian Languages**

В. И. Рассадин (V. Rassadin)¹, Л. Болд (L. Bold)²

¹ доктор филологических наук, профессор кафедры калмыцкого языка и монголистики, директор Научного центра монголоведных и алтаистических исследований Калмыцкого государственного университета (Ph. D. of Philology, Professor of the Chair of Kalmyk and Mongolian Languages, Head of the Scientific Center for Mongolian and Altaic Studies at Kalmyk State University). E-mail: rassadin17@mail.ru.

² академик АН Монголии, директор Института языка и литературы Академии наук Монголии (Academician of the Academy of Sciences of Mongolia, Head of the Institute of Language and Literature of the Mongolian Academy of Sciences). E-mail: b.khaliunaa@yahoo.com.

В данной статье речь идет о тюрко-монгольских лексических параллелях, имеющихся в пласте лексики монгольских языков, касающемся использования домашних животных в транспортных целях. Рассматриваются термины, касающиеся лошадей и верблюдов, используемых для езды верхом и перевозки грузов на телеге и во вьюках. Этимологический анализ выявленных тюрко-монгольских параллелей показал их тюркское происхождение, что явилось свидетельством древних контактов монгольских племен с тюркскими и тюркского влияния на них.

Ключевые слова: тюрко-монгольские лексические параллели, транспортные животные, лошадь, верблюд, верховые сёдла, вьючные сёдла, детские сёдла, телега, оглобля, верблюжье вьючное седло, древние тюрко-монгольские контакты, древние тюрко-монгольские культурные контакты.

The article is devoted to the issue of the relationship of the Mongolian and Turkic languages, which arouses interest of comparativists dealing with the Altaic hypothesis. This issue has long been disputed and still remains unresolved. There are two mutually exclusive points of view concerning the hypothesis. Supporters of Altaic, sometimes called «Altaicists», view the similarities within the Altaic language family as arising from a proto-Altaic language spoken several thousand years ago. Opponents maintain that the similarities are due to areal interaction between the language groups concerned. Being not adjacent to any of the two points of view, the authors aim to reveal the true nature of the distinguished common Turkic-Mongolian lexemes and verify the validity of both points of view through the analysis of the new lexicographic materials and recent comparative-historical researches in the field of Turkic and Mongolian languages including the comparison of specific lexical materials. The authors focus their attention mainly on a specific thematic group and take into account only four main Mongolian languages — old Mongolian, Khalkha Mongolian, Buryat and Kalmyk in order to see how deeply these Turkic terms entered into the Mongolian languages, and how widely they are represented there.

Keywords: Turkic-Mongolian lexical parallels, transport animals, horse, camel, riding saddles, pack-saddles, saddles for children, cart, shaft, camel pack-saddle, the ancient Turkic-Mongolian contacts, the ancient Turkic-Mongolian contacts.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ-МинОКН Монголии в рамках проведения научных исследований «Тюрко-монгольская лексическая общность как результат взаимодействия тюркских и монгольских этносов», проект № 14-24-03003а (м)

Актуальность данной статьи определяется необходимостью решения проблемы существования тюрко-монгольской лексической общности в контексте тюрко-монгольского гипотетического праязыка и установления характера этой общности, предопределённой либо генетически, либо древними контактами тюркского и монгольского этносов.

Цель научной статьи: рассмотреть тюрко-монгольские параллели, представляющие собой названия транспортного использования скота в монгольских языках.

Методика: В статье применены методы сравнительно-исторического анализа лексики с привлечением семантического метода исследования алтайских языков. С применением метода этимологического анализа выявленных общих лексем установлены их праформы, и данные языки сопоставлены на уровне этих праформ.

Результаты: исходя из представленного в научной статье материала, можно заключить, что древние монголы, переселившись в пределы Центральной Азии и впитав часть тюркского этноса, усвоили у тюрков более сложное устройство верхового седла и некоторые типы выючных седел, от тюрков же получили понятие о колесном транспорте и перевозке грузов на верблюдах, о чем свидетельствуют тюркские этимологии многих терминов.

Дискуссия. Как известно, тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки отнесены к классическим алтайским языкам, предположительное родство которых изучается уже почти 300 лет, начиная с Т. Страленберга [1730]. Ученых давно поразило наличие большого количества общих элементов в этих языках, что породило гипотезу о происхождении их от когда-то бытовавшего алтайского праязыка. При дальнейшем, более подробном, изучении этой гипотезы выявилась наибольшая общность между тюркскими и монгольскими языками, что, кстати, дало основание в одно время предполагать существование в прошлом гипотетического тюрко-монгольского праязыка. Так, один из классиков алтаистики, В. Л. Котвич, в своем труде «Исследования по алтайским языкам» [1962: 351] утверждал, что между тюркскими и монгольскими языками имеется около 50 % общих элементов в грамматике и около 25 % в лексике. Это достаточно существенное сходство. К сожалению, В. Л. Котвич, как и другие

алтаисты, не оставил списка алтайских соответствий, в том числе тюрко-монгольских параллелей, хотя это представляет собой актуальнейшую задачу алтаистики, причем весьма большое научное значение имеет распределение общей алтайской, а особенно общей тюрко-монгольской лексики, по тематическим группам, чтобы определить степень глубины взаимовлияния этносов. Поэтому в данной статье, восполняя наметившийся пробел, мы поставили своей целью рассмотреть тематическую группу тюрко-монгольской лексики, относящуюся к хозяйственному использованию домашних животных, конкретно — транспортного направления. Актуальность статьи и ее научное значение не вызывают сомнения.

При исследовании мы применяли хорошо себя зарекомендовавшие и достаточно апробированные сравнительно-сопоставительный и этимологический методы.

В качестве материалов по современным монгольским языкам привлекались халха-монгольский, бурятский и калмыцкий языки — языки естественного традиционного исторического развития, имеющие собственную литературную письменную форму — а также старописьменный монгольский классический язык как наиболее архаичный из всех монгольских языков. По всем этим указанным монгольским языкам в настоящее время имеются достаточно полные словари: 4-томный «Большой академический монгольско-русский словарь» [Т. I, II, III, 2001; Т. IV, 2002], 2-томный «Бурятско-русский словарь» [2010], «Калмыцко-русский словарь» [1977], «Калмыцко-немецкий словарь» Г. И. Рамstedта [1935], «Монгольско-русско-французский словарь» О. Ковалевского [1844], «Монгольско-английский словарь» Ф. Лессинга [1960]. Тюркский лексический материал привлечен из «Древнетюркского словаря» [1969], в котором отсутствуют массовые монголизмы, хлынувшие в тюркские языки в период монгольской экспансии. Кроме того, общетюркские и межтюркские слова, их праформы и этимологии приведены из «Этимологического словаря тюркских языков» Э. В. Севортыяна [1974], а также из «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков. Лексика» [2001].

Относительно транспортного использования домашних животных древними монголами следует сказать, что ими использовались главным образом лошади и

верблюды. В горных северных районах отмечалось наряду с ними использование домашних северных оленей и яков (сарлыков), на которых ездили верхом и возили во вьюках грузы, но при этом для оленей и яков употреблялись те же верховые и вьючные седла, что и для лошадей, поэтому выделять отдельно оленей и яков в особую группу мы не будем.

Как известно, лошадь у многих народов является одним из древнейших домашних животных, которое помогло этим народам освоить обширные степные пространства. За время своего исторического развития как тюркские, так и монгольские народы выработали разветвленную половозрастную терминологию относительно лошади. Это касается и терминов, относящихся к транспортному использованию лошади у тюркских и монгольских народов. Прежде всего лошадь издревле использовалась для верховой езды и для перевозки грузов во вьюках. При этом следует отметить, что верховое конское седло в монгольских языках называется примерно одинаково: стп.-монг. *emegel*, х.-монг. *эмээл*, калм. *эмэл*, бур. *эмээл*. Это слово не имеет параллелей в тюркских языках – ср. др.-тюрк. *edär // edär* «верховое седло», а также фонетический вариант *эжэр*, представленный во многих современных тюркских языках, о чем свидетельствует «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика» [2001: 539–540]. Монгольская словоформа в ее более архаичном варианте *emegel*, зафиксированном в старомонгольском языке, совпадает скорее с тунгусо-маньчжурским названием седла *эмэгэн*, представленным, например, в эвенкийском языке и имеющим в генезисе тунгусо-маньчжурский глагольный корень *эмэ* = «ехать».

Не имеют аналогов в тюркских языках также названия узды, которая в стп.-монг. называется *qajayar*, в х.-монг. и бур. *хазар*, в калм. *хазар*; поводьев, именуемых в стп.-монг. *jilyya*, в х.-монг. и бур. *жолоо*, в калм. *жоло*, а также стремян, которые в стп.-монг. называются *dörüge*, в х.-монг. *дөрөө*, в бур. *дүрөө*, в калм. *дөрә*. В тюркских языках представлены, соответственно: др.-тюрк. *jügün* «узды», *tin, tin tizgin*, к которым в древнетюркском словаре дан перевод «узды», хотя в действительности эти слова означают «поводья», *üzäñü* «стремя», эти же термины широко представлены в этом же облике и в современных тюркских

языках, являясь исконно тюркскими, о чем свидетельствует «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика» [2001: 548; 556–557].

Среди названий конской сбруи, представленных в монгольских языках, тюркские параллели имеются лишь у слов х.-монг. *хөмөлдэрэг*, бур. *хүмэлдэргэ*, стп.-монг. *kömlüdirge* «нагрудный ремень верхового седла при езде по горам»; х.-монг. *хударга*, бур. *хударга*, калм. *худрһ*, стп.-монг. *qudary-a* «подхвостная шлея верхового седла»; х.-монг. *олом*, бур. *улам*, калм. *олһ*, стп.-монг. *olung* «подпруга», ср., соответственно, др.-тюрк. *kömlüdirük* «нагрудный ремень седла лошади» (от др.-тюрк. *köñül* «сердце»), *qudurıq, qudrıq, qudrıq* «хвост» (тюркское слово, лежащее, по нашим предположениям, в генезисе монгольского *qudary-a*, явного тюркского заимствования). В современных тюркских языках, как утверждает «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика» [2001: 549; 552; 553], широко представлены термины *kömlüdirük ~ köñüldürük* «нагрудная шлея», *qudurıun ~ qudurıan* «подхвостник», *qolan ~ olañ ~ qolañ* «подпруга».

Калмыцкое *көвүг* «седельная подушка» является параллелью к др.-тюрк. *köpçük* «передняя и задняя подушки седла». Слово широко представлено в тюркских языках в виде *kөпчүк~көпчик~көпшик* «подушка седла», о чём свидетельствует «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика» [2001: 547–548], где приводится его тюркская этимология.

Если рассмотреть названия предметов, используемых при седлании лошади, то увидим, что, хотя х.-монг. *тохом*, бур. *тохом*, калм. *тохм*, стп.-монг. *toqum* «потник, кусок войлока, подкладываемый на спину лошади под седло» и имеют параллель в виде чагатайского, туркменского диалектного, киргизского, алтайского диалектного, уйгурского *тоқум*, кара-калпакского, казахского, шорского *тоқым*, узбекского *тоқим*, башкирского *туқым*, уйгурского диалектного *тоқам* «потник из войлока; чепрак», как утверждает «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика» [2001: 544–545], это тюркское слово заимствовано из монгольских языков, о чём свидетельствует та же грамматика [2001: 545]. Хотя морфологическая структура данного тюркского слова и представляет собой общетюркский тип, в тюркских языках от-

сутствует соответствующая производящая глагольная основа, которая широко представлена в монгольских языках: ср. стп.-монг. *toqu* =, х.-монг., бур. *тохо* =, калм. *тох* = [*тохы* =] «осёдлывать, накладывать седло на спину лошади».

У стп.-монг. *keĵim* // *kijim*, х.-монг. *хэжим* // *хижим*, бур. *хэжэм* «чепрак», калм. *keĵim* [Ramstedt 1935: 222] «чепрак» праформа восстанавливается в виде **kedim*, из которой и развилась эта монгольская форма, поскольку в определенный исторический период в древности в монгольских языках произошел переход слога **-di-* в *-ji-*. Монгольская праформа **kedim* соответствует др.-тюрк. *kedim* «одежда, одеяние» < др.-тюрк. *ked* = «надевать» и является явным тюркским заимствованием. Этого же мнения придерживался и Г. Рамстедт [1935: 222]. Бытующее в некоторых тюркских языках слово *keĵim* «чепрак, попона» является монгольским заимствованием, о чем свидетельствует «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика» [2001: 546]. Здесь тюркское слово как бы возвращается обратно в тюркские языки, но уже в монголизированной форме, что является обычным для тюрко-монгольских параллелей.

С монгольскими словами х.-монг. *янгуа*, *янгиурцаг*, калм. *яңрцг*, стп.-монг. *janggirĉau* «вьючное седло», бур.-окин. *янгарсаг*, *янгарцаг* «вьючное седло для домашнего северного оленя, вола или яка» [Рассадин 1996: 215] следует сопоставить тюркское слово *ынгырчақ* «вьючное седло; седёлка» [Севортян 1974: 658–659], распространенное в современных тюркских языках, здесь же утверждается их исконно тюркское происхождение. Чувашское *йенер*, якутское *ыңыр* «седло» свидетельствуют о древности этого слова в тюркских языках, *-чақ* осмысливается как тюркский уменьшительный аффикс. Отсутствие этого слова в древнетюркском словаре в данном случае не следует трактовать как его отсутствие в тюркских языках.

Детское седло с высокими луками, предназначенное для перевозки детской колыбели и малолетних детей, называемое в х.-монг. *эвэлж*, калм. *эвэлжн*, стп.-монг. *erbelĵin* можно сопоставить со словом *эримгэш* «седло, предназначенное для перевозки колыбели и маленьких детей», представленным в тюркских языках саянской группы таежного ареала — тофаларском,

уйгуро-цаатанском и сойотском языках [Рассадин 2012: 150]. Здесь такое же соотношение звуков *-lj-* монгольских языков и согласного *-š-* тюркских языков, как в тюрко-монгольских параллелях типа стп.-монг. *qoryulĵn* // тюрк. *qoryaşin* «свинец», монг. *elĵigen* // тюрк. *eşäk* «осёл». «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика» [2001: 540] с этим тюркским словом сравнивает также кирг. *ajyrmaĉ* ~ *ajyrmaš*, возводя его к тюркскому глаголу *ajr* = «разделять, отделять».

С лошастью также связано использование и колесного транспорта: так, х.-монг. *тэрэг*, бур. *тэргэн*, калм. *тергн*, стп.-монг. *tergen* «телега, повозка» имеет параллель в др.-тюрк. *tergän* «телега». Это слово в современных тюркских языках имеет очень ограниченное распространение и считается заимствованием из монгольских языков. Х.-монг. *арал* «оглобля», зап.-бур. *арал* «телега, арба», калм. *арш* «дышло, оглобля», стп.-монг. *aral* «оглобля» может быть сопоставлено с тюркским словом *арыш* «оглобля, дышло», широко представленным в тюркских языках, о чем свидетельствует «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика» [2001: 555–556], здесь же говорится о связи с тюркским *арыш* монгольского термина *арал* «оглобля».

Х.-монг. *хөлөг* «лошадь, экипаж, скакун», *хөллөх* «запрягать, впрягать», *хөлөлөг* «лучший конь, аргамак», *хөллөлгөө* «упряжь», соответственно, стп.-монг. *kölge* «лошадь, экипаж, скакун», *köllükü* «запрягать, впрягать», *kölüglig* «лучший конь, аргамак», бур. *хүлэг* «аргамак, рысак», *хүллэхэ* «запрягать, впрягать», калм. *көлгн* «средство передвижения; транспорт», *көллх* «запрягать, впрягать» следует сопоставить с др.-тюрк. *kölük* «вьючное животное» и с глаголом *köl* = «запрягать». Халхаское *хөлөг* и бурятское *хүлэг* «аргамак, рысак, славный конь» можно возвести к древнетюркскому *küliüg at* «славный, знаменитый конь», в основе которого лежит др.-тюрк. *kü* «молва, весть».

С лошастью также связано действие спутывания ее передних ног, чтобы она далеко не ушла при пастыбе. В монгольских языках это действие называется *туших*, «опутанные передние ноги лошади» носят название *тушаа*, причем одинаково во всех современных монгольских языках. В старописьменном монгольском языке этот глагол на-

зывается *tuš*-, а пути носят название *tušaya*, что соответствует древнетюркским *tuša*= «путать, надевать пути» и *tušay* «пути, надеваемые на передние ноги лошади».

С верблюдом связана перевозка грузов во вьюках. Это обычное, кроме лошади, транспортное животное степных, полупустынных и пустынных районов Центральной Азии. Имеющееся во всех монгольских языках: х.-монг., *хом*, бур. *хом*, калм. *хом*, стп.-монг. *кот* «вьючное верблюжье седло» — в древнетюркском языке может быть сопоставлено со словом *qom* «верблюжье вьючное седло». О распространении этого слова в тюркских языках и его связи с монгольским термином свидетельствует «Сравнительно-историческая грамматика

тюркских языков. Лексика» [2001: 541]. С верблюдом связан также верблюжий повод, прикрепляемый к носу верблюда и называемый во всех монгольских языках *бурантаг*. Это слово имеет в своей основе тюркскую лексему *burun* «нос».

Таким образом, исходя из представленного выше материала, можно заключить, что древние монголы, переселившись в пределы Центральной Азии и впитав часть тюркского этноса, усвоили у тюрков более сложное устройство верхового седла и некоторые типы вьючных седел, от тюрков же получили понятие о колесном транспорте и перевозке грузов на верблюдах, о чем свидетельствуют тюркские этимологии многих терминов.

Литература

- Большой академический монгольско-русский словарь. В четырех томах. Том I. А - Г / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. М.: Academia, 2001. 486 с.
- Большой академический монгольско-русский словарь. В четырех томах. Том II. Д - О / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. М.: Academia, 2001. 507 с.
- Большой академический монгольско-русский словарь. В четырех томах. Том III. Ё - Ф / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. М.: Academia, 2001. 438 с.
- Большой академический монгольско-русский словарь. В четырех томах. Том IV. Х - Я / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. М.: Academia, 2002. 506 с.
- Бурятско-русский словарь. В 2-х томах. Том I. А-Н. Улан-Удэ: Изд-во «Республик. тип.», 2010. 636 с.
- Бурятско-русский словарь. В 2-х томах. Том II. О-Я. Улан-Удэ: Изд-во «Республик. тип.», 2010. 708 с.
- Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.

- Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Изд-во «Рус. яз.», 1977. 765 с.
- Котвич В. Л. Исследования по алтайским языкам / пер. с польск. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. 373 с.
- Рассадин В. И. Присаянская группа бурятских говоров. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1996. 217 с.
- Рассадин В. И. Язык сойотов Бурятии. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2012, 156 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 2001. 822 с.
- Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974. 767 с.
- Kowalewski J. E. Dictionnaire mongol-russe-francais. Kasan, 1844.
- Lessing F. D. Mongolian-English Dictionary. Berkley and Los Angeles, 1960. 396 p.
- Ramstedt G. J. Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura, 1935. 560 p.
- Stralenberg Gh. J. Das nord und östliche Theil von Europa. Stockholm, 1730. 368 p.

References

- [Buryat-Russian Dictionary]. In 2 vols. Vol. I: A – H. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2010. 636 p. (In Bur. and Russ.)
- [Buryat-Russian Dictionary]. In 2 vols. Vol. II: O – Я. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2010. 708 p. (In Bur. and Russ.)
- [Comparative Grammar of Turkic Languages: Vocabulary]. Moscow: Nauka, 2001. 822 p. (In Russ.)
- [Dictionary of Old Turkic]. Leningrad: Nauka, 1969. 676 p. (In Turk. and Russ.)
- [Kalmyk-Russian Dictionary]. B. D. Muniev (ed.). Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 765 p. (In Kalm. and Russ.)
- [Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary]. In 4 vols. Vol. I: A – Г. G. Ts. Pyurbееv (ed.). Moscow: Academia, 2001. 486 p. (In Mong. and Russ.)
- [Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary]. In 4 vols. Vol. II: Д – О. G. Ts. Pyurbееv (ed.). Moscow: Academia, 2001. 507 p. (In Mong. and Russ.)
- [Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary]. In 4 vols. Vol. III: Ё – Ф. G. Ts. Pyurbееv (ed.). Moscow: Academia, 2001. 438 p. (In Mong. and Russ.)
- [Unabridged Academic Mongolian-Russian

- Dictionary]. In 4 vols. Vol. IV: X – Я. G. Ts. Pyurbееv (ed.). Moscow: Academia, 2002. 506 p. (In Mong. and Russ.)
- Kotwicz W. L. [Studies in Altaic Languages]. Moscow: Inostrannaya Literatura, 1962. 373 p. (In Russ.)
- Kowalewski J. E. Dictionnaire mongol-russe-francais. Kazan, 1844. (In Mong., Russ. and Fr.)
- Lessing F. D. Mongolian-English Dictionary. Berkley and Los Angeles, 1960. 396 p. (In Mong. and Eng.)
- Ramstedt G. J. Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki: Finno-Ugric Society, 1935. 560 p. (In germ. and Kalm.)
- Rassadin V. I. [Cis-Sayan Cluster of Buryat Dialects]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch) of RAS, 1996. 217 p. (In Russ.)
- Rassadin V. I. [Soyots of Buryatia: Language]. Elista: Kalmyk State University, 2012, 156 p. (In Russ.)
- Sevortyan E. V. [Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common and Inter-Turkic Stems Beginning with Vowels]. Moscow: Nauka, 1974. 767 p. (In Russ. and Turk.)
- Stralenberg G. J. Das nord und östliche Theil von Europa [Northern and Eastern Parts of Europe]. Stockholm, 1730. 368 p. (In Germ.)

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УНИВЕРСИТЕТОВ
В ЕВРАЗИЙСКОМ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ТЮРКО-МОНГОЛЬСКОЙ КОМПАРАТИВИСТИКЕ**
**The Interaction of Universities in the Eurasian Scientific and Educational Space and
Researches on the Turkic-Mongolian Comparative Studies**

В. Н. Мушаев (V. Mushaev)¹, С. Н. Абдуллаев (S. Abdullaev)²

¹доктор филологических наук, профессор кафедры калмыцкого языка и монголистики Калмыцкого государственного университета (Ph. D. of Philology, Professor of the Kalmyk Language and Mongolian Studies Department at Kalmyk State University). E-mail: mushaev_vn@mail.ru.

²доктор филологических наук, профессор, декан факультета Иссык-Кульского государственного университета им. К. Тыныстанова (Ph. D. of Philology, Professor, Dean of the Faculty at Issyk-Kul State University named after K. Tynystanov). E-mail: abduzura@rambler.ru.

В статье рассматриваются «внешние» условия для развития взаимодействия двух вузов из двух стран — Российской Федерации и Кыргызстана, а также «внутренние» параметры сотрудничества в области филологии. В центре внимания находятся вопросы сравнительного изучения тюркских и монгольских языков.

Ключевые слова: глобализация, международное взаимодействие университетов, сетевая модель, евразийское пространство, тюрко-монгольские связи.

The article is devoted to the relationship between the two universities, in the field of joint (modern) scientific research. The work begins with historical and theoretical study of aspects of the current state of social development, which highlighted two main trends: on the one hand, directions of development of higher education today has a global connotation cooperation, exchange of ideas and scientists; on the other hand, the process of individualization of life in general, and individualization of education in particular.

It is stressed that education was a critical stimulant to the development of society and the most important sphere of human activity, both on local level and international scale. And in this respect, the network model is optimal. At the present stage, a comparative study of the Turkic-Mongolian relations, roots in Altaic theory, is experiencing a rebirth. The reason for this and the change of scientific paradigms, and the participation in research of a new generation of scientists, and the creation a common educational space in the framework of the Eurasian community.

Keywords: globalization, international cooperation between universities, network model, the Eurasian community, the Turkic-Mongolian ties.

Мы живем в динамичное и быстро изменяющееся время. В академическом тезаурусе существует множество понятий для определения общества на современном этапе развития. Эти названия варьируются в зависимости от того, какой из процессов и какую сферу жизни в обществе они принимают за основополагающую. Названия общества выходят из названий теорий, которыми ученые описывают современное состояние общественного развития, — общество потребления, постмодернистское,

постиндустриальное, информационное общество и т. д. Чаще всего при рассмотрении поведенческих паттернов людей, развития сферы услуг и других областей жизни ученые называют общество в настоящий период развития обществом потребления (З. Бауман, Ж. Бодрийяр). В рамках теории потребления в обществе наибольшее развитие получают те отрасли, которые в большей мере направлены на удовлетворение потребностей человека. В рамках высшего образования развитие потребительской на-

правленности выражается в академическом капитализме университетов, в появлении рынка образовательных услуг, в появлении особого типа людей — потребителей образовательных услуг и специальной отрасли производства — производства образовательных продуктов. Другие ученые, характеризующие современное общество как общество постмодерна (Ж.-Ф. Лиотар, К. Поланьи, З. Бауман, Ф. Джеймисон), уделяют особое внимание развитию культуры, массовой культуры, сознанию человека и его поведению в современных условиях. «Постмодерн» — это состояние культуры после трансформаций, вызванных процессом глобализации. Одним из отличий века «постмодернити» стал новый статус знаний. Понятие «знание» теперь приравнивается к понятию «информация» и рассматривается как ресурс для вертикальной мобильности человека в обществе [Вифлемский 2002: 8].

С развитием информационно-коммуникационных технологий, сети Интернета стало возможным говорить о появлении новой, сетевой, эпохи. Ряд ученых (М. Кастельс, Ю. Яковец) констатируют появление нового сетевого общества [Яковец 2001: 12]. Пространство планеты становится пронизанным глобальными сетями и взаимосвязями. Выявляя наличие сетей, ученые говорят и о сетевых узлах, роль которых могут играть страны, города, университеты, международные организации. К примеру, в сети международного образования центральными узлами являются те университеты, которые пользуются наибольшей популярностью в международном масштабе. В таких сетевых обществах можно говорить о том, что, чем теснее отношения между центрами инноваций, производства и использования новых технологий во взаимодействующих сетях, тем быстрее идет трансформация самих обществ. Крупные университеты, университетские объединения, которые представляют собой сетевые узлы, обладают значительной культурной силой, не только продуцируя новое знание, новую информацию, но и определяя паттерны поведения людей по всему миру.

Характер глобализации в социокультурной сфере в области образования наиболее сложен и противоречив. Можно отметить две противоположные тенденции. С одной стороны, все более отчетливо проявляется глобальный характер научного прогресса,

не знающего национальных границ. Направление развития высшего образования сегодня имеет глобальную окраску в вопросах международного сотрудничества, обмена идеями и учеными. Формирующиеся контуры непрерывного образования основываются на высокоэффективных информационных технологиях, развитие которых также стало следствием глобализации [Усманова 2002: 66].

Однако глобальность высшего образования не означает тотального охвата всей планеты и всех людей образовательными сетями. Глобализация высшего образования включает в себя страны, регионы или даже отдельные территории стран с соответствующим экономическим, политическим и культурным положением на международной арене. Таким образом, глобальность высшего образования все же имеет свои пределы.

Противоположной тенденцией является процесс индивидуализации жизни в общем, и индивидуализация образования, в частности. Она проявляется в построении карьеры, независимой от государств и конкретных вузов, основанной на свободном выборе каждого конкретного субъекта образовательного процесса. По мнению У. Бека, сама система высшего образования является институтом, ведущим к индивидуализации, иными словами — «двигателем» индивидуализации [Бек: 3]. В рамках всех теорий, рассматривающих современное общество с различных позиций, ученые сходятся на том, что образование стало важнейшим «стимулятором» развития общества и важнейшей сферой человеческой деятельности, как на локальном уровне, так и в международном масштабе. Сегодня есть все основания для предположения о том, что сетевая модель международного взаимодействия университетов является наиболее перспективной для дальнейшего развития сферы высшего образования в вопросах развития межкультурной коммуникации, повышения культурной целостности системы высшего образования, активизации мирового научного потенциала для решения глобальных проблем. Сетевое взаимодействие в образовании — это совместная деятельность образовательных учреждений, направленная на повышение качества образовательной деятельности и заключающаяся в обмене опытом, совместной разработке и использовании инновационно-методических и кадро-

вых ресурсов. Взаимодействие всех субъектов образовательного процесса осуществляется в различных сетевых педагогических сообществах. Так, Иссык-Кульский государственный университет им. К. Тыныстанова и Калмыцкий государственный университет вступили в небольшой, но активный диалог по построению двухстороннего сотрудничества. ИГУ имеет двухсторонние договоры о сотрудничестве с 46 высшими учебными заведениями и более 35 учреждениями образования. На сегодняшний день КалмГУ имеет двухсторонние договоры о взаимодействии с 76 вузами зарубежных стран, из них с 16 университетами, постоянно реализуется программа академического обмена. В рамках договоров КалмГУ и ИГУ реализуются международные проекты, программы обмена студентами, научно-исследовательская работа, стажировка в организациях, учреждениях, предприятиях и базах прохождения практики студентов и др. География международного сотрудничества широкая.

Можно предложить несколько моделей для целевого назначения сетевого взаимодействия:

1. Образовательные — создание электронной платформы обмена опытом и информацией, включая библиотечные ресурсы, обучающие материалы, в том числе — проведение он-лайн лекций, вебинаров, веб-конференций.
2. Научно-исследовательские — создание площадки для обсуждения и реализации совместных научных исследований, публикаций, обмена научными материалами, руководство кандидатскими и докторскими диссертациями, защита ученых степеней, гостевые лекции и др.
3. Международные — деятельность в проектах для совместной реализации в рамках программ Европейской Комиссии, программ Россотрудничества и др., обмен студентами и преподавателями для обучения в вузах.
4. Культурные — разработка механизма деятельности в области культурного обмена и распространения информации о традициях, быте народов, проживающих в странах-партнерах.

Системность взаимодействия ведет к укреплению коммуникационных направлений и возможности прогнозирования последствий коммуникации. Наконец, в современных условиях важно помнить, что

основополагающим правилом функционирования университетов в международном масштабе сегодня является мультикультурализм. Наиболее приемлем, на наш взгляд, мультирегиональный вариант сотрудничества, который включает европейские, российские, азиатские университеты и университеты Кыргызской республики. Вместе с позитивными возможностями существует и ряд проблем и рисков при создании сетевого взаимодействия: неготовность партнеров к открытости и к доступности ресурсов; низкая активность в одном из партнерских вузов; трудная координация процессов, происходящих в других вузах; риски с техническим оборудованием и технологическим оснащением вузов; проблемы с получением финансирования в организации мероприятий; низкая мотивация в реализации идей сетевого сотрудничества

Российскую Федерацию и Кыргызстан связывают между собой давние разносторонние связи, в том числе и в сфере высшего образования. Это можно отметить и на примере взаимодействия Иссык-Кульского государственного университета имени К. Тыныстанова (Кыргызстан), далее — ИГУ и Калмыцкого государственного университета (Российская Федерация), далее — КалмГУ. Между этими университетами достигнуто соглашение о сотрудничестве в области развития евразийского научно-образовательного пространства. Первым направлением сотрудничества стал обмен студентами-бакалаврами аграрного профиля в рамках академической мобильности в период прохождения учебных практик и стажировок. В данной же статье мы более подробно остановимся на сотрудничестве названных вузов на магистерском уровне высшего профессионального образования в области филологии. Как известно, регионы расположения ИГУ и КалмГУ соотносятся с ареалами распространения тюркских и монгольских языков. Поэтому закономерно, что тюркология и монголоведение как лингвистические традиции были втянуты в орбиту магистерских образовательных программ и планы научно-исследовательской работы профессорско-преподавательского состава.

В 2014 г. две выпускницы Иссык-Кульского государственного университета приняты в магистратуру КалмГУ по программам: «Общее языкознание, социолингвистика и психолингвистика», «Язык в полиэтническом пространстве». В 2015 г.

в КалмГУ и Иссык-Кульский государственный университет принято два магистранта по программе двух дипломных работ в рамках магистерской программы «Алтайстика и общее языкознание».

Многие видные тюркологи и монголоеды (В. В. Радлов, С. Е. Малов, Е. И. Убрятова, Т. А. Бертагаев, В. М. Надеяев и др.) постоянно подчеркивали важность сравнительного изучения родственных языков. На современном этапе сравнительное исследование тюрко-монгольских связей, уходящее своими корнями в «алтайскую теорию», переживает как бы второе рождение. Это обусловлено и сменой научных парадигм, и участием в научной работе нового поколения исследователей, и формированием общего образовательного пространства в рамках Евразийского сообщества. Настоящая ситуация накладывает соответствующие обязательства и открывает новые перспективы в деле сотрудничества двух вузов.

В качестве стержневого направления научно-образовательного взаимодействия ИГУ и КалмГУ определилось грамматическое (синтаксическое) направление. Известно, что данный фрагмент языковой системы наиболее консервативен и наиболее благоприятен для проведения сравнительно-типологических исследований. Такой вывод был убедительно продемонстрирован результатами исследований по многочисленным конкретным языкам представителями сибирской синтаксической научной школы во главе с М. И. Черемисиной [Черемисина 1989]. Это справедливо и в отношении тюрко-монгольских связей. Уже наметились точки соприкосновения в области моделирования простого предложения (С. Н. Абдуллаев, Э. У. Омакаева), изучения полипредикативных конструкций (С. Н. Абдуллаев, В. Н. Мушаев) и других участков синтаксического уровня системы языка. Указанная

проблематика отражает новый этап в развитии научной парадигмы в тюркологии и других лингвистических традициях [Абдуллаев 1990; Рассадин 1985]. Эти и другие вопросы сопоставительно-типологических исследований нашли свое отражение в совместных публикациях в научных журналах обоих вузов — как, например, сопоставительное описание ключевых моментов структурно-семантической организации причастно-последложных конструкций в тюркских (киргизском, уйгурском и др.) и монгольских (калмыцком, бурятском) языках. Строение причастно-последложных конструкций проливает свет на типологические особенности механизма алтайского гипотаксиса, во многом принципиально отличающегося от принципов построения сложных предложений союзного типа. Причастно-последложные конструкции — сложные предложения синтетико-аналитического типа, в которых сказуемое зависимой предикативной единицы выражено причастием в определенной падежной форме с послелогом [Черемисина, Скрибник 1980]. Формальные показатели причастия и послелог выражают факт и характер синтаксической зависимости подчиненной части от главной. В киргизском, уйгурском, калмыцком и бурятском языках на примере причастно-последложных конструкций можно различать два грамматических типа предикации — зависимую и независимую предикацию. Их изучение релевантно для осмысления специфики тюрко-монгольского гипотаксиса [Скрибник 1988: 138; Мушаев 2005: 50].

Таким образом, наметившиеся линии взаимодействия филологов двух университетов в области тюрко-монгольского языкознания отражают современные межгосударственные интенции к процессам единения и создания общего научно-образовательного пространства.

Литература

- Абдуллаев С. Н.* Модальные модификации простого предложения в уйгурском предложении // Системность языка на разных уровнях. Новосибирск, 1990. С. 90–96.
- Бек У.* Собственная жизнь в развязанном мире [Электронный ресурс] // URL: http://www.soc.ru/publications/pts/bek_3.shtml (дата обращения: 15.10.2015).
- Вифлеемский А.* Роль образовательного комплекса в постиндустриальном обществе // Вопросы экономики. 2002. № 1.
- Мушаев В. Н.* Структура и семантика калмыцкого предложения. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 381 с.
- Рассадин В. И.* Об организации полипредикативных предложений с подчинительной связью в тофаларском языке // Полипредикативные

- конструкции в языках разных систем. Новосибирск, 1985. С. 3–12.
- Скрибник Е. К. Усложненные формы зависимого сказуемого в бурятских темпоральных конструкциях недифференцированной семантики // Компоненты предложения. Новосибирск, 1988. С. 136–143.
- Усманова А. Критические интеллектуалы» и культурная политика в эпоху глобализации // Тендерные исследования. 2002. № 7.
- Черемисина М. И. О теоретических вопросах модельного описания предложений // Предложение в языках Сибири. Новосибирск: Наука, 1989. С. 3–19.
- Черемисина М. И., Скрибник Е. К. Опыт формального описания причастно-последовательных конструкций бурятского языка // Подчинение в полипредикативных конструкциях. Новосибирск, 1980. С. 38–77.
- Яковец Ю. В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М.: Экономика, 2001.

References

- Abdullaev S. N. Simple Uighur sentence: modal modifications. In: [Language Systemicity at Different Levels]. Novosibirsk, 1990. Pp. 90–96. (In Russ.)
- Beck U. Living in and Coping with World Risk Society. Available at: <http://www.soc.pu.ru/publications/pts/bek3.shtml> (accessed: October 15, 2015). (In Russ.)
- Cheremisina M. I. Model sentence description: issues of theory revisited. In: [Languages of Siberia: Sentence]. Novosibirsk: Nauka, 1989. Pp. 3–19. (In Russ.)
- Cheremisina M. I., Skribnik E. K. Buryat participle-and-postpositional constructions: an effort of formal description. In: [Subordination in Polypredicative Constructions]. Novosibirsk, 1980. Pp. 38–77. (In Russ.)
- Mushaev V. N. [Kalmyk Sentence: Structure and Semantics]. Elista: Dzhangar, 2005. 381 p. (In Russ.)
- Rassadin V. I. Tofalar polypredicative sentences with subordination: structural patterns revisited. In: [Polypredicative Constructions in Structurally Different Language Systems]. Novosibirsk, 1985. Pp. 3–12. (In Russ.)
- Skribnik E. K. Complicated forms of dependent predicate in Buryat semantically undifferentiated temporal constructions. In: [Sentence Components]. Novosibirsk, 1988. Pp. 136–143. (In Russ.)
- Usmanova A. Critical intellectuals and cultural policies in the globalized age. *Gendernye issledovaniya*. 2002. No. 7. (In Russ.)
- Vifleemsky A. Role of educational system in postindustrial society. *Voprosy Ekonomiki*. 2002. No. 1. (In Russ.)
- Yakovets Yu. V. [Globalization and Civilizational Interaction]. Moscow: Ekonomika, 2001. (In Russ.)

КОСВЕННЫЕ НАКЛОНЕНИЯ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ: СЛОВОИЗМЕНТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ

(на материале Национального корпуса калмыцкого языка)

Indirect Moods in the Kalmyk Language: Inflectional Models

(Based on the National Corpus of the Kalmyk language)

В. В. Куканова (V. Kukanova)¹

¹кандидат филологических наук, заведующий отделом теоретической и экспериментальной лингвистики Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of Philology, Head of the Laboratory of Theoretical and Experimental Linguistics at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: vika.kukanova@gmail.com.

В статье описывается грамматика порядков словоизменительных аффиксов финитной формы косвенных наклонений в калмыцком языке. Значимость проведения исследования обусловлена необходимостью классификационного и систематического дескриптивного анализа сочетательных свойств морфемных единиц (в данном случае — основы и аффиксов, аффиксов и аффиксов) в целях синтеза лексических единиц (в широком понимании — словоформ) калмыцкого языка. В ходе анализа материала Национального корпуса калмыцкого языка выявлено около 60 словоизменительных моделей аффиксов, присоединяющихся к глагольной основе для образования форм косвенных наклонений в калмыцком языке.

Ключевые слова: калмыцкий язык, словоизменительные аффиксы, финитные формы глагола, косвенные наклонения, грамматика порядков, автоматический анализ, модели словоизменения.

The article describes the grammar of orders of inflectional affixes of finite verb forms in the indirect moods of the Kalmyk language. The relevance of the research is determined by the need of classification and systematic descriptive analysis of the combinatorial properties of morphemic units (in this case — stems and affixes, affixes and affixes) for the synthesis of lexical units (in the broadest sense of the word-forms) of the Kalmyk language. The analysis of the material of the National Corpus of the Kalmyk language revealed more than 60 models of inflectional affixes, joining the verbal stem for the formation of forms of indirect moods in the Kalmyk language. The affixes of indirect moods can be formed from primary and secondary verb stem, while in the investigated material we have not found any examples representing the formation of the optative from the secondary stem of the verb. Likewise the Corpus has not revealed any of the examples with affixes of indirect moods where there would be a combination of two voice affixes. The forms with the affixes of voice, of aspect or verbal plurality are rarely found: mainly there are examples containing only one of the affixes. The apprehensive can attach affixes of predicate, however, there are some examples with the forms of the jussive 2 and precative, which are adjoined by the personally-predicative particle. As for the negative particles, the finite forms of indirect moods practically do not attach to them (mostly the semantics of negation is expressed by separate negative words), but analyzing the material we can say that only the form of apprehensive attaches to itself the contracted particle -go. Particles are also adjacent to the forms of indirect moods: requesting, confirmative, intensifying and emphasizing — which provide the semantics of the indirect moods with different connotations.

Keywords: the Kalmyk language, inflectional affixes, finite verb forms, indirect moods, grammar of orders, automatic analysis, models of inflection.

Моделирование словоформы в калмыцком языке является одной из актуальных задач, решение которой имеет большое значение и в теоретическом, и в прикладном аспектах. В первом случае словоизменительная структура слова до сих пор

еще системно не исследована, тем более, с привлечением материалов корпуса калмыцкого языка: в работах монголоведов упоминаются отдельные элементы грамматики порядков. Академические описания структуры калмыцкого языка и словари

содержат мозаичные сведения по грамматике порядков присоединения словоизменительных аффиксов к основе слова. Очевидно, что калмыцкий язык принадлежит к группе агглютинативных языков с четкими правилами примыкания аффиксов к основе слова, именно этот факт позволяет применить теорию грамматики порядков к слову в калмыцком языке [ср.: Володин 1976: 84]. В прикладном аспекте результаты анализа словоформы в свете грамматики порядков необходимы для описания правил синтеза словоформы калмыцкого языка, т. е. искусственного построения произвольной словоформы. Как утверждает А. А. Зализняк, «нет необходимости специально обосновывать законность и эффективность такого приема описания» [Зализняк 2002: 4–5].

Цель данной работы — выявить словоизменительные модели глагола косвенных наклонений, реально функционирующие в калмыцкой письменной речи. Материалом для исследования послужили данные Национального корпуса калмыцкого языка, (объем — около 9 млн токенов: тексты художественного (в том числе и образцы устного народного творчества), газетного стилей, незначительный процент текстов принадлежит научной сфере функционирования языка). В хронологическом отношении корпус можно охарактеризовать как информационную систему с текстами преимущественно второй половины XX и начала XXI в. Отметим, что тексты носят письменный характер, который, как известно, в определенной степени оказывает влияние на характер их порождения. Расшифрованные текстовые сегменты устного подкорпуса не привлекались к анализу.

Мы исходим из того, что если сконструируем словоизменительные модели для каждой части речи в отдельности, то уже потом можем объединить разные схемы в один общий порядок, который будет описывать словоформу в калмыцком языке. Когда строят порядок для того или иного языка, то, как правило, останавливаются только на знаменательных частях речи, которые могут изменяться. Однако в калмыцком языке достаточно сложно решить вопрос таким образом: живое функционирование языка показывает, что изменяемость (которая понимается широко) не зависит от частеречной принадлежности того или иного слова. Возьмем, к примеру, лексическую единицу *хойр* ‘два; и’: в функции союза к слову при-

соединяются лично-притяжательные¹, вопросительные², подтвердительные³ частицы.

В данной работе мы остановимся на финитных формах глагола косвенных наклонений. Противопоставление финитных и нефинитных (инфинитных) форм традиционно в лингвистике и является одним из самых дискуссионных вопросов. Существует множество работ, связанных прежде всего с определением характера данного понятия. По мнению Э. Купер (Elizabeth Cowper), финитность является чисто синтаксической категорией [Cowper 2002: 1]. Ее содержательная часть заключается в свойстве выражать предикативность (сказуемость) [Тестелец 2001: 88]. Хотя анализ теоретических расхождений в трактовке финитности глагола не является задачей данного исследования, тем не менее, оговоримся: под финитностью мы понимаем свойство глагола занимать вершинную позицию в главной клаузе сложного предложения, что соответствует традиционной позиции в отечественном языкознании.

В калмыцкой лингвистике финитные и нефинитные формы не рассматривались в свете их противопоставления. В калмыцком языке финитные глаголы, в отличие от нефинитных, могут выражать категории времени и лица. Категории залога, глагольной множественности и вида совпадают в финитных и нефинитных формах, другими словами, эти категории могут быть формально выражены и у финитных, и у нефинитных форм. Дискуссионным остается вопрос о формах, которые схожи с причастиями и деепричастиями или являются ими и могут занимать вершинную позицию в предложении, т. е. выражать значение предикативности.

В калмыцком языкознании существуют две точки зрения на этот счет: с одной стороны, ряд ученых считают, что указанные выше формы следует рассматривать как омонимичные и не связывать их никоим образом с причастиями и деепричастиями [Харчевникова 1995; 1996], с другой — лингвисты приходят к выводу, что речь идет о причастиях, выполняющих в пред-

¹ — *Намхндан хөөдэн авад бээлг, нам Хаср Баср хойрим алчжэ, кишиго элрмүд! — гижэ Сарң келв.* [Бадмаев А. Б. Мукөвүн]

² *Та бидн хойрий?* [Тачиев А. Э. Бар жил]

³ *Шав өвчн хойр ах-дү хойрлм.* [Бембе-ев Т. О. Бамб цецг]

Таблица 1. Косвенные наклонения в калмыцком языке: морфологические средства и термины

	Показатель									
	-Ø	-тн	-ий, -ия, -ийа, -ый, -й	-г	-тха, -тхэ	-с, -су, -су	-са, -сэ	-вза, -взаэ, -за, -заэ, -үза, -үзаэ, -жв	-хн	-и
[Санжеев 1963: 95–118]	«повелительная форма 2-го лица множественного числа»; «benedictivus» «императивная» форма	«повелительная форма 2-го лица множественного числа»; «benedictivus»	«повелительно-пригласительная форма 1-го лица»; «voluntativus»	форма 3-го лица единственного и множественного числа желательного наклонения	«повелительно-желательная форма 3-го лица»; «concessivus»	«пропозитивная форма 1-го лица»; «optativus»	«желательная форма»	«дубитатив» (dubitativus)	—	«повелительно-просительная форма 2-го лица»; «precativus»
[ОСКЯ 2000: 66–68]	форма 2-го лица множественного числа повелительного наклонения	форма 2-го лица множественного числа повелительного наклонения	форма 1-го лица множественного числа желательного наклонения	форма 3-го лица единственного и множественного числа повелительного наклонения	форма 3-го лица единственного и множественного числа желательного наклонения	форма 1-го лица единственного и множественного числа желательного наклонения	форма 1-го лица единственного и множественного числа желательного наклонения	форма предостерегательного наклонения	«просительная форма 2-го лица единственного и множественного числа повелительного наклонения»	просительная форма 2-го лица единственного и множественного числа повелительного наклонения
[Харчевникова 1996: 64–84]	«исходная повелительного наклонения»	«множественное число повелительного наклонения», «форма вежливого обращения»	«желательное наклонение на -ий, -ия»	«желательное наклонение на -г»	«желательное наклонение на -тха»	«желательное наклонение на -с, -су»	«желательное наклонение первого лица»	«предостерегательное наклонение»	«просительная форма повелительного наклонения»	«просительная форма повелительного наклонения»
[Janhunen 2012: 151–156]	imperative (proper)	benedictive	voluntative	permissive	concessive	optative	desiderative	dubitative	—	precativus
[ГКЯ 1983 ¹ : 227–234]	«исходная повелительного наклонения»	«множественное число повелительного наклонения», «форма вежливого обращения»	«желательное наклонение на -ий, -ия»	«желательное наклонение на -г»	«желательное наклонение на -тха»	«желательное наклонение на -с, -су»	«желательное наклонение первого лица»	«предостерегательное наклонение»	«просительная форма повелительного наклонения»	«просительная форма повелительного наклонения»

¹ Главу, посвященную наклонению, в [ГКЯ 1983] разработала Р. П. Дораева (Р.П. Харчевникова).

ложении роль сказуемого [Пюрбеев 2010]. К таким формам относятся словоформы с аффиксами на *-жс* (омонимично (?) с соединительным деепричастием), на *-а/-э, -һа/-һэ* (омонимично (?) с причастием настоящего времени), на *-дг* (омонимично (?) с многократным причастием), на *-сн* (омонимично (?) с причастием прошедшего времени), на *-х* (омонимично (?) с причастием будущего времени).

В этом отношении глагол — это одна из самых «сложных» частей речи, имеющая разветвленную систему присоединения аффиксов к основе (ср. с частицами или числительным [Куканова 2015]). В данной работе мы рассмотрим только финитные формы глагола в косвенных наклонениях. Исследованию глагольных наклонений посвящена работа Р. П. Харчевниковой «Система глагольных наклонений в современном калмыцком языке» [1995], где выявляется семантика глагольных форм, стоящих в косвенных наклонениях.

Вопрос о построении словоформы косвенного наклонения отдельно не поднимался, а рассматривался по мере необходимости (например, для того, чтобы провести дифференциацию между разными формами). Анализу косвенных наклонений посвящена работа К. Н. Прохорова «Калмыцкие формы косвенных наклонений: семантика, морфология, синтаксис» [2009].

Рассмотрим порядок аффиксов для финитной формы глагола в косвенных наклонениях. Традиционно выделяются четыре вида наклонений: изъявительное (индикатив), повелительное (императив), желательное (оптатив и юссив), предостерегательное (аппрехенсив) [Харчевникова 1995: 64–84; Грамматика... 1983: 227–234]. В данной работе мы остановимся на трех последних из выше перечисленных (см. табл. 1).. В примерах, репрезентирующих ту или иную модель, сохраняется авторская орфография и пунктуация.

Императив

№	Base	Voice	Voice	Aspect	Associa- tive	Mood (Impr)	Prec1	Prec2	Neg	Per	ConfPart	EmpPart	Примеры
1	+					Ø							су ¹
2	+					+							зөө-тн ²
3	+				+	+							бээ-цхэ-тн ³
4	+				+	+	+						ав-цха-хн-тн ⁴
5	+				+			+		+			бээ-цхэ-һ-и-тн ⁵
6	+	+	(Caus)			Ø	+					+	йов-ул-хн-чн ⁶
7	+	+	(Caus)					+		+			хэр-ул-и-ч ⁷
8	+			+	(Compl)	Ø					+	+	хэлэ-чк-л-чн ⁸
9	+			+	(Compl)	Ø	+					+	өг-чк-хн-чн ⁹
10	+			+	(Compl)	Ø		+		+			тэв-чк-и-ч ¹⁰

¹ Көндрлго дор ормдан су! [Бадмаев А. Б. Усна экн — булг]

² Баав, тедн дэкэд гер эндүригон төлэд танас дэкэд мөргэд суржсанав : баажад келэд, эндрин бийднь Хэбин тал гиш илгэти, Бакланд эрк зөөти. [Балакаев А. Г. Буурл теетг]

³ — Дав деер менд бээцхэти! — гижэ Варя шуурһн харһу хойрт барань тасрад, салык үрүдэд йовад одв. [Бадмаев А. Б. Зуд]

⁴ (Сөөвң оржэ ирэд, уралан һарад сууна) / Жирһл (босад Сөөвңгэс эдс авчакад) Нойдуд , зээсгүд, ламин зергэс босжэ эдс авцаххити. [Басангов Б. Б. Чүүчэ]

⁵ — Не, менд бээцхэти, / Намаг ирл эрүл, / Зовлң-зөвүр угаһар / Зунан өңгүрүлх болыг. [Сусеев А. И. Теегин үрн]

⁶ — Нарм, эн мөрдэн арһул йовулхчнчн! [Бадмаев А. Б. Зултрһн — теегин ноһан]

⁷ Эрчмән бичэ хэрүлич. [Жаляев С. К. Кү мартхмн биш]

⁸ Хэлэчкчн, чи, бурхн, / Байрл нанта хамдан, / Һазр нарна герлд / Көкрэд, дүцгәһэд бэәнәхн. [Сусеев А. И. Теегин үрн]

⁹ — Чи эн часиг Васильд өгчкхчн... [Тургенев И. С. Час]

¹⁰ Тэвчкч, Эвни минь! [Буджалов Е. А. Төгрөш]

№	Base	Voice	Voice	Aspect	Associa- tive	Mood (Impr)	Prec1	Prec2	Neg	Per	ConfPart	EmpPart	Примеры
11	+	+	(Caus)			∅		+		+			туур-ул-и-ч ¹
12	+					∅					+	+	соңс-л-чн ²
13	+			+	(Dur)	+							белд-жэ-цхэ-тн ³
14	+			+	(Dur)	∅		+		+			хэлэ-жэ-л-и-м ⁴
15	+			+	(Dur)	-∅					+	+	ги-жэ-л-чн ⁵
16	+			+	(Dur)	+							бээ-жэ-тн ⁶
17	+			+	(Dur)	+	+						суу-жэ-хн-тн ⁷
18	+	+	(Pass)			∅	+					+	таас-гд-хн-чн ⁸
19	+					∅	+					+	йов-хн-чн ⁹
20	+					∅	+	+		+			йов-х-и-ч ¹⁰
21	+					∅		+		+			зогс-и-ч ¹¹
22	+	+	(Soc)			∅	+					+	ор-лц-хн-чн ¹²

Юссив 1

№	Base	Voice	Voice	Aspect	Associative	Mood (Juss 1)	Prec1	Prec2	Neg	Per	ConfPart	EmpPart	Примеры
1	+	+	(Pass)			+							давт-гд-тха ¹³
2	+	+	(Recp)			+							тань-лд-тха ¹⁴
3	+	+	(Soc)			+							хува-лц-тха ¹⁵
4	+					+							уми-тха ¹⁶

¹ Хурдлад, урдич, Арнзл, / Хальмг тохман **туурулич**, / Хурдлад довтлич, Арнзл, / Холд тасрад диилич! [Бадмаев Б. Арнзлын гүүдл]

² — **Соңслчн**, буһ. [Сказка. Арат, буһ, керэ һурвн]

³ — Мана хээртэ Николай Ивановичин аалиг крайд бас меддг чигн, — гижэ Александра Бушаевна сергмэжтэһэр келэд инэв: — Ах хирургиг бүдрсн цагт орминь эзлхэр, манахс, **белдэжэцхэти**. [Балакаев А. Г. Зерлг нохас]

⁴ **Хэлэжэһит**, удлго тедн күрч ирцхэх. [Балакаев А. Г. Залу зөрг]

⁵ Харманж киртэ бичкн альчурар көлтэ чирэ, күзүһэн арчн бээжэ, Цаһан манжэ тал хэлэжэһэд: — Цаһан манжэ, невчк түрд **гижэлчн**. [Джамбинов Я. С. Үүрин хаалһ йөрөлһн]

⁶ — **Жирһл**, тенд **бээжэти**. [Бадмаев А. Б. Арнзлын гүүдл]

⁷ — Ой, буйн болтха, невчк **сууэжахитн**, — гийһэд герин эзн күүкн эржэ мөргэжэх бээдл һарһв. [Инджиев Л. О. Большевикуд]

⁸ — Мини бурлһн чамд **таасгдхичн** уга. [Бадмаев А. Б. Арнзлын гүүдл]

⁹ Намаг дахулад **йовхичн**. [Балакаев А. Г. Бамбуш]

¹⁰ — **Йовхич**, **йовхич**, Андрюша... [Хонинов М. В. Чи медхмч, Смоленск һазр]

¹¹ — Көвүн, тер цаачн күрижэсн Цедэ зээсгин садт күрэд **зогсич!** [Эрендженев К. Э. Аңһучин көвүн]

¹² Тер учрар үүнд орлихичн эс **орлихичн** хурижажэ. [Нармаев М. Б. Дөчн негдгч бөлг]

¹³ Дээнэ Мөңк һал / Дэжэ бичэ **давтгдтха**, / Көркхн эрк цецгуд / Күмни байр кеерүлтхэ. [Сангаджиева Б. Б. Мөңк һалд]

¹⁴ Герин эзн күүкд күүһэн дахул, мана гергд бас хоорндан **таньлдтха**. [Балакаев А. Г. Буурл теэгт]

¹⁵ Мана темдгтэ бичэч, шүлгч Андрей Манганькович эврэн бичэчин халх тууэжарн маднла **хувалцтха** гижэ Танас суржэһанав. [Манжелеева Р. Ц. Чиндртэн зальта цог үлдэх седклтэ]

¹⁶ Кезэдчн газетмүдин тоомср / өстхэ, / Күн болһн дурлэж **умиитха**, / Үг болһн унн **келтхэ**, / Умиач болһна седкл / **байрлүлтха!** [Бадмаев С. М. Умшачин йөрөл]

5	+					+							+	бол-тха-ла ¹
6	+	+	(Caus)			+								байрл-ул-тха ²
7	+					+	+							йов-цха-тха ³
8	+				+	(Compl)	+							соль-чк-тха ⁴
9	+						+					+		бол-тха-ч ⁵ бол-тха-видн ⁶
10	+						+						+	бол-тха-л ⁷ йов-тха-л ⁸
11	+	+	(Caus)			+	(Compl)	+						шат-а-чк-тха ⁹
12	+					+	(Dur)	+						сан-жа-тха ¹⁰
13	+	+	(Caus)			+	(Dur)	+						байрл-ул-жа-тха ¹¹

Юссив 2

№	Base	Voice	Voice	Aspect	Associative	Mood (Juss 2)	Prec1	Prec2	Neg	Per	ConfPart	EmpPart	Примеры
1	+					+							бол-г ¹²
2	+			+	(Dur)	+							бол-жа-г ¹³
3	+	+				+							цок-ул-г ¹⁴

Аппрехенсив

№	Base	Voice	Voice	Aspect	Associative	Mood (Appr)	Prec1	Prec2	Neg	Per	ConfPart	EmpPart	Примеры
1	+					+							бол-вза ¹⁵
2	+					+				+			бол-вза-вдн ¹⁶

¹ — Аа, хээрхи, тиигх болтхала! — гижэ эмгнь зальврад, альчуран нүдндэн нааһад, бирклүлэд уульв. [Инджиев Л. О. Харалта өдрмүд]

² — Байрта күүкм сурхулян сээнэр төгсэхэд, сэн эрдмтэ күн болад, мини седклим байрлултха гижэ саннав. [Манжелеева Р. Ц. Жирһлин сээхн айсар делгү теэгнь дүүрнэ]

³ Өмсч менд йовцхатха. [Шуграева В. К. Түрүн хоңх]

⁴ Оңдан урокар сольчктха гижэ сурнав, — гихэд Жирһл школури телефоһар эҗиңнүлэд, зөв авна. [Бадмаев А. Б. Арнзлын гүүдл]

⁵ Алтн жэола эргүлэж ирх болтхач. [Очиров Б. Г. Жидин үзүрт]

⁶ Олндан туслх болтхавидн! [Очиров Н. Мазн баатр болн Овлан Цаһан]

⁷ Эн туһл эс олддмн болтхал, — эрсэн һартан бэрэд бээсчн тер... [Дорджиев Б. Б. Боова эмгнэ келвр]

⁸ «Толһа менд йовтхал, / Токуг олдх» гидг. [Бембеев Т. О. Хохал Жалыков]

⁹ — Теңр деер бээдг хан чамаг сарад оньслчкад, сарат шатчктха гив. [Эльдышев Э. А. Лам болн урч]

¹⁰ Тиигэж чигн санжэатха. [Инджиев Л. О. Большевикүд]

¹¹ Өмн үзгин Вьетнамин тускар үзсн-медсн сэн тоотан бичэд, барлулэж һарһад, делкэг байрлулэжатха. [Дорджиев Б. Б. Би — Эрлг номин хаанад]

¹² Аинь болсарн болг! [Бадмаев А. Б. Усна экн — булг]

¹³ Дав деер нүдн-амн болжэаг. [Нармаев М. Б. Манц һол]

¹⁴ Теңр намаг цокулг — / Тиим сээхн дуута... [Каляев С. К. Киштэн домбрт биилсэн]

¹⁵ Тииклэ / салькн эмдрдм / Болвза? [Хонинов М. В. Салькнла бээр бэрлдсн баллада]

¹⁶ Зуг, Николай Петрович, бидн колхозникудин күч-көлс өңгэр үрэдг болвзавдн. [Балакаев А. Г. Күн болх — баһасн]

№	Base	Voice	Voice	Aspect	Associative	Mood (Appr)	Prec1	Prec2	Neg	Per	ConfPart	EmpPart	Примеры
3	+	+	(Caus)			+				+			кел-ул-взэ-в ¹
4	+	+	(Caus)	+	(Compl)	+				+			хунд-а-чк-вза-в ²
5	+			+	(Compl)	+							нарh-чк-вза ³
6	+			+	(Compl)	+				+			ал-чк-вза-ч ⁴
7	+			+	(Dur)	+							бол-жа-вза ⁵
8	+			+	(Dur)	+				+			адр-жа-вза-ч ⁶
9	+	+	(Pass)			+							күцэ-гд-взэ ⁷
10	+					+			+				бээ-вз-го ⁸
11	+	+	(Caus)	+	(Dur)	+			+				нем-ул-жэ-вз-го ⁹
12	+			+	(Compl)	+			+				ал-чк-вз-го ¹⁰
13	+			+	(Dur)	+			+	+			эндүр-жэ-вз-го-т ¹¹
14	+					+							бол-вз-го-в ¹²
15	+	+	(Caus)	+	(Dur)	+			+	+			бол-h-жа-вз-го-ч ¹³

Гортатив

№	Base	Voice	Voice	Aspect	Associative	Mood (Hort)	Prec1	Prec2	Neg	Per	ConfPart	EmpPart	Примеры
1	+					+							уул-ий ¹⁴
2	+	+	(Soc)			+							ор-ц-ий ¹⁵
3	+	+	(Caus)			+							йов-ул-ий ¹⁶

¹ Зуг бийдэн ицжэ даалһсн ик үүлиг сурһаль-медрл уган уришгар чикднь күцэжэ чадл уга үрһэд орквзав, тегэд үкнэ хөөн ардасн му келүлвзэв гижэ би энэв... [Инджиев Л. О. Большевикүд]

² Эв уга сурвр өгэд, энүг **хундачквзав** гийдэ көвүн саглэсахла, мини ирсн кергин үндснй медхлэрн, эл түрүн автан ухаһан алдх гижэ күүкн дотран санжсана. [Бадмаев А. Б. Арнзлын гүүдл]

³ Түүнэс нааран директорас **нарһчквза** гийдэ, дотран зовад бээдг болжсана. [Тачиев А. Э. Баржил]

⁴ — Нэ, чи кишва күн, чидлдэн нээлхлэрн, бийм айстан хурулн бээжэ, **алчквзач**. [Бутаев С. Халдм баатр]

⁵ Салдасн, цуирсн бээдлтэ болад, чини бийчнь тас уга **болжэвза**? — гийдэ Прасковья Бадмаевна оньһжсана. [Инджиев Л. О. Харалта өдрмүд]

⁶ — Чи, Нарн, **адржэвзач**? — болжэ Амулц суусн ормасн босв. [Джимбиев А. М. Таслгч эргц]

⁷ Дамилт баһин уришгар зэрм кергүд хоомаһар **күцэгдвэ**, нам оньгас тас алдрад чигн одвза гижэ эн саглв. [Инджиев Л. О. Большевикүд]

⁸ Күн **бээвзго** гийдэ, / Көлнь чичрэд ормана. [Бадмаев С. М. Барвс]

⁹ Гергнчн чик үг келжэснү, аль невчк **немүлжэвзго**? — гижэ одмн сурв. [Джамбинов Я. С. Дошла ковла хойрин зарһ келһн]

¹⁰ Австрийц Петериг хортн **алчквзго** гийдэ, Эрднь ээжэ йовла. [Сусеев А. И. Авторин үг]

¹¹ «**Эндүржэвзгот?**» — гижэ дэжнэс / Эн давтад сурв. [Кугультинов Д. Н. Ухана буцлт]

¹² Би һанцарн сурхмн **болвзгов**? [Шуграева В. К. Түрүн хонх]

¹³ Заһсн уснд өөмэд эс гижэ шовун модн дотраһар нисхлэ, чи тедниг тигжэжэ **болһжэвзгоч!** [Мамин-Сибиряк Д. Н. Приемьш] (неизвестный переводчик).

¹⁴ «**Бичэ уулий**», — гийдэ санхнь, / Бийдэн бэрдг чидл уга. [Буджалов Е. А. Сивр]

¹⁵ Сурһуль сэгнэр дасжэ / Коммунизмн тосхлтд **орлиций**. [Кукаев А. М. Пионермүдин дун]

¹⁶ — Сэн, — гижэ комендантша келв, — тийм болхла машаг **йовулий**. [Пушкин А. С. Капитана күүкн. Пер. Харцхаев М.]

4	+			+ (Compl)		+								<i>тэв-чк-ий¹</i>
5	+	+ Caus)		+ (Compl)		+								<i>өөрд-үл-чк-ий²</i>

Оптатив

№	Base	Voice	Voice	Aspect	Associative	Mood (Opt)	Prec1	Prec2	Neg	Per	ConfPart	EmpPart	Примеры
1	+					+							<i>ав-са³</i>

Аффиксы косвенных наклонений могут образовываться от первичной и вторичной глагольной основы, хотя в исследуемом материале не встретилось примеров, репрезентирующих образование оптатива от вторичной основы глагола. Отметим, что и примеры на формы юссива 2, которые содержат в себе аффиксы залога или вида, характеризуются абсолютно низкой частотностью (до 10 единиц), поэтому, скорее всего, форма юссива 2, как правило, образуется от первичной глагольной основы. Необходимо заметить, что в корпусе не было обнаружено ни одного примера с аффиксами косвенных наклонений, в котором было бы сочетание двух залоговых аффиксов. Редко встречаются формы, в которых наличествуют аффиксы залога, вида или глагольной множественности: в основном обнаружены примеры, в которых присутствует только один из аффиксов.

По мнению К. Н. Прохорова, «большинство форм косвенных наклонений не способно присоединять согласовательные лично-числовые показатели <...> Исключением является форма аппрехенсива...» [2009: 162]. С данным выводом мы частично соглашаемся: действительно, к форме аппрехенсива могут примыкать аффиксы сказуемости, однако в корпусе примеров были обнаружены и формы юссива 2 и

прекатива, к которым присоединяется лично-предикативная частица. Что касается отрицательных частиц, то финитные формы косвенных наклонений практически не присоединяют их к себе (семантика отрицания преимущественно выражается отдельными отрицательными словами), однако в материале только форма аппрехенсива присоединяет к себе стяженную частицу *-го* [Прохоров 2009: 164]. К формам косвенных наклонений примыкают и частицы: так называемые просительные, подтвердительные, усилительно-выделительные, — которые придают семантике косвенных наклонений различные коннотации. Во многом они оказывают влияние на присоединение лично-числовых показателей к глагольной основе.

Таким образом, нами выявлено 59 моделей грамматики порядков для финитной формы глагола косвенных наклонений на основе корпусного подхода, однако этот список не носит окончательного характера. Наибольшую группу по словоизменительным моделям составляет императив, в нее включены и исходная форма императива, во множественном числе, и просительная формы. На основе выявленных моделей можно выявить общий порядок для финитной формы, стоящей в косвенном наклонении, который приведен ниже в таблице.

¹ — *Цааранднь яһий, куүкд? — гижэ Хаалһ түрүн болж нөкднрәсн сурв, — Нег бичкн арва цеврлэж өгэд тэвчкий, аль буцлт кей? — гижэ Хаалһ сурв.* [Бадмаев А. Б. Мукөвүн]

² — *Уга, хэжрхмн биш, бүрүц өөрдүлчий.* [Эрендженев К. Э. Гетэчэс — манач]

³ *Яһв чигн зүткэд, суржэ авса, гижэ бодад, арднь оржэ сурлцв.* [Цеднэ Өлзэбата. Баатр]

0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Base	Voice	Voice	Aspect	Associative	Mood	Prec1	Prec2	Neg	Per	ConfPart	EmpPart
основа	аффикс залога	аффикс залога	аффикс вида	аффикс глагольной множественности	аффикс наклонения	просительная частица	просительная частица	отрицательная частица	аффикс сказуемости	подтвердительная частица	усилительно-выделительная частица

1. При незаполнении всех позиций (1–11), но при заполнении позиции 0 образуется исходная форма повелительного наклонения
2. Позиция 8 может заполняться при условии, если позиция 5 = Appr.
3. Показатели 6 и 10 в пределах словоформы не встречаются.
4. Показатели 7 и 10 в пределах словоформы не встречаются.
5. Если показатель 5 = Opt, то позиции 8–11 не заполнены.
6. Если показатель 5 = Hort, то позиции 8–11 не заполнены.
7. Если показатель 5 = Appr, то позиции 10–11 не заполняются.
8. Если показатель 5 = Juss2, то позиции 8–11 не заполняются.
9. Если показатель 5 = Appr, то позиция 9 может быть заполнена.
10. Если показатель 5 = Appr, то позиция 8 может быть заполнена.
11. Если показатель 6 заполнен, то заполняется или позиция 5, или позиция 11.
12. Если показатель 7 заполнен, то заполняется позиция 9.
13. Если показатель 5 = Juss1, то позиции 10–11 могут быть заполнены.
14. При заполнении показателя 5 позиция 2 = нулю.

Источники

НККЯ — Национальный корпус калмыцкого языка [электронный ресурс] // URL: <http://kalmcorp.ru> (дата обращения: 15.09.2015)

Литература

Володин А. П. Ительменский язык. Л.: Наука, 1976. 426 с.
 ГКЯ — Грамматика калмыцкого языка: фонетика и морфология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 336 с.
 Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М.: Языки славян. культуры, 2002. VIII + 752 с. («Studia philologica»)
 Куканова В. В. Словоизменительные модели числительных в свете грамматики порядков в калмыцком языке (на материале Национального корпуса калмыцкого языка) // Вестник Тувинского госуниверситета. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2015. № 4. С. 130–138.
 ОСКЯ — Орфографические правила и Орфографический словарь калмыцкого языка: около 23 000 слов / КИГИ РАН; отв. ред. Э. У. Омакаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2000. 480 с.
 Прохоров К. Н. Калмыцкие формы косвенных наклонений: семантика, морфология, син-

таксис // Исследования по грамматике калмыцкого языка / Ред. С. С. Сай, В. В. Баранова, Н. В. Сердобольская. СПб.: Наука, 2009. (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН, 2009. Том V, часть 2). С. 160–224.

Пюрбеев Г. Ц. Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис. 2-е изд. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 299 с.
 Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков: Глагол. М.: Вост. лит., 1963. 267 с.
 Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001. 798 с.
 Харчевникова Р. П. Система глагола в современном литературном калмыцком языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996. 73 с.
 Харчевникова Р. П. Система глагольных наклонений в современном калмыцком языке. Элиста: КалмГУ, 1995 94 с.
 Cowper E. Finiteness. Manuscript, 2002 [электронный ресурс] // URL: <http://homes.chass.utoronto.ca/~cowper/Cowper.finiteness.pdf> (дата обращения: 15.09.2015).
 Janhunen J. A. Mongolian. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2012. 337 p.

Sources

[Kalmyk National Corpus]. Available at: <http://kalmcorp.ru> (accessed: September 15, 2015). (In Kalm.)

References

[Kalmyk Grammar: Phonetics and Morphology]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1983. 336 p. (In Russ.)
 [Kalmyk Language: Spelling Rules and Dictionary, Approx. 23 000 Lexemes]. Kalmyk Humanities Research Institute of RAS; E. U. Omakeeva (ed.). Elista: Kalmyk Book Publ., 2000. 480 p. (In Kalm. and Russ.)
 Cowper E. Finiteness. Manuscript. 2002. Available at: <http://homes.chass.utoronto.ca/~cowper/Cowper.finiteness.pdf> (accessed: September 15, 2015). (In Eng.)
 Janhunen J. A. Mongolian. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2012. 337 p. (In Eng.)
 Kharchevnikova R. P. [Verb Modes in Modern Kalmyk]. Elista: Kalmyk State University, 1995 94 p. (In Russ.)
 Kharchevnikova R. P. [Verb System in Modern Literary Kalmyk]. Dr.Sc. (philology) thesis abstract. Moscow, 1996. 73 p. (In Russ.)

Kukanova V. V. Inflectional models of numerals in the light of grammar order in the Kalmyk language (based on the National Corpora of the Kalmyk Language). *Vestnik Tuvinskogo gosuniversiteta*. 2015. No. 4. Pp. 130–138. (In Russ.)
 Prokhorov K. N. Kalmyk forms of oblique moods: semantics, morphology, syntax. In: [Kalmyk Grammar Studies]. S. S. Say, V. V. Baranova, N. V. Serdobolskaya (eds.). St. Petersburg: Nauka, 2009. (*Acta Linguistica Petropolitana*. 2009. Vol. V. Part 2). Pp. 160–224. (In Russ.)
 Pyurbееv G. Ts. [Kalmyk Grammar: Syntax]. 2nd ed. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2010. 299 p. (In Russ.)
 Sanzheev G. D. [Comparative Grammar of Mongolic Languages: Verb]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1963. 267 p. (In Russ.)
 Testeleets Ya. G. [Introduction to General Syntax]. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2001. 798 p. (In Russ.)
 Volodin A. P. [Itelmen Language]. Leningrad: Nauka, 1976. 426 p. (In Russ.)
 Zaliznyak A. A. [Russian Nominal Inflexion]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kultury, 2002. VIII + 752 p. (In Russ.)

**КАЛМЫЦКИЕ СКАЗКИ, ЗАПИСАННЫЕ Г. Й. РАМСТЕДТОМ:
ЧАСТОТНОСТЬ ГРАММЕМ*****Kalmyk Tales Recorded by G. J. Ramstedt:
the Frequency of Grammemes***А. О. Бутаева (A. Butaeva)¹, А. Т. Баянова (A. Bayanova)²*

¹ студентка Института калмыцкой филологии и востоковедения Калмыцкого государственного университета (Student of the Institute of Kalmyk Philology and Oriental Studies at Kalmyk State University). E-mail: aisasarpa10@mail.ru.

² заведующий Научной библиотекой им. П. Э. Алексеевой Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Head of the Scientific Library named after P.E. Alekseeva at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: ale-bayanova@yandex.ru.

Статья посвящена описанию количественных данных грамматических характеристик словоформ калмыцкого языка на материале сказок, записанных Г. Й. Рамstedтом во время его экспедиции в Калмыцкую степь. На основе программы TextAnalyzer, разработанной в рамках научно-исследовательской работы в Калмыцком институте гуманитарных исследований РАН, выявлена частотность употреблений частей речи, падежных форм существительных, изъявительного наклонения и залоговых форм глаголов, распределение конвербов и отрицания в сказочных текстах. Предварительные итоги распределения частотных характеристик грамме в калмыцком языке оформлены в виде таблиц, где наглядно показана частотность рассматриваемых словоформ. Проведенный количественный анализ свидетельствует об особом соотношении различных грамме и специфике употребительности отдельных форм в калмыцкой речи. В целом количественные данные указывают на определенную обусловленность употребительности различных грамме многими факторами: от исторического до ситуативного.

Ключевые слова: фольклор, сказка, калмыцкий язык, граммема, частотность, Г. Й. Рамstedт.

The article is devoted to the description of quantitative data of grammatical characteristics of word forms of the Kalmyk language based on the tales recorded by G. J. Ramstedt during his expedition to the Kalmyk steppe. On the basis of the program TextAnalyzer, developed in the framework of the research work at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS, the authors determined the frequency of occurrences of parts of speech, inflected forms of nouns, indicative mood, voice forms of verbs as well as the distribution of converbs and negation in magical texts. Preliminary results of the distribution of frequency characteristics of grammemes in the Kalmyk language are summarized in the table which shows the frequency of the word forms. The quantitative analysis suggests a particular ratio of different grammemes and specifics of usage of separate word forms in the Kalmyk language. In general, quantitative data indicate conditionality of usage of different grammemes depending on many factors: from historical to situational.

Keywords: folklore, tale, Kalmyk language, grammeme, frequency, G.J. Ramstedt.

Фольклорные тексты, в особенности сказки, принадлежат одновременно к художественному и разговорному стилям. В калмыцком языкознании только в последние годы стало возможным проведение количественных исследований: создано программное обеспечение, позволяющее автоматически обрабатывать текстовый

материал, характеризуя словоформу с грамматической точки зрения. В последнее время все чаще говорят о необходимости создания частотной грамматики того или иного языка, что стало возможно только после разработки средств автоматизированной обработки текста как линейной последовательности.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-14-08002/а(р) «Фольклорный текст сквозь призму компьютерных технологий (на материале записей калмыцких сказок Г. Рамstedта)».

В данной работе мы дадим количественную характеристику текстам, принадлежащим определенному жанру — сказкам. Цель работы заключается в описании количественных данных грамматических характеристик словоформ калмыцкого языка на материале сказок, записанных Г. Й. Рамстедтом, который в начале XX в. совершил лингвофольклорную экспедицию в степи Нижнего Поволжья. Ученый работал в ареале функционирования дербетского говора калмыцкого языка.

Тексты сказок были загружены в программу TextAnalyzer, разработанную в рамках научно-исследовательской работы в Калмыцком институте гуманитарных исследований РАН [Kukanova, Kadzhiev 2014]. Сказки имеют разную длину: от 75 словоупотреблений до 3 961 словоупотребления. Всего словоупотреблений 31 162,

из них не разобраны автоматически 2 195 единиц, что составляет 7 % от всего объема словоупотреблений. Омонимия снята в 25 059 словоупотреблениях, что равно 80 % от всего объема текстов и 87 % от объема проанализированных словоформ. Доля как неразобраных лексем, так и омонимичных форм составляет небольшую часть, что позволяет рассматривать результаты количественной обработки текстов как репрезентативные. Оговоримся, что в этой работе мы предлагаем предварительные результаты, поскольку, во-первых, неразобранные слова составляют чуть более 2 тыс., во-вторых, около 10 % содержат омонимичные результаты.

1. Рассмотрим распределение частей речи в текстах сказок. Ниже приведена таблица, в которой содержатся «верхушки» частеречного распределения.

Таблица 1. Распределение частей речи в сказках, записанных Г. Й. Рамстедтом

N + N N ¹ + N N N + N N N N	7654 + 531 + 638 + 97 = 8920
Conv + Conv Conv	6285 + 61 = 6346
V + V V	4368 + 82 = 4450
PTCPL	1626
Pron	1800
ADJ	1445
Num	1083
ADV	651
CONJ	479
POST	465
PART	431
N N ADJ N	362
Pron Num	175
Pron N	172
INTJ	125

Из таблицы видно, что наибольшей частотностью обладает имя существительное, включая лексические омонимы (7 970), за которым следует деепричастие (6 264), затем финитные формы глагола (4 362). Деепричастные формы глаголов весьма частотны, поскольку калмыцкий язык, как и «монгольский <...> характеризуется так называемым алтайским типом сочинения, предполагающим (в сфере глагола) богатую систему деепричастно выраженного такси-

¹ В данной таблице через знак | даются омонимичные разборы

са» [Крылов 2013:]. С. А. Крылов считает, что частотность употребления конвербов обусловлена относительной редкостью употребления союзов. Действительно, в нашем материале частота употребления союзов (479) в 12 раз меньше, чем конвербов (6 346).

Далее следуют причастные формы (1 626), не менее частотными частями речи являются местоимение (1 800) и прилагательное (1 445). В калмыцком языке множество грамматических омонимов, т. е. слов, которые в зависимости от своей позиции

в предложении могут быть либо существительными, либо прилагательными. Отметим, что грамматических омонимов достаточно в текстах сказок, записанных Г. Й. Рамстедтом, что свидетельствует о распространенности изафетных конструкций.

2. Рассмотрим отдельно частотность падежей. В качестве материала мы используем тексты с частично снятой омонимией, поэтому сразу же оговариваем: выводы по употребительности того или иного падежа приведены с определенной долей условности.

Таблица 1. Распределение падежных форм в сказках, записанных Г. Й. Рамстедтом

Помета	Наименование	Аффиксы	Кол-во употреблений
Nom Acc2	Именительный	-Ø	9 405
Gen	Родительный	-а, -ә, -я, -ин, -гин, -ын, -хин, -н	7 277
Acc1	Винительный	-иг, -гиг, -ыг, -г	988
Dat	Дательный	-д, -т	3046
Inst	Творительный	-ар, -әр, -яр, -һар, -һәр, -гар, -гәр	494
Com	Соединительный	-ла, -лә	536
Assoc	Совместный	-та, -тә	393
Abl	Исходный	-ас, -әс, -һас, -һәс, -гас, -гәс	413
Dir	Направительный	-ур, -үр, -юр, -һур, -һүр, -гур, -гүр	89
Term	Предельный	-ца, -цә	0
Voc	Звательный	-а, -ә	0

Частота употребления падежных форм существует и в калмыцком языке: наиболее частотной, как и следовало ожидать, является форма именительного падежа, который омонимичен с формой винительного немаркированного падежа. Любопытно, что форма генитива не слишком сильно в количественном отношении уступает форме именительного падежа. Квантитативные характеристики родительного падежа превышают в 7 раз употребление винительного. Другой частотной падежной формой является форма датива, при этом она значительно превышает употребительность директива (3 046 — 89)¹.

Наглядно выделяются и противопоставляются три группы падежей: 1) высо-

кочастотные формы номинатива, генитива, датива; 2) менее частотные — аккузатива, инструменталиса, комитатива, ассоциатива, аблатива, директива; 3) «нулевая» (исчезнувшие формы) группа предельного и звательного падежей. Несмотря на то, что тексты сказок фиксировались в начале XX в., которые традиционно относят к старокалмыцкому языку, тем не менее, в них уже не присутствуют формы двух последних падежей. Звательный и предельный падежи отличаются от других падежей не только тем, что их формы перестали специально маркироваться, но и тем, что их употребление весьма специфично.

3. Рассмотрим употребительность разных форм деепричастий.

Таблица 3. Распределение конвербов в сказках, записанных Г. Й. Рамстедтом

Помета	Наименование	Аффиксы	Кол-во употреблений
Cond	условное деепричастие	-вас, -вәс, -хла, -хлә	261
Term	предельное деепричастие	-тл	95
Succ	последовательное деепричастие	-хларн, -хләрн	32

¹ О конкуренции дательного и направительного падежа см. [Сай 2009].

Prel	предварительное деепричастие	-м	75
Purp	целевое деепричастие	-хар, -хэр	56
Conc	уступительное деепричастие	-вч, -вчн	43
Prog	продолжительное деепричастие	-сар, -сэр	115
Ipfv	соединительное деепричастие	-жэ, -ч	2 267
Ant	разделительное деепричастие	-ад, -эд, -had, -hэд	3 987
Mod	слитное деепричастие	-н, -л	905

Как видно из вышеприведенной таблицы, наиболее частотными в калмыцком языке являются сопутствующие деепричастия, к которым относятся разделительные (3 987), соединительные (2 267) и слитные (905) деепричастия.

Обладая свойством контекстуальности, т. е. зависимости от формы управляемого глагола, деепричастия в предложении могут обозначать временные оттенки протекания действия: предшествование, одновременность, последовательность, продолжительность и т. д. Наличие большого количества разделительных деепричастий не случайно. Текст сказок повествователен по своей сути, а для сюжетного текста характерна последовательность протекания действия, которая чаще всего выражается при помощи разделительных деепричастий в калмыцком языке. Частотными видами являются соединительные и слитные деепричастия, функ-

ции которых показать одновременность действий, что также характерно для повествовательных текстов в целом.

Вторую группу по частотности употребления в тексте сказок занимают обстоятельственные деепричастия — условные (261), продолжительные (115) и предельные (95). Эти виды деепричастий необходимы в повествовательном тексте для выражения действий, которые являются условием или предпосылкой совершения действия, выраженного основным глаголом; длительно протекающего действия и действия, являющегося пределом для совершения основного действия.

Наименее употребительна группа обстоятельственных деепричастий — предварительные, последовательные, целевые и уступительные.

4. Рассмотрим употребительность разных форм причастий.

Таблица 4. Распределение причастий в сказках, записанных Г. Й. Рамстедтом

Помета	Наименование	Аффиксы	Кол-во употреблений
Pass	страдательное причастие	-ата, -этэ	52
Pros	причастие возможности	-м, -мр	75
Pres	причастие настоящего времени	-а, -э, -ha, -hэ	7
Mom	однократное причастие настоящего времени	-гч	8
Hab	многократное причастие настоящего времени	-дг	699
Perf	причастие прошедшего времени	-сн	675
Fut	причастие будущего времени	-х	378

Как видно из вышеприведенной таблицы, частотность употребления многократных причастий настоящего времени, причастий прошедшего и будущего времени достаточна велика. Частота употребления многократных причастий настоящего времени и причастий прошедшего времени обусловлена тем, что они в предложении чаще всего выступают в роли сказуемого

и обозначают действие, не локализованное условными временными рамками и «совершающееся повседневно, постоянно и многократно» [Грамматика 1983: 244]. Причастия будущего времени выражают модальность отношения говорящего к моменту речи.

5. Рассмотрим употребительность форм изъявительного наклонения.

Таблица 5. Распределение форм изъявительного наклонения в сказках, записанных Г. Й. Рамстедтом

Помета	Наименование	Аффиксы	Кол-во употреблений
Pres	настоящее время	-на, -нэ	2 384
Cont	настоящее длительное	-а, -э, -һа, -һэ	0
Progr	настоящее актуальное время	-жана, -жэнэ, -чана, -чэнэ	279
Evd	прошедшее результативное время	-жэ	55
Pst	недавнепрошедшее время	-в	1 375
Rem	давнепрошедшее время	-ла, -лэ	212

Как видно из выше приведенной таблицы, наиболее часто в тексте сказок употребляются глаголы изъявительного наклонения в настоящем времени. Это объясняется тем, что в сюжетном тексте наблюдается четкое отношение говорящего к моменту

речи. В тексте встречается много конструкций с прямой речью, где употребляются обычно глаголы настоящего и будущего времени.

6. Рассмотрим употребительность залоговых форм.

Таблица 5. Распределение залоговых форм в сказках, записанных Г. Й. Рамстедтом

Помета	Наименование	Аффиксы	Кол-во употреблений
Pass	страдательный залог	-д, -гд	97
Caus1	побудительный залог	-а, -э, -гэ, -һа, -һ, -г, -к, -кэ, -лг, -лһ, -х, -ха	569
Caus2	побудительный залог	-ул, -үл, -юл	243
Soc	совместный залог	-лиц	402
Recp	взаимный залог	-лд	88

Как видно из вышеприведенной таблицы, наглядно выделяется частое употребление глаголов побудительного (каузативного) и совместного залогов. Побудительность является функцией, посредством которой в процессе коммуникации осуществляется

регулирование поведения людей. В тексте сказок встречается много ситуаций, когда побуждение в виде приказа, требования, запрета, просьбы, совета, приглашения, увещания, предостережения требует от героев обязательного выполнения.

¹ Отрицание рассматривалось в работе [Баранова 2014].

Частое употребление совместного за-
лога объясняется тем, что в сказочных
текстах присутствует большое количество
персонажей, и действия в них совершаются

несколькими лицами сразу.

7. Рассмотрим употребительность отри-
цания.

Таблица 5. Распределение отрицания в сказках,
записанных Г. Й. Рамстедтом

Отрицание	Кол-во употреблений
эс	78
уга	306
-го	25
биш	24
бичэ	2
-ш	43

Как и следовало ожидать, в текстах сказок наиболее употребительной является постпозиционная частица *уга*. Эта частица сочетается с именем существительным, причастием и деепричастием, имеет также самостоятельное лексическое значение.

Наименьшее количество употребления отрицания *-го* объясняется тем, что тенденция к утрате отрицательного значения и стяжения *уга* в *-го* появилась значительно позже. В начале XX века наиболее употребительной была форма отрицания *уга*.

Препозиционная частица *эс* занимает второе место по частоте употребления. Как показатель отрицания эта частица широко употребляется в калмыцком языке, она сочетается с причастиями будущего и про-

шедшего времени, деепричастиями, глаголами изъявительного наклонения.

Таким образом, в данной работе представлены предварительные итоги распределения частотных характеристик граммем в калмыцком языке на материале сказочных текстов, записанных финским ученым Г.Й. Рамстедтом и по своим характеристикам относящихся к разговорному стилю речи. Проведенный количественный анализ свидетельствует об особом соотношении различных граммем и специфике употребительности отдельных форм в калмыцкой речи. В целом количественные данные указывают на определенную обусловленность употребительности различных граммем в зависимости от многих факторов: от исторического до ситуативного.

Литература

Баранова В. В. Отрицание в калмыцком языке: изменение системы и распределение форм // Системные изменения в языках России, СПб., 16–18 октября 2014 г. <http://iling.spb.ru/conf/syschanges2014/materials/baranova.pdf>.
Грамматика калмыцкого языка. Морфология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. 115 с.
Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 335 с.
Крылов С. А. Опыт изучения современного монгольского языка в количественном аспекте //

Вопросы языкознания. 2013. №5. С. 46–57.
Сай С. С. Грамматический очерк калмыцкого языка // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. V. Ч. 2. Исследования по грамматике калмыцкого языка. СПб.: Наука, 2009. С. 622–709.
Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М.: Изд-во вост. лит., 1963. 267 с.
Kukanova V., Kadzhiev A. The Algorithm Of Work For The Morphological Parser Of The Kalmyk Language // Антоон Мостерт. Эрхэлсэн Г. Цэцэгдарь. Улаанбаатар, 2014. Боть II (12). X. 85–92.

References

[Kalmyk Grammar: Morphology]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1966. 115 p. (In Russ.)
[Kalmyk Grammar: Phonetics and Morphology]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1983. 335 p. (In Russ.)
Baranova V. V. Kalmyk negation: system changes and distribution of forms. In: [System Changes in Languages of Russia]. Conf. proc. (St. Petersburg; October 16–18, 2014). Available at: <http://iling.spb.ru/conf/syschanges2014/materials/baranova.pdf> (In Russ.)
Krylov S. A. A quantitative study of Mongolian.

Voprosy Jazykoznanija. 2013. No. 5. Pp. 46–57. (In Russ.)
Kukanova V., Kadzhiev A. The algorithm of work for the morphological parser of the Kalmyk language. *Oyuuny Khelkhee*. 2014. Vol. II. Pp. 85–92. (In Eng.)
Sanzheev G. D. [Comparative Grammar of Mongolic Languages: Verb]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1963. 267 p. (In Russ.)
Say S. S. Kalmyk language: a grammar essay. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2009. Vol. V. Part 2: Studies in Kalmyk Grammar. Pp. 622–709. (In Russ.)

КАЛМЫЦКИЕ СКАЗКИ, ЗАПИСАННЫЕ Г. Й. РАМСТЕДТОМ: ОПЫТ КВАНТИТАТИВНОГО АНАЛИЗА*

**Kalmyk Tales, Recorded by G. J. Ramstedt:
Experience of Quantitative Analysis**

В. В. Куканова (V. Kukanova)¹, Б. Б. Горяева (B. Goryaeva)²

¹ кандидат филологических наук, заведующий отделом теоретической и экспериментальной лингвистики Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of Philology, Head of Laboratory of Theoretical and Experimental Linguistics at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: vika.kukanova@gmail.com.

² кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела фольклора и джангароведения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of Philology, Senior Scientist of Folklore and Dzhangar Studies Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: baira79@yandex.ru.

Статья посвящена проблеме создания частотных словарей на материале калмыцкого языка. С помощью компьютерных технологий авторами создан частотный список, в котором эксплицированы тексты калмыцких сказок, записанных финским ученым Г. Й. Рамстедтом во время его путешествия в степи Нижнего Поволжья. С помощью методов квантитативного анализа выявлены частотные и нечастотные элементы калмыцкого языка в тексте, которые отбирались по нескольким статистическим показателям: абсолютной частоте словоупотребления, общей частоте, по коэффициентам D и R. Приведенные количественные показатели можно использовать для создания структурно-вероятностной модели языка. Актуальность создания подобной модели несомненна. Частотные списки позволяют определить границы лексической системы языка сказок, которая имеет свое ядро и периферийные поля, а также использовать в прикладных целях: с наиболее частотных единиц, как правило, начинается обучение языку, объясняется каково их значение и как использовать их в речи, что в свою очередь создаст теоретическую базу для распределения лексем по уровням изучения языка.

Ключевые слова: фольклор, сказка, калмыцкий язык, частотность, частотный словарь, квантитативная лингвистика, квантитативный анализ, Г. Й. Рамстедт.

The article is devoted to the creation of frequency dictionaries on the material of the Kalmyk language. With the help of computer technology, the authors created a frequency list in which they explicated the texts of Kalmyk tales, recorded by Finnish scholar G. J. Ramstedt during his travels in the steppes of the Lower Volga Region. Using the methods of quantitative analysis, frequent and non-frequent elements of the Kalmyk language, collected by several statistical indexes (absolute frequency of word usage, common frequency, the coefficients D and R) were identified in the text. Quantitative indexes can be used to create a structural-probabilistic model of language. The relevance of such model is undeniable. Frequency lists allow you to define the boundaries of the lexical system of fairy tales, which has its own core and peripheral fields, and to use for applied purposes: since teaching begins with the most frequent units and explaining their meaning and how to use them in speech, it will create a theoretical base for the distribution of tokens according to the levels of language learning.

Keywords: folklore, tale, the Kalmyk language, frequency, frequency dictionary, quantitative linguistics, quantitative analysis, G.J. Ramstedt.

В последние годы с развитием информационных технологий становится легче и быстрее создавать частотные списки, в которых эксплицирована структурно-вероятностная модель того или иного языка, определенного текста или подборки текстов определенного жанра или автора. Методы квантитативной лингвистики приобретают все больший интерес среди исследователей, поскольку результаты количественной обработки текстов можно применить в решении не только приклад-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-14-08002/a(p) «Фольклорный текст сквозь призму компьютерных технологий (на материале записей калмыцких сказок Г. Рамстедта)».

ных задач, но и фундаментальных теоретических проблем. Частотный словарь «... включает в себя упорядоченный список слов или других языковых единиц (словоформы, словосочетания), которые зарегистрированы составителем в обследованном им тексте, фрагменте текста или корпусе текстов и снабжены данными о частоте их употребления в тексте (речи). С его помощью можно попытаться ответить на вопросы: как много слов в языке (тексте), с какой интенсивностью они используются в речи, какие из них предпочтительнее в той или иной сфере коммуникации у того или иного автора и т. д.» [Долинский 2004: 285].

Создание частотных словарей на материале русского языка имеет уже продолжительную историю, начиная с 1950-х гг. [см.: Лённгрен 1993; Степанова 1976; Частотный словарь ... 1977]. Венцом развития отечественной квантитативной лингвистики, конечно, стал Частотный словарь, основанный на материале Национального корпуса русского языка [Ляшевская, Шаров 2009], который насчитывал на момент работы над словарем 100 млн словоупотреблений¹. Именно этот словарь послужил нам примером и ориентиром в работе над созданием нашего Списка.

В данной работе мы рассмотрим результаты квантитативного анализа сказочных текстов, записанных Г.И. Рамstedтом в начале XX в. Во время путешествия в калмыцкие степи исследователь собрал обширный фольклорный материал: 22 сказки, около 100 загадок, 200 пословиц, 40 народных песен. Кроме того, он «записал 20 фонограмм калмыцких мелодий, а также сделал множество фотографических снимков из жизни калмыков» [Отчет ... 1904: 13].

Калмыцкие сказки были изданы в двух частях. Первая часть, состоящая из 154 страниц и содержащая 18 сказок, была издана в 1909 г. [Kalmückische ... 1909]. Вторую часть (с. 155–237) ученый планировал издать на следующий год, но она увидела свет только в 1919 г. и содержала сказки под номерами 19–22 [Kalmückische ... 1919]. Обе части издания калмыцких сказок вышли без предисловия. Г. И. Рамstedт собирался издать серию книг, посвященных калмыцкому фольклору: сказки, пословицы, поговор-

¹ Ср. с частотным словарем под ред. Л. Н. Засориной, который основан на текстах общим объемом 1 млн словоупотреблений [Частотный словарь ... 1977].

ки, песни и эпические сказания. Он намеревался собрать дополнительный материал по калмыцкому фольклору в последующих своих экспедициях к волжским калмыкам, однако этого не удалось сделать: фольклорные записи увидели свет в разрозненных изданиях (журнальном и книжном вариантах).

Сказки, зафиксированные Г.И. Рамstedтом, были набраны одним из авторов статьи (А. О. Бутаевой) в фонетической транскрипции, затем автоматически сегментированы на предложения, которые были соотнесены с переводом на немецкий язык (3 192 параллельных блока). Записи были набраны в соответствии с концепцией, принятой разработчиками фольклорного подкорпуса² [Куканова, Манджиева, Горяева 2013]. Тексты были переложены Б. Б. Горяевой на современную калмыцкую орфографию с сохранением диалектной лексики.

Главная идея создания частотных списков заключается в том, что наиболее частотная единица является наиболее важной в системе, и в то же время нечастотные элементы свидетельствуют о неупотребительности лексической единицы в речи и занимают уникальное место в лексической системе. Они могут содержать следы исторического развития, принадлежать той или иной терминологической системе.

«Верхушки» созданных частотных списков словоформ и лемм приведены ниже в таблицах. Поскольку принят за основу Частотный словарь, основанный на материале Национального корпуса русского языка [Ляшевская, Шаров 2009], мы взяли следующие статистические показатели.

1. Абсолютная частота словоупотребления (2).

2. Ipm (instances per million words), общая частота употребления на миллион слов условного корпуса (4).

3. Ранг (R), который присваивается в зависимости от частоты словоупотребления в текстах. Так, самое частотное слово получает ранг 1, следующее — ранг 2 и т. д. (5).

4. Коэффициент D (введен А. Жюйяном) для определения показателя равномерности распределения того или иного слова в различных текстах корпуса в пределах интервала 0–100 (3).

5. Показатель R (%) для определения количества текстов, в которых встретилось слово (6).

² В рамках Национального корпуса калмыцкого языка (kalmcorpora.ru).

1. «Верхушка» частотного списка словоформ, отсортированного по абсолютной частоте и рангу

Текст	Частота	D	IPM	R	R(%)
1	2	3	4	5	6
гиж	691	82	16655	1	90
болна	526	66	12678	2	59
нег	503	79	12123	3	100
гihэд	394	73	9496	4	100
гинэ	347	71	8363	5	68
авад	331	83	7978	6	100
келв	331	74	7978	6	95
уга	306	75	7375	8	90
көвүн	300	69	7230	9	77
өвгэн	298	68	7182	10	72
хойр	267	78	6435	11	95
һарад	254	82	6122	12	86
ирэд	211	84	5085	13	100
күн	200	79	4820	14	90
күрэд	183	79	4410	15	72
эн	179	80	4314	16	81
ирнэ	179	70	4314	16	72
эмгнэ	169	79	4073	18	72
бээнэ	147	71	3543	19	77
тер	145	78	3494	20	86
күүкэн	145	66	3494	20	63
би	142	73	3422	22	86
һурвн	141	79	3398	23	86
хар	140	69	3374	24	54
авч	132	82	3181	25	86
ик	129	79	3109	26	77
бээдг	129	65	3109	26	54
чигн	125	66	3012	28	68
санж	124	86	2988	29	90
болад	121	76	2916	30	63
ирв	120	77	2892	31	77
хан	119	68	2868	32	59
йовна	115	74	2771	33	77
келжэнэ	114	73	2747	34	77
йовад	110	76	2651	35	77
күрч	108	77	2603	36	90
хаана	107	69	2578	37	68
келэд	100	79	2410	38	77

Самой частотной словоформой в сказках является слово *гижэ*, что не случайно. Если сравнить с данными по частотам в русском языке, то одним из частотных слов является союз *что*. Однако в калмыцком языке словоформа *гижэ* является грамматическим омонимом и может выступать как соеди-

нительное деепричастие от глагола *гих* 'говорить' и как союз. Отметим, что в список частотных единиц попали словоформы, которые обозначают речевые действия: *гihэд*, *гинэ*, *келв*, *келжэнэ*, *келэд*. Среди частотных глаголов можно обнаружить глаголы движения: *һарад*, *ирэд/ирв*, *йовад*.

2. «Верхушка» частотного списка словоформ, отсортированного по коэффициенту D

Текст	Частота	D	IPM	ABS	R	R(%)
<i>санжэ</i>	124	86	2988	20916	29	90
<i>ирэд</i>	211	84	5085	35595	13	100
<i>авад</i>	331	83	7978	55846	6	100
<i>авч</i>	132	82	3181	22267	25	86
<i>гижэ</i>	691	82	16655	116585	1	90
<i>һарад</i>	254	82	6122	42854	12	86
<i>одв</i>	86	81	2072	14504	47	77
<i>амр</i>	22	80	530	3710	216	68
<i>кезэнэ</i>	27	80	650	4550	168	77
<i>эн</i>	179	80	4314	30198	16	81
<i>деер</i>	64	80	1542	10794	61	68
<i>тиигжэ</i>	33	80	795	5565	134	72
<i>нег</i>	503	80	12123	84861	3	100
<i>ик</i>	129	79	3109	21763	26	77
<i>күрэд</i>	183	79	4410	30870	15	72
<i>эмгнэ</i>	169	79	4073	28511	18	72
<i>һурвн</i>	141	79	3398	23786	23	86
<i>келэд</i>	100	79	2410	16870	38	77
<i>хойр</i>	267	79	6435	45045	11	95
<i>мини</i>	77	79	1855	12985	54	63
<i>күн</i>	200	79	4820	33740	14	90
<i>залу</i>	68	79	1638	11466	57	72
<i>гертэн</i>	63	78	1518	10626	63	77
<i>тер</i>	145	78	3494	24458	20	86
<i>чи</i>	81	78	1952	13664	49	72
<i>һазр</i>	55	78	1325	9275	72	68
<i>бээжэ</i>	31	78	747	5229	146	68
<i>күрч</i>	108	77	2603	18221	36	90
<i>ирв</i>	120	77	2892	20244	31	77
<i>тегэд</i>	81	77	1952	13664	49	72
<i>жсирһэд</i>	12	77	289	2023	415	50
<i>бэржэ</i>	33	76	795	5565	134	54
<i>йовад</i>	110	76	2651	18557	35	77
<i>болад</i>	121	76	2916	20412	30	63

<i>хэрж</i>	13	76	313	2191	379	50
<i>уга</i>	306	75	7375	51625	8	90
<i>орад</i>	89	75	2145	15015	45	81
<i>хот</i>	18	75	433	3031	268	50
<i>юмн</i>	60	75	1446	10122	68	68
<i>алад</i>	53	75	1277	8939	75	72
<i>келв</i>	331	75	7978	55846	6	95
<i>келж</i>	31	75	747	5229	146	54
<i>болж</i>	28	74	674	4718	164	54
<i>кеһад</i>	45	74	1084	7588	92	63
<i>одна</i>	49	74	1181	8267	77	77
<i>һаза</i>	18	74	433	3031	268	54
<i>хәрәд</i>	15	74	361	2527	318	50
<i>гилһад</i>	394	74	9496	66472	4	100
<i>йовна</i>	115	74	2771	19397	33	77
<i>тана</i>	22	74	530	3710	216	50
<i>һарһад</i>	26	74	626	4382	178	50
<i>орж</i>	34	74	819	5733	129	59
<i>ю</i>	68	74	1638	11466	57	72
<i>би</i>	142	73	3422	23954	22	86
<i>келжәнә</i>	114	73	2747	19229	34	77
<i>нанд</i>	48	73	1156	8092	81	68
<i>юн</i>	95	73	2289	16023	41	68
<i>тиигхлә</i>	76	73	1831	12817	55	72
<i>һарна</i>	47	73	1132	7924	86	59
<i>гер</i>	24	72	578	4046	195	54
<i>улан</i>	65	72	1566	10962	60	50
<i>тал</i>	32	72	771	5397	138	50
<i>чамд</i>	22	72	530	3710	216	54
<i>ардаснь</i>	25	72	602	4214	189	54
<i>бәәв</i>	60	72	1446	10122	68	63
<i>босад</i>	35	72	843	5901	123	50
<i>ав</i>	29	72	698	4886	154	54
<i>авна</i>	29	72	698	4886	154	54
<i>бичг</i>	42	72	1012	7084	101	54
<i>йовсн</i>	44	72	1060	7420	94	63
<i>бәәсн</i>	50	72	1205	8435	76	63
<i>олж</i>	23	72	554	3878	206	45
<i>гиллә</i>	32	71	771	5397	138	59
<i>цокад</i>	35	71	843	5901	123	50
<i>менд</i>	43	71	1036	7252	97	54
<i>кевтән</i>	26	71	626	4382	178	54

унад	13	71	313	2191	379	40
бээнэ	147	71	3543	24801	19	77
дахулад	19	71	457	3199	251	45
уунад	19	71	457	3199	251	45
йовжэ	63	71	1518	10626	63	63
хөр	21	71	506	3542	229	40
гинэ	347	71	8363	58541	5	68
мана	43	71	1036	7252	97	68
авн	20	71	482	3374	239	45
ир	28	71	674	4718	164	54
иржэ	36	71	867	6069	115	59

В таблице приведены данные по распределению словоформ относительно друг друга в линейной последовательности. Отсутствует единица, которая занимала бы стопроцентную позицию по равномерному распределению. Более или менее равномерно распределены указанные в таблице словоформы.

3. «Верхушка» частотного списка словоформ, отсортированного по коэффициенту R

Текст	Частота	D	IPM	ABS	R	R(%)
нег	503	80	12123	84861	3	100
гинэд	394	74	9496	66472	4	100
авад	331	83	7978	55846	6	100
ирэд	211	84	5085	35595	13	100
келв	331	75	7978	55846	6	95
хойр	267	79	6435	45045	11	95
гигжэ	691	82	16655	116585	1	90
уга	306	75	7375	51625	8	90
күн	200	79	4820	33740	14	90
санжэ	124	86	2988	20916	29	90
күрч	108	77	2603	18221	36	90
һарад	254	82	6122	42854	12	86
тер	145	78	3494	24458	20	86
би	142	73	3422	23954	22	86
һурвн	141	79	3398	23786	23	86
авч	132	82	3181	22267	25	86
эн	179	80	4314	30198	16	81
орад	89	75	2145	15015	45	81
һарч	67	67	1614	11298	59	81
көвүн	300	69	7230	50610	9	77
бээнэ	147	71	3543	24801	19	77
ик	129	79	3109	21763	26	77
ирв	120	77	2892	20244	31	77
йовна	115	74	2771	19397	33	77
келжээнэ	114	73	2747	19229	34	77

<i>йовад</i>	110	76	2651	18557	35	77
<i>келэд</i>	100	79	2410	16870	38	77
<i>окна</i>	89	71	2145	15015	45	77
<i>одв</i>	86	81	2072	14504	47	77
<i>ода</i>	82	70	1976	13832	48	77
<i>гертэн</i>	63	78	1518	10626	63	77
<i>одна</i>	49	74	1181	8267	77	77
<i>кезэнэ</i>	27	80	650	4550	168	77
<i>өвгэн</i>	298	69	7182	50274	10	72
<i>күрэд</i>	183	79	4410	30870	15	72
<i>ирнэ</i>	179	70	4314	30198	16	72
<i>эмгнэ</i>	169	79	4073	28511	18	72
<i>чи</i>	81	78	1952	13664	49	72
<i>тегэд</i>	81	77	1952	13664	49	72
<i>тигхлэ</i>	76	73	1831	12817	55	72
<i>залу</i>	68	79	1638	11466	57	72
<i>ю</i>	68	74	1638	11466	57	72
<i>алад</i>	53	75	1277	8939	75	72
<i>тигжэ</i>	33	80	795	5565	134	72

Данный показатель R (так называемая покрываемость текста лексической единицей) указывает на то, насколько часто та или иная единица используется в разных текстах. Возьмем, к примеру, словоформы

нег, гихэд, авад, ирэд, которые используются во всех 22 текстах сказок, что свидетельствует о том, что данные единицы носят универсальный характер.

4. «Верхушка» частотного списка лемм, отсортированного по абсолютной частоте словоупотребления

R	Текст	Частота
1	<i>гих</i>	1672
2	<i>болх</i>	985
3	<i>келх</i>	847
4	<i>ирх</i>	757
5	<i>авх</i>	676
6	<i>йовх</i>	593
7	<i>негн</i>	540
8	<i>нарх</i>	473
9	<i>бээх</i>	395
10	<i>көвүн</i>	368
11	<i>би</i>	340
12	<i>уга</i>	336
13	<i>хан</i>	325
14	<i>күрх</i>	317
15	<i>хойр</i>	317

16	<i>өвгн</i>	578
17	<i>күн</i>	313
18	<i>одх</i>	288
19	<i>бээх</i>	264
20	<i>өгх</i>	218
21	<i>эмгн</i>	213
22	<i>орх</i>	208
23	<i>күүкн</i>	204
24	<i>тер</i>	192
25	<i>һурвн</i>	187
26	<i>юн</i>	174
27	<i>эн</i>	172
28	<i>окх</i>	166
29	<i>чи</i>	161
30	<i>кех</i>	153
31	<i>эмгн</i>	149

33	<i>алх</i>	148
34	<i>хар</i>	140
35	<i>сурх</i>	135
36	<i>ик</i>	131
37	<i>идх</i>	130
38	<i>чигн</i>	125

39	<i>махн</i>	120
40	<i>куукн</i>	116
41	<i>һазр</i>	110
42	<i>ах</i>	102
43	<i>юмн</i>	102

Как и в русском языке, самыми частотными единицами в калмыцких сказках является речевой глагол *гих* ‘говорить’ (1672), полужнаменательный глагол *болх* ‘становиться’ (985), речевой глагол *келх* ‘говорить, сказать’ (757), глаголы движения *ирх* ‘прийти’ (757) и *йовх* ‘идти’, *авх* ‘брат’ (676). Среди существительных можно выделить *өвгн* ‘старик’ (578), *көвүн* ‘мальчик’ (368), *хан* ‘хан’ (325) и др.

Таким образом, приведенные количественные показатели можно использовать для создания структурно-вероятностной модели языка сказочных текстов, записанных

Г. Й. Рамстедтом. Актуальность создания подобной модели несомненна. Во-первых, частотные списки позволяют определить границы лексической системы языка сказок, которая имеет свое ядро и периферийные поля (т. е. частотные и нечастотные элементы). В аспекте практической значимости создание частотных списков можно использовать в прикладных целях: с наиболее частотных единиц, как правило, начинается обучение языку, объясняется, каково их значение и как использовать их в речи, что в свою очередь создаст теоретическую базу для распределения лексем по уровням изучения языка.

Литература

Долинский В. А. Квантитативная лингвистика в исследовании текста // Алфавит: Структура повествовательного текста. Синтагматика. Парадигматика. Смоленск: СГПУ, 2004. С. 283–324.

Куканова В. В., Манджиева Б. Б., Горяева Б. Б. Оцифровка фольклорных произведений: вызовы и решения // Известия Высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. 2013. № 6. С. 123–129.

Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. 1112 с.

Лённгрен Л. (ред.). Частотный словарь современного русского языка [Lönnngren, Lennart. The Frequency Dictionary of Modern Russian. Acta

Univ. Ups., Studia Slavica Upsaliensia Uppsala 32]. Uppsala, 1993. 188 с.

Отчет д-ра Г.Й. Рамстедта за 1903 год // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. 1904. №2. С. 11–14

Степанова Е. М. Частотный словарь общенаучной лексики. М.: Просвещение, 1976. 87 с.

Частотный словарь русского языка / под ред. Л. Н. Засориной. М.: Русский язык, 1977. 936 с.

Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Erster Teil. Kalmückische Märchen. – Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 1909. 154 s.

Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Zweiter Teil. Kalmuckische Märchen. Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 1919. S. 155–237.

References

[Frequency Dictionary of the Russian Language]. L. N. Zazorina (ed.). Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 936 p. (In Russ.)

[Kalmyk Speech Patterns. Collected and Published by G. J. Ramstedt]. Part 1: Kalmyk Tales. – Helsinki: Finno-Ugric Society, 1909. 154 p. (In Kalm. and Germ.)

[Kalmyk Speech Patterns. Collected and Published by G. J. Ramstedt]. Part 2: Kalmyk Tales. Helsinki: Finno-Ugric Society, 1919. Pp. 155–237. (In Kalm. and Germ.)

1903 Yearly Report by Dr. G. J. Ramstedt. *Izvestiya Russkogo komiteta dlya izucheniya Sredney i Vostochnoy Azii*. 1904. No. 2. Pp. 11–14. (In Russ.)

Dolinsky V. A. Quantitative linguistics in textual studies. In: [Alphabet: Structure of a Narrative

Text. Syntagmatics. Paradigmatics]. Smolensk: Smolensk State Pedagogical University, 2004. Pp. 283–324. (In Russ.)

Kukanova V. V., Mandzhieva B. B., Goryaeva B. B. Digitizing folklore texts: challenges and solutions. *Bulletin of Higher Institutes. North Caucasus Region*. 2013. No. 6. Pp. 123–129. (In Russ.)

Lönnngren L. The Frequency Dictionary of Modern Russian. Uppsala, 1993. 188 p. (In Russ. and Swed.)

Lyashevskaya O. N., Sharov S. A. [Frequency Dictionary of Modern Russian: a Case Study of Russian National Corpus]. Moscow: Azbukovnik, 2009. 1112 p. (In Russ.)

Stepanova E. M. [Frequency Dictionary of Common Scientific Terms]. Moscow: Prosveshchenie, 1976. 87 p. (In Russ.)

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ ALI И ALIBA
В ОЙРАТСКИХ ПЕРЕВОДАХ С ТИБЕТСКОГО ЯЗЫКА
(на материале сутры «Царь благих пожеланий»)**

**The Peculiarities of Functioning of Interrogative Pronouns
Ali and *Aliba* in the Oirat Translations from the Tibetan Language
(the Case Study of the Sutra “King of Aspiration Prayers”)**

Г. Б. Корнеев (G. Korneev)¹

¹ младший научный сотрудник отдела письменных памятников, литературы и буддологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Researcher of the Written Monuments, Literature and Buddhology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: cecerlig88@mail.ru.

В статье рассматриваются особенности функционирования двух семантически близких вопросительных адъективных местоимений *ali* и *aliba* в ойратском переводе тибетского памятника «Царь благих пожеланий» в контексте адаптации буддийской литературы и классических текстов. Сравнительный анализ перевода и оригинала текста позволяет выявить различия в семантике вышеуказанных местоимений, а также проследить принцип подбора переводчиком (Зая-пандитой) ойратских эквивалентов тибетским словам.

Ключевые слова: переводческая традиция, тибетский язык, ойратский язык, вопросительные адъективные местоимения, ойратские эквиваленты.

Zaya Pandita Namkhai Jamtsu's translated works are distinguished by high degree of accuracy in the translation of grammar peculiarities of the written Tibetan language into the Oirat language. The article considers the peculiarities of functioning of the two semantically close adjectival interrogative pronouns *ali* and *aliba* as Tibetan equivalents of the interrogative pronouns *gang* and its forms: *gang rnam* и *gang yang* in the Oirat translation of the Tibetan sutra „King of Aspiration Prayers“. The article observes the principle of the translator's selecting the Oirat equivalents to every Tibetan words and reveals the difference between the pronouns *ali* and *aliba*. The first of them has an interrogative function, while the second expresses generalization, imprecision and uncertainty.

Keywords: translation tradition, Tibetan language, Oirat language, adjectival interrogative pronouns, Oirat equivalents.

Большой вклад в распространение буддийского канона среди монголоязычных народов внесли переводчики — знатоки санскрита, тибетского языка, монгольской и ойратской письменностей. Переводы с тибетского на монгольский и ойратский письменные языки, хотя и были сопряжены с огромными трудностями, оказали огромное влияние на формирование переводческой и лексикографической традиций монголоязычных народов, развитие сопоставительных исследований тибетского и монгольских языков [Лувсанбалдан 1986; Яхонтова 1996; Орловская 2000; Цендина 2001; Сазы-

кин 2003; Ойратский словарь поэтических выражений 2010; Омакаева 1987; 2010; Батнайрамдал, Мөнх-Эрдэнэ 2010; Музраева 2012; Чоймаа 2015 и др.].

Труды известного ойратского просветителя, талантливого переводчика, Зая-пандиты Намкай Джамцо предварили окончательное сложение направления «дословного перевода» (монг. *үгчилэн орчуулалга*) в переводческой деятельности монголов.

Принципы перевода, разработанные ойратским просветителем, послужили основой для формирования лексических и синтаксических норм перевода с тибетского языка

на монгольский в XVIII–XIX вв. — периода, когда принципы перевода буддийских сочинений были нормативно закреплены и регламентированы, а без знания тибетского оригинала переводные сочинения понять стало практически невозможно.

Переводы Зая-пандиты не столь жестко регламентированы, как работы поздних монгольских переводчиков, однако в них наблюдается и устойчивый перевод тибетских слов, зачастую противоречащий стилистическим и синтаксическим нормам монгольской грамматики, и редкие, сложные, нехарактерные для живой монгольской речи грамматические конструкции, возникшие под влиянием синтаксиса тибетского языка, а также словосочетания и предложения, созданные искусственно и иногда нарушающие правила монгольского языка.

Ойратские переводы Зая-пандиты не раз привлекали внимание исследователей, в том числе с точки зрения языковых особен-

ностей [Лувсанбалдан 1986; Яхонтова 1996; Омакаева 1995 и др.].

Одной из особенностей ойратской версии сутры «Царь благих пожеланий», перевод которой был осуществлен Зая-пандитой, является устойчивое использование вопросительных адъективных местоимений *ali* и *aliba* как эквивалентов тибетского вопросительного местоимения *gang* и его форм *gang rnam*s и *gang yang* [Ходж 1997; Рерих 2001; Парфионович 2007 и др.].

Тибетское вопросительное местоимение *gang* имеет значение «кто, что, какой, который, любой, который из них». Зая-пандитой, как и другими монгольскими переводчиками, оно переводится на ойратский язык вопросительным адъективным местоимением *ali*. Примером того, что монгольские переводчики единодушны в подборе эквивалента этого местоимения, может послужить строка из буддийского сочинения «Манджушри нама сангити»:

Тиб. *rab gsung gang lags bshad du gsol* [bstod-smon: 235].

Ч.О. *ali tede tegüni nomlan soyurq-a*

А.Г. *dayulan abuysan ali sayin nomlan soyurq-a*

З.П. *doun-du abuči ali bui nomlon soyirxo*

Аг.Г. *dayun egesig ali бүкүү nomlan soyurq-a* [Монгольские переводы 2006: 54].

Рус. В превосходных речах **кто** наставить изволит?

Убедившись, что монгольским эквивалентом тибетского вопросительного местоимения *gang* является вопросительное адъективное местоимение *ali*, рассмотрим употребление этого место-

имения и формы *aliba* в тексте другого буддийского сочинения, переведенного Зая-пандитой. В памятнике «Царь благих пожеланий» нами зафиксированы следующие примеры:

Тиб. *'das-pa'i sangs rgyas rnam dang phyogs bcu-yi*

Ойр. *nöqčiqsön xamuq burxan kige:d arban zügiyin ||*

Рус. Всем ушедшим [в нирвану] буддам и в десяти направлениях

Тиб. *'jig-rten dag-na gang bzhags mchod-gyur cig*

Ойр. *yertüncüdü ali aqsadi takin*

Рус. Вселенной **тем** существующим [Буддам совершаю] подношения.

Тиб. *gang yang ma-byon de-dag rab-myur-bar*

Ойр. *aliba ire: ödüi tede maši türgene*

Рус. **Когда бы ни было** в будущем, [пусть] они очень быстро

Тиб. *bsam-rdzogs byang-chub rim-par sangs-rgyas spyon*

Ойр. *sanagsan бүтен bodhi-du ulam burxan bolun*

Рус. Осуществляя свои намерения, в просветлении став буддой... [13]¹.

¹ В работе принят следующий принцип нумерации стихов и стихотворных строк: первая цифра обозначает номер четверостишия, вторая и последующие — порядковые номера строк.

Местоимения *aliba* и *ali* выполняют такие же синтаксические функции, как и прилагательные, т. е. могут быть определением или именной частью сказуемого [Яхонтова 1996: 73]. Н. С. Яхонтова отмечает, что ме-

стоимение *ali*, находясь перед причастием, которое является определением к существительному, имеет значение 'какой бы ни, любой' [Яхонтова 1996: 77].

Тиб. *bzang-po spyod-pa'i smon-lam bsngos-pa yi*

Ойр. *sayin yabudaliyin irö:l irö:qsön-ye:r*

Рус. Посвящением благих пожеланий о высшем Пути

Тиб. *bsod-nams dam-pa mtha'yas gang thob des*

Ойр. *kiza:r ügei de:dü buyani ali olugsan töüge:r*

Рус. Обретением тех высших, **каких бы ни было** безграничных добродетелей [61: 1, 2].

Кроме того, вопросительные местоимения, имеющие в препозиции слово *ali* или удваивающиеся, получают обобщительное или неопределенное значение [Яхонтова

1996: 78]. Приведем пример использования вопросительного местоимения *ali* в сочетании с местоимением *zarim* из ойратского перевода текста «*biliq barmaid orošibo*»:

Тиб. *rigs-kyi bu'am rigs-kyi bu-mo gang la-la shes-rab kyi pha-rol-tu phyin-pa zab-mo spyod-pa spyad-par 'dod-pa des 'di ltar rnam-par blta-bar bya-ste* [bstod-smon: 175]

Ойр. *izourtani köböün buyu izourtani okin ali zarim biligiyn činadu kürüqsen gün yabudal- ye:r yabuxu duratai tere ene metü teyin üzen üyiledümüi* [Xutuqtu sayin].

Рус. Благородный сын или благородная дочь, **кто-нибудь**, желающий идти путем глубинного совершенства мудрости, тот, так видя, поступает.

Удваивающееся местоимение *ali* приобретает значение обобщенности и неопределенности:

Тиб. *gang-dang gang dag-ldan-pa'i thub-rnams...di gsungs-pa* [bstod-smon: 3].

Ойр. *ali kige:d ali sayitur tögüsün čidaqči noyoud...öüni nomloqson* [yeke delger 2004: 89].

Рус. **Некоторые** превосходно совершенные мудрецы...этому наставляли.

Как отмечается далее, такое же значение имеет сочетание местоимения *ali* 'какой' с частицей *ba* [Яхонтова 1996: 78]. Различий между употреблением двух вышеуказанных местоимений не выявляется. Однако при сопоставлении текста тибетского оригинала сутры «Царь благих пожеланий» и его ойратского перевода появляется определенная закономерность в использовании обоих местоимений, которая также позволяет выявить семантические различия между ойратскими местоимениями. Так, тибетское

вопросительное местоимение *gang* везде устойчиво переводится местоимением *ali*, тогда как форма *aliba* преимущественно используется Зая-пандитой как эквивалент тибетских *gang rnams* и *gang yang*. Форма *gang rnams* является письменной формой множественного числа от местоимения *gang*, а *gang yang* имеет значение 'кто бы ни был, что бы ни было, когда бы ни было, какой бы ни был' и т. п.

Рассмотрим примеры устойчивого перевода тибетской частицы *gang*:

Тиб. *mya-ngan 'da'-ston gang bzhed de-dag la*

Ойр. *yaslang-e:ce nöqčiküi ali üzüülün ta:laqči tedendü*

Рус. **Тех**, кто [готовы] явить Уход от печали [11: 1].

Тиб. *bdag-gi spyod dang mtshungs-par gang spyod-pa*

Ойр. *mini yabudal-luḡa: adali ali yabuqči*

Рус. [Пусть] **те**, кто [действует] подобно мне

Тиб. *de-dag dang-ni rtag-tu 'grog-par shog*
 Ойр. *tede-lüge: basa nasuda nökücökü boltuyai*
 Рус. Пусть они постоянно [становятся моими] друзьями [23: 1, 2].

Местоимение *aliba* выступает как эквивалент тибетского местоимения *gang* — *gang rnam* и *gang yang*:

Тиб. *gang rnam phyogs-bcu'i 'jig-rten sdron-ma rnam*
 Ойр. *aliba arban zügiyin yertüncüyin zulus*
 Рус. **Сколько бы ни было** светочей в десяти направлениях вселенной [10: 1].

Тиб. *phyogs-bcu'i sems-can gang rnam ji-snyed-pa*
 Ойр. *arban zügiyin aliba amitan kedüi bui*
 Рус. **Сколько [ни] есть** живых существ в десяти направлениях [15: 1].

Тибетская грамматика допускает наличие формы множественного числа у местоимения *gang*, тогда как ойратский вариант в форме множественного числа невозможен. В этих условиях Зая-пандита использует при переводе местоимение *aliba*, отличное

от *ali*, как того требуют правила дословного перевода текста. Подобное явление вызвано невозможностью подобрать более близкий по смыслу монгольский эквивалент. По-другому обстоит дело с переводом тибетского выражения *gang yang*:

Тиб. *'gro-ba kun-gyi bsod-nams gang-la yang*
 Ойр. *xamıq amıtanı aliba buyan ||*
 Рус. [Всем], **какие бы ни были** благие заслуги живых существ [9, 3].

Тиб. *gang yang ma-byon de-dag rab-myur-bar*
 Ойр. *aliba ire: ödüi tede maši türgene*
 Рус. **Когда бы ни было** в будущем, [пусть] они очень быстро

Тиб. *bsam-rdzogs byang-chub rim-par sangs-rgyas spyon*
 Ойр. *sanaqsan büten bodhi-du ulam burxan bolun*
 Рус. Осуществят намерения, став Пробужденными буддами [13: 3, 4].

Тиб. *gang yang bskal-pa dus-gsum tshad de-dag*
 Ойр. *aliba yurban cagiyin yalabiyin kemze: teden du*
 Рус. **В какие бы ни было** измерения кальп трех времен

Тиб. *skad-cig cha-shas-kyis ni zhugs-par spyad*
 Ойр. *tede nige aqşını xubidu oron üyiledsü*
 Рус. [Да] войду я лишь за долю мгновения! [32: 3, 4].

В первом случае местоимение *aliba* является эквивалентом формы множественного числа тибетского вопросительного местоимения *gang*, что придает ему оттенок обобщенности и неопределенности. Во втором случае это местоимение обозначает неопределенность и обобщенность.

Таким образом, рассмотрение функционирования двух семантически близких монгольских местоимений в ойратском пере-

воде буддийского сочинения «Царь благих пожеланий», позволяет сделать выводы. Между двумя ойратскими вопросительными адъективными местоимениями *ali* и *aliba* имеется разница, которая, исходя из вышеприведенных примеров, заключается в том, что первое выполняет более точно вопросительную функцию, тогда как второе выражает обобщенность, неточность и неопределенность.

Условные сокращения

Монг. – монгольский
Тиб. – тибетский
Ойр. – ойратский
Рус. – русский
Ч. О. – Чойджи Одсер

А. Г. – Аюши гуши
З. П. – Зая-пандита
Аг. Г. – Агван гуши гэлун
Нама сангити – монгольские переводы
«Манджушри нама сангити»
bstod smon - bstod smon phyogs bsgrigs

Источники

- Рерих Ю. Н.* Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями / под ред. Ю. Парфинович и В. Дылькова. Вып. 1–11. М.: Наука, 1983–1993.
- Төвд-монгол* толь бичиг. Эмхэтгэсэн А. Баясгалан. Хянан тохиолдуулсан Т. Булган. Улаанбаатар, 1995. 255 х.
- Төвд-монгол* толь / Д. Бүрнээ, Д. Энхтөр. Хянан тохиолдуулсан Ш. Чоймаа. Нэмэн засварласан тав дахи хэвлэл. Улаанбаатар, 2013. 535 х.
- mdo sngags gsung-rab rgya-mtsho'i snying-po mtshen-gzungs mang-bsdus bzhugs-so. Цинхай, КНР, 946 л. год изд. и тип. не указаны. bstod smon phyogs bsgrigs. mtsho sngon mirigs dpe-skrun khang, Taiwan, 1996. 376 p.
- Xutuqtu sayin yabudaliyin irö:liyün ха:n. Рукопись. Фотокопия из коллекции автора. Ориг. хранится у Г. Ядамжава. Манхан сомон Кобдоского аймака Монголии.
- Yeke delger todo bičiq / Ч. Сундуй. Улаанбаатар, 2004. 108 с.
- Монгольские переводы «Манджушри нама сангити». Сост. А. Г. Сазыкин. Университет Киото, 2006. 262 с.

Литература

- Музраева Д. Н.* Буддийские письменные источники на тибетском и ойратском языках в коллекциях Калмыкии. Элиста: ЗАОР «НПП „Джангар“», 2012. 224 с.
- Лувсанбалдан Х.* Сведения о переводах ойратского Зая-пандиты / пер. с монг. Э. У. Омакаевой // Филологические исследования старописьменных памятников. Элиста: КНИИ ИФЭ, 1986. С. 44–56.
- Ойратский словарь поэтических выражений. Факс. рукоп., транслит., введ., пер. с ойрат., слов. с коммент., прил. Н. С. Яхонтовой. Ин-т вост. рукописей РАН. М.: Вост. лит., 2010. 615 с.
- Омакаева Э. У.* Некоторые вопросы грамматики старописьменного монгольского и тибет-

ского языков в сравнительном освещении // Филологические исследования старописьменных памятников. Элиста: КНИИИФЭ, Республик. тип., 1987. С. 63–73.

- Омакаева Э. У.* Некоторые проблемы изучения ойратских и тибетских буддийских сочинений // Междунар. конф. “Памятники духовной, материальной и письменной культуры древнего и средневекового Востока (создание баз данных)”. Тез. докл. М., 1995. С. 58.
- Омакаева Э. У.* Письменная традиция // Калмыки. М.: Наука, 2010. С. 382–387.
- Орловская М. Н.* Язык монгольских текстов XIII–XIV вв. М.: Ин-т востоковед. РАН, 2000. 182 с.
- Парфинович Ю. М.* Тибетский письменный язык. М.: КомКнига, 2007. 176 с.
- Рерих Ю. Н.* Тибетский язык. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 136 с.
- Сазыкин А. Г.* Ойратская версия «Манджушри нама сангити» // Mongolica – VI. СПб.: Петербург. Востоковед., 2003. С. 73–81.
- Ходж С.* Введение в классический тибетский язык / пер. с англ. Б. М. Нармаева. СПб.: Дадан Гунзэчойнэй, 1997. 200 с.
- Цендина А. Д.* Два монгольских перевода тибетского сочинения «Книга сына» // MONGOLICA V. 2001. С. 54–74.
- Чоймаа Ш.* Перевод с монгольского письменного языка и тибетско-монгольская лексикографическая традиция / пер. с монг. Э. У. Омакаевой // Российско-монгольский лингвистический сборник / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. М.: Ин-т языкознания РАН; Изд-во «Канцлер», 2015. С. 566–578.
- Яхонтова Н. С.* Ойратский литературный язык XVII века. М.: Издат. фирма «Вост. лит.» РАН, 1996. 152 с.
- Батнайрамдал Ч., Мөнх-Эрдэнэ Ц.* Төвд хэлний дүрэм. Улаанбаатар: Хаан принтинг ХХК, 2010. 182 х.
- Лувсанбалдан Х.* Тод үсэг, түүний дурсгалууд. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэх үйлдвэр, 1975. 356 х.

Sources

- [Mañjuśrī-Nāma-Saṃgīti: Mongolian Translations]. A. G. Sazykin (comp.). Kyoto: Kyoto University, 2006. 262 p. (In Mong.)
- [Tibetan – Mongolian Dictionary]. A. Bayasgalan (comp.), T. Bulgan (ed.). Ulaanbaatar, 1995. 255 p. (In Tib. and Mong.)
- [Tibetan – Mongolian Dictionary]. D. Bürnee, D. Enkhtör (comps.). Sh. Choymaa (ed.). 5th ed., rev. Ulaanbaatar, 2013. 535 p. (In Tib. and Mong.)
- Bstod smon phyogs bsgrigs. Mtsho sngon mirigs dpe-skrun khang.* Taiwan, 1996. 376 p. (In Tib.)
- Mdo sngags gsung-rab rgya-mtsho'i snying-po mtshen-gzungs mang-bsdus bzhugs-so.* Qinghai. 946 p. (In Tib.)
- Roerich Yu. N. [Tibetan – Russian – English Dictionary with Sanskrit Parallels]. Yu. Parfinovich, V. Dylykov (eds.). Vols. 1–11. Moscow: Nauka, 1983–1993. (In Tib., Russ., Eng. and San.)
- Xutuqtu sayin yabudaliyin irö:liyün ха:n.* Author's photocopy of the manuscript owned by G. Yadamzhav (Mankhan District, Khovd Province, Mongolia). (In Mong.)
- Yeke delger todo bičiq.* Ch. Sunduy (ed.). Ulaanbaatar, 2004. 108 p. (In Mong.)

References

- [Dictionary of Oirat Poetic Expressions]. N. S. Yakhontova (introd., transl., etc.). Institute of Oriental Manuscripts (RAS). Moscow: Vostochnaya Literatura, 2010. 615 p. (In Oir. and Russ.)
- Batnayramdal Ch., Mönkh-Erdene Ts. [Tibetan Grammar]. Ulaanbaatar: Khaan Printing Ltd., 2010. 182 p. (In Mong.)
- Choymaa Sh. Translating from Classical Mongolian: Tibetan-Mongolian lexicographic tradition. In: [Russian-Mongolian Linguistic Collection]. G. Ts. Pyurbiev (ed.). Moscow: Institute of Linguistics (RAS); Kantsler, 2015. Pp. 566–578. (In Russ.)
- Hodge S. An Introduction to Classical Tibetan. B. M. Narmaev (transl.). St. Petersburg: Datsan

- Gunzechoyney, 1997. 200 p. (In Russ.)
- Luvsanbaldan Kh. [Clear Script and Its Monuments]. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1975. 356 p. (In Mong.)
- Luvsanbaldan Kh. Data on translations made by Zaya Pandita of the Oirats. In: [Philological Studies of Old Written Monuments]. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1986. Pp. 44–56. (In Russ.)
- Muzraeva D. N. [Tibetan and Oirat Language Buddhist Sources in Collections of Kalmykia]. Elista: Dzhangar, 2012. 224 p. (In Russ.)
- Omaekava E. U. Classical Mongolian and Tibetan: some aspects of grammar in a comparative perspective. In: [Philological Studies of Old Written Monuments]. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1987. Pp. 63–73. (In Russ.)
- Omaekava E. U. Oirat and Tibetan Buddhist texts: some problems of research revisited. In: [Ancient and Medieval Orient (Establishing Databases): Monuments of Spiritual, Material and Written Culture]. Conf. abstracts. Moscow, 1995. P. 58. (In Russ.)
- Omaekava E. U. Written tradition. In: [The Kalmyks]. Moscow: Nauka, 2010. Pp. 382–387. (In Russ.)
- Orlovskaya M. N. [Language of 13th – 14th Century Mongolian Texts]. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2000. 182 p. (In Russ.)
- Parfinovich Yu. M. [Written Tibetan]. Moscow: KomKniga, 2007. 176 p. (In Russ.)
- Roerich Yu. N. [Tibetan Language]. Moscow: Editorial URSS, 2001. 136 p. (In Russ.)
- Sazykin A. G. Mañjuśrī-Nāma-Saṃgīti: an Oirat version. In: [Mongolica – VI]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2003. Pp. 73–81. (In Russ.)
- Tsendina A. D. The Book of the Son: two Mongolian translations of the Tibetan text. In: [Mongolica – V]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2001. Pp. 54–74. (In Russ.)
- Yakhontova N. S. [17th-Century Oirat Literary Language]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1996. 152 p. (In Russ.)

АНТИТЕЗА КАК ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО В НАРТСКОМ ЭПОСЕ КАРАЧАЕВЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ

Antithesis as a Figurative Means in the Nart Epos of the Karachay and Balkar Peoples

Т. М. Хаджиева (Т. Khadzhieva)¹

¹ кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН (Ph. D. of Philology, Leading Scientist at the Institute of World Literature of the RAS). E-mail: tanzila_@mail.ru.

В статье рассматриваются сюжетобразующие, композиционные и стилистические функции антитезы в карачаево-балкарском нартском эпосе. Антитеза лежит в основе сюжета большинства нартских песен и сказаний и реализуется в столкновении «добра» и «зла», «тьмы» и «света», служит средством усиления выразительности при сопоставлении образов нартских героев и их врагов — великанов-эмегенов. В эпосе герои предстают богатырями, обладающими большой физической силой, но рядом с огромными эмегенами они ничтожно малы. Эмегенам присуща огромная циклопическая мощь, но они страшно глупы и неразумны. Силе, коварству эмегенов противопоставляются ум, находчивость нартских героев.

Ключевые слова: нартский эпос, карачаевцы, балкарцы, нартские песни и сказания, великаны-эмегены, протвopоставление, антитеза, метафорическая антитеза.

The article considers the antithesis functions of the plot, composition and style in the context of the Karachay-Balkar Nart Epos. The antithesis lies in the basis of the plot of most of Nart songs and legends and is realised through the contradiction of “the good” and “the bad”, “the darkness” and “the light”. It also highlights the comparison between the imagery of Nart heroes and their enemies – Emegens-monsters. In the epos the heroes stand forth as bogatyrs, possessing great physical strength, but alongside the enormous *emegens* they are insignificantly small. The emegens have enormous cyclopean might, but they are terribly stupid and unreasoning. The strength of the emegens is opposed to the intelligence and resourcefulness of the Nart heroes.

Keywords: the Nart epos, the Karachays, the Balkars, the Nart songs and tales, emegen-monsters, opposition, antithesis, metaphorical antithesis.

«Миссия очищения земли от чудовищ — своеобразная, характерная для архаической стадии героического эпоса форма выражения коллективного пафоса» [Мелетинский 1983: 47]. В рассматриваемой версии «Нартиады» главная эпическая тема — борьба нартов с мифологическими великанами — эмегенами. Эмегены — источник зла и хаоса на земле. Быстро размножаясь, эти ненасытные чудовища пожирают все живое, и, чтобы очистить от них землю, Бог создает нартов, которые ведут с ними непрерывную борьбу до их полного уничтожения [Нарты 1994: 305, 596]. В эпосе почти все основные герои — Ёрюзбек, Сосурук, Алауган, Карашауай, Чюерди, Рачыкау и даже Сатанай¹ [Нарты 1994: 347] — ведут постоянную

борьбу с ними. Главным же истребителем эмегенов выступает нарт Ёрюзбек. У него, как и у других подобных ему эпических героев (Гильгамеша, Тора, Амирани, Нюргун-Боотура, героев бурятских улигеров и др.), задача одна — уничтожение чудовищ, которые нарушают мирную жизнь его племени.

Страна эмегенов обычно локализуется за пределами нартского Космоса (чаще всего на Севере). Эти чудовища живут и в подземном царстве [Нарты 1994: 383], а в сказании «Нарт Карашауай и Гемуда» речь идет и о морских эмегенах [Нарты 1994: 451].

Сюжеты многих карачаево-балкарских нартских песен и сказаний строятся на столкновении и борьбе нартских героев с эмегенами. Можно сказать, что в их основе «почти всегда лежит антитеза активного героизма эпических персонажей и пассивного могущества великанов» [Далгат 1972: 19]. Необыкновенно огромные и сильные

¹ Имена нартских героев в статье приводятся в той огласовке, в которой они даются в публикациях дореволюционных и современных издателей и в полевых материалах собирателей.

эмегены на первый взгляд кажутся непобедимыми благодаря своему физическому превосходству, и тем не менее они терпят поражение, что способствует еще большей поэтизации деяний героев.

Это отмечает и Н. П. Андреев относительно былинных богатырей: «...Илья обычно изображается могучим богатырем, но в сопоставлении с чудовищным образом Идолища он оказывается обыкновенным человеком: тем разительнее победа этого „обыкновенного“ человека над „необыкновенным“» [Андреев 1938: 16]. В анализируемом эпосе, как и в других национальных версиях «Нартиады», особенно наглядно это представлено в вариантах сказаний о добывании огня нартом Сосуруком. При этом, как подчеркивает исследователь абхазского нартского эпоса З. Д. Джапуа, в разных национальных версиях «сказания о добывании огня, данная константа формируется в нескольких вариациях. Основные из них: великан ставит героя вместе с конем на свою ладонь (абх.)...; вместе с конем помещает под ноготь или хватает их двумя пальцами (абх. адыгск.)...; ловит героя и вместе с конем кладет под голову или ставит его у своего изголовья (абх., адыгск., карач.-балк.)...; проглатывает или пытается проглотить героя вместе с конем (абх., адыгск.)...; берет в руку героя и его богатырского коня и закидывает в глаз (карач.-балк.)» [Джапуа 2010: 281].

Во всех вариантах данного сказания главные функции нартского героя — добывание огня и уничтожение великана (эмегена/уаига/адауы/иныжа) — строятся на антитезе: хитрости и находчивости эпического богатыря противопоставлена сила, глупость и коварство чудовища. Как известно, принцип контраста формирует структуру почти всех эпосов народов мира. Так, Н. Б. Пюрвеева отмечает: «Свойственное эпосу дихотомическое деление мира пронизывает и систему образов «Джангара». Все они обязательно относятся к одному из двух возможных лагерей, положительных или отрицательных персонажей, к представителям добра или зла... Герои Бумбы, благодаря своей могучей силе, ловкости владения оружием и неустранимости, одерживают победу. Такой финал эпического повествования характерен для героического эпоса многих народов. Например, сюжетное повествование нартских сказаний «характеризуется тем, что герой, как правило, всегда побеждает врага» [Пюрвеева 2003: 26, 31; цит.: Алиева 1969: 129].

Сказители карачаево-балкарского нартского эпоса используют прием антитезы, противопоставляя нартских героев не только эмегенам и другим мифологическим врагам, — нередко они противостоят и друг другу. Здесь антитеза становится средством выделения героя среди других нартов, средством характеристики его богатырской силы и мощи. Например, сказания «Ёрюз-мек и Ногайчик» [Нарты 1994: 343], «Дружина Ёрюзмека и Карашауай» [Нарты 1994: 456] полностью построены на антитезе.

В сказаниях «Сосуруко» [Нарты 1994: 375], «Карашауай и Гемуда-алаша» [Нарты 1994: 446], «Шауай» [Нарты 1994: 463] наряду с противопоставлением персонажей используется и «мотив предварительной недооценки героя» [Скафтымов 1924: 50]. Например, в сказании «Сосуруко» Ёрюзмека решили пригласить на пир с целью отравить, но никто из нартов, кроме юного Сосурука, не отважился пойти позвать его. Состязаясь по пути в стрельбе из лука, Ёрюзбек и Сосурук пустили по стреле и отправились по их следу. Вскоре они нашли стрелу Ёрюзмека, а стрелы Сосурука нигде не было. И тогда Ёрюзбек говорит ему: «... Отчего не вернуться назад и не найдешь своей стрелы, ведь не улетела же она дальше моей». Когда же они подошли к дому Алиговых, где шел нартский пир, увидели, что все нарты стараются вытащить из столба стрелу Сосурука. Но их старания были тщетны. Тогда юный Сосурук подошел и вытащил стрелу одной рукой [Нарты 1994: 337]. А в сказаниях о Карашауае антитеза служит для более яркого показа превращения невзрачного, оборванного Карашауае в могучего нартского богатыря, а его паршивого жеребенка Гемуды — в чудесного боевого коня.

В карачаево-балкарских эпических сказаниях прием противопоставления широко применяется и в речи персонажей [Нарты 1994: 320, 328, 463]. При помощи антитезы часто строятся вопросительные предложения, которые нередко придают диалогу персонажей особую выразительность. Наглядный пример — наставления, которые дает мудрая Сатанай своей служанке, как пригласить к ним едущего мимо их дома богатыря: «Когда Рачикау приблизится к тебе, то вежливо скажет: «Добрый день!» — и проедет дальше. А ты ответь ему: «Да будет счастлива твоя жизнь!» — и потом сейчас же прибавь: «Что так скоро едешь,

добрый молодец: убегаешь ли от кого или за кем гонишься? Мы живем на дороге и для приезжающего и отъезжающего любим приготовить еду, утолить его жажду и голод. Дом этот – Схуртуковых; заезжай, а там и отправишься дальше в добрый час!»¹ [Нарты 1994: 515].

Карачаево-балкарские сказители нередко прибегают к антитезе и при характеристике волшебных предметов и явлений, чтобы наглядно продемонстрировать их чудесные свойства. Так, если нартский герой обладающий волшебной стрелой, попадает в беду, с нее капает кровь, если же у него все благополучно — молоко [Нарты 1994: 256]. А в сказании. «Сосурук борется с эмегенами» речь идет о живой и мертвой воде [Нарты 1994: 378].

Стилистическая антитеза в эпосе бывает простой (одночленной) или сложной (многочленной). В нартских песнях и сказаниях сложная (многочленная) антитеза употребляется, чтобы воспеть не только величие, подвига героя, но и подчеркнуть коварство и подлость его антагониста. Например, в сказании о том, как Ёрюзбек стал главою нартов, божество нартов злой Пук /Фук, спасаясь от преследований Ёрюзбека, улетел на небо и стал мстить нартам: «*Так как Пук был бог, то он, разгневавшись на нартов, задержал дожди; произошла засуха, хлеба перестали цвести, деревья стояли без листьев, животные не плодились, женщины не рожали. Наступило для нартов тяжелое время ...*». Тогда Ёрюзбек поднялся на небо, убил Пука и спас нартский народ от гибели. После смерти Пука «*семь недель лился дождь с кровью; на земле опять наступил берекет — довольство: хлеба начали цвести, деревья приносить плоды, животные размножаться, женщины рожать детей*» [Нарты 1994: 322–323].

Антитеза употребляется и в составе традиционных эпических формул, характеризующих, в частности, противников, вступающих в борьбу. На приветствие одного из них: «*Эй, кюнюнг ахшы болсун!*» — «Да будет твой день добрым!», другой всегда отвечает: «*Ой, кюнюнг аман болсун!*» — «Чтобы день твой был недобрым!» [Нарты 1994: 316, 318, 319, 322].

¹ Здесь и далее, когда иллюстрируемые материалы даются только на русском языке, — они цитируются из дореволюционных публикаций карачаево-балкарских нартских сказаний, которые были изданы только в переводе, без текстов на языке оригинала.

Некоторые «общие места» построены на противопоставлении антонимов: «смеяться — плакать», «верх — низ», «направо — налево» и т. д. [Нарты 1994: 386, 359].

В нартских песнях и сказаниях антитеза играет большую роль и для характеристики эпического пространства, поскольку эпический герой постоянно попадает в ситуацию пространственного выбора, буквально «между небом и землей». Как уже говорилось выше, Ёрюзбек сражается с Фуком в его небесном жилище, а результат боя — кровавый дождь проливается на землю — туда же падает и голова Фука [Нарты 1994: 327]. Таким образом, пространственная соотносительность эпических событий имеет символическое значение, эпическая же география настолько объемна (небо — земля), что наглядно реализует универсальность пространства.

Этот характер обращения с пространством в эпическом повествовании особенно ярко сказывается при характеристике эпического действия, всегда носящего пространственно-маркированный и одновременно универсальный характер. Так, Фук на приветствие Ёрюзбека отвечает:

– Ой, кюнюнг аман болсун!
Манга жерде тынчылык бермединг,
Энди кёкдедамы кьоймайса?
– О, чтобы день твой был недобрым!
На земле мне не давал покоя,
А теперь и на небе не оставишь, что ли!

[Нарты 1994: 319].

Это же свойство движения, «пронизывающего» пространства, обнаруживает себя не только в диалоге героев, но и в рассказе об их действиях. Показательно в этом плане описание добывания Ёрюзбеком огня: «*терек бутакъла жыйды, сермеп, къаядан, черенча, бир уллу сыныкъ кьобарды. Ол къая сыныкъ бла къаяны сермеди. От жилтинле чыгартып, дунияны кёк жашнагъанча жарытып башлады. Жилтинлени кёкге учханлары жулдузла болгъандыла, тюбуне акъгъанлары отунланы жандыргъандыла*». — [Ёрюзбек] «собрал валежник, схватил и оторвал от скалы громадный кусок камня [величиной] со стог сена и ударил им о скалу. [От его удара] посыпались искры и осветили мир, словно молнии. Искры, которые улетели на небо, превратились в звезды, а от упавших на землю зажегся огонь». [Нарты 1994: 338]. Позиция же героя в этой ситуации оказывается как бы межпространственной.

В карачаево-балкарских нартских сказаниях нами выявлена и метафорическая антитеза [Богатырев 1958: 211; Гацак 1973: 298; Хаджиева 1994: 54], используемая в основном в диалогах персонажей: «Мен бюжюн бир ариу жюзюк тапханма, къарачи бери» — «Я сегодня красивое кольцо нашел, посмотри сюда», — говорит Сосурук Сатанай. Но мудрая Сатанай знает, что это колдунья обернулась золотым кольцом, чтобы узнать уязвимое место на теле Сосурука, и так отвечает ему: «Угъай, ол жюзюк туююлдо, сен жюзюк тапмагъанса, сен кесинги башынга палах тапханса». — «Нет, это не кольцо, ты нашел не кольцо, ты погибель нашел на свою голову!» [Нарты 1994: 388].

Сказитель карачаево-балкарского эпоса использовал метафорическую антитезу и в описании необыкновенного всадника, которого увидела служанка Сатанай: «Я имела возможность видеть много славных наездников, но такого, как сегодня, я никогда не видала: впереди его идет облако, в котором летают звезды и вороны; у него спереди светит солнце, а сзади луна; под лошадью прыгают белые зайцы». Мудрая Сатанай объясняет ей: «То, что тебе показалось облаком, — это пар из ноздрей его лошади;

вороны — это комья грязи, летящие вверх из-под копыт его лошади; звезды — это искры, вылетающие из его трубки; светящее спереди солнце — его юбе (панцирь); а луна сзади — такья (шлем); наконец, зайцы, прыгающие, по-твоему, под лошадью, — не что иное, как широкий шелковый конец его плети» [Нарты 1994: 515].

Метафорическая антитеза иногда встречается и в речи сказителя:

*Алауган кете бара, бир тѣбе эслегенди,
Тебе туююл ол а — эмегенди.*

Алауган в пути один курган заметил,
А это не курган — эмегенша была

[Нарты 1994: 423].

Итак, антитеза в нартских сказаниях и песнях карачаевцев и балкарцев — один из важнейших художественных приемов, выполняющий сюжетообразующие, композиционные и стилистические функции. Использование антитезы при создании эпических образов позволяет сказителю подчеркнуть значимость и величие нартских героев. Вместе с другими изобразительно-выразительными средствами она используется для воспевания и идеализации богатырского племени нартов и играет важную роль в создании поэтического единства «Нартиады».

Литература

Алиева А. И. Адыгский нартский эпос. М.; Нальчик, 1969. 168 с.

Андреев Н. П. Вступительная статья // Былины. Л.: Сов. писатель, 1938. С. 5–36.

Богатырев П. Н. Некоторые задачи сравнительного изучения эпоса славянских народов // IV междунар. съезд славистов. М.: Наука, 1958. С. 211–251.

Гацак В. М. Метафорическая антитеза в сравнительно-историческом освещении // VII междунар. съезд славистов. М.: Наука, 1973.

Далгат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М.: Наука, 1972. 470 с.

Дзхачуа З. Д. Сходные описания встречи неравных персонажей в нартском эпосе // Поэтика традиции. Сборник научных статей. Под ред. Я. Василькова и М. Кисилиера. Европейский дом. СПб., 2010. С. 178–191.

Мелетинский Е. М. Возникновение и ранние формы словесного искусства // История всемирной литературы. Т. 1. М.: Наука, 1983.

Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев / отв. ред. А. И. Алиева, сост. Р. А.-К. Ортабаева, Т. М. Хаджиева, А. З. Холаев; вступ. ст., коммент. и глоссарий Т. М. Хаджиевой. М.: Вост. лит., 1994. 658 с.

Пюрвеева Н. Б. Поэтика героического эпоса «Джангар»: Автореф. ... д-ра филол. наук. Элиста, 2003. 51 с.

Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин. М.; Саратов, 1924. 226 с.

Хаджиева Т. М. Нартский эпос балкарцев и карачаевцев // Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев / отв. ред. А. И. Алиева; сост.: Р. А.-К. Ортабаева, Т. М. Хаджиева, А. З. Холаев; вступ. ст., коммент. и глоссарий Т. М. Хаджиевой. М.: Вост. лит., 1994. С. 8–66.

References

[The Narts: a Heroic Epic of the Karachays and Balkars]. A. I. Alieva (ed.), R. A.-K. Ortabaeva, T. M. Khadzhieva, A. Z. Kholaev (comps.); T. M. Khadzhieva (foreword, glossary, comments). Moscow: Vostochnaya Literatura, 1994. 658 p. (In Russ.)

Alieva A. I. [Nart Epic of the Adyghe People]. Moscow; Nalchik, 1969. 168 p. (In Russ.)

Andreev N. P. Foreword. In: [(Russian) Bylinas]. Leningrad: Sovetskiy Pisatel, 1938. Pp. 5–36. (In Russ.)

Bogatyrev P. N. Comparative studies of Slavic epics: some objectives revisited. In: [4th International Congress of Slavists]. Proc. Moscow: Nauka, 1958. Pp. 211–251. (In Russ.)

Dalgat U. B. [Heroic Epic of the Chechens and Ingushes]. Moscow: Nauka, 1972. 470 p. (In Russ.)

Dzhapua Z. D. Encounters between unequal characters in the Nart epic: similar descriptions. In: [Poetics of Tradition]. Coll. scholarly

papers. Ya. Vasilkov, M. Kisilier (eds.). St. Petersburg: Evropeyskiy Dom, 2010. Pp. 178–191. (In Russ.)

Gatsak V. M. Metaphoric antithesis in a comparative-historical perspective. In: [7th International Congress of Slavists]. Proc. Moscow: Nauka, 1973. (In Russ.)

Khadzhieva T. M. Nart epic of the Balkars and Karachays. In: [The Narts: a Heroic Epic of the Karachays and Balkars]. A. I. Alieva (ed.), R. A.-K. Ortabaeva, T. M. Khadzhieva, A. Z. Kholaev (comps.); T. M. Khadzhieva (foreword, glossary, comments). Moscow: Vostochnaya Literatura, 1994. Pp. 8–66. (In Russ.)

Meletinsky E. M. Oral lore: emergence and early forms. In: [History of World Literature]. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1983. (In Russ.)

Pyrveeva N. B. [The Jangar: Poetics of the Heroic Epic]. Dr.Sc. (philology) thesis abstract. Elista, 2003. 51 p. (In Russ.)

Skaftymov A. P. [Bylina: Poetics and Genesis]. Moscow; Saratov, 1924. 226 p. (In Russ.)

ПОВЕСТЬ Р. КУЛАКОВСКОГО «АҢАМ ОЛОҔО» («ЖИЗНЬ ОТЦА») КАК ФОЛЬКЛОРНЫЙ ИСТОЧНИК: ОЛОНХО И ОЛОНХОСУТЫ

R. Kulakovsky's Story «Agam ologo» 'Father's life' as a Folklore Source: olonkho and olonkho-tellers

С. Д. Мухомлева (S. Mukhopleva)¹, П. Н. Дмитриев (P. Dmitriev)²

¹ кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора якутского фольклора Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Ph. D. of Philology, Associate Professor, Senior Scientist of the Yakut Folklore Department at the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the RAS). E-mail: Mukhopleva@mail.ru.

² фольклорист-собирающий, ветеран сектора якутского фольклора Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Folklorist, the Veteran Scientist of the Yakut of Folklore Sector at the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the RAS of the Siberian Branch of the RAS). E-mail: otadelolonho@mail.ru.

В статье представлен анализ повести якутского писателя Реаса Кулаковского «Аҕам олоҕо» («Жизнь отца») как фольклорно-этнографического источника. Авторами выявляется, что персонажи-олонхосуты являются историческими лицами, а сцены устного исполнения достоверно показывают условия устного бытования олонхо в дореволюционной Якутии (время, место, ситуация исполнения), реконструируют контекст ситуации исполнения олонхо вплоть до функционирования заглавия олонхо в устной коммуникации.

Ключевые слова: историческая повесть, фольклорно-этнографический источник, реконструкция эпической среды, олонхосуты, устная коммуникация, заглавие, культурно-исторический, контекстный и функциональный методы анализа.

The communicative situation of an oral existence (statements playback) olonkho in the Yakut folklore has not yet been the independence object of study, researchers have fixed their attention on it, and left almost no full descriptions of these situations. Therefore, today, when the public decides the problems revival of the narration of folk tales of the Olonkho traditions, the problem is the source. In the article authors on the example of the analysis of one work put forward idea that as a reliable source for reconstruction of a context of narration of the epic in the XIX–XX centuries. It may be recognized as individual works of Yakut writers-realist of the pre-revolutionary and Soviet periods.

The main method of analysis defined in the cultural-historical approach, which allows you to explore the product in its relationship with the historical tradition and social environment. When studying the topic «olonkho and olonkho-teller» further use contextual and functional analysis techniques.

The authors found that in the novel, consisting of a chain of 42 event-scenes the main characters life, the theme of «olonkho and olonkho-teller» disclosed in eight episodes, runs through the entire work. The study of the sources shows that the prototype olonkho-teller characters are historical figures Tatta and Vilyuysky regions, who lived in the late XIX – early XX centuries.

Scenes analysis of oral performance olonkho the parameters: the characters, time, place, situation performance allowed to disclose that the product is not fixed calendar olonkho confinement performance. It is executed when the circumstances in any season: spring, summer, autumn and winter. The place of performance of the epic works in all scenes depending on the season is winter or summer type of dwelling. Olonkho is performed in the narrow circle of family or neighbors in the presence of the traveler. Traveler is a story-teller or the listener.

In the story discovered the functioning of the title of olonkho in oral communication. On the basis of its analysis, the authors argue that the title of the text in this case serves as a substitute for the text and suggests that the customer olonkho and its performers have common cultural presuppositions, are carriers of one epic environment that the customer knows the repertoire of epic story-tellers. In the context of oral communication using the title of the text varies. It is as the case may be complete, incomplete and brief.

As a result, it should be noted that Reas Kulakovsky's story «Agam ologo» is a historical work, which should be considered as folklore and ethnographic source.

Keywords: historical tale, folklore-ethnographic source, the reconstruction of the epic environment, olonkho-tellers, oral communication, title, cultural, historical, contextual and functional analysis methods.

Повесть-воспоминание «Аѓам олоѓо» как фольклорно-этнографический источник. Исследованию жизни и творчества А. Е. Кулаковского сегодня посвящена значительная научная литература [Кулаковский 1996; Кулаковская 2008; Творческая личность... 2013]. Наряду с этим жизненный путь основоположника якутской литературы, одной из знаковых фигур якутской культуры, А. Кулаковского, осваивается и в художественной литературе. Начало этой традиции было положено его сыном Реасом Кулаковским. Повесть-воспоминание написано на основе рассказов близких родственников поэта, наблюдений, изысканий автора повести с использованием подлинных фактов и документов [Кулаковской 1990].

В повести с точки зрения повествователя описывается жизнь собирателя фольклора, путешественника А. Кулаковского, внесшего неопределимый вклад в становление якутской фольклористики. Повесть насыщена сценами описания устного бытования почти всех жанров народного творчества в дореволюционный период, действующими лицами выступают незаурядные и рядовые реальные носители устной поэтической традиции.

Персонажи — носители сказительской традиции Таттинского и Вилюйского улусов. Произведение Реаса Кулаковского «Аѓам олоѓо» в композиционном плане представляет собой цепочку 42 событийных эпизодов жизни главного героя Алексея, следующих друг за другом. Теме «олонхосута» посвящены восемь эпизодов (Кулаковской 1990: 22–24, 31–33, 67–71, 107–112, 113–116, 167–171, 189–200, 262–273), проходящих красной нитью через все произведение, в которых изображены восемь олонхосутов Таттинского района, откуда родом А. Кулаковский. Это сказители Килэмпир, Жехсогонский наслег, его ученик Тусальыр Лёгёнтёй, Игидейский наслег (Кулаковской 1990: 22–24); Маалынкас, Тыарасинский наслег (Кулаковской 1990: 31–33); Дмитрий Кинигин, Селляхский наслег (Кулаковской 1990: 67–71); Мария Ивановна Кириллова, Селляхский наслег, Денис Эльберяков, Октябрьский наслег (Кулаковской 1990: 167–171); слепой олонхосут Елисей (Кулаковской 1990: 189–200); Илларион Давыдов, Селляхский наслег (Кулаковской 1990: 262–273). Перечисленные олонхосуты являются историческими личностями, данные о которых,

в том числе полные имена и прозвища, за исключением Дмитрия Кинигина и слепого Елисея, в систематизированном виде представлены в приложении диссертационной работы Н. А. Оросиной [Оросина 2015: 174, 188, 191, 194, 207]. В повести персонажи, за исключением женщины-олонхосута, обозначены в основном личным именем и прозвищем или именем и фамилией.

Олонхосуты Вилюйского региона Семен Каратаев-Дыгыяр и Мэнкэр Сэмэн, представленные в повести как друзья героя, изображены в сценах № 20 и № 21, где описываются события вилюйского периода жизни А. Кулаковского [Кулаковской 1990: 107–112, 113–116]. Персонажи также являются историческими личностями — так, от Семена Каратаева фольклористы успели зафиксировать олонхо и другие образцы фольклорных жанров, часть которых издана [Тон Саар бухатыыр 2004].

Тема «олонхосут и олонхо» и ее реализация в повести. В повести воссоздается образ Алексея Кулаковского — знатока, тонкого ценителя героического эпоса, охваченного идеей собирания фольклора, изучения быта и этнографии своего народа, человека образованного, который защищал права безграмотных сородичей. Тема «олонхо и олонхосут» воплощается в описании сцен встречи героя или его близких с олонхосутами в разное время года, в разных местах и в разные годы жизни героя. В связи с этим мы поставили перед собой задачу определить временную / календарную приуроченность, локусы и обстоятельства (ситуации) исполнения олонхо в каждой сцене повести.

Сцена № 4 «Организация слушания олонхо» [Кулаковской 1990: 24]. Время и место: 1-й зимний день, 26 октября (8 ноября, в это время забивали скот на мясо, завершали ловлю рыбы), дом отца героя. Событие: приезд посыльного с письмом от их сына Алексея (Тёттёй), которого соседи попросили заодно сообщить о приезде олонхосута; слушание олонхо после ужина в *кыстыке* 'зимнем доме' соседей. Персонажи: хозяин дома Елисей, его супруга Настаачыйа, мальчик посыльный, молодой олонхосут Тусальыр Лёгёнтёй из Игидейского наслега — «ученик» знаменитого Килэмпирэ.

Сцена № 6 «Слушатель и ценитель мастерства сказителей», «Идея о фиксации на бумаге произведений устного народного творчества» [Кулаковской 1990: 32–33].

Время и место: раннее лето, дом отца героя. Событие: приезд Алексея домой, встреча с друзьями; рассказ Алексея друзьям о том, как по пути домой он гостил у своих дядей из Тыараса. В доме своих дядей герой услышал сказывание олонхосута Маалынкас и восхитился его талантом сказителя, его воздействием на слушателей. Послушав его, друзья спорят о том, кто является лучшим олонхосутом: Маалынкас или Килээмпир. Алексей делится с Федором мыслью о записи народных поэтических произведений для их увековечивания. Персонажи: хозяин дома Елисей, его супруга Настаачыйа, Алексей, друзья Алексея — Федор, Тёгюрюк, Хойостоон.

Сцена № 14 «Организация слушания олонхо», «Защита прав населения» [Кулаковской 1990: 68]. Время и место: лето, дом героя. Событие: к Алексею заходит сосед Алампа, передает просьбу Кэлтэгэй Уйбаана зайти вечером к ним и послушать у них заурядного олонхосута Кинигина. Последний потом обращается к Алексею за советом. Чтобы защитить права оспопрививателя, олонхосута Кинигина Дмитрия, Алексей составляет исковое заявление. Персонажи: Алексей, Алампа, Кинигин Дмитрий.

Сцена № 20 «Вечер поэзии и фольклора» [Кулаковской 1990: 111]. Время и место: зимний период, дом Алексея в г. Виллойске. Событие: вечер с друзьями, которые принесли Алексею письмо и тушки 5 зайцев. Зайцы ему переданы выигравшим судебное дело человеком, которому Алексей помог составить исковое заявление. Письмо с описанием трудового дня бедного человека получено от мальчика. Описание сделано по просьбе Алексея. Декламация «Песни пьяного буржуя» перед друзьями, исполнение песен Семеном Каратаевым и устройство кругового танца *осуохай* запевалой Мэнкэр Сэмэном. Персонажи: хозяин дома Алексей, Быччаакы, Сэмэн Дыбыйар, Мэнкэр Сэмэн.

Сцена № 21 «Алексей как собиратель фольклора виллойского региона, его друзья — известные олонхосуты, певцы, запевалы осуокая из Виллойского и Верхневиллойского района» [Кулаковской 1990: 115]. Время и место: зимний период, отопительный сезон. Событие: вечер с друзьями, сообщение Алексея о купле участка земли в Виллойске. Персонажи: сын Таалакаана Прокопий, олонхосут Сэмэн Каратаев-Дыбыйар, певица, запевала осуокая Ючюгэй Марыына

из Верхневиллойска и другие (тойуксут из Чочу Мэнгкэр Сэмэн).

Сцена № 28 «Просьба героя к приезжим олонхосутам исполнить олонхо» [Кулаковской 1990: 167–169]. Время и место: зимний период после установления дороги, период гражданской войны, дом Алексея. Событие: вечером по пути в город в гости к Алексею заходят его землячка М. И. Кириллова и Д. Эльбярjakов. На приветствие хозяина гостя слагает поэтическую импровизацию о причине и цели своего пути в город; хозяин просит устроить слушание олонхо М. И. Кирилловой и завершить вечер сказыванием Д. Элбярjakова. Гости отказываются исполнить просьбу Алексея в связи с обещанием исполнить олонхо у Давыдовых в с. Тыараса, которые взамен этого согласились довезти их в село Болтонго. Персонажи: Алексей; певица, олонхосут, землячка Алексея Мария Ивановна Кириллова; молодой олонхосут Денис Эльбярjakов.

Сцена № 39 «Вечер олонхо и сказок» [Кулаковской 1990: 273]. Время и место: конец мая, герой останавливается на ночь у родственников в Татте. Событие: Алексей получает признание в годы советской власти. Он соглашается быть парламентаром от большевиков в восставшем Оймьяконе. По пути в Оймьякон Алексей, не заезжая к больной супруге в *Сиэллээх*, на ночь останавливается в доме своего родственника М. Давыдова; слушает олонхо его младшего сына Дарыбыан, узнает, что последний научился сказывать олонхо у Легентея Тусалырова из Игидэя. Кроме того, он видит, что Федор, второй сын Михаила, является отличным сказочником. Алексей радуется, что его племянники развивают свой талант, благословляет их и обещает, что специально приедет записать их произведения. Персонажи: Алексей, Михаил Давыдов, его сыновья Дарыбыан и Федор.

В произведении не зафиксирована календарная приуроченность исполнения олонхо. Оно исполняется при стечении обстоятельств в любое время года. Местом исполнения эпического произведения во всех сценах в зависимости от сезона является зимний или летний тип жилища. Олонхо исполняется в узком кругу семьи или соседей в присутствии путника. Путником является или сказитель, или слушатель.

Заглавие устного олонхо как коммуникативная единица. Олонхо озаглавляется по имени главного героя. В народе

повсеместное распространение получили олонхо, называемые «Эр Соготох» (Мужодиночка) и «Нюргун Боотур» (Богатырь Нюргун), другие названия имеют локальный характер, существуют и редкие названия [Библиография олонхо 1982: 23–25]. В целом наблюдается более или менее устойчивый круг названий олонхо.

Имя героя олонхо, соответственно, и название произведения, являются весьма сложными образованиями. Имя бывает полным или неполным. Полное имя не только героя, но и других персонажей олонхо представляет собой именную формулу, структура и семантика которой были проанализированы в работе А. Н. Даниловой. По мнению исследователя, структурная модель формулы эпического имени состоит из следующих переменных: ОР 1 (определяющий ряд), показывающий место обитания персонажа и отнесенность к определенной стихии, цвету или объекту, + ОР 2, указывающий на родовое происхождение, + ОР 3, маркирующий индивид, + ИП (имя персонажа) + П (показатели): П1 (показатель социального положения) или П 2 (показатель пола) и /или П 3 (показатель возраста) [Данилова 2014: 14].

В повести «Аџам олоџо» читатель знакомится с названиями олонхо в сцене № 28, где Алексей просит заезжих гостей сказывать олонхо [Кулаковской 1990: 169]. Олонхо М. И. Кирилловой называется «Эрбэх үрдүгэр сэттэтэ эргийэр Эрбэхтэй Бэргэн» — дословно ‘Меткий Стрелок Большой Палец, крутящийся на кончике большого пальца семь раз’. Эпос второго олонхосута Д. Элберякова называется «Мас мастыыр, Баттах сарын, Баадар Хара уол бырааттаах, күүстээх-уохтаах Кюн Дьэргэстэй бухатыыр» — дословно ‘Сильный-энергичный богатырь Солнце Восходящее, имеющий парня, брата-дровосека с волосами до плеч Баадар Хара’.

Модели именных эпических формул повести включают не все компоненты. Модель формулы первого имени состоит из двух компонентов: ОР 3 + ИП. Определяющий ряд 3 ‘крутящийся на [кончике] большого пальца семь раз’, т. е. ловкий, маркирует особенности героя. Имя героя и название олонхо «Эрбэхтэй Бэргэн» ‘Меткий Стрелок Большой Палец’ сообщают о роде занятий носителя антропонима — охота и воинское дело.

Вторая формула имени имеет четыре компонента: ОР 2 + ОР 3 + ИП + П 1. В определяющем ряде 2 даются имя и характеристика брата героя ‘парень, брат-дровосек с волосами до плеч Баадар Хара’. ОР 3 раскрывает физическую силу и энергичность героя ‘сильный-энергичный’. Имя собственное связывает героя со светилом — ‘Солнце Восходящее’. Формула завершается указанием на род занятий героя ‘богатырь’.

В повести Реаса Кулаковского заглавия олонхо обусловлены изображением естественной коммуникативной ситуации «исполнение олонхо», когда Алексей Кулаковский на правах хозяина дома просит своих гостей-олонхосутов воспроизвести конкретные олонхо с указанием названия устных произведений. Названия текстов в данном случае служат заменителями текстов и свидетельствуют, что заказчик олонхо и его исполнители обладают единой культурной пресуппозицией, являются носителями одной эпической среды, что заказчик знает эпический репертуар своих гостей. В контексте устной коммуникации проситель использует неполное (но не краткое) название олонхо, обнаруживая свою компетентность. Полное название, на наш взгляд, приводил сам олонхосут перед началом исполнения.

Таким образом, повесть Реаса Кулаковского «Аџам олоџо» является историческим произведением, которое можно рассматривать как фольклорно-этнографический источник. Анализ показал, что персонажи-олонхосуты являются историческими лицами, а сцены устного исполнения достоверно раскрывают условия устного бытования олонхо в дореволюционной Якутии (время, место, ситуацию исполнения), реконструируют контекст ситуации исполнения олонхо вплоть до функционирования заглавия олонхо в устной коммуникации. Как известно, коммуникативная ситуация бытования (сказывания, воспроизведения) олонхо в якутской фольклористике еще не была самостоятельным объектом исследования, отчего исследователи практически не фиксировали на ней свое внимание и почти не оставили полноценных описаний таких ситуаций. В данном случае произведения якутских писателей-реалистов дореволюционного и советского периода, где описывается коммуникативная ситуация сказывания олонхо, могут быть использованы как достоверный источник.

Литература

- Алексей Елисеевич Кулаковский – Өксөкүлээх Өлөксөй (1877–1926) Био-библиографический указатель / сост. В. Н. Павлова, Я. А. Захарова, Л. Р. Кулаковская. Якутск: Сахаполиграфиздат, 1996. 96 с.
- Библиография олонхо: Методические разработки / сост. Т. С. Дьяконова; отв. ред. Д. С. Макаров. Якутск, 1982. 68 с.
- Данилова А. Н. Образ женщины-богатырки в якутском олонхо. Новосибирск: Наука, 2014. 166 с.
- Кулаковской Р. Аҕам олоҕо: Ахтыы-сэһэн. Якутскай: Кинигэ издательствота, 1990. 288 с.
- Кулаковская Л. Р. Научная биография А. Е. Кулаковского: личность поэта и его время. Новосибирск: Наука: Сибир. изд. фирма, 2008. 294 с.
- Оросина Н. А. Таттинская локальная традиция якутского эпоса-олонхо: Формы бытования, основные образы и мотивы: Дис. ... канд. филол. наук. 10.01.09. Якутск, 2015. 243 с.
- Творческая личность в историко-культурном пространстве: мат-лы Междунар. конф., посвящ. 100-летию послания А. Е. Кулаковского «Якутской интеллигенции» (г. Москва, 21–22 ноября 2012 г.). Новосибирск: Наука, 2013. 488 с.
- Тон Саар бухатыыр = Тон Саар бухатыыр: Олонхо / С. Н. Каратаев тылыттан; А. А. Саввин суруйда. Дьокуускай: Бичик, 2004. 240 с. (Саха Боотурдара: 21 т., 3 т.).

References

- [Aleksey E. Kulakovsky – Öksöküleekh Ölöksöy (1877–1926): Bio-Bibliographic Reference Book]. V. N. Pavlova, Ya. A. Zakharova, L. R. Kulakovskaya (comps.). Yakutsk: Sakhapoligrafizdat, 1996. 96 p. (In Russ. and Yak.)
- [Bibliography of the Olonkho: Guidance Booklet]. T. S. Dyakonova (comp.); D. S. Makarov (ed.). Yakutsk, 1982. 68 p. (In Russ.)
- [Creative Personality in Historical and Cultural Contexts]. Jubilee conf. proc. (Moscow; November 21–22, 2012). Novosibirsk: Nauka, 2013. 488 p. (In Russ.)
- Danilova A. N. [Image of Heroic Woman in the Yakut Epic of Olonkho]. Novosibirsk: Nauka, 2014. 166 p. (In Russ.)
- Kulakovskaya R. *Аҕам олоҕо: Ахтыы-сеһэн*. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1990. 288 p. (In Yak.)
- Kulakovskaya L. R. [Scientific Biography of A. E. Kulakovsky: Poet and His Time]. Novosibirsk: Nauka, 2008. 294 p. (In Russ.)
- Orosina N. A. [Yakut Epic of Olonkho: the Taatta Local Tradition. Key Forms, Images and Motifs]. Cand.Sc. (philology). thesis. Yakutsk, 2015. 243 p. (In Russ.)
- Тон Саар бухатыыр = Ton Saar bukhatyyr: Olonkho*. S. N. Karataev; A. A. Savvin. Yakutsk: Bichik, 2004. 240 p. (In Yak.)

ИССЛЕДОВАНИЕ СТИХОТВОРНОЙ ЧАСТИ «ОДЫ МУКДЕНУ, НАПИСАННОЙ ИМПЕРАТОРОМ»

Research of the Poetic Part of «Ode to Mukden, Written by the Emperor»*

Лиджиев А. Б. (A. Lidzhiiev)¹

¹кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и общегуманитарных дисциплин Калмыцкого государственного университета (Ph. D. of Philology, Associate Professor of the Russian as a Foreign Language and General Humanities Disciplines Chair at Kalmyk State University). E-mail: juwali@mail.ru.

Статья посвящена исследованию стихотворной части «Оды Мукдену, написанной императором». Это авторское сочинение императора Цяньлуна, написанное на маньчжурском языке в 1743 г. В статье дается перевод и приводятся комментарии к стихотворной части «Оды Мукдену», которая написана по канонам маньчжурского стихосложения. Хвалебная часть написана с использованием звуковой аллитерации, которая является своеобразным поэтическим резюме основной прозаической части.

Ключевые слова: «Ода Мукдену», маньчжурская литература, маньчжурская поэзия, маньчжурский язык, маньчжуры, император Цяньлун.

This article is devoted to the study of the poetic part of the Manchurian literary work «Han-i araha Mukden-i fužurun bithе», or „Ode to Mukden, written by the Emperor“, the author of this text is the Emperor Qianlong. There are publications devoted to the study of the work, but in Russia it is little known and publications devoted to this work in Russian are available in single copies, though the most rare and unique editions of the text are kept in Russian libraries. The story of writing „Ode“ is connected with Emperor’s visit (1743) to the former capital of the Manchu Mukden and tombs of ancestors in Manchuria. The article gives a poetic translation of the „Ode to Mukden“ as well as comments. Analysis of the verse leads to the assumption that the „Ode“ is written according to the canons of traditional Manchu poetry, i.e using sound alliteration. The laudatory part, written in verses, is a kind of poetic prose summary of the main part and consists of 98 lines, inside it is divided into 7 parts with 14 lines each.

Keywords: the Ode to Mukden, Manchu literature, Manchu poetry, the Manchu language, Manchus, Emperor Qianlong.

Данная статья посвящена исследованию стихотворной части оригинального маньчжурского литературного произведения «Han-i araha Mukden-i fužurun bithе», или «Ода Мукдену, написанная императором». Автором данного текста является император Цяньлун.

Исследования текстов на маньчжурском языке представляют значительный интерес с точки зрения как истории, этнографии, фольклора и литературы, так и языкознания. Изучение же немногочисленных оригинальных маньчжурских памятников литературы, безусловно, предопределяет высокую актуальность и научную значимость подобного рода исследований. Это связано в огромной степени с тем, что развитой

оригинальной литературы на маньчжурском языке не было, тогда как в большом количестве представлены переводы китайской классики. «Ода Мукдену» переведена на многие европейские языки, существуют публикации, посвященные исследованию данного произведения. Однако в России оно является малоизученным, и публикации, на русском языке, посвященные этому произведению, существуют в единичных экземплярах, тогда как в библиотеках России хранятся самые редкие и уникальные издания этого текста.

Необходимо сказать несколько слов об авторе «Оды». Важно отметить, что император Цяньлун, безусловно, был очень одаренной личностью: он писал стихи, играл

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ, проект № 15-04-00327.

на музыкальных инструментах, любил путешествовать и посещать древние места, он лично управлял государством, проводил целенаправленную внешнюю и внутреннюю политику по укреплению государства [Непомнин 2005: 122–131]. В истории император известен под именем Цяньлун (годы правления 1735–1796), в действительности же Цяньлун — это название девиза, под которым правил император Qiánlóng (乾隆 непоколебимое и славное), тогда как настоящее имя императора — Хун-Ли (Hung-li, годы жизни 25.11.1711–7.2.1799).

Император Цяньлун получил классическое китайское образование и, как сказано выше, был плодовитым поэтом, по мнению исследователей биографии Цяньлуна, он является автором около сорока тысяч поэм, порой в день сочинявшим их по дюжине [Yan Zinan 2013].

Период правления императора Цяньлуна считается временем наибольшего расцвета маньчжурского государства [Непомнин 2005: 131–138]. Именно на этот период приходится переводы на маньчжурский язык китайских произведений различного характера, значительного количества монгольских и тибетских сочинений [Успенский 2011: 237–265], и, что очень важно, создаются оригинальные произведения на маньчжурском языке. К ним относятся исторические, религиозные (шаманские) сочинения, а также проза и стихи.

Говоря о поэтическом даре императора, необходимо заметить, что он является инициатором создания большого поэтического сборника “*Han-i araha uoŋkiyan mudan-i irgebun*” — “*Полное собрание стихов, написанных императором*” (1778; китайское название *Yuzhi Quanyun shi*), который состоит из пяти томов и содержит 106 поэм. Поэмы написаны полным рифмованным циклом, состоящим из 106 рифм, в так называемом жанре «пиншу». «Пиншу» — это прозаический жанр, распространенный в северных и северо-восточных областях Китая. Как правило, пиншу — это произведения эпического жанра, отличаются крупными размерами, четкой и строгой композицией [Спешнев 1986: 25–43]. Однако маньчжурский вариант является наименее изученным из-за ограниченного количества его изданий [Stary 2008].

Перу императора Цяньлуна принадлежат стихотворные сопровождения картин, где изображены во весь рост военачальни-

ки, отличившиеся в различных компаниях, — всего было написано к 280 картинам. Около 50 было обнаружено в Берлине, и ни одно из них не сохранилось в Пекине и Тайбэе, большинство после восстания Ихэтуаней (1900) оказались за рубежом [Bügener 2015]. Несколько портретов имеются и в Государственном Эрмитаже, попавших в его запасники после Великой Отечественной войны в результате репарации [Пан, Пчелин 2011, 2015].

Самым известным авторским текстом, написанным на маньчжурском языке, является «Ода Мукдену», которая относится к оригинальным и самобытным образцам маньчжурской литературы. Она была первым произведением императора Цяньлуна, переведенным в Европе, — сначала переведена на французский язык в 1770 г., спустя полвека в 1828 г. был сделан следующий перевод, позже в 1835 г. был сделан перевод на английский язык, а в 1873 г. — и на немецкий. Более подробно история изучения данного текста описана в работе М. Гимма «Император Цяньлун как поэт» [Gimm 1993], характеристика этого произведения была дана Т. А. Пан [Пан 1997], которая получила продолжение в ее монографии [Пан 2006: 101–108].

История написания «Оды» связана с тем, что в 1743 г. после посещения прежней столицы маньчжуров, Мукдена, и могил предков в Маньчжурии, вдохновленный и воодушевленный, император решил написать классическую китайскую оду в жанре «фу».

Жанр фу в китайской поэзии является одним из пяти основных стихотворных стилей, особенность которого заключается в описательно-содержательном стихотворении и находит выражение как в прозе, так и в стихотворных куплетах, занимая место между поэзией и прозой. Структура поэмы фу содержат в себе, как правило, вступление, описание и завершение. Первая часть, т. е. вступление обычно представляет собой диалог поэта с кем-либо из представителей властей, где высказываются главные идеи поэмы, далее в описательной части эти идеи развиваются, в заключении же обычно дается резюме и высказывается личный взгляд на описываемые события [Голыгина 1970; Лисевич 1969].

В соответствии с этим классическим жанром и была написана «Ода Мукдену», по-маньчжурски *fužurun*. В словаре И. За-

харова дается определение fužurun, где fu — это китайское название жанра, а žurun — пара, таким образом fužurun — это «ода, поэма — пространное сочинение, по большей части стихами изложенное, в котором предложение и периоды оканчиваются рифмой, и стихи всегда парные, выражающие соответствие или противоположение одного другому; иногда простой рассказ, былина»

[Захаров 1875: 1091].

Написанная стихами хвалебная часть является своеобразным поэтическим резюме основной прозаической части fužurun [Пан 2011: 104]. Стихотворная же часть, а именно хвалебный гимн tukiyečun, состоит из 98 строк, внутри она делится на 7 частей по 14 строк, каждая седьмая часть условно делится на семь двустиший.

Tukiyečun i gisun

1. Ambaliŋgu Mukden fukžin ilibuha
2. amargi Simiya be

dalirabuha //

3. Alin den bira onco
4. abkai fežergi de tuwaku tokto buha //
5. Ayan tasha muduri i gese
6. ambula ferguwečuke ba banžinaha //
7. Ačabume ulan fetebu fi
8. akdulame hoton sahabuha //
9. Abka na be dursuleme
10. A e be alhudaha //
11. Ai ai huda be faksalame
12. ashan de taktu be dabkurilaha //
13. Ambarame ten be ilibufi
14. amba Han i dorobe badarambuha //

15. Embiči Žeo gurun de Bin /

Ki sehe

16. embiči Han gurun

de Fung Pei sehe //

17. Ereči Be Šui /

King Šan seme

18. eči gemu Han se yendenuhe //
19. Eldepi Šayan alin temgetulefi
20. emu girin i mederi šurdenuhe //
21. Enteke oyongo arbuŋga babe
22. enteheme žalan žalan akdambihe //
23. Eiten babe fusihun eŋgeleme
24. ertele dorgi tulergi be uherilehe //
25. Ergembume uži me taŋgū aniya ofi
26. elgiyen taifin de sebže lehe //
27. Ere de bodogon be gūninafi
28. ele soorin de giŋgulehe //

29. Umesi enduriŋge Šeŋzu mafan siranduha

30. ubade ilan mudan isinžiha //

31. Uruldehe morin ter seme tohobufi

32. uksin čoo ha yar seme yabubuha //

33. Uyun dabkūri de bifi

34. urhufi žirgara be ataŋgi baiha //

35. Uneŋgi gūnin-i muŋgan

de dorolonžifi

36. uče neifi deyen de hargašabuha //

37. Urgun sarin fe gurun de dagilafi

1. Величественный Мукден начал строиться,

2. Расположившись на северном берегу реки

Симья.

3. Высокая гора, широкая река

4. В Поднебесной является примером.

5. Подобно большому тигру и дракону

6. Является необыкновенно чудесным местом.

7. Соединённый прорытыми каналами,

8. Построен укрепленный город.

9. Подобно небу и земле,

10. Следуя инь и ян,

11. Вся торговля поделена,

12. Боковые пристройки построены ярусами.

13. Установленный до великих пределов

14. Закон великого хана распространяется.

15. Разве города династии Чжоу не зовутся Бин и Ки,

16. Разве города династии Хань не зовутся

Фунг и Пей,

17. Разве не называются города Бэ-Шуй и Кин-Шань,

18. Ведь процветали именно во все годы Хань.

19. Видна величественная гора Шаянь

20. На линии бурлящего моря.

21. В такое главное и важное место

22. Верят всегда из поколения в поколение.

23. На каждое место снизу шествуют,

24. Доныне объединяют внутреннее и внешнее.

25. Домашний скот сто лет пусть отдыхает,

26. Наслаждаясь в мире и достатке.

27. Думаешь мысли об этом

28. С особым почтением на престоле.

29. Следуя совершенно мудрому деду Шэньдзу,

30. Трижды был в этих местах.

31. Скаковую лошадь красиво седлая,

32. Латные войска прямо посылал.

33. Будучи за девятью стенами,

34. В это время, желая благоденствия,

35. Оказывал почтение на могиле праведными

мыслями.

36. Посетил большой зал, открывая дверь.

37. Приготовив праздничный обед во дворце,

38. unġa sakda de hūntahan
darabuha //
39. Užen kesi be badarambuhe
40. ulusu irgen de isibuha //
41. Umāi nurhūme kedereŋge waka
42. urui žulge be alhūdaha //
43. Ambula erdemu akū de yertešehe
44. amba soorin de sirame tehe //
45. Aniyadari taimiyoo wečeredē
46. ačingiyabufi wesire wasire
be erehužehe //
47. Alin muŋgan be žoŋko dari
48. amčame kidureŋge hiŋ sehe //
49. Abkai gosire de nashūlafi
50. aniyai elgiyen de teisulehe //
51. Ambarame dasatafi ebsi židerede
52. adame yaruha faidan žurulehe //
53. Aššaraŋge edun tuki i gese
54. ačaburaŋge esihe nimaha adali sirenehe //
55. Antahasa hafasa feniyelefi
56. amargi mimbe dahalame šurdenuhe //
57. Endure falga de isinžiha
58. ereni muŋgan yamun be
hargašaha //
59. Eldenġe ferguwečun gehuŋge alin či
tučinžifi
60. eyiten sabi simiya bira
de isarlaha //
61. Embiči da žuktehen i gese etuku
dobobufi
62. embiči ba liŋ ni gese žibehun fayidabuha //
63. Eldeke tugi žakdan de burgašame
64. eyere muke birgan de čalgišaha //
65. Enteheme ferguwečuke wen be deribufi
66. ergeŋge žaka šaŋgabuha
be ġūninaha //
67. Ertele wehei morin simačuka ofi
68. esi yasai muke sabdarlaha //
69. Eneŋgi šasihan fažiran
de kitureŋge
70. emu sukduŋ i salgabuha či
banžinaha //
71. Ilibuha fe guruŋ
de žiha
72. ilibuha fe guruŋ ter
sehe //
73. Ikiri terkin de wesinžihe
74. ikiri terkin žergilehe //
75. Ičemleme yaŋselahaŋga waka
76. iktambuha žiramin či deribuha //
77. Iče biya i gese gilmaržame
78. ineŋgišūn šun i gese žerkišehe //
38. Почтенным старейшинам рода по чаркам
вино разливал.
39. Великое счастье распространяя,
40. Воздавал благодарность всему народу.
41. Беспрестанно стерег правду и неправду,
42. Когда следовал истинной старине.
43. Стыжусь без великих заслуг
44. Великий престол занимать по наследству.
45. Ежегодно принося жертву в храме предков,
46. Надеюсь, будет не только ухудшение,
но и улучшение.
47. Горы, холмы всегда вспоминая,
48. Искренне думал и тосковал.
49. Когда небесная милость снисходила,
50. Ежегодное изобилие случалось.
51. Доныне умножая и улучшая для будущего,
52. Один за одним ряды соединил.
53. Двигаясь подобно ветру и облакам,
54. Тянутся, как сплошная рыба чешуя,
55. Группы торговцев и чиновников,
56. Вслед за мной идут.
57. Духи посещают дома,
58. А также посещают кладбища и
общественные места.
59. Великолепные чудеса, выходя из горы
Гэхунге,
60. Каждое доброе знамение у реки Симьянь
собирается.
61. Или подносят как жертвоприношение
одежду,
62. Или меняют одеяла, как в Ба-линг.
63. Светлые облака плывут среди сосен,
64. Текущая вода плещется в речке.
65. Древняя чудесная учтивость начинается,
66. Думал о благоденствии всех живых
существ.
67. Доныне каменная лошадь стоит унылой,
68. Конечно, слезы из глаз капаят.
69. Сегодня, вспоминая об оставшейся (миске)
супа в стенах дома,
70. Рождалось новое ниспосланное небом
чувство.
71. Придя в древний дворец, где восходил
на престол,
72. Стою прямо перед древним дворцом,
где восходил на престол.
73. На двойное крыльцо восхожу,
74. На двойном крыльце расположившись в ряд,
75. Без обновленного украшения
76. Начал собирать добро.
77. Сверкая, подобно новому месяцу,
78. Светясь ярко, подобно полуденному солнцу,

79. Ičišame tafukû čelehen weilebufi	79. Сделав желанное крыльцо на площадке,
80. ineku kulun dahasun be	80. Как и прежде, становясь, подобно небу
dursulehe //	и земле,
81. Ibaha boyihon i fažiran hiyabun	81. Как светильник (внутри) стен,
seči	обмазанных землей.
82. inu malhûn erdemu be temgetulehe //	82. Также отмечая заслуги добродетели,
83. Pletu bodogon omosi de tutabuhange	83. Светлые помыслы остаются внукам
84. ičaŋgasaka tumen tumen aniya elhe //	84. Приятнейшие миллионы лет мира.
85. Ereči žulergi duka be milarabuha	85. Отсюда вперед раскрываю ворота,
86. enčehe sarin be fayidabuha //	86. Накрываю столы для пиршественного обеда,
87. Emde hanči niyaman de hūntahan	87. Вместе передавая чашу с вином близким
guribume	родственникам,
88. emde ambasa hafasa de	88. Вместе чиновникам и вельможам делаю
isibuha //	подношение.
89. Ereči fe susu i senge sakda	89. От этого старейшины и старики
90. eyeržeme fularžame omičaha //	90. Сильно краснели, выпив,
91. Ere geren sain urse	91. Эти люди — хороший народ,
92. esi gemu mafari i werihe aha //	92. Конечно, все предки имели рабов,
93. Ergembume gosime žihe	93. Спокойное чувство любви приходит,
94. ertele minde isinžiha //	94. Доныне ко мне приходит благодать,
95. Erindari giŋgulere dade	95. Всегда прежде всего почтительное
giŋguleme	уважение,
96. ele gelere olhoro ġūnin	96. Особенно прибавляются беспокойные
noŋgibuha //	мысли,
97. Ere tumen tumen aniya de isitala	97. Достигая ста миллионов лет
98. enteheme amba doro be badarambuha	98. Пусть великий закон распространяется.

Перевод стихотворной части, как, впрочем, и всего текста «Оды» требует дополнительных комментариев. Это связано с тем, что каждое сравнение или приведенный пример имеет упоминание или отсылку к историческому прошлому, имеет явные аллюзии на историческую китайскую литературу, которые в маньчжурском тексте не так отчетливы или вообще не имеют ретроспекций.

Сравнивая маньчжурский перевод стихотворной части, tukiyečun, и перевод, сделанный Ж.-А. Амио, можно предположить, что последний был сделан с китайской версии «Оды» [Amiot 2013: 77–82]. На то, что китайский и маньчжурский тексты не совпадают, указывает также Т. А. Пан [Пан 2006: 106–107], в качестве примера приводя перевод первых 14 поэтических строк. Китайская и маньчжурские версии перевода, приведенные в работе Т. А. Пан, имеют значительные отличия [Пан 2006: 104–105].

Тем не менее, необходимо сделать некоторые замечания и комментарии к некоторым, не вполне очевидным реминисценци-

ям. Прежде всего важно сделать несколько замечаний относительно топонимов, упомянутых в «Оде». Так, сам город **Мукден**, китайское название которого – Шэньян, имеет древнюю историю. В 1621 году Шэньян был захвачен Нурхаци, в 1625 году маньчжуры перенесли сюда столицу, а город стали называть на маньчжурский манер Мукден, что переводится как «возвышенность».

В стихотворной части, tukiyečun, также упоминается и гидроним **Simiya**, или Симья, кит. река Шэнь, один из притоков Ляохэ. В словаре И. Захарова говорится, что «Симьянь, по-кит. река Шэнь-янь, название местности в Маньчжурии, на которой стоит город Мукдэнь; симьянь хотон прежнего названия города Мукдэнь; симьянь бира по-кит. Шэнь-хо, название реки, протекающей около города Мукдэнь» [Захаров 1875: 901]. Еще один упомянутый топоним, это **Gehunge alin** (гора Славная) — название горы в Мукдене в уезде Чэн-дэ.

Девятая строка сочинения, где приводятся слова **abka na be dursuleme** «подобно небу и земле», содержит упрощенное соответствие китайскому тексту «брать за об-

разец Небо и примеряться к земному» и является заимствованием из «Ши цзи» (Исторические записки) [Пан 2013: 107]. Десятая строка **A e be alhudaha** «следуя инь и ян», по мнению Т. А. Пан, соответствует китайской фразе «ян освещает, инь срывает», взятой из «Оды западной столицы» ханьского поэта Бань Гу [Пан 2013: 107].

Упомянутые в 15 строке города **Bin** и **Ki**, очевидно, существовали в период династии Чжоу, **Žeo gurun**, царствовавшей в Китае с 1045 по 221 гг. до н. э. В 16 строке говорится о городах **Fung** и **Pei**, которые, вероятно, существовали в период династии Хань с 206 до н. э. до 220 гг. н. э. В строке 17 приведены населенные пункты **Be-Šui** и **King-Šan**, по мнению Ж.-М. Амие, первое — это прежнее название города Наньян, а второе — название дворца. Дворец был построен в шестой год правления Чжэньгуань императора Тайцзуна [599–649 гг.]

Литература

- Гольгина К. И. Жанр фу и его толкование в традиционной китайской теории литературы // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. М.: Наука, 1970. С. 111–120.
- Захаров И. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб.: Тип. Император. акад. наук, 1875. 1234 с.
- Лисевич И. С. Ханьские фу и творчество Сыма Сян-жу // Литература древнего Китая. М.: Изд-во МГУ, 1969. С. 222–231.
- Непомнин О. Е. История Китая: Эпоха Цин. XVII – начало XX века. М.: Издат. фирма «Вост. лит.» РАН, 2005. 712 с.
- Пан Т. А. Особенности маньчжурского поэтического текста «Ода Мукдену» императора Цяньлуна // Altaica I. М.: Ин-т востоковед. РАН, 1997. С. 68–78.
- Пан Т. А. Маньчжурские письменные памятники по истории и культуре империи Цин в XVII–XVIII вв. СПб.: Петербург. востоковед., 2006. 228 с.
- Пан Т. А., Пчелин Н. Г. Портреты выдающихся военачальников периода правления императора Цяньлуна из коллекции Государственного Эрмитажа // Письменные памятники Востока. № 2 (15). 2011. СПб.: Издат. фирма «Вост. лит.» РАН, 2011. С. 262–279.
- Пан Т. А., Пчелин Н. Г. Пять портретов маньчжурских военачальников из коллекции Го-

династии Тан, правившего с 627 по 649 гг. [Amiot 2013: 175]. В строке 62 упоминается название **Ba liq**, Ба-линг, царской усыпальницы, построенной во времена императора Вэнь-ди, период правления 180 до н. э. – 157 гг. до н. э. [Amiot 2013: 175].

Анализ стихотворной части позволяет выдвинуть предположение, что она написана согласно традиционным канонам маньчжурского стихосложения, т. е. с использованием звуковой аллитерации, а именно анафоры. Данный прием используется у многих народов Азии — как у монголо- и тюркоязычных, так и у тунгусо-маньчжурских. Предварительный анализ позволяет сделать заключение, что стихотворная часть подлежит членению на 14 строк, где сложение каждого двустушия составляет катрен, т. е. каждая седьмая часть состоит из трех катренов и завершающего двустушия.

сударственного Эрмитажа // Азия и Африка в меняющемся мире. XXVIII Междунар. науч. конф. 22–24 апреля 2015 г. СПб.: ВФ СПбГУ, 2015. С. 170.

- Спешнев Н. А. Китайская простонародная литература: Песенно-повествовательные жанры. М.: Наука, 1986. 320 с.
- Успенский В. Л. Тибетский буддизм в Пекине. СПб.: ООО «Студия „НП-Принт“», 2011. 368 с.
- Amiot. J.-M. Éloge de la ville de Moukden. Tillard, libraire, Paris, 1770. Édition en mode texte par Pierre Palpant. 2013. 190 p.
- Bügener Annette. Die Heldengalerie des Qianlong-Kaisers: ein Beitrag zur chinesischen Porträtmalerei im 18. Jahrhundert. Frankfurt, M.: PL Acad. Research, 2015. 528 S.; 22 cm + 1 CD-R.
- Gimm M. Kaiser Qianlong (1711–1799) als Poet. Stuttgart: Steiner, 1993. 231 S.
- Stary Giovanni. A Preliminary Note on the Manchu Versions of Qianlong's Poetical Collection Quanyun shi // Письменные памятники Востока, 2008. № 1(8). Издат. фирма «Вост. лит.» РАН, 2008. С. 100–104.
- Yan Zinan. A Change in the Poetic Style of Emperor Qianlong: A Study of the Heptasyllabic Regulated Verses on New Year's Day // Ming Qing Studies 2013. Roma: Aracne editrice S.r.l., 2013. P. 371–394.

References

- Amiot. J.-M. Éloge de la ville de Moukden. Tillard, libraire, Paris, 1770. Édition en mode texte par Pierre Palpant. 2013. 190 p. (In Fr.)
- Bügener A. Die Heldengalerie des Qianlong-Kaisers: ein Beitrag zur chinesischen Porträtmalerei im 18. Jahrhundert. Frankfurt, M.: PL Acad. Research, 2015. 528 p.; 22 cm + 1 CD-R. (In Germ.)
- Gimm M. [Emperor Qianlong (1711–1799) as Poet]. Stuttgart: Steiner, 1993. 231 p. (In Germ.)
- Golygina K. I. Genre and its interpretation in traditional Chinese theory of literature. In: [Investigating Literatures of the Far East: Theoretical Problems]. Moscow: Nauka, 1970. Pp. 111–120. (In Russ.)
- Lisevich I. S. The royal fu rhapsodies and works by Sima Xiangru. In: [Literature of Ancient China]. Moscow: Moscow State University, 1969. Pp. 222–231. (In Russ.)
- Nepomnin O. E. [History of China: the Qing Era, 17th – Early 20th Centuries]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2005. 712 p. (In Russ.)
- Pan T. A. [History and Culture of the Qing Empire in the 17th – 18th Centuries: Manchu Written Sources]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2006. 228 p. (In Russ.)
- Pan T. A. Ode to Mukden by Qianlong Emperor: peculiarities of the Manchu poetic text. In: Altaica I. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 1997. Pp. 68–78. (In Russ.)
- Pan T. A., Pchelin N. G. Five portraits of Manchu military commanders housed by the State Hermitage Museum. In: [Asia and Africa in the Changing World]. Conf. proc. (St. Petersburg; April 22–24, 2015). St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2015. P. 170. (In Russ.)
- Pan T. A., Pchelin N. G. Portraits of Emperor Qianlong's prominent military commanders housed by the State Hermitage Museum. *Pis'mennye pamyatniki Vostoka*. 2011. No. 2 (15). Pp. 262–279. (In Russ.)
- Speshnev N. A. [China's Folk Literature: Song and Narrative Genres]. Moscow: Nauka, 1986. 320 p. (In Russ.)
- Stary G. A Preliminary note on the Manchu versions of Qianlong's poetical collection Quanyun shi. *Pis'mennye pamyatniki Vostoka*. 2008. No. 1(8). Pp. 100–104. (In Eng.)
- Uspensky V. L. [Tibetan Buddhism in Beijing]. St. Petersburg: Studiya NP-Print, 2011. 368 p. (In Russ.)
- Yan Zinan. A Change in the poetic style of Emperor Qianlong: a study of the heptasyllabic regulated verses on New Year's Day. In: Ming Qing Studies 2013. Roma: Aracne editrice S.r.l., 2013. Pp. 371–394. (In Eng.)
- Zakharov I. [Unabridged Manchu – Russian Dictionary]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1875. 1234 p. (In Man. and Russ.)

ОЙРАТСКИЕ ПЕРЕВОДЫ СУТР ПРАДЖНЯПАРАМИТЫ Oirat Translations of Prajnaparamita Sutras

Бичеев Б. А. (B. Bicheev)¹

¹доктор философских наук, заведующий отделом письменных памятников, литературы и буддологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of Philosophy, Head of the Department of Written Monuments, Literature and Buddhology at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: bazar@mail.ru.

В статье дан краткий анализ праджняпарамитских сутр буддизма махаяны. Наибольшую известность получили сутры, которые известны как «девять провозглашений Дхармы». В поздний период формирования праджняпарамитских текстов появляются лаконичные по содержанию сутры, в которых были обобщены основные идеи буддизма махаяны. Базовые сутры праджняпарамиты были переведены на ойратский язык в XVII в. Зая-пандитой.

Ключевые слова: буддизм, сутра, ойратский перевод, Зая-пандита, философия буддизма, учение о пустоте.

Prajnaparamita sutras are considered to be the fundamental texts of Mahayana Buddhism, the most honored of them are the nine mahavajrapurjya sutras (long in content). At the final stage of Prajnaparamita texts formation there appear Sutras, representing the summary of the doctrine of Prajnaparamita. These sutras were translated into Tibetan and known as the seventeen «maternal» and «filial» scriptures. Prajnaparamita translations of sutras from Tibetan into the Oirat language were made by Zaya Pandita in the middle of the XVIIth century. The most important in its functional significance and prevalence are the three texts: «the Suvarnaprabhasa Sutra» («the Sutra of Golden light»), «the Vajracchedika Sutra» («the Diamond Sutra») and «the Hridaya Sutra» («the Heart Sutra»).

Keywords: Buddhism, sutra, Oirat translation, Zaya Pandita, the philosophy of Buddhism, the doctrine of emptiness.

За время формирования буддизма махаяны было создано огромное количество сутр, отличавшихся друг от друга как по форме, так и по содержанию. Первые махаянские сутры появились на рубеже I в. до н. э. — I в. н. э. Согласно сложившейся традиции, считается, что сутры, сохранившиеся на языке пали, принадлежат традиции буддизма хинаяны, а санскритские сутры образуют наследие буддизма махаяны.

Базовыми текстами буддизма махаяны считаются праджняпарамитские сутры, среди которых особо почитаются девять махавайпурья (больших по содержанию) сутр, или «девять провозглашений Дхармы»:

1. «Аштасахасрика сутра» («Сутра в восемь тысяч шлок»). Предположительно, появилась в I веке до н. э. и является самой ранней из сутр праджняпарамиты. Позже появились ее дополненные варианты объ-

емом в двадцать пять тысяч и сто тысяч шлок, включающие дополнительные повествовательные элементы, повторы и описания.

2. «Лалитавистара сутра» («Жизнеописание Будды»). Одна из ранних сутр махаяны, представляющая собой махаянский вариант жизнеописания Будды.

3. «Ланкаватара сутра» («Сутра о нисхождении Будды на Ланку», или «Сутра явления [Благого Закона] на Ланке»). Доктринальный текст махаянского буддизма, предположительно, появившийся к IV в. В сутре указывается путь достижения просветления посредством йогических практик, заключающихся в успокоении ума и очищении его от источников омрачений.

4. «Татхагата гухьяка сутра» («Сутра таинства Татхагаты»). В сутре излагается учение о возможности достижения просвет-

ления всеми существами, поскольку каждое существо, вне зависимости от своего социального статуса, изначально наделено «природой Будды».

5. «Дашабхумика сутра» («Сутра десяти ступеней»). Одна из девяти больших сутр махаяны, составленная, предположительно, во II–III вв. В сутре описаны уровни совершенства личности, следующей путем бодхисаттвы. Каждый этап соотносится с практикой соответствующей парамиты.

6. «Самадхи раджа сутра» («Сутра царственного самадхи»). В сутре излагается сущность самадхи, то есть практика последней ступени Благородного восьмиричного пути — самадхи (медитации), ведущей человека к нирване.

7. «Гандавьюха сутра» («Сутра цветочной гирлянды»). В тексте сутры раскрывается положение о том, что всё в одном, одно во всём, всё во всём, одно в одном, с помощью символического образа сети из драгоценных камней. Каждый камень отражает все остальные и сам отражается в них.

8. «Саддхарма пундарика сутра» («Лотосовая сутра»). Один из самых известных канонических текстов махаяны. Сутра представляет собой цикл проповедей Будды, в которых он возвещает фундаментальную идею тождества бытия и нирваны, всеобщности спасения и «неисчислимости жизни» Будды. Все это предвосхитило появление доктрины о «Теле Дхармы» и учения о «Трех телах Будды».

9. «Суварнапрабхаса сутра» («Сутра Золотого света»). Имеет частично философское, частично легендарное содержание. Ее называют царствующей над всеми сутрами. Считается, что практика почитания этой сутры способствует прекращению насилия и войн.

Сутры из состава «деяти Дхарм» почитаются в разных буддийских традициях. К примеру, «Самадхи раджа сутра» играет важную роль в северном буддизме (Непал, Тибет и Монголия), а в дальневосточной буддийской традиции (Китай, Япония и Корея) больше почитают «Саддхарма пундарика сутру».

На завершающем этапе формирования праджняпарамитских текстов происходит обобщение содержания больших сутр. Появляются тексты, представляющие собой своеобразные резюме, выражающие суть доктрины праджняпарамиты. Наиболее

важными по своей функциональной значимости и распространенности являются три сочинения — «Суварнапрабхаса сутра» («Сутра Золотого света»), «Ваджрачхедика сутра» («Алмазная сутра») и «Хридая сутра» («Сутра сердца»). Очень кратко и сжато в них излагаются главные положения учения праджняпарамиты — доктрина пустоты, бессущности всех элементов бытия и возможность интуитивного постижения истинной природы реальности.

Согласно традиции махаяны, бодхисаттвой может стать каждый, и монах, и простой мирянин, вознамерившийся достичь «просветления» ради блага всех существ сансары. Стать уже в этой жизни бодхисаттвой — реально, учит махаяна. Поэтому упор надо делать на практику бодхичитты. Махаянские наставления гласят, что бодхичитта — такой настрой сознания, при котором пробуждается и развивается желание помогать всем живым существам. Именно этот постулат является основным для всех махаянских текстов. Лишь породив в себе бодхичитту — это особое состояние сознания, существо может вступить на путь махаяны. Главной опорой в методе рождения и развития в себе бодхичитты являются два определяющих фактора сознания: сострадание и мудрость. Усиление в буддийских текстах мотивов страдания и, соответственно, сострадания — один из важнейших приемов воздействия на сознание верующих масс.

Сутры праджняпарамиты были переведены на тибетский язык коллективно и известны как семнадцать «материнских» и «сыновних» писаний [Лепехов 1986: 100]. Переводы праджняпарамитских сутр с тибетского на ойратский язык были осуществлены Зая-пандитой в середине XVII в. Из поздних праджняпарамитских сутр следует указать на три наиболее почитаемых и распространенных текста. Это «Сутра Золотого света» (краткое ойратское название «*Алтан герел*»), «Ваджрачхедика сутра» («*Дорж жодв*») и «Сутра сердца» («*Билгин зүркн*»). В ряду переводов Зая-пандиты «Сутра Золотого света» значится пятой, «Ваджрачхедика сутра» седьмой, а «Сутра сердца» пятнадцатой из 186 наименований переведенных сутр, шаштр, тантрических и других сочинений, указанных в сочинении «Лунный свет: История рабджамбы Зая-пандиты» Раднабхадры» [Раднабхадра 1999].

«Алмазная сутра» («*Xutuqtu biligiyn*

čínadu küreqsen tasuluqči očir ketēkü sudur) — является самой популярной и высокопочитаемой из трех вышеупомянутых праджняпарамитских сутр. Достаточно указать на то, что списки этой сутры на «ясном письме» являются самыми многочисленными. В коллекции ойратских рукописей Института восточных рукописей РАН хранятся четыре рукописи этого текста [Сазыкин

1988]. Лувсанбалдан приводит шифры 17 рукописей на «ясном письме» из фонда Института языка и литературы АН Монголии [Лувсанбалдан 1975]. Известно о 26 рукописных текстах «Ваджрачхеддика сутры», хранящихся в личных коллекциях [Inoue 2009].

В тексте колофона ойратского перевода эта сутры названа

*Dāre eke. arši śakyamuniyin zarliq biliq barimadiyin sudur:
ali śütüqseni tödüiyiken-yēr aryā biliq tögüsken:
ayus tamu terigüüiten orčilonggiyin kürdü tasuluqči očir öüni:
ariun süzüqtü Dāre eke terigüülen oloni durduqsan-du::*

Х. Лувсанбалдан пишет, что *Dāre eke* (*Dāre ubasanča*), или Юм Агас (ум. 1687 г.) — дочь торгутского тайши Хо-Орлюка, одна из восьми жен правителя Джунгарского ханства Эрдэни Батур-хунтайджи (1634–1653) [Лувсанбалдан 1975: 132]. Это подтверждают и другие исторические

данные [Златкин 1983: 111]. После смерти мужа она приняла обет мирянки-убсанцы и строго придерживалась его вплоть до самой кончины.

В заключительной строфе колофона высказано пожелание всем живым существам достичь состояния Будды:

*ene metü rab jam Zaya paṇḍida orčiuluqsan buyan-yēr:
ene oron-ēce terigüülen xamuq yertüncü-dü:
erdeni šajin ariun todorxoi delgerēd:
eke boluqsan amitan ötör burxan boltuyai::*

Известно, что «Ваджрачхеддика сутру» ойраты издавали трижды. Самое раннее ксилографическое издание относится к 1741 г. Оно было осуществлено в Джунгарском ханстве во времена правления Галдан-Церена [Лувсанбалдан 1975: 118]. Галдан-Церен (1727–1745) — старший сын ойратского правителя Цеван Рабтана. Время его правления характеризуется укреплением внешней и внутренней политики страны. В Джунгарии было налажено ксилографическое издание буддийских

текстов. В год издания «Ваджрачхеддика сутры» был напечатан и текст «Сутры Золотого света».

Второе издание сутры было осуществлено в 1795 году уже после падения Джунгарского ханства. Последнее издание было осуществлено дербетским правителем Тогос Хулэг ханом [Ринчен 1964: 67].

К тексту колофона ойратского перевода «Ваджрачхеддика сутры» в первом ксилографическом издании добавлено три строфы:

*ene tasuluqči očiriyin suduri: urida
Rab jams pa xutuqtuyin gegēn kübüülüqsan-ēce: zabsar-tu
bičiči terigüüiteni erkes üleqsan tasuraqsan endüüreqsen bügedei-gi
šarayin šajini öqligüyin ezen Dkā ldan čering vangpu tani zarliqyār:*

*sakuqsapa dgeslong Bjangpo rgyamčo:
tos bsam ling dgeslong Bkraši rgyal mčan:
dgeslong Yong drung dar rgyas: dgeslong Lhon grub rgyamčo:
tayilbur kigēd maši ariun eke bičiküüidtü tulyan souji ariudxād
tömör takā jildü mongyol-yēr keb-tü daroulbai::*

*öün-yēr yılaŋuqsani šajin erdeniyin:
yadar dotoriyin xayacaxuyin šiltāni kir бүкүн арилун:
zūq caq бүкүн-дү örgöjin delgereji
öüni udā orošixu boltuyai.: : .:*

Таким образом, колофон ксилографа содержат интересную информацию, согласно которой текст сутры по инициативе Галдан Церена был тщательно сверен с тибетским оригиналом «Ваджрачхеддика сутры» и другими списками на «ясном письме» авторитетной группой ойратских монахов и опечатан в год железной курицы (1741 г.).

Составной частью основного корпуса праджняпарамитских текстов является «Сутра сердца», в которой провозглашается фундаментальное понятие буддизма махаяны — альтруистическая устремленность к просветлению во благо всех существ. Полное ойратское название сутры — «*Ilayun tögösün üleqsen biligiyn činadu kürüqsüni züreken*». Краткое название — «*Biligiyn zürüken*». В письменных текстах сутру также кратко называют «*Biliq barimid kemekü sudur*». Исследователи указывают на то, что, согласно классификации, которой придерживались тибетские авторы, «Сутра сердца» включается в число одиннадцати «дочерних» сутр [Лепехов 1986: 100].

«Сутра сердца» по своему объему является одной из самых лаконичных среди

поздних праджняпарамитских текстов. Не случайно ее называют сутрой «Двадцати пяти строф Совершенства Мудрости». В ней провозглашается учение о пустоте как истинной сущности реальности. Толкование скрытого смысла различных частей сутры привело к появлению многочисленных комментариев. По мнению Его Святейшества Далай-ламы XIV, существует традиция толкования учений праджняпарамитских сутр на двух разных уровнях. С одной стороны, есть явный предмет, которым является учение о пустоте, с другой — скрытый уровень, который связан с уровнями понимания пустоты. Основная функция сутры — активно воздействовать на сознание через глубокую практику пустоты [Далай-лама 2008].

В колофоне ойратского перевода кратко сообщается о том, что перевод «Сутры сердца» осуществил мудрый тойон рабджамба Зая-пандита по настоятельной просьбе нойона эркечудов (*erkejud*) Джодвы. Далее следует традиционное пожелание, чтобы с помощью этой сутры праджняпарамиты «воссияло пламя святости, которое станет украшением Джамбутвицы».

*ene biliq barimadiyin [sudur]
erte-ēce xuraqsan sayin buyani küčün-yēr
erdeniyin xān jindamani metü kümüni beye olji:
erkejud ulušiyyin noyon bolon töröqsön
erdeni šajini öqligüiyin ezen gʻodpa: duraduqsan=du.:
xamugiyin itegel šakjiyyin gelong:
xamugi ayiladuqči dalai blamayin šabi:
xamuqtu tügēmel Oqtoruyuyin dalai kemekü töyin:
xariul ügei süzüqtün: zarim-du tusa bolxuyin tula orčiulbai:
töbödiyın kelen=ēce mo=ngyoliyyin kelen-dü:*

Из содержания колофонов других переводов Зая-пандиты, известно, что Джодва является инициатором перевода еще двух сочинений — «*Bodhi sadv-yin unal mörgül kemeēkü sudur*» и «*Xutuqtu boqdoyin sang*». Лувсанбалдан писал о том, что точных сведений о Джодве в исторической литературе нет, и предположил, что, возможно, под этим именем имеется в виду куку-норский Джодва баатар, сын хошеутского правителя Эрдэни баатур хунтайджи [Лувсанбалдан 1975: 134].

Таким образом, основная идея этих двух наиболее знаменитых и почитаемых сутр, по мнению исследователей, сводится к постижению природы истинной реальности с помощью достижения особого состояния, порождаемого текстами праджняпарамиты [Торчинов 2000: 67].

Махаянские сутры, являющиеся частью интеллектуального наследия буддизма, были бережно сохранены ойратами и способствовали межкультурной коммуникации и взаимодействию.

Литература

Далай-лама XIV Тензин Гьяцо. Сутра сердца: учение о праджняпарамите. Элиста: Океан мудрости, 2008. 356 с.

Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. Издание второе. М.: Наука, 1983. 330 с.

Лепехов С. Ю. Психологические проблемы в «Хридая-сутре» // Психологические аспекты буддизма. Новосибирск: Наука, 1986. С. 90–103.

Лувсанбалдан Х. Тод усэг, түүний дурсгалууд. Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академийн хэвлэх, 1975. 356 х.

Раднабхадра. Лунный свет. История рабдхамбы Зая-пандиты. СПб.: Санкт-Петербургское востоковедение, 1999. 176 с.

Ринчен Б. Ойратские переводы с китайского // Zaklad orientalistyki Polskiej Ака-

demii Nauk. Rocznik orientalistyczny. XXX. I Warszawa. 1966. С. 59–73.

Сазыкин А. Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института Востоковедения АН СССР: В 3 тт. М.: Наука, 1988. Т. 1. 507 с.

Торчинов Е. А. Предисловие // Избранные сутры китайского буддизма. СПб.: Наука, 2000. С. 5–26.

Inouye Osamu, Minhyad Erdemtu, Amur genggei, Sayinbayar genggei, Dosan, Torubatu-nar nayirayulbai. *Šinjiyang-un Ili-yen qasag ündüsüten-ü öberteken jasaqu-yeu-yin ögeled mongyolčud-un qadagalju bayiqa mongyol qayučin nom bičig-un yarčag*. Begejing, 2009. 210 с.

Oyirad mongyol-un tobči tütüki. Degedu. Urumuč: Šinjiyang-un arad-un keblel-un qoriy-a, 2008. 456 q.

References

14th Dalai Lama Tenzin Gyatso. [The Heart Sutra: a Teaching of Prajñāpāramitā]. Elista: Okean Mudrosti, 2008. 356 p. (In Russ.)

Inouye Osamu, Minhyad Erdemtu, Amur genggei, Sayinbayar genggei, Dosan, Torubatu-nar nayirayulbai. *Šinjiyang-un Ili-yen qasag ündüsüten-ü öberteken jasaqu-yeu-yin ögeled mongyolčud-un qadagalju bayiqa mongyol qayučin nom bičig-un yarčag*. Beijing, 2009. 210 p. (In Mong.)

Lepekhov S. Yu. Psychological problems in the Hṛdaya Sutra. In: [Psychological Aspects of Buddhism]. Novosibirsk: Nauka, 1986. Pp. 90–103. (In Russ.)

Luvsanbaldan Kh. [Clear Script and Its Monuments]. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1975. 356 p. (In Mong.)

Oyirad mongyol-un tobči tütüki. Degedu. Urumqi: Xinjiang People's Publ., 2008. 456 p. (In Mong.)

Radnabkhadra. [The Moonlight: a Story of Rabjampa Zaya Pandita]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1999. 176 p. (In Russ.)

Rinchen B. Chinese to Mongolian translations. In: [Polish Academy of Sciences, Department for Oriental Studies: Oriental Yearbook]. Vol. XXX. Part I. Warsaw, 1966. Pp. 59–73. (In Russ.)

Sazykin A. G. [Institute of Oriental Studies, USSR Academy of Sciences: Catalogue of Mongolian Manuscripts and Xylographs]. In 3 vols. Moscow: Nauka, 1988. Vol. 1. 507 p. (In Russ.)

Torchinov E. A. Foreword. In: [Chinese Buddhism: Selected Sutras]. St. Petersburg: Nauka, 2000. Pp. 5–26. (In Russ.)

Zlatkin I. Ya. [History of the Dzungar Khanate: 1635–1758]. 2nd ed. Moscow: Nauka, 1983. 330 p. (In Russ.)

ИСТОРИЯ ПУБЛИКАЦИЙ ОЙРАТСКОГО ПЕРЕВОДА «СУТРЫ ЗОЛОТОГО СВЕТА»

On the History of Publications of the Oirat Translation of «the Sutra of Golden Light»

Б. А. Бичеев (B. Bicheev)¹

¹доктор философских наук, заведующий отделом письменных памятников, литературы и буддологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of Philosophy, Head of the Department of Written Monuments, Literature and Buddhology at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: bazar@mail.ru.

В статье дан краткий обзор истории публикаций ойратского перевода «Сутры Золотого света» — одного из самых почитаемых текстов буддизма махаяны. В течение столетия со времени перевода текста в середине XVII в. Зая-пандитой на ойратский язык сутра существовала только в рукописном виде. В середине XVIII в. она была издана ксилографическим способом сначала в Джунгарском ханстве, а затем и волжскими калмыками. В начале XXI в. факсимиле ойратского перевода сутры было опубликовано исследователями Монголии и Китая. Текст «Сутры Золотого света» был переведен на русский язык, а также переложен на современный калмыцкий язык.

Ключевые слова: «Сутра Золотого света», ойратский перевод, Зая-пандита, ксилография, рукопись, издание текста.

The translation of the Tibetan text of «the Sutra of Golden light» in the Oirat language was made by Zaya Pandita. During the century since the translation of the text into the Oirat language in the middle of the XVIIth century, the sutra existed only in manuscript form. In the middle of the XVIIIth century, it was first published by the xylographic method in the Dzungar khanate, and then by the initiative of the Volga Kalmyks. The appearance of printed texts did not affect the number of handwritten forms of the sutras. Today, more than thirty of its handwritten copies are stored in scientific and private collections in Mongolia, China and Russia. In the beginning of the XXIth century facsimile of the Oirat translations of the Sutra was published by Mongolian and Chinese researchers. The text of «the Sutra of Golden light» was translated into Russian and into modern Kalmyk language. The interest to the monument is raised by both scholars and ordinary believers.

Keywords: “the Sutra of Golden Light”, the Oirat translation, Zaya Pandita, xylography, manuscript, publication of the text.

За время формирования буддизма махаяны было создано много различных сутр, но особое место в ее традиции занимает почитание «деяти провозглашений Дхармы», или сутр, которые относят к категории «махавайпурья», т. е. масштабным, или великим. Считается, что в них изложен особый аспект учения, и в этом смысле каждая из девяти сутр отлична от других. Но в действительности в каждой из них провозглашается квинтэссенция учения Будды. Одной из сутр, входящих в число девяти почитаемых в буддизме махаяны доктринальных текстов, является «Сутра Золотого света» («*Суварнапрабхаса сутра*»). Очень кратко и сжато в ней излагаются главные положения учения пра-

джняпарамиты — доктрина пустоты, бес-сущности всех элементов бытия и возможность интуитивного постижения истинной природы реальности.

Переводы праджняпарамитских сутр с тибетского на ойратский язык были осуществлены ойратским просветителем Зая-пандитой в середине XVII в. «Сутра Золотого света» («*Xutuqtu suduriyin ayimagiyin erketü xān dēdū altan genel kemēkü yeke külgüni sudur orošibo*») в ряду переводов Зая-пандиты значится пятой из 186 наименований осуществленных им переводов сутр, шастр, тантрических и других сочинений, указанных в сочинении «Лунный свет: История рабджамбы Зая-пандиты» Раднабхадры [Раднабхадра 1999].

Согласно содержанию колофона, ойратский перевод «Сутры Золотого света» (краткое ойратское название «*Altan gerel*») был выполнен Зая-пандитой по просьбе Ахалай Алдар (Алдар зайсанг, Алдар-тайши). По данным исторических источников, Ахалай Алдар — сын дербетского Чуу-тайши, внук дербетского Далай-тайши. Раднабхадра в своем сочинении пишет, что в 1655 г. Зая-пандита отправился к волжским калмыкам. По пути он был приглашен Алдар-тайши, «который из [чувства] величайшего почтения и благоговения переписал множество священных книг. Благоговей и почитая [Зая-пандиту], принял [в дар] также одежду [сего] гэгэна. Величайшее же свое благоговение выказал, поднеся [Зая-пандите] триста коней и тридцать верблюдов. [Зая-пандита] насытил и его нектаром высшего святого учения» [Раднабхадра 1999: 73–74]. Алдар-тайши является также инициатором перевода еще двух сочинений — «*Xutuqtu ölzöi dabxurlaqsan yeke külgüni sudur*» и «*Süzügiyin zemestü modon delgereküi ceceq kemekü zalbaril*» [Лувсанбалдан 1975: 132].

В середине XVIII века, спустя почти столетие после осуществления перевода «Сутры Золотого света» Зая-пандитой, сутра приобрела печатную форму. В 1741 г. ксилографическое издание сутры было осуществлено в Джунгарском ханстве [Лувсанбалдан 1975]. Период правления Галдан-Церена (1727–1745) характеризуется укреплением внешней и внутренней политики страны. По некоторым историческим данным, Цеван Рабтан (отец Галдан-Церена) в годы своего правления создал пять джисанов (Агба (Гакпа), Тосамлинг, Дулва, Ламрим, Ики Хурул), под ведомством которых находились наиболее крупные ойратские монастыри. Позже Галдан Цереном было создано еще четыре джисана (Ундусун, Шамбалинг, Сундуй, Пинчин). Джисан Агба состоял из 4000 семей под руководством двух зайсангов. Каждый из четырех оставшихся джисанов (Ламрим, Дулва, Тосамлинг и Ики Хурул) состоял из 1000 семей и 1 зайсанга. Джисаны Ундусун и Шамбалинг также состояли из 1000 семей и 1 зайсанга; Сундуй, Пинчин — из 300 семей и 1 зайсанга [Ouyigad mongyol-un 2000: 456].

По всей видимости, за несколько лет до 1741 г. в одном из этих джисанов была создана типографская мастерская, поскольку работа с редактированием текстов сутры, подбор материала для изготовления пе-

чатных досок, резьба текста на матрицах, приобретение бумаги требовали определенного времени. Для ксилографирования текста «Ваджрачхеддика сутры» и «Сутры Золотого света» была привлечена группа монахов из джисанов Агба (Гакпа) и Тосамлинг. В нее вошли гелонг Джангпо Гьяцо из джисана Агба (Гакпа), гелонг Таши Гьялцен из джисана Тосамлинг, а также гелонги Ендрон Даргье и Лхондуб Гьяцо. В следующем 1742 г. в этой типографской мастерской на «ясном письме» был отпечатан текст «Аштасахасрика сутры» («Сутра в восемь тысяч шлок»), а в 1744 г. — «Руководство к практике Прибежища» [Лувсанбалдан 1975].

В совместной статье Х. Лувсанбалдана и А. В. Бадмаева отмечается, что текст джунгарского ксилографа был напечатан черной тушью на 55 листах тонкой рисовой бумаги размером 22,1×7,3 см. Там же сообщается о том, что с этих же матриц было произведено еще одно издание текста этой сутры. Однако 55 листов второго ксилографического издания были несколько большего размера — 27,2×8,2 см. Экземпляры двух ксилографий до недавнего времени хранились в рукописном фонде Института языка и литературы АН Монголии¹. Поскольку мы не располагаем данными о размере текста первого и второго экземпляра ксилографа, то можно предположить, что это могли быть экземпляры одного тиража, напечатанные на бумаге разного размера.

Однако наиболее интересными являются данные еще об одном ксилографическом издании «Сутры Золотого света», экземпляр которого хранится в музее г. Улангома (Увс аймак). Этот экземпляр состоит из 26 листов размером 33,5×13 см. Согласно содержанию колофона, он был издан в том же 1741 г. [Лувсанбалдан, Бадмаев 1970: 82]. Определенно, что в этом случае текст сутры был ксилографирован уже с других печатных досок. Так или иначе, необходимо более тщательно проверить эту информацию и получить подтверждение о существовании такого ксилографа.

В фонде ойратских рукописей Института языка и литературы хранятся три списка «Сутры Золотого света», которые являются рукописными копиями с ойратского ксило-

¹ В издании «Brief Catalogy of oirat manuscripts kept by Institute of Language and Literature» (2005), составленном Г. Гэрэлмаа, указанных ксилографических изданий нет.

графа 1741 г. [Gerelmaa 2005: № 842(114), 843, 844(16)]. Факсимильное издание одного из таких текстов, состоящего из 93 л., было осуществлено типографским способом в форме сутры общественной организацией «Год номын гэрэл төв» в 2009 г. в Улан-Баторе (XVII жарны «Харшлалт» хэмээх шорон үхэр жилийн хаврын дунд улагчин туулай сарын шинийн арван таван, хотол чуулганы барилдлагат өдөр болой).

Между 1742–1755 гг. «Сутра Золотого света» была издана в Калмыцком ханстве в период правления Дондук-Даши (1741–1761) [Лувсанбалдан, Бадмаев 1970]. Экземпляр этого калмыцкого ксилографа хранится в личной коллекции Ш. Увелзенгенге (г. Текес, СУАР КНР) [Inouye Osamu 2009; Mingyad Erdemtu 2014]. Дондук-Даши был утвержден наместником Калмыцкого ханства в 1741 г. Известно, что к 1744 г. им было потрачено на различные религиозные мероприятия свыше 30 000 рублей. В связи с этим М. М. Батмаев пишет, что «набожность наместника, ...была, как кажется, в первую очередь вызвана семейными несчастьями, обрушившимися на него в первые годы его правления. В 1742 г. умерла жена Церен-Джит, а 16 августа 1744 г. такая же участь постигла содержавшегося в Астрахани аманатом 10-летнего сына Асарая. Утешением наместнику могло служить то обстоятельство, что в том же 1744 г. вторая жена его Деджит родила ему сына Убаши. Она умерла в 1755 г.» [Батмаев 1993: 344]. Дондук-Даши женился на Деджит через год после назначения его наместником Калмыцкого ханства, т. е. в 1742 г. [Батмаев 1993: 338]. Деджит умерла в 1755 г., следовательно, издание ксилографа могло быть осуществлено между 1742–1755 гг.

О рабджамбе Лоузанг (Лоузанг-Джалчин), по инициативе которого ксилографировался текст сутры, К. Ф. Голстунский пишет, что он «был главой калмыцкого духовенства, пользовался большим уважением и почетом в среде народа, так как выдавал себя за хубилгана какого-то святого» [Голстунский 1880: 130].

Ойратский перевод «Сутры Золотого света» был хорошо известен исследователям. С. Малов в предисловии к изданию уйгурского перевода сутры отмечает, что две легенды о спасительной силе «Сутры Золотого света» имеются только в содержании уйгурского перевода. «В имеющих-

ся текстах этой сутры на санскритском, тибетском, китайском, монгольском и калмыцком языках легенд этих не имеется» [Suvānaprabhāsa 1913: VIII].

В 1929 г. Erich Haenisch издал в Лейпциге транслитерацию текста калмыцкой рукописи из фонда Королевской библиотеки Копенгагена (Kgl. Bibliothek in Kopenhagen). На титульном листе этого экземпляра есть надпись: «*Aidrahani nom sudur hadagalakci ger tu baidak altan gerel gedek nom ene bui 1841 ona tak'a sarān arbon hoyordakci edür*» [Altan gerel 1929: V]. По всей видимости, надпись была сделана при переписке текста с оригинала рукописи, хранившейся в библиотеке г. Астрахани. Текст неполный, не хватает последнего листа. При публикации транслитерации калмыцкого текста Е. Haenisch использовал для сравнительного анализа еще две рукописи на «ясном письме»: одну из фонда Государственной библиотеки Дрездена (Dresdner Landesbibliothek) и вторую из Прусской государственной библиотеки (Preußischen Staatsbibliothek) [Altan gerel 1929: V].

В начале 2000-х гг. в ходе возрождения религиозной традиции в Калмыкии стали издаваться буддийские тексты различного содержания, в том числе и махаянские сутры. В 2006 г. по инициативе настоятеля Оргакинского хурула Ваджрачарьи Гонбо Дордже (Б. К. Элистаев) был издан текст «Сутры Золотого света». В издание включены факсимиле тибетского текста (193 л.), переложение на современный калмыцкий язык (203 с.), выполненное А. В. Бадмаевым с калмыцкого ксилографа, и русский перевод сутры (148 с.) А. Кугявичуса [Сутра 2014].

В 2014 г. в Пекине была издана книга Мингад Эрдэмту (*Mingyad Erdemtu*) «Исследование калмыцкого ксилографа «Алтан герел»» («*Qalimag bar-un «Altangerel»-un sudulul*»). В предисловии к этому изданию автор пишет о том, что большое количество рукописей на «ясном письме» сохранилось в личных коллекциях ойратов (олетов), проживающих в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР. В ходе совместных поисковых экспедиций исследователей из Японии и Китая в период с 2000 по 2009 гг. были выявлены около восьмидесяти частных коллекций на территории Или-Казакской автономной области Синьцзяна [Mingyad Erdemtu 2014: 1–19]. В результате этих экспедиций был обнаружен калмыцкий ксилограф «Сутры Золотого света»,

восемь рукописных текстов и пять текстов молитвы «*Altan gereliyin xurāngyui orošibo*» [Inouye 2009].

Ойратский перевод «Сутры Золотого света» не остался вне поля зрения российских исследователей. Морфологии и синтаксису ойратского литературного языка в его первоначальной, классической форме посвящены работы известного монголоведа Н. С. Яхонтовой [Яхонтова 1981, 1983, 1996; Yakhontova 2006].

Таким образом, ойратский перевод «Сутры Золотого света» долгое время суще-

ствовавший в рукописном виде, в середине XVIII в. обретает печатную форму. Появление печатных текстов не сказалось на количестве рукописных форм сутры. На сегодня известно более тридцати рукописей этой сутры, хранящихся в научных и частных коллекциях Монголии, Китая и России. В начале XXI в. «Сутра Золотого света» оказалась в центре внимания исследователей и выдержала несколько изданий. Все это свидетельствует об интересе к этому тексту как со стороны исследователей, так и простых верующих.

Литература

- Батмаев М. М. Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 381 с.
- Голстунский К. Ф. Монголо-ойратские законы 1640 года, дополнительные указы Галданхунтайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. Калмыцкий текст с русским переводом и примечаниями К. Ф. Голстунского. СПб., 1880. 143 с.
- Лувсанбалдан Х. Тод усэг, түүний дурсгалууд. Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академийн хэвлэх, 1975. 356 х.
- Лувсанбалдан Х., Бадмаев А. В. Калмыцкое ксилографическое издание сутры «Алтан гэрэл» // 320 лет старокалмыцкой письменности: Материалы научной сессии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1970. С. 80–93.
- Раднабхадра. Лунный свет. История рабджамбы Зая-пандиты. СПб.: Санкт-Петербург. востоковед., 1999. 176 с.
- Сутра золотистого света. Двойная Сутра. Переводчик А. Кугвичус. Редакция: А. Терентьева. М.: ООО «Буки Веди», 2014. 254 с.
- Яхонтова Н. С. Переводы «Сутры Золотого блеска» на монгольские языки // Конференция «Искусство и культура Монголии и Центральной Азии». Тезисы докладов. М., 1981. С. 102–103.
- Яхонтова Н. С. Ойратский литературный язык XVII века (по материалам «Сутры Золотого блеска»). Автреф. дис. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1983. 16 с.
- Яхонтова Н. С. Ойратский литературный язык XVII века. М.: Издат. фирма «Вост. лит.»

РАН, 1996. 152 с. (Языки народов Азии и Африки).

- Altan genel. Die Westmongolische fassung des Goldglanzsūtra nach einer handschrift der Kgl. Bibliothek in Kopenhagen. Herausgegeben Erich Haenisch. Leipzig: Verlag der Asia major, 1929. 122 s.
- Gerelmaa G. Brief Catalogy of oirat manuscripts kept by Institute of language and literature bu Gerelmaa Guruuchin. Хэл зохиолын хүрээлэнгийн тод үсгийн номын товч бүртгэл. Улаанбаатар, 2005. 270 h.
- Yakhontova N. Mongolian and Oirat Translations of the Sutra of Golden Light // Silk road documents: The transmission of the Suvarnaprabhasottamasutra. Symposium under the Ford Foundation. Beijing. 2006. Pp. 94–98.
- Suvarnaprabhasa (Сутра золотого блеска). Текст уйгурской редакции. Издали В. В. Радлов и С. Е. Малов. СПб.; Пг., 1913–1917. (Bibliotheca Buddhica, XVII), XV, 723 с.
- Inouye Osamu, Minhyad Erdemtu, Amur genggei, Sayinbayar genggei, Dosan, Torubatu-nar nayirayulbai. *Šinjijang-un Ili-yen qasag ündüsüten-u öberteken jasaqu-yeu-yin ögeled mongyolčud-un qadagalju bayiqa mongyol qayičin nom bičig-un yarčag*. Begejing, 2009. 210 h.
- Mingyad Erdemtu erkelen nayirayulba. *Qalimag bar-un «Altangerel»-un sudulul*. Begejing: Ündüsüten-u keblel-un qoryi-a, 2014. 510 q.
- Oyirad mongyol-un tobči tüüki. Degedu. Urumuč: Šinjanggiyin arad-un keblel-ün xoryi-a, 2008. 397 h.

References

- [Altan Gerel: a Western Mongolian Version of the Sutra of Golden Light, according to a Manuscript from the Royal Library in Copenhagen]. E. Haenisch (ed.). Leipzig: Verlag der Asia Major, 1929. 122 p. (In Russ.)
- [Sutra of Golden Light: a Double Sutra]. A. Kugevičius (transl.). A. Terentiev (ed.). Moscow: Buki Vedi, 2014. 254 p. (In Russ.)
- [Suvarnaprabhasa (Sutra of Golden Light): Text of an Uighur-Language Edition]. V. V. Radlov, S. E. Malov (publ.). St. Petersburg, 1913–1917. XV, 723 p. (In Russ.)
- Batmaev M. M. [Kalmyks in the 17th–18th Centuries: Events, People, Everyday Life]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1993. 381 p. (In Russ.)
- Gerelmaa G. Brief Catalogue of Oirat manuscripts kept by Institute of language and literature. Ulaanbaatar, 2005. 270 p. (In Russ.)
- Golstunsky K. F. [The 1640 Oirat – Mongolian Code of Laws, Supplemented with Galdan Hongtayiji's Decrees and Donduk-Dashi Khan's Laws the Volga Kalmyks. Kalmyk Text with Russian Translation and Comments by K. F. Golstunsky]. St. Petersburg, 1880. 143 p. (In Russ.)
- Inouye Osamu, Minhyad Erdemtu, Amur genggei, Sayinbayar genggei, Dosan, Torubatu-nar nayirayulbai. *Šinjijang-un Ili-yen qasag ündüsüten-u öberteken jasaqu-yeu-yin ögeled mongyolčud-un qadagalju bayiqa mongyol qayičin nom bičig-un yarčag*. Beijing, 2009. 210 p. (In Mong.)
- Luvсанбалдан Kh. [Clear Script and Its Monuments]. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1975. 356 p. (In Russ.)
- Luvсанбалдан Kh., Badmaev A. V. Sutra of Golden Light (Altan Gerel): a Kalmyk-language xylographic edition. In: [Celebrating the 320th Anniversary of Old Kalmyk (Clear) Script]. Symp. proc. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1970. Pp. 80–93. (In Russ.)
- Mingyad Erdemtu erkelen nayirayulba. *Qalimag bar-un «Altangerel»-un sudulul*. Beijing: People's Publ. House, 2014. 510 p. (In Mong.)
- Oyirad mongyol-un tobči tüüki. Degedu. Urumqi: Xinjiang People's Publ., 2008. 397 p. (In Mong.)
- Radnabkhadra. [The Moonlight: a Story of Rabjampa Zaya Pandita]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1999. 176 p. (In Russ.)
- Yakhontova N. Mongolian and Oirat translations of the Sutra of Golden Light. [Silk Road Documents: The transmission of the Suvarnaprabhasottamasutra]. Symp. proc. Beijing. 2006. Pp. 94–98. (In Eng.)
- Yakhontova N. S. [17th-Century Oirat Literary Language: a Case Study of the Sutra of Golden Light]. Cand.Sc. (philology) thesis abstract. Leningrad, 1983. 16 p. (In Russ.)
- Yakhontova N. S. [17th-Century Oirat Literary Language]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1996. 152 p. (In Russ.)
- Yakhontova N. S. Sutra of Golden Light: Mongolic-language translations. In: [Mongolia and Central Asia: Arts and Culture]. Conf. proc. Moscow, 1981. Pp. 102–103. (In Russ.)

**НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РАССКАЗОВ С. Б. БАЛЫКОВА
«РАСТОПТАННЫЙ ТЮЛЬПАН», «У НЕЗРИМОЙ СТЕНЫ»**

National Originality of Stories by S. B. Balykov «The Crushed Tulip», «At the Hidden Wall»

Д. Ю. Топалова (D. Topalova)¹

¹ кандидат филологических наук, младший научный сотрудник отдела письменных памятников, литературы и буддологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of Philology, Researcher of the Written Monuments, Literature and Buddhology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: delya.top@yandex.ru.

В статье рассматривается творчество одного из самых ярких представителей калмыцкой литературной эмиграции — Санжи Басановича Балыкова (1892–1943). Рассказы «Растоптанный тюльпан», «У незримой стены», написанные на русском языке, самобытны, оригинальны по своему художественному видению. В фокусе авторского внимания: исследование «изнутри» проблем народной жизни, национальной самобытности и традиционных ценностей национальной картины мира.

Ключевые слова: калмыцкая литературная эмиграция, национальная литература, мировоззрение, духовная культура, национальное самосознание, национальная идентичность.

The article considers the creativity of one of the brightest representatives of the Kalmyk literary emigration — Sanzhi Basanovich Balykov (1892–1943). The stories «The Crushed Tulip», «At the Hidden Wall» written in Russian are original especially in the artistic vision. Studying problems of people's lives "from within", national originality and traditional values of the national picture of the world was on the focus of the author's attention.

Keywords: Kalmyk literary emigration, national literature, world view, spiritual culture, national consciousness, national identity.

Изучение калмыцкого литературного зарубежья представляет собой актуальную проблему, что предопределяет многоаспектность исследовательского внимания. Р. А. Джамбинова в статье «Критерий исследования — научная этика» отмечает, что данная проблема разработана недостаточно полно в научной литературе. Можно только говорить, что наметилась тенденция ее научного изучения» [Джамбинова 2003: 150]. При этом основная причина ее умалчивания, как верно отмечает исследователь, кроется в идеологических принципах советского периода. «Только в 90-е гг. приоткрыли завесу над данной темой» [Джамбинова 2003: 150]. Однако в наши дни время вынужденного молчания миновало.

История калмыцкой литературной эмиграции берет начало в конце 1920-х — начале 1930-х гг. Число ее представителей

не столь велико. Среди них нужно назвать имя С. Балыкова, творчество которого представляет существенный научный интерес, и Г. М. Мушаева, малоизвестного калмыцкого поэта, волею судьбы и в силу определенных обстоятельств оказавшегося на чужбине. Ему принадлежит лишь один сборник стихотворений «Теегин салькн» («Степной ветер»), почти каждое из которых наполнено сокровенными думами о родине.

При фактической неразработанности проблематики калмыцкого национального зарубежья некоторые общие и частные вопросы все же были изучены и некоторые темы уже введены в научный оборот. Так, необходимо отметить кандидатскую диссертацию Б. А. Бичеева «Влияние письменных памятников и фольклора на развитие калмыцкой литературы (20–30 гг.)» — глава III «Литературная деятельность калмыц-

кой эмиграции (20–30 гг.)» [1991], монографию Р. А. Джамбиновой «Литература Калмыкии: проблема развития» — глава III «Калмыцкая литература как объект исследования» [Джамбинова 2003], а также статьи калмыцких, американских и российских исследователей: А. Борманжинова [1993, 2004], П. Э. Алексеевой [1995, 2006], Р. А. Джамбиновой [1993, 2003], А. А. Бурькина [2006, 2006а]) и др. Следует отметить, что они, несмотря на свою немногочисленность, в совокупности закладывают основу для научного изучения указанной проблемы. В концепциях ученых, исследующих литературную проблематику калмыцкой эмиграции, встречаются сходные точки зрения, связанные именно с оценкой творчества Санжи Балыкова. Как бы то ни было, определены основные особенности творческой индивидуальности автора, обосновано его место в духовной культуре нации, осмыслены художественная специфика и проблематика прозаических произведений писателя (реалистичность изображения, отказ от догм и стереотипов, субъективность и объективность рассуждений, богатый национальный колорит его произведений).

С. Б. Балыков (1894–1943), писатель, общественно-политический деятель, публицист, один из видных представителей калмыцкой литературной эмиграции — незаурядная личность, человек сложной и интересной судьбы, оказавшийся в эмиграции во время Гражданской войны.

Книги далекого писателя-земляка стали появляться в Калмыкии с начала 1990-х гг. Так, благодаря усилиям народного поэта Калмыкии Е. А. Буджалова калмыцкому читателю стали известны две книги Балыкова — сборник рассказов «Сильнее власти» (Мюнхен, 1976), повесть «Девичья честь» (Мюнхен, 1983; Элиста, 1993), вызвавшая неподдельный интерес, и сборник рассказов «Воспоминания о Зюнгарском полку» (Элиста, 1993), отражающий воспоминания самого писателя, непосредственного участника событий Гражданской войны 1918–1920 гг. В 2013 г. вышла книга «Заламджа», а в 2014 г. — сборник «Сильнее власти». Все произведения написаны на русском языке.

Литературные произведения Санжи Балыкова созданы практически в один творческий период — в период Гражданской войны. Герои большинства его произведений — это люди, измученные бедами, уставшие от непримиримого жестокого противостояния

судьбе и истории, однако в их душах живут вера, любовь и человечность. Со страниц его повестей «встает» человек и заявляет о своем праве созидать, чувствовать, любить.

Специфичная особенность произведений Балыкова заключается в том, что все они подвергаются воздействию одного главного компонента — национального. В контексте сложного исторического опыта народа писатель уделяет особое внимание проблеме сохранения национальных традиций и обычаев в 1920–1930 гг. в условиях изоляции. Этой проблеме посвящены и многочисленные публицистические работы писателя — например, «О судьбе калмыцкой литературы», в которой автор драматически осмысляет судьбы калмыцкого письменного слова в условиях утраты родного языка и культуры и, как следствие, предупреждает о «полном исчезновении и окончательном растворении» калмыцкого народа [Балыков 2014: 44]).

Сюжеты рассказов «У незримой стены» и «Растоптанный тюльпан» различны, однако фабула и в том и в другом произведении остается неизменной.

Рассказ «У незримой стены» начинается с раздумий автора о событиях Гражданской войны, об исковерканных судьбах беженцев-калмыков, оторванных от родного очага. С особой болью здесь воплощена мысль о трагизме того времени, когда война, вступая в степные станицы и развертываясь на калмыцкой земле, размежевала калмыков по разным лагерям, внесла перемены в их сознание. Действующий в конфликте принцип — человек человеку волк — является признаком непримиримого жестокого противостояния.

Наряду с начальной социальной заостренностью рассказа, в «перерыве» борьбы между жизнью и смертью, добром и злом, светом и тьмой, возникает светлое человеческое начало, как весеннее половодье, сметающее безжизненные идеологические догмы. Вот что пишет об этом С. Балыков: «Человек — самое цепкое существо: куда ни кинь, как его ни пригни, а он все же найдет и радость у жизни оторвет» [Балыков 2014: 67]. Так, за небольшой картиной всеобщей беды в ходе событий гражданской войны в произведении возникает любовная тема, показанная автором сквозь призму национальных традиций.

Встреча двух главных героев, Оваджи и Аюша, происходит в тот момент, когда под-

воды с калмыками, бегущими от красных, остановились у моста. Затор, затянувшийся на несколько часов, остановил движение людей.

«Оваджа три дня не умывалась», — так начинает С. Балыков рассказ о своей героине, подчеркивая при этом ее «девичью стройность» и «живые черные внимательные глаза», огнем светящиеся на «крупном, энергичном смуглом лице» [Балыков 2014: 67]. Краткий портрет Оваджи в определенном смысле выражает суть ее характера — сильного, решительного, мужественного.

В веренице подвод с беженцами-калмыками,двигающимися с утра до вечера, девушка находилась с сестренкой и братишкой, которым с недавнего времени заменяла отца и мать. Однако в героине не чувствуется какой-то обреченности. Можно предположить, что Оваджа была скорее бойкой и веселой, нежели пугливой и дикой, какими традиционно представляли в литературе 1920-х гг. девушки-калмычки. За несколько часов остановки они с Аюшем быстро нашли общий язык и стали друзьями.

Не вдаваясь в подробности и детали жизни своих героев, Балыков не дает им определенной характеристики, переходя к стержневой в рассказе теме любви, противопоставленной долгу подчинения заветам предков.

Понравившейся девушке Аюш предлагает «объединиться»: соединить поклажи, «спаруя» [Балыков 2014: 68] двух лучших быков. «Спаренные вместе поклажи» — скорее всего, означает предложение Аюша быть отныне и всегда вместе. Однако, видя ее смущенную реакцию, он умело обращает это в шутку: «Знаете, что, Оваджа? У меня тоже один бык тянет из последних сил. Давайте спаруем лучших двух быков, а слабых поведем свободными за будкой, дадим отдохнуть, а потом счетверим. Одну повозку бросим, поклажи соединим. У вас двое малышей, у меня тоже. Вы пятеро будете ночевать в будке, а я буду проситься к другим на ночлег по другим будкам, где будет свободно. Хорошо?.. Тогда готово! Объединяемся!.. Ну, простите, больше не буду, как не пошутить в такое время?!» [Балыков 2014: 68].

Оваджа признается Аюшу, что он ей тоже понравился, и решает выйти за него замуж, что в определенном смысле не соответствует традиционному поведению

девушки-калмычки, а также морально-этическому кодексу калмыцкого народа, не позволяющему женщине столь открыто выражать свои чувства: «Об этом чего спрашивать?.. То и без слов видно. Нравитесь вы мне... Родителей нет, сама я глава дома теперь. За кого хочу, за того выйду... Да, то верно, время теперь такое, что выдержать все тонкости закона нельзя, дело можно провести проще...» [Балыков 2014: 68].

Конфликт рассказа разрешается несколько неожиданно. Оваджа предлагает Аюшу остаться вместе, но жить не как муж и жена, а как брат и сестра, помогая и поддерживая друг друга, ибо Бог, вероятно, и свел их для этого. Оба они остались сырыми, слабыми и незащищенными, да еще и с малышами на руках. Оваджа, так как она на год старше, будет старшей сестрой, он — младшим братом.

Из контекста разговора героев можно понять, что если девушка стоит на стороне строгих калмыцких обычаев, то Аюш, несмотря на традиционные нормы и реалии, из которых исторически складывалась жизнь народа, пытается уговорить Оваджу не смиряться с вековыми обычаями. Однако она отказывает ему: «...Застегни накрепко в своем сердце: между нами непроломная, незримая стена, ее же никакое сердце не перескочит!.. Я твоя сестра, а ты — мой брат» [Балыков 2014: 69].

По законам калмыков, если жених и невеста принадлежали одной «кости», то они являются кровными родственниками. Такие браки не допускались. Вот как этот факт интерпретирует сам Санжи Балыков: «У калмыков есть слово «ясн» («кость»), устанавливающее далекое происхождение данного лица. В далеком прошлом калмыцкий народ делился на множество племен, родов. Каждый имел свое название. Со временем эти роды и племена слились в один род, но их название осталось, как указатель, к какому племени прежде принадлежали предки данного калмыка. Первым словом при знакомстве является вопрос: «Какой кости?». Все люди, происходящие от одной «кости», считаются кровными родственниками и, во избежание кровосмешения, между людьми одной «кости» строго воспрещены браки» [Балыков 2014: 68].

Это препятствие между женихом и невестой, о котором говорит писатель в своем рассказе, называлось «цусен харш», —

т. е. несоответствие по крови. «Результат его только один — смерть кого-нибудь из супругов, иначе не будет никакого успокоения в семье. Все время в такой семье должны быть несчастья, болезни, раздоры и прочее. Если такие лица были случайно женаты, то выходом из положения является развод» [Душан 1976: 27]. Именно поэтому Оваджа отклоняет попытку молодого человека повлиять на нее, поражаясь его дерзости и глупости.

Как знаток калмыцких традиций и обычаев, писатель понимает, что вся жизнь человека, по сути, зиждется на нормах духовного опыта, завещанного предками. Начало другого произведения Балыкова — «Растоптанный тюльпан» — также сразу настраивает читателя на то, что сюжет, вероятно, будет строиться на строгой приверженности и почитании заветов предков, связанных с влиянием буддизма.

Центром конфликта является столкновение настоящей любви и необходимостью соблюдения национальных традиций. Главные герои рассказа — Арслан и Зандана, детство которых прошло в «безмятежной дружбе», — искренне любят друг друга, однако «звезды» складываются против них: Арслану «не подошли года» возлюбленной. Заветная мечта обоих быть «друзьями жизни» рухнула. Вскоре девушку засватал Очир, «имеющий счастье родиться в год Собаки» [Балыков 2014: 74]. По буддийскому циклическому календарю, брак с ним для Занданы оказался благоприятным.

Сопоставление главных героев выявляет разницу в их поведении, при этом их характеры автором созданы достоверно. Так, Арслан выписан живо и притягательно. Автор заставляет его постоянно думать, рассуждать. Он — человек искренний, честный, открытый, воспитанный на обычаях своего народа. Однако любовь к Зандане вынуждает его до последнего сопротивляться традициям. На протяжении трех лет он отстаивал свое счастье и свой выбор вопреки неблагоприятным «предсказаниям». И даже когда Зандана была уже чужой женой, сила любви каждый раз подталкивала его перешагнуть через «волю свыше», через «скалу» традиций, но он понимал, что совершенно бессилён. Сохраняя целомудрие, она отклоняет все попытки Арслана повлиять на нее, считая, что их любовь не имеет право на существование.

В отличие от героини рассказа «У незримой стены» Оваджи проявление чувств Занданы к молодому человеку выражено не открыто, а завуалированно, словами песни, которая отчасти передает и содержание идеи произведения: «Если есть доля, отпущенная Создателем, то можно сделать друзьями жизни» [Балыков 2014: 72]. Однако в кульминационном моменте повествования девушка уже открыто говорит о своей любви к Арслану, что не соответствует традиционному поведению замужней женщины-калмычки, а также кодексу морально-этического кодекса народа, не позволяющему столь открыто выражать свои чувства.

В кульминации рассказа звучит лирическая исповедь героини. Уставшая от долгих и упорных ухаживаний Арслана, от борьбы с самой собой, Зандана умоляет его больше не преследовать ее, поясняя, что, если он «введет ее в этот грех» [Балыков 2014: 81], то она возненавидит и его, и себя. В этот момент на Арслана нисходит «просветление», а главное, понимание того, как «разно» они с ней «воспринимают свет» [Балыков 2014: 81].

Развязка сюжета наступает неожиданно быстро. Зандана находит в себе силы и мужество предложить самой найти для возлюбленного невесту, взяв с него слово подчиниться ей. Подвиг самоотречения, на который пошла героиня, придает ее характеру масштаб, значение нравственной силы и правоты. Будущей супругой Арслана, по желанию Занданы, станет шестнадцатилетняя сиротка Зельмя, «девочка умная, строгая» [Балыков 2014: 82], которую она сама любила как сестру.

В рассказе ощущается постоянное присутствие писателя и его неоднозначное отношение к описанным обстоятельствам. С одной стороны, он искренне сопереживает своим героям, с другой же, несмотря на настоящую любовь, для которой не существует преград, писатель, тем не менее, защищает национальную самобытность и традиционные нравственные ценности. Именно поэтому из двух героев автор отдает явное предпочтение Зандане, и авторская позиция в тексте выражается через нее. Образ этой героини является как бы художественной проекцией авторского эстетического сознания. Передавая через нее традиционные народные воззрения, он не только помогает глубже понять уклад жизни калмыков, но и в определенном смысле воплощает основ-

ную идею произведения, выступая за сохранение жизненного опыта предков. В отличие от Арслана Зандана не поднимается над обстоятельствами, не борется с ними, а напротив, покорно смиряется с выпавшей ей судьбой. Кроме того, миропонимание героини связано с системой верований калмыков.

Нравственно-религиозный мотив проявляется в кульминации рассказа. Зандана объясняет, что если она совершит тот грех, на который ее склоняет Арслан, то этот поступок обернется против ее мужа, который находится на войне. Согласно буддийскому вероучению, все действия человека имеют последствия, формируя карму, которая может быть как положительной, так и отрицательной. За совершенное (причиненное) зло придется ответить. Забвение же этой нормы грозит обернуться большим несчастьем: «... Ведь мой муж на войне; я молиться за него должна и безгрешно себя вести, чтобы его боги сохранили живым, а ты меня на такой великий грех толкнешь! Если я сделаю плохое, и мой грех принесет несчастье моему мужу на войне, я тогда себя убийцей буду считать... И себя возненавижу, и тебя тоже, если ты введешь меня в грех» [Балыков 2014: 81]. В этот момент в сознании Арслана совершается перелом, открывающий возможность познания истины. Он понимает, насколько «разно» они с Занданой «воспринимают мир», дает слово навсегда оставить ее в покое и постараться заглушить свою любовь.

Таким образом, герои Балыкова не выходят за черту дозволенного, сохраняя уважение и почитание народных традиций, определяющих их поведение, поступки и предопределяющих, в конце концов, их

дальнейшую жизнь. И даже настоящая любовь «не опрокидывает» эти пределы. Этот принцип сближает рассказы «У незримой стены» и «Растоптанный тюльпан», являясь основополагающим и в большинстве других произведений С. Балыкова, связанных с любовной тематикой («Любовь опоясанная», «Изгибы» и др.). Движущей силой конфликта при этом становится чистая, настоящая любовь героев, противопоставленная долгу подчинения заветам предков, необходимости следовать старинным обычаям. Жизненные пути героев расходятся. Они оказываются во власти судьбы и «предписанного богами закона» [Балыков 2014: 74].

В фокусе авторского художественного внимания прежде всего оказывается исследование «изнутри» проблем народной жизни, национальной самобытности и традиционных нравственно-религиозных ценностей. В рассмотренных произведениях С. Балыкова организующим компонентом является единое художественное начало: герои повествования словно ощущают связь времен. Несмотря на настоящую любовь, для которой, казалось бы, не существует преград, они, тем не менее, встают на сторону традиционных ценностей, покорно смиряясь с выпавшей судьбой. В художественном сознании писателя, выстроенном по координатам национального космоса, доминирует мысль о соблюдении и сбережении национальных обычаев, культурной традиции, завещанных предками, выражающая душу калмыцкого этноса и утверждающая формулу народной этики. Так выстраивается «неутраченная идентичность» (К. К. Султанов) писателя С. Балыкова, проявляемая на уровне мышления и поступков его героев.

Литература

- Алексеева П. Э.* Санджи Балыков — яркий представитель калмыцкого зарубежья // Теегин герл. 2006. № 1. С. 65–74.
- Алексеева П. Э.* Вдали от родины // Теегин герл. 1995. № 8. С. 75–80.
- Балыков С. Б.* Сильнее власти. Подольск: Мемориал-Музей «Донские казаки в борьбе с большевиками», 2014. 256 с.
- Балыков С. Б.* Заламджа: повести и рассказы / сост. Е. С. Ремилева. Подольск: Мемориал-Музей «Донские казаки в борьбе с большевиками», 2013. 312 с.

- Балыков С. Б.* Сильнее власти: сборник рассказов. Мюнхен, 1976. 137 с.
- Балыков С. Б.* Девичья честь: Историко-бытовая повесть. Элиста: АПП «Джангар», 1993. 283 с.
- Балыков С. Б.* Девичья честь. Мюнхен, 1983. 236 с.
- Бичеев Б. А.* Влияние письменных памятников и фольклора на развитие калмыцкой литературы (20–30 гг.), глава III. Литературная деятельность калмыцкой эмиграции (20–30 гг.): автореф. ...канд. филол. наук. М., 1991. 18 с.

- Борманжинов А.* Санжи Балыков // *Теегин герл.* 2004. № 4. С. 65–69.
- Борманжинов А.* Санжи Балыков. Краткий очерк жизни и литературной деятельности // Балыков С. Б. *Девичья честь: Историко-бытовая повесть.* Элиста, 1993. С. 270–278.
- Бурыкин А. А.* Донские диалектизмы и южнорусская лексика в языке русскоязычной прозы калмыцкого писателя Санжи Балыкова // *Путь к родному слову. Сборник научных статей к 60-летию профессора Р. П. Кудрявцева.* Волгоград: Изд-во ВГПУ. Библ. «Перемена», 2006. С. 52–62.
- Бурыкин А. А.* Калмыцкие слова, южно-русская лексика и калмыцко-русское двуязычие как средство создания этнического и регионального колорита в русскоязычной калмыцкой литературе (на материале творчества С. Балыкова) // *Русская речь в национальном окружении: сб. науч. тр. / под ред. Т. С. Есеновой и др.* Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2006а. Вып. III. С. 109–130.
- Джамбинова Р. А.* Шаги духовного примирения: к 100-летию писателя Санджи Балыкова // *Теегин герл.* 1993. № 5. С. 91–104.
- Джамбинова Р. А.* Критерий исследования — научная этика // *Литература Калмыкии: проблемы развития.* Элиста: АПП «Джангар», 2003. С. 150–161.
- Душан У. Д.* Обычай и обряды дореволюционной Калмыкии *Этнографический сборник.* Элиста, 1976. Вып. I. С. 5–88.
- Alekseeva P. E.* Far from Motherland. *Teegin gerl.* 1995. No. 8. Pp. 75–80. (In Russ.)
- Alekseeva P. E.* Sandzhi Balykov — a brightest Kalmyk expatriate. *Teegin gerl.* 2006. No. 1. Pp. 65–74. (In Russ.)
- Balykov S. B.* [Stronger than Power: Collected Short Stories]. Munich, 1976. 137 p. (In Russ.)
- Balykov S. B.* [Stronger than Power]. Podolsk: Struggle of Don Cossacks against Bolsheviks (Memorial Museum), 2014. 256 p. (In Russ.)
- Balykov S. B.* [The Maiden's Honor: a Historical and Household Novel]. Elista: Dzhangar, 1993. 283 p. (In Russ.)
- Balykov S. B.* [The Maiden's Honor]. Munich, 1983. 236 p. (In Russ.)
- Balykov S. B.* [Zalamdzha: Novels and Short Stories]. E. S. Remileva (comp.). Podolsk: Struggle of Don Cossacks against Bolsheviks (Memorial Museum), 2013. 312 p. (In Russ.)
- Bicheev B. A.* Chapter 3: Literary activities of Kalmyk émigrés, 1920s – 1930s. In: [Kalmyk Literature of the 1920s – 1930s: Influence of Written Monuments and Folklore]. Cand.Sc. (philology) thesis abstract. Moscow, 1991. 18 p. (In Russ.)
- Bormanzhinov A.* Sanzhi Balykov. *Teegin gerl.* 2004. No. 4. Pp. 65–69. (In Russ.)
- Bormanzhinov A.* Sanzhi Balykov: a brief review of life journey and literary career. In: Balykov S. B. [The Maiden's Honor: a Historical and Household Novel]. Elista: Dzhangar, 1993. Pp. 270–278. (In Russ.)
- Burykin A. A.* Don dialecticisms and South Russian lexemes in Russian-language prose of Sanzhi Balykov. In: [A Path to the Mother-Tongue Word]. Coll. papers. Volgograd: Volgograd State Pedagogical University (Ser. 'Peremena'), 2006. Pp. 52–62. (In Russ.)
- Burykin A. A.* Russian-language Kalmyk literature: Kalmyk words, South Russian lexemes and Kalmyk-Russian bilingualism as means to create ethnic and regional features (a case study of S. Balykov's works). In: [Russian Speech in Nin-Russian Environment]. Coll. papers. T. S. Esenova et al. (eds.). Elista: Kalmyk State University, 2006. Vol. III. Pp. 109–130. (In Russ.)
- Dushan U. D.* [Customs and Rituals of Pre-Revolutionary Kalmykia: Ethnographic Collection]. Elista, 1976. Vol. 1. Pp. 5–88. (In Russ.)
- Dzhambinova R. A.* Research criterion — scientific ethics. In: [Literature of Kalmykia: Problems of Development]. Elista: Dzhangar, 2003. Pp. 150–161. (In Russ.)
- Dzhambinova R. A.* Steps towards a spiritual reconciliation: celebrating the 100th anniversary of Sandzhi Balykov's birth. *Teegin gerl.* 1993. No. 5. Pp. 91–104. (In Russ.)

**СВОЕОБРАЗИЕ КОНЦЕПЦИИ ЭПОХИ И ЛИЧНОСТИ
В ПОЭМЕ ХАСЫРА СЯН-БЕЛГИНА «ӨНЧН БӨК» — «БОРЕЦ-СИРОТА» (1935 г.)**

**Conception Originality of the Epoch and the Personality
in the Poem by Khasyr Syan-Belgin «Fighter Orphan» (1935)**

Н. Ч. Очирова (N. Ochirova)¹

¹кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела письменных памятников, литературы и буддологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. (Ph.D. of Philology, Researcher of the Written Monuments, Literature and Buddhology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS).
E-mail: ochirnudlya@mail.ru

В настоящей статье выявляется своеобразие концепции эпохи и личности на примере ранней поэмы Хасыра Сян-Белгина «Борец-сирота».

Ключевые слова: калмыцкий язык, советская литература, поэзия, личность, эпоха, авторское мировосприятие.

The article is devoted to the study of the early poetry by Khasyr Syan-Belgin. In his early poetry he criticizes the social conditions surrounding people in the pre-Soviet era, putting social issues in the forefront. In the poem «Өнчн бөк» ("Fighter orphan") artistic conception of personality reveals the strength of national character in the history of the Kalmyk people. Created by the poet the conception of personality includes the basic traits of a true national hero, a loner hero with a new outlook, acting against the social system. Carefully designed and recreated the era of artistic painting and its ideological content confirms the importance of issues raised by the author in consonance with the time of his creative development.

Keywords: Kalmyk language, Soviet literature, poetry, personality, epoch, author's mentality.

Становление и развитие калмыцкой, как и всей советской, литературы пришлось на 1920–1930-е годы. Калмыцкая поэзия данного периода характеризуется интересом авторов к национальным аспектам в сочетании с творческими поисками социальных и нравственно-этических идеалов. Творчество писателей и поэтов — мастеров художественного слова — играет значительную роль в развитии любой национальной литературы. И это вполне закономерно, поскольку, как известно, диалект писателя создается на основе национального языка определенной эпохи [Очирова 2011: 3].

С распадом огромного многонационального государства СССР и мировой социалистической системы изменилась мировая картина мира и менталитет современного человека. По этой причине, отмечает

Е. Е. Балданмаксарова, «...перед наукой, в частности, литературоведением, встала острая необходимость переоценки ценностей, подведения итогов своего развития, его систематизации, а также поиска новых подходов к изучению литературных процессов. В связи с этим возросший интерес к проблемам национальной поэзии не является случайным. Только писатель, обладающий своеобразным стилем, может убедительно показать изменения, связанные не только с жизнью общества, но и духовным миром отдельного человека» [Балданмаксарова 2003: 3–4].

Изучение литературного поэтического творчества через ее главного объекта — человека, воплощающего особенности своей эпохи, является одной из важнейших задач развития современного калмыцкого

литературоведения. Научные изыскания в этом направлении позволят по-новому осмыслить идейную структуру не только национального поэтического творчества, но и социального общества рассматриваемого периода.

Для восприятия художественной картины мира, созданной автором, важно выявить роль художественных средств, определяющих эстетическое значение литературного текста. «Речь идет не только о неких универсальных принципах воплощения в литературе образа человека и времени, но и о различных модификациях этого явления. Своеобразие передачи в литературе концепции эпохи и героя определяется целым рядом факторов, среди которых — особенности литературного процесса, культурные, философские и религиозные традиции. Изучение указанных детерминант — одна из важнейших задач литературоведения» [Низамутдинова 2013: 3].

В художественном творчестве при изучении главного объекта, как правило, используются термины «герой», «образ», «характер» и т. д. В современном литературоведении и лингвокультурологии все больше обращаются к понятию «концепция личности», которое позволяет нам рассматривать главного героя художественного произведения с точки зрения особенностей авторского мировосприятия.

В отечественное литературоведение этот термин был введен и получил дальнейшее осмысление Л. И. Тимофеевым в середине 1950-х гг. Данное понятие отражает совокупность идей, взглядов и принципов изображения человека в определенную эпоху. «Художественная концепция личности в творческом сознании писателя является основой, определяющей характер и эстетические принципы не только одного произведения, но и всего творчества в целом или отдельных его этапов» [Колобаева 1990: 161–163].

Исследованию вопросов становления и развития калмыцкой литературы, эволюции жанровых форм в поэзии и прозе посвящено немало работ. В них преимущественно рассматриваются общие теоретико-литературные проблемы, связанные с формированием типологии жанровых систем в калмыцкой литературе (В. Д. Пюрвеев, Р. А. Джамбинова), конкретные особенности процесса этого формирования и поэтики жанров

(А. В. Бадмаев, Н. Н. Мусова, А. Г. Салдусова и др.), фольклорные традиции в калмыцкой литературе (Б. А. Бичеев, М. А. Лиджиев) и т. д. Значительным достижением в области системного изучения калмыцкой поэзии советского периода является второй том «Истории калмыцкой литературы» [1980], освещающий в основном творчество отдельных поэтов советского периода. Однако необходимо заметить, что проблема человека как личности в коллективной монографии специально не рассматривалась.

У истоков калмыцкой национальной литературы в одном ряду с плеядой поэтов эпохи строящегося социализма — Н. Манджиевым, А. Сусеевым, С. Каляевым, К. Эрендженовым, Г. Даваевым, Л. Инджиевым и др. — стоял талантливый поэт, писатель, публицист, драматург и переводчик Хасыр Бикинович Сян-Белгин (1909–1980).

О Хасыре Сян-Белгине справедливо говорят как о самобытном и глубоко национальном поэте со своеобразным творческим почерком. Один из выдающихся знатоков калмыцкой литературы, А. Ш. Кичиков, анализируя творчество поэта, высоко его оценил: «...литературную рубашку Х. Сян-Белгина не под силу натянуть на себя ни одному поэту — столь оригинальны и неповторимы его творения. Поэт, создавший свой собственный стиль, высекший на родном языке замечательные образцы поэзии, — явление яркое в нашей культуре» [Кичиков 1977].

Целью данной работы является исследование поэтического творчества Х. Сян-Белгина в аспекте проблематики эпохи и личности на примере самого значительного произведения его раннего периода — поэмы «Өнчн бөк» (1935 г.) — и определения его места в литературном процессе советского периода.

Существенное влияние на творческое становление молодого поэта оказали общественные и социальные явления, происходившие тогда в стране и республике. Художественное мировоззрение Х. Сян-Белгина складывалось под влиянием многих факторов, в основе которого лежит огромный жизненный опыт. Значительную роль в своем творчестве он всегда отводил истории, национальной культуре, обычаям, традициям, устному народному творчеству, которые стали для него универсальным средством выражения народной мудрости.

В сюжетной основе поэмы «Өнчн бөк» гармонично сочетаются тематика национальных спортивных состязаний и старинные легенды, предания, связанные с именами знаменитых калмыцких князей Тундутова и Тюменя, и калмыцкие народные песни — «Төгрэш» и др.

В 1936 г. постановкой пьесы по мотивам поэмы «Өнчн бөк» — «Борец-сирота» (сам автор называл ее «Одиноким героем»), которая имела огромный успех, состоялось открытие Калмыцкого драматического театра. Известный литературный критик И. Мацаков отмечал, что «поэма «Өнчн бөк» посвящена развенчанию патриархально-феодалных порядков, царивших в калмыцких степях вплоть до Октябрьской революции. Своей поэмой, посвященной изображению невозвратного прошлого, Х. Сян-Белгин стремился заставить читателя осмыслить старую и новую эпоху в их контрастном противопоставлении [Мацаков 2009: 438].

Основное содержание поэмы раскрывается в воспоминаниях и размышлениях рассказчика, который выступает летописцем событий. Кульминационным моментом произведения является состязание борцов, представляющих улусную знать, показывающую свое превосходство друг перед другом. Главный герой поэмы Борец-сирота, решившись нарушить традиционные устои, бросает им вызов от имени простого народа: *Олн-нутгин цуһарн, / Орн хар ястнрин / Ицгтэ нерн деерэс / Инжрин бөклэ ноолднав* [Сян-Белгин 1959: 89].

Социальный протест и победа юноши-сироты выражают прежде всего утверждение чувства собственного достоинства и свободы личности как жизненную позицию автора: *Мөрн нанд керго, / Марһа авсм болх! / Дилсндм цуһар ханж, / Делкэн арнзл унулх. / Делкэн хурдн арнзлас / Давдг мөрн бээхий? / Олнас боссн бөкиг / Отгар нурһдад дилхий?* [Сян-Белгин 1959: 92–93].

«Тонкий, проникновенный лирик, Хасыр Сян-Белгин в то же время поэт, напряженно раздумывающий над жизнью, стремящийся проникнуть в глубинную суть явлений и событий, дать им свое объяснение и оценку. Все его творчество — это гимн человеку, восторженная песнь о его силе и разуме...» [Глинин 2009: 464].

Автор поэмы воссоздает полную драматизма литературную картину дореволюционной эпохи, основанную на глубоком социальном конфликте. Одиноким герой, противостоящий целой системе, как и все близкие ему люди, был обречен. Главный герой погибает от рук побежденного им наемного борца, подло напавшего на него из-за угла. Его невеста, юная Мигмир, сестра нашего рассказчика, отказавшись выходить замуж за наемного борца, была вынуждена добровольно уйти из жизни. Дед Борца-сироты, схваченный после поединка внука, погибает на каторге в Сибири. Рассказчика, от имени которого ведется повествование, также постигла участь узника, но его освобождает начавшаяся в стране Октябрьская революция. Испытания, выпавшие на долю рассказчика, обусловили его неожиданное духовное прозрение. По воле судьбы, встретив однажды бывшего наемного борца, просившего подавания, он не стал ему мстить, потому что жизнь уже все расставила по своим местам.

Главное достоинство рассматриваемой поэмы не только в том, что поэт отразил важный общественный конфликт дореволюционной эпохи, но и в том, как он сумел раскрыть чувства, переживания, поступки людей и смог отобразить последствия этих поступков в их дальнейших судьбах.

Таким образом, тщательно продуманная и воссозданная художественная картина эпохи и ее идейное содержание подтверждают важность проблематики, поднятой автором и созвучной времени его творческого становления. В ранней поэзии Хасыра Сян-Белгина сильны мотивы критики тех социальных условий, в которых жил человек до советской эпохи.

В поэме «Өнчн бөк» художественная концепция личности отражает силу национального характера на фоне истории калмыцкого народа. Созданная поэтом концепция личности включает в себя основные черты, присущие истинно народному герою — одиночке с новым мировоззрением, выступающему против общественной системы, — как человеку строящего новую эпоху.

Литература

- Балданмаксарова Е. Е.* Бурятская поэзия XX века: истоки, поэтика жанров. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2003. 27 с.
- Глинин Г.* «...Во мне — моя степь» // Дурн болн дун. Любовь и песня. Элиста: Издат. дом «Герел», 2009. С. 462–467.
- История калмыцкой литературы. Т. 2. Советский период. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 445 с.
- Кичиков А. Ш.* Талантливейший поэт: о Х. Б. Сян-Белгине // Советская Калмыкия, № 141. 1977. 16 июля.
- Колобаева Л. А.* Концепция личности в русской литературе рубежа XIX–XX веков. М.: Изд-во МГУ, 1990. 336 с.
- Мацаков И.* Хасыр Сян-Белгин — народный поэт Калмыкии // Дурн болн дун. Любовь и песня. Элиста: Издат. дом «Герел», 2009. С. 430–443.
- Низамутдинова Г. М.* Эпоха и герой в поэзии Зульфата. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2013. 21 с.
- Очирова Н. Ч.* Лексико-стилистические особенности языка художественных произведений К. Эрендженова. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Элиста, 2011. 23 с.
- Сян-Белгин Хаср* «Өнчн бөк» // Шүлгүд болн поэмс. Элст: Хальмг дегтр харнач, 1959. С. 55–102.

References

- [History of Kalmyk Literature]. Vol. 2: Soviet Period. Elista: Kalmyk Book Publ., 1980. 445 p. (In Russ.)
- Baldanmaksarova E. E. [20th-Century Buryat Poetry: Origins, Poetics of Genres]. Dr.Sc. (philology) thesis abstract. Moscow, 2003. 27 p. (In Russ.)
- Glinin G. '... Inside My Self — My Steppe'. In: [Love and Song]. Elista: Gerel, 2009. Pp. 462–467. (In Russ. and Kalm.)
- Kichikov A. Sh. A brightest poet: about Kh. B. Syan-Belgin. *Sovetskaya Kalmykiya*. 1977, July 16. No. 141. (In Russ.)
- Kolobaeva L. A. [Concept of Personality in Russian Literature: Late 19th – Early 20th Centuries]. Moscow: Moscow State University, 1990. 336 p. (In Russ.)
- Matsakov I. Khasyr Syan-Belgin — people's poet of Kalmykia. In: [Love and Song]. Elista: Gerel, 2009. Pp. 430–443. (In Russ. and Kalm.)
- Nizamutdinova G. M. [Epoch and Hero in Zulfat's Poetry]. Cand.Sc. (philology) thesis abstract. Kazan, 2013. 21 p. (In Russ.)
- Ochirova N. Ch. [K. Erendzhenov's Fiction: Lexical and Stylistic Features]. Cand.Sc. (philology) thesis abstract. Elista, 2011. 23 p. (In Russ.)
- Syan-Belgin Kh. The Orphan Wrestler. In: [Verses and Poems]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1959. Pp. 55–102. (In Russ.)

**«ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ» А. С. ПУШКИНА: ЭПИЗОД В КАЛМЫЦКОЙ КИБИТКЕ
(ИЗ МАТЕРИАЛОВ К КОММЕНТАРИЮ)**

**"Travel Notes" by A. S. Pushkin: an Episode in the Kalmyk Kibitka
(from the materials to the commentary)**

Б. А. Кичикова (B. Kichikova)¹

¹ кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела письменных памятников, литературы и буддологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of Philology, Associate Professor, Senior Scientist of Manuscript, Literature and Buddhist Studies Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: kigiran@elista.ru.

В статье предлагается комментарий историко-литературного, социально-исторического и историко-бытового (этнографического) характера к эпизоду посещения калмыцкой кибитки из «путевых записок», которые А. С. Пушкин вел во время поездки на Кавказ и Закавказье весной–летом 1829 года.

Ключевые слова: Пушкин, путешествие, «путевые записки», Восток, контекст свободы, калмыцкий чай, калмычка, нравственные качества.

Asia and the East in the European part of the Russian Empire were re-opened to Alexander Pushkin during his journey to the Caucasus and Transcaucasia in 1829, to the war of front-line forces with the Ottoman Empire. The article contains a commentary of historical and literary, socio-historical and ethnographic character to the episode of poet's visiting the Kalmyk kibitka (nomad tent) taken from "Travel Notes" the poet kept during the trip.

Keywords: Pushkin, journey, «Travel notes», the East, the context of freedom, Kalmyk tea, Kalmyk maiden, moral qualities.

Переход от Европы к Азии делается час от часу чувствительнее — леса исчезают, холмы сглаживаются, трава густеет и являет большую силу растительности (*végétations*); показываются птицы, неведомые в наших дубравах; орлы как часовые на пикетах сидят на кочках, означающих большую дорогу и спокойно смотрят на путешественника; по тучным пастбищам

Кобылиц неукротимых

Гордо бродят табуны —

кочующие кибитки полудиких племен начинают появляться, оживляя необозримую однообразность степи. Разные народы разные каши варят. Калмыки располагаются около стационарных хат — Татары пасут своих вельблюдов и мы дружески навещаем наших дальних соотечественников.

На днях покамест запрягли мне лошадей, пошел я к калмыцким кибитк<ам> (т. е. круглому плетню крытому шестами, обтянуто<м>у белым войлоком, с отверстием вверху). У кибитки паслись уродливые и косматые кони, знакомые нам по верному карандашу Орловского. В кибитке я нашел целое калмыцкое семейство; котел варился по середине и дым выходил в верхнее отверстие. Молодая калмычка, собой очень не дурная, шила курия табак. Лицо смуглое, темно румяное. Багровые губки, зубы жемчужные — Замечу, что порода калмыков начинает изменяться — и первобытные черты их лица мало по малу исчезают — Я сел подле нее. Как тебя зовут? — — — сколько тебе лет? — десять и восемь — Что ты шьешь? — портка. Кому — себя. Поцалуй меня. — Неможна, стыдно. Голос ее был чрезвычайно приятен. Она подала мне свою трубку и стала завтракать со всем своим семейством. В котле варился чай с бараньим жиром и солью. Не думаю, чтобы кухня какого б то ни было народу могла произвести чтонибудь гаже. Она предложила мне свой ковшик — и я не имел силы отказаться — Я хлебнул стараясь не перевести духа — я просил заесть чемнибудь — мне подали кусочик сушеной кобылятины. И я с большим удовольствием проглотил его. После сего подвига я

думал, что имею право на некоторое вознаграждение. Но моя гордая красавица ударила меня по голове мусийским орудием подобным нашей балалайке — Калмыцкая любезность мне надоела, я выбрался из кибитки и поехал далее. Вот к ней послание, которое вероятно никогда до нее не дойдет — — —

(А.С. Пушкин. Путевые записки. 1829; VIII, 1028–1029¹)

По возвращении из михайловской ссылки Пушкин начинает постепенно ощущать двусмысленность своего положения первого поэта России, личным цензором которого объявил себя сам царь. С начала 1827 до середины 1828 гг. тянется дело о стихотворении «Андрей Шенье», в результате которого над поэтом вновь учрежден секретный надзор. А сразу вслед за ним началось чреватое более серьезными последствиями дело о «кошунственной» поэме «Гавриилиада». Время, когда ссыльный скиталец рвался в Петербург, сменилось временем, когда он рвется прочь из душной атмосферы Петербурга, — совсем как сказано в давнем письме брату: «...взять тихонько трость и шляпу и поехать посмотреть на Константинополь. Святая Русь мне становится невтерпеж» (Л. С. Пушкину, январь — начало февраля 1824 г. Из Одессы в Петербург; XIII, 86).

14 апреля 1828 г. был объявлен манифест Николая I о войне с Турцией. «Турку воевали» на двух фронтах — за Дунаем на Балканах и в Закавказье. В это время Пушкин предпринимает ряд попыток уехать в длительное и дальнее путешествие. Просьбы разрешить ему поездку в действующую армию на дунайский фронт или за границу —

К подножию ль стены далекого Китая,

В кипящий ли Париж...

Повсюду я готов. Поедем... —

(Элегический отрывок. 1829; III, 191) встречают отказ. Год спустя, 9 марта 1829 г., уже не испрашивая никаких разрешений, а просто «по праву вольности дворянской», Пушкин «сел в коляску» и выехал из Петербурга на Кавказ и в Закавказье — на театр военных действий. По пути заехал в Москву, где его ожидало важнейшее дело личного

характера — сватовство к Н. Н. Гончаровой, которое он поручил графу Ф. И. Толстому (Американцу). Не получив ни формального согласия на брак, ни прямого отказа, 1 мая 1829 г., незадолго до своего тридцатилетия, Пушкин пустился в дальнейший путь в край романтических воспоминаний.

На Кавказском фронте он рассчитывал встретиться с друзьями и приятелями своей юности — опальными, разжалованными, сосланными под пули и сабельные удары офицерами-декабристами. В Закавказье воевали младший брат поэта, Л. С. Пушкин, младший брат «бесценного друга» лицейских лет, М. И. Пущин, взыскательный друг и собеседник — Н. Н. Раевский-младший, которому посвящена поэма «Кавказский пленник» (1822).

Исследователь отмечает «дилетантский уровень даже тех публикаций» первой половины XIX века, «где рассматривались принципиальные вопросы взаимодействия России и Востока» [Сопленков 2000: 153]. Характер представлений тогдашнего русского общества о мусульманском, в частности, Востоке, этой «геополитической абстракции» [Маркелов 2013: 129], был крайне разноречив — от романтических мифологем и просветительски-культуртрегерских прожектов до склонности «видеть в Азии культурный феномен, для осмысления которого неприменимы европейские категории» [Сопленков 2000: 162]. Своими «южными» поэмами Пушкин стимулировал развитие первых, затем отдал известную дань вторым и, стремительно эволюционируя, способствовал формированию третьего подхода. В путешествии на Восток поэту предстояло уточнить и по его итогам выработать комплекс зревших в его сознании

¹ Тексты А. С. Пушкина приводятся в статье с указанием тома и страницы в скобках после цитаты по репринтному воспроизведению Большого академического издания: *Пушкин А. С. Полн. собр. соч.* В 16-ти т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949, — дополненного к юбилею поэта: В 19-ти т. М.: Воскресенье, 1994–1997. Орфография и пунктуация приближены к современным нормам, кроме передачи черновых вариантов.

Датировки упоминаемых событий и сведения о лицах сверены по справочным изданиям [Летопись 1999; Черейский 1988] и, кроме отдельных случаев, далее специально не оговариваются.

эстетических, историко-культурных, историко-философских и политических идей.

Поездка 1829 года возродила Пушкина. По отношению к ней как духовному событию еще более точным представляется суждение Н. В. Гоголя о первой встрече поэта с этим краем: «Кавказ вызвал силу души его и разорвал последние цепи, которые тяготели на свободных мыслях» [Гоголь 1952: VIII, 51].

Пушкин взял в дорогу тетрадь для записей, которая в описании его рукописей получила название «Арзрумской» (современный шифр — ПД 841). Наряду со стихотворениями, сопутствующими поездке, в нее заносились «путевые записки», как называл их сам автор и в 1829, и в 1835 гг. (VIII, 1027). Этому комплексу записей дневникового, конспективного и тезисного характера исследователь дает определение «кавказский дневник» [Левкович 1983: 15; Левкович 1988: 5].

Данное определение представляется точным в смысле локализации записей: так, первая сделана 15 мая в Георгиевске — т. е. в Предкавказье. Записки, в частности, содержат первоначальный «дневниковый» вариант эпизода посещения калмыцкой кибитки и встречи с калмычкой, который мы привели выше — с его некоторыми характерными подробностями, не вошедшими в текст цикла очерков «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года», подготовленный к печати в 1835 г. и опубликованный в пушкинском «Современнике» в январе 1836 г. Изучение несовпадения текстов «путевых записок» и «Путешествия» [см.: Тынянов 1968] по их составу, функциональным особенностям и художественному своеобразием не является задачей данной работы. В предлагаемом далее комментарии мы исходим из того, что дорожные записи в Арзрумской тетради «нельзя рассматривать как заготовки для еще не родившегося замысла “Путешествия в Арзрум”» [Левкович 1983: 18].

...орлы как часовые на пикетах сидят на кочках, означающих большую дорогу...

...орлы... — В 1784 г. по запросу тогдашнего правительства от калмыцких владельцев (нойонов) были записаны сведения об их кочевьях, в 1923 г. профессором Н. Н. Пальмовым составленные в единое описание Калмыцкой «кочующей степи» [Пальмов 2007: 27]. На вопрос: «Какие во-

дятся птицы и нет ли каких особых родов...», — Малодербетовский Ценден-Дорджи представил перечень птиц в своих кочевьях «по речкам, протекающим из Дону» [Пальмов 2007: 29], в числе которых назвал орла-могильника [Пальмов 2007: 38].

... сидят на кочках, означающих большую дорогу... — И. В. Борисенко приводит описание Черкасского пути, данное историком Войска Донского В. Б. Броневским в 1834 г.: «...вместо верстовых столбов по обе стороны дороги сажены через пятьдесят насыпают из земли курганы, а местами из камня сложены конусы...» [Борисенко 1981: 54, 60].

Кобылиц неукротимых... табуны — Здесь Пушкин цитирует двестише (ст. 67–68) из «думы» К. Ф. Рылеева «Петр Великий в Острогжске» (1823) [Рылеев 1975: 83], несомненно, вспоминая ему на пути из Воронежа, неподалеку от которого происходили описываемые поэтом-декабристом события. В письме к К. Ф. Рылееву Пушкин выделил из огромного цикла лишь названную «думу», заметив, что ее «окончательные строфы <...> чрезвычайно оригинальны» (от второй половины мая, из Михайловского; XIII, 175).

Комментируемый фрагмент, кроме природных и историко-литературных реалий, насыщен и символично-поэтическими образами. Символический подтекст формирует контекст отрывка как контекст свободы. Стихи казненного за свободу Рылеева, чье имя осталось неназванным, но должно было узнаваться читателем безошибочно, многократно усиливали звучание темы свободы в ее поэтических «атрибутах» — образах свободных, как степи, орлов и табунов «кобылиц неукротимых».

По мере сюжетного движения «путевых записок» к эпизоду посещения калмыцкой кибитки эти символы свободы, сливаясь с образом калмычки, художественно завершают контекст, в котором степная «гордая красавица» предстанет как «натура равная самой себе при всех обстоятельствах, натура спокойная и вольная» [Эйдельман 1984: 247]. Спустя три года поэтическая формула свободы как природной воли уместится у Пушкина в одной строке:

...ветру, и орлу, и сердцу девы нет закона
(<Езерский> 1832; V, 102).

Калмыки располагаются около станционных хат — На пути от Новочеркасска до

Владикавказ, когда в Арзрумскую тетрадь были записаны комментируемый текст, черновой, затем перебеленный текст послания «Калмычке» [см.: Кичикова 2015, 2015 а, 2015 б, 2015 в], Пушкин проезжал кочевья калмыков донских [см.: Пальмов 2007: 213–261] и терских [см.: Пальмов 2007: 213–261; Шовунов 1992: 59–64, 171–180].

Член Географического общества СССР, историк из Калмыкии И. В. Борисенко установил, что: «поиск места встречи поэта с калмыками в 1829 году должен проходить на участке Кавказского тракта от Новочеркаска до Ставрополя протяженностью в 340 верст»; «на пути следования поэта располагались кочевья калмыков Войска Донского и Большедербетовского улуса на территории Кавказской области. Места для кочевий Большого Дербета были установлены в 1815–1816 годах»; «Калмыки Дона, будучи казаками, в первой половине XIX века не перешли на станичное поселение, а разделенные с 1806 года на три улуса, сотни и хотоны продолжали кочевать в Задонской степи (по левую сторону Дона от Кагальника до Сала)». По предположению историка, встреча поэта с калмыками и «произошла в кочевье. Им могли быть летние пастбища калмыцких сотен (Эркетеневская, Бембедякин, Бултуковская, Батлаевская) Нижнего улуса, по которым пролегал Черкасский путь на расстоянии более 50 верст в промежутках почтовых станций: Кагальницкая, Мечетинская, Егорлыкская, расположенных вблизи казачьих станиц».

Исследователь делает убедительный на сегодня, за отсутствием иных аргументов 35-летней давности, вывод о том, что «получасовая встреча Пушкина с калмыками в 1829 году произошла на Черкасском тракте в кочевьях Нижнего улуса донских калмыков при проезде поэта через почтовые станции: Кагальницкую, Мечетинскую, Егорлыкскую», предполагая место встречи «у станции Кагальницкой, у современной станции Кагальницкой Черноградского района Ростовской области» [Борисенко 1981: 53, 54, 55, 57, 59].

Калмыки располагаются... — Современные исследователи выявляют приоритеты подобного расположения: «В отличие от традиционных путей (круговых) <...>, дорога, уходящая вдаль линейно, <...> имеет в калмыцкой традиционной культуре отрицательные характеристики. До настоящего

времени сохраняется память о необходимости расположения жилища вдалеке от дороги. <...> В случае вынужденного нарушения запрета на расселение у дороги калмыки располагали хотон около тракта, но кибитки ставили так, чтобы дорога не была видна через дверь» [Бакаева, Сангаджиев 2005: 63–64].

Татары ... — Возможно, речь идет о ногайцах и кара-ногайцах.

На днях... пошел я к калмыцким кибиткам (т. е. круглому плетню крытому шестами, обнято <м>у белым войлоком, с отверстием вверху). — Это описание калмыцкой юрты, в «конструктивном» смысле более полное и точное по сравнению с тем, которое представлено в тексте «Путешествия в Арзрум...», свидетельствует не только о замечательной наблюдательности Пушкина, но и о его памяти, восстанавливающей впечатление девятилетней давности.

В калмыцких юртах, вместе с семейством генерала Н. Н. Раевского, поэт прожил с 3 по 26 июля 1820 года, принимая лечение в Пятигорье на кавказских «горячих серных, кислых и железистых водах» — в нынешнем Железноводске [Летопись 1999 – I, 182–183]. Прославленный герой войны 1812 года писал старшей дочери Екатерине о житье на водах в небольшой долине, «в которой все селение расположено на две улицы; я приметил до 60 домов, домиков и лачужек, и как сего недостаточно для приезжающих, то нанимают калмыцкие кибитки, палатки и располагаются лагерями, где кому полюбится, и как будто поддельваются нестройной здесь природе», — отмечая «смесь калмыков, черкес, татар, здешних казаков, здешних жителей и приезжих» [цит. по: Жизнь Пушкина 1987: I, 338]. В другом письме: «6 июля Железные воды бештовые. <...> Здесь мы в лагере как цыгане, на половине высокой горы. 10 калмыцких кибиток, 30 солдат, 30 казаков <...> Места так мало, что 100 шагов сделать негде — или лезть в пропасть или лезть на стену» [цит. по: Жизнь Пушкина 1987: I, 339].

Те же сведения приводит и В. З. Церенов, с одним существенным уточнением: «В 1811 г. власти обязали калмыцкие улусы ежегодно выставлять на лето к Кислым и Горячим водам по сто юрт с „людьми, умеющими их разбивать“. В Горячеводской долине и у Кислого колодца в летние месяцы возникали целые лагеря из калмыцких юрт, хозяева которых обычно располага-

лись здесь же, за линией охраны» [Церенов 2012: 17]. В своей книге очерков литератор из Калмыкии помещает и широко известный рисунок из альбома Н. Н. Раевского-младшего со спящим спиной ко входу в юрту человеком с котенком у колен (1820); решетки (теремы) и часть свода купола (шесть-унины) юрты прорисованы тщательно. Предположению же о том, что на рисунке изображен именно Пушкин [Церенов 2012: 20–21], суждено остаться в области предположений.

...обтянутому белым войлоком... — Здесь мы, возможно, встречаем некий социально-этнографический сюжет. «Сборно-разборное жилище калмыков *шукэ гер* в традиционной культуре имело определенную цветовую символику. <...> *Цаһан гер* — „белая юрта, кибитка” — как правило, жилище представителей высших слоев общества» [Бакаева, Сангаджиев 2005: 40]. Русский этнограф пояснял, что «белыми кошмами кроются лишь редкие кибитки, главным образом — кибитки духовенства, кибитки состоятельных людей и еще кибитки „новые”, т. е. новобрачных», однако «новая кибитка есть лишь отдельная единица бытовая, но не хозяйственная <...> невестка с четвертого дня отправляется уже в кибитку отца мужа работать, и здесь же она и ее муж имеют и стол. Так что кибитка отца <...> является центром для всех кибиток семьи: в ней происходит работа женщин, в ней готовится пища для всех кибиток семьи, из нее же исходят распоряжения по всему хозяйству» [Житецкий 1893: 4, 34].

С учетом сакрально-социальной семантики белого цвета у монголоязычных народов [Жуковская 1988: 158–160] можно предположить, что генерала Н. Н. Раевского и его спутников, в том числе Пушкина, как и других офицеров и дворян, лечившихся на Кавказских Минеральных Водах в 1820 году, с почтением поселили в кибитках белого цвета.

Спустя девять лет, «наметанным глазом» выделив белую кибитку у Черкасского тракта, Пушкин направился к ней и попал, таким образом, в жилище не просто главы семейства, что подтверждается словами: *В кибитке я нашел целое калмыцкое семейство*, — но, скорее всего, побывал в гостях у главы кочевья — родовитого или знатного калмыка.

...кони, знакомые нам по верному карандашу Орловского. — **Орловский** Алек-

сандр Осипович (1777–1832) — художник-баталист и жанровый живописец, литограф, с 1809 г. академик Академии художеств, родом поляк. Петербургский знакомый Пушкина, упомянувшего «быстрый карандаш» Орловского во второй песни поэмы «Руслан и Людмила» (1821). Кони — в сражении, на свободе — постоянный объект зарисовок влюбленного в них художника. Знатоки «калмыцкой» темы в русской живописи, И. В. Борисенко отмечает: «В Государственном Русском музее хранятся рисунки Орловского «Два калмыка верхом», «Калмыки верхом» и в Национальном музее г. Варшавы «Два всадника калмыка», «Калмыцкий всадник в меховом кафтане»» [Борисенко 1981: 51].

Молодая калмычка, собой не дурная, шла куря табак. — До замужества калмычки не курили и не жевали табак. Следовательно, в эпизоде речь идет о молодой замужней женщине, статус которой определяет до мелочей все ее поведение, как явствует из дальнейшего описания.

Лицо смуглое, темно румяное. Багровые губки, зубы жемчужные... — В этом описании внешности, по-видимому, действительно красивой калмычки развернут предыдущий тезис: *собой очень не дурная* — что объясняет последующие «любезности» путешественника. Возможно, что оно не вошло в текст «Путешествия в Арзрум...» из-за банальности стиля второй фразы (хотя эпитет *багровые* точно передает оттенок цвета губ на смуглом лице; если бы речь шла о блондинке, банальное описание удовлетворилось бы эпитетом «розовые/коралловые»), а также из соображений лаконизма, диктующего стремительный ритм прозы «Путешествия». Автор здесь руководствуется теми соображениями, которые были им изложены двумя годами ранее: «Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности» (Отрывки из писем, мысли и замечания. 1827; XI, 52).

Замечу, что порода калмыков начинает изменяться — и первобытные черты их лица мало по малу исчезают — Это замечание не вошло в текст «Путешествия в Арзрум...», возможно, как мало приличествующее образу просвещенного и гуманно настроенного путешественника, «друга человечества», дворянского интеллигента, который создается, начиная с данного эпи-

зода (ср. выше: ... мы дружески навещаем наших дальних соотечественников). Кроме того, это замечание не отвечает требованиям исторической точности, которым Пушкин стремился следовать задолго до непосредственных занятий в области истории: ведь он не мог «самолично» наблюдать изменение *первобытных черт*, для чего потребовалась бы жизнь нескольких поколений.

Голос ее был чрезвычайно приятен. — Эта фраза объясняет очарование встреченной поэтом молодой калмычки: для него звуки мелодического женского голоса обладали неизъяснимой притягательностью и были неотъемлемой частью полноты бытия и красоты мира. К сожалению, эта существенная подробность тоже исчезла из текста комментируемого эпизода в редакции «Путешествия в Арзрум».

А. П. Керн оставила драгоценное свидетельство о впечатлении, которое производил на окружающих голос самого поэта: «... он имел *голос* певучий, мелодический, и как он говорит про Овидия в своих *Цыганах*:

И голос шуму вод подобный» [Керн 1989: 33].

Она подала мне свою трубку... — В соответствии с этикетом и священными законами гостеприимства, у калмыков прежде младший член семьи подавал гостю раскуренную трубку, теперь же обязательно подают чай, затем — мясное блюдо.

Поцалуй меня. — *Неможна, стыдно.* — Нам уже приходилось комментировать этот главный момент диалога поэта с калмычкой, выявляя его связи со сценой прощания Онегина и Татьяны в VIII главе пушкинского романа в стихах [Кичикова 2015б: 172].

Нравственные качества калмычек вызвали восхищение русских этнографов и историков. «К качествам калмычек как хозяйек необходимо добавить, что они вообще отличаются редким у других наших инородцев целомудрием. <...> О девическом целомудрии и стыдливости нечего и говорить. Оно, если так можно выразиться, образцово» [Дуброва 1998: 52–53]. «Мораль женщины калмычки — высокая мораль, и она, как воспитательница, дает детям безусловно твердые устои нравственности, идеи правды, добра, верности долгу, беззаветной покорности и стоической выносливости» [Прозрителев 1912:9].

В котле варился чай с бараньим жиром и солью. Не думаю, чтобы кухня какого бы то ни было народа могла произвести что нибудь гаже. — Русские этнографы неизменно обращали внимание на этот напиток, традиционный для калмыков, монголов, народов Саяно-Алтайского нагорья и Тибета. Обстоятельное описание рецепта калмыцкого чая содержится в трудах И. А. Житецкого [1893: 15], Я. П. Дубровы, который счел нужным пояснить: «Чай калмыцкий, в существе дела, есть не напиток, а пища, к тому же довольно сытная и своеобразно вкусная, если хорошо приготовлена. К употреблению его привыкли не только наши крестьяне, но и деревенская «интеллигенция», сиречь купцы, писаря и духовенство» [Дуброва 1998: 50]. О распространенности напитка в другой этнической среде второй половины XIX века свидетельствует П. Смирнов: «Надобно отдать предпочтение степным калмыкам: они готовят кирпичный чай гораздо лучше русских и татар!» [Смирнов 1999: 61].

...мне подали кусочик сушеной кобылятины... — «Прием» в калмыцкой кибитке состоялся незадолго до 15 мая 1829 г.; в кушанье использован традиционный способ сохранения мясных продуктов в жаркое время года [см.: Житецкий 1893: 16].

Эпизод угощения русского поэта калмыками получил развернутый комментарий в работе широко известного историка кулинарной культуры. В. В. Похлебкин заметил, что присущий Пушкину «кулинарный космополитизм» в данном случае «имел все же границы», поясняя: «До тех пор пока любая национальная кухня напоминала своей вкусовой гаммой европейскую или русскую, Пушкин воспринимал ее без всяких предубеждений, но как только те или иные блюда выходили за рамки традиционного вкуса и казались либо слишком пресными, либо слишком необычными по составу компонентов, то тут поэт занимал такую же позицию неприятия или непонимания, как и всякий обычный русский человек.

Пушкин еще мог смириться с вяленой кониной, высококачественным сырокопченным изделием калмыков, казахов, киргизов и других степных народов, поскольку она представляла собой естественный, свежий, отличной сохранности продукт, но совершенно не мог вынести калмыцкого чая — кирпичного чая, сваренного в воде с молоком и со сливочным маслом, солью и перцем. Ему даже показалось, что этот чай был

с ...бараньим жиром, и он так ошибочно и записал в своих заметках. На самом деле это должно было быть, и несомненно было, сливочное масло из молока коров либо яков, но только никак не баранье сало, что просто технологически невозможно. Пушкину калмыцкий чай не понравился. <...> И эта реакция отчасти понятна: вкус калмыцкого чая весьма своеобразен. Необходимо два-три раза кряду, ежедневно, попробовать его, чтобы раскусить, привыкнуть и пристраститься. У Пушкина же не хватило духу и на один раз: он просто проглотил со страха всю порцию, так и не распробовав вкуса, пораженный неприятно непривычным запахом этого чая» [Похлебкин 2002: 182].

Комментарий В. В. Похлебкина можно принять с некоторыми коррективами: калмыцкий чай заправляли бараньим салом не только в старину [Дуброва 1998: 50], иногда его выжарки добавляют в молочный чай и сейчас; яки же не обитают на территории Калмыкии, Задонья и Предкавказья, их разводят в Монголии и в Тибете.

...я думал, что имею право на некоторое вознаграждение. Но моя гордая красавица ударила меня по голове мусийским орудием подобным нашей балалайке... — Эта «жанровая сценка» сопровождает последнюю часть диалога: *Поцалуй меня — Невозжна, стыдно*. Иронический характер описания призван подчеркнуть не только бытовую, но и литературную распространенность ситуации «залетного» путешественника, вздумавшего «приволокнуться» за прелестной и, как он полагает, доступной обитательницей почтовой станции. Сатирический вариант ее представлен в антикрепостническом «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева: «Кто не бывал в Валдаях, кто не знает валдайских развращенных девок? Всякого проезжающего наглые валдайские и стыд сотрясшие девки останавливают и стараются возжигать в путешественнике любострастие, воспользоваться его щедростью на счет своего целомудрия» (1790) [Радищев 1971: 466]. И Пушкин — «вослед Радищеву» — шутливо предостерегает приятеля:

У податливых крестьянок
(Чем и славится Валдай)
К чаю купи баранок
И скорее поезжай!
(Из письма С.А. Соболевскому.
От 9 ноября 1826 г. Из Михайловского
в Петербург; XIII, 303).

А через год после арзрумской поездки восславит внезапно вспыхнувшую и преодолевшую все преграды любовь мимолетного путешественника к юной красавице, прозябающей на почтовой станции, — в знаменитой болдинской повести «Станционный смотритель».

Молодая калмычка с достоинством отвечает на просьбу путешественника о поцелуе: *Не можна, стыдно*, — а его более настойчивые притязания «парирует действием» со всей непосредственностью дочери степей. Удар по голове *мусийским орудием* (домброй) — комическая развязка маленького дорожного приключения, которое явно надолго запомнится русскому поэту. Именно эта развязка и подразумевается в словах: *Калмыцкая любезность мне надоела*, — с которыми напрямую перекликается начало стихотворения: *«Прощай любезная калмычка!»*. Здесь слово *любезная* получает остро иронический смысл, а само послание «Калмычке» поэт предполагал включить в текст «путевых записок». Этому же эпизоду неявно и по контрасту соответствует следующее далее рассуждение об «осетинцах»: «Осетинцы самое бедное племя из племен обитающих Кавказ — женщины их прекрасны и как слышно очень благосклонны к путешественникам» (VIII, 1037).

Характерные колебания образа путешественника в эпизоде посещения калмыцкого семейства в его кибитке и встречи с молодой калмычкой (от просвещенного гуманиста до легкомысленного повесы) создают его внутреннее диалектическое единство — единство образа автора путевых записок, которому предстоит слиться с биографическим образом поэта Александра Пушкина в объективном полифоническом повествовании «Путешествия в Арзрум...».

«Детское, непосредственное начало, всегда присутствующее в великом поэте, неожиданным образом открывает ему многое в других детях — первобытных племенах и народностях, вольных полуразбойничьих казачьих ватагах, уходящих в глубину «диких миров», — замечал Н. Я. Эйдельман. — С такими людьми Пушкин легко находит общий язык — достаточно перечитать «Историю Пугачева», «Путешествие в Арзрум», вспомнить о его встречах с цыганами, с „любезной калмычкой”» [Эйдельман 1984: 268].

Источники

- Гоголь Н. В. Несколько слов о Пушкине (1832) // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. В 14 т. М.: АН СССР, 1937–1952; т. VIII, 1952. С. 50–55.
- Керн (Маркова–Виноградская) А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка (сост., вступ. ст. и прим. А. М. Гордина. М.: Правда, 1989. 480 с.
- Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 19-ти т. М.: Воскресенье, 1994–1997.
- Т. III. (1, 2) Стихотворения. 1826–1836. М.: 1997. 1379 с.
- Т. V. Поэмы. 1825–1833. М.: 1994. 543 с.
- Т. VIII. (1, 2) Романы и повести. Путешествия. М.: 1995. 1117 с.
- Т. XI. Критика и публицистика. 1819–1834. 588 с.
- Т. XIII. Переписка. 1815–1827. М.: 1996. 651 с.
- Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Русская проза XVIII века. М.: Изд-во «Худож. лит.», 1971 (серия «Библиотека всемирной литературы»). С. 399–550.
- Рылеев К. Ф. Думы / подг. Л. Г. Фризман. М.: Наука, 1975. (серия «Литературные памятники»). 254 с.

Литература

- Бакаева Э. П., Сангаджиев Ю. И. Культура жилища: этнические и современные приоритеты у калмыков. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 196 с.
- Борисенко И. В. О месте встречи А. С. Пушкина с калмыками в 1829 г. // Исследования по исторической географии Калмыцкой АССР. Элиста, 1981. С. 49–61.
- Дуброва Я. П. Быт калмыков Ставропольской губернии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 181 с.
- Жизнь Пушкина: Переписка; Воспоминания; Дневники. В 2 т. Т. 1 / сост., вступ. оч-ки и прим. В. В. Кунина. М.: Правда, 1987. 736 с.
- Житецкий И. А. Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884–1886 гг. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1893. 74 с. (репринтное воспроизведение).
- Жуковская Н. Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М.: Наука. Гл. ред. Вост. лит-ры, 1988. 196 с.
- Кичикова Б. А. «Ты не лепечешь по-французски...» (послание А. С. Пушкина «Калмычке»: из материалов к комментарию) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 1. С. 111–115.
- Кичикова Б. А. Послание А. С. Пушкина «Калмычке» как историко-литературная проблема // Вестник Калмыцкого института гума-

нитарных исследований РАН. 2015 а. № 2. С. 166–173.

- Кичикова Б. А. Послание А. С. Пушкина «Калмычке»: аспекты жанрового своеобразия // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015 б. № 3. С. 169–176.
- Кичикова Б. А. Послание А. С. Пушкина «Калмычке»: из материалов к комментарию // Актуальные проблемы современного монголоведения / Сб. науч. трудов. Элиста: КИГИ РАН, 2015 в. С. 196–204.
- Левкович Я. Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л.: Наука, 1988. 328 с.
- Левкович Я. Л. Кавказский дневник Пушкина // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XI. Л.: Наука. 1983. С. 5–26.
- Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. В 4 т. Т. 1. 1799–1824 / сост. М. А. Цявловский. М.: Слово/Slovo, 1999. 592 с.
- Маркелов Н. В. Кавказские путешествия Пушкина. Романтизм и реальность. М.: Гелиос АРВ, 2013. 256 с.
- Пальмов Н. Н. Материалы по истории калмыков за период пребывания в пределах России / сост., вст. ст. А. М. Джалаевой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 464 с.
- Похлебкин В. В. Из истории русской кулинарной культуры. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2002. (серия «Классики кулинарного искусства»). 540 с.
- Прозрителев Г. Н. Военное прошлое наших калмык. Элиста: Санан, 1990. 144 (I)+28(II)+60 (III)+44(IV)+30(V)+XXXXIII с. (репринтное воспроизведение издания 1912 г.)
- Смирнов П. Путевые записки по калмыцким степям Астраханской губернии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 248 с.
- Сопленков С. В. Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX века). М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 214 с.
- Тынянов Ю. Н. О «Путешествии в Арзрум» // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М.: Наука, 1968. С. 192–208.
- Церенов В. З. Счастливый дар. «Калмыцкие нежности» А. С. Пушкина. Элиста: ЗАОР НПП «Джангар», 2012. 128 с.
- Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Изд. 2, доп. и перераб. Л.: Наука, 1988. 544 с.
- Шовунов К. П. Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII–XX вв.) Элиста: Союз казаков Калмыкии. Калмыцкий ин-т обществ. наук, 1992. 320 с.
- Эйдельман Н. Я. Пушкин: История и современность в художественном сознании поэта. Монография. М.: Сов. писатель, 1984. 368 с.

Sources

- Gogol N. V. A few words about Pushkin (1832). In: Gogol N. V. [Complete Works]. In 14 vols. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1937–1952. Vol. VIII. Pp. 50–55. (In Russ.)
- Kern (Markova–Vinogradskaya) A. P. [Memoirs. Diaries. Correspondence]. A. M. Gordin (comp., foreword, comments). Moscow: Pravda, 1989. 480 p. (In Russ.)
- Pushkin A. S. [Complete Works]. In 19 vols. Moscow: Voskresenie, 1994–1997. Vol. III: (1, 2) Poems, 1826–1836, 1379 p. Vol. V: Poems, 1825–1833, 543 p. Vol. VIII: (1, 2) Novels, Travel Notes, 1117 p. Vol. XI: Criticism and Political Journalism, 1819–1834, 588 p. Vol. XIII: Correspondence, 1815–1827, 651 p. (In Russ.)
- Radishchev A. N. Journey from Petersburg to Moscow. In: [18th-Century Russian Prose]. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1971. Pp. 399–550. (In Russ.)
- Ryleev K. F. [Dumy (Thoughts)]. L. G. Frizman (prep.). Moscow: Nauka, 1975. 254 p. (In Russ.)

References

- [A. S. Pushkin: Chronicles of Life and Literary Career]. In 4 vols. Vol. 1: 1799–1824. M. A. Tsyavlovsky (comp.). Moscow: Slovo/Slovo, 1999. 592 p. (In Russ.)
- [Pushkin's Life: Correspondence, Memoirs, Diaries]. In 2 vols. Vol. 1. V. V. Kunin (comp., foreword, etc.). Moscow: Pravda, 1987. 736 p. (In Russ.)
- Bakaeva E. P., Sangadzhiev Yu. I. [Kalmyk Dwelling Culture: Ethnic and Contemporary Priorities]. Elista: Dzhangar, 2005. 196 p. (In Russ.)
- Borisenko I. V. Where A. S. Pushkin and Kalmyks met in 1829: the actual site revisited. In: [Kalmyk ASSR: Studies in Historical Geography]. Elista, 1981. Pp. 49–61. (In Russ.)
- Chereysky L. A. [Pushkin and His Surroundings]. 2nd ed., rev. and suppl. Leningrad: Nauka, 1988. 544 p. (In Russ.)
- Dubrova Ya. P. [Kalmyks of Stavropol Governorate: Everyday Life]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1998. 181 p. (In Russ.)
- Eidelman N. Ya. [Pushkin: Past and Present in the Poet's Artistic Mind]. Monograph. Moscow: Sovetskiy Pisatel, 1984. 368 p. (In Russ.)
- Kichikova B. A. 'You don't prattle in French ...' (A. S. Pushkin's address 'To a Kalmyk Maiden': from the materials to the comments). *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2015. No. 1. Pp. 111–115. (In Russ.)
- Kichikova B. A. A. S. Pushkin's address 'To a Kalmyk Maiden' as a historical-literary problem. *Bulletin of the Kalmyk Institute for*

Humanities of the RAS (Oriental Studies). 2015. No. 2. Pp. 166–173. (In Russ.)

- Kichikova B. A. A. S. Pushkin's address 'To a Kalmyk Maiden': aspects of genre originality. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2015. No. 3. Pp. 169–176. (In Russ.)
- Kichikova B. A. A. S. Pushkin's address 'To a Kalmyk Maiden': excerpts from materials to comments. In: [Topical Issues of Contemporary Mongolian Studies]. Coll. scholarly papers. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2015. Pp. 196–204. (In Russ.)
- Levkovich Ya. L. [Pushkin: Autobiographical Prose and Correspondence]. Leningrad: Nauka, 1988. 328 p. (In Russ.)
- Levkovich Ya. L. Pushkin's Caucasian diary. In: [Pushkin: Studies and Research Materials]. Vol. XI. Leningrad: Nauka. 1983. Pp. 5–26. (In Russ.)
- Markelov N. V. [Pushkin's Journeys to the Caucasus: Romanticism and Reality]. Moscow: Gelios ARV, 2013. 256 p. (In Russ.)
- Palmov N. N. [Kalmyks within Russia's Borders: Historical Materials]. A. M. Dzhalalava (comp., foreword). Elista: Kalmyk Book Publ., 2007. 464 p. (In Russ.)
- Pokhlebin V. V. [Russian Culinary Culture: Glimpses of History]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2002. 540 p. (In Russ.)
- Prozritelev G. N. [Military Past of Our Kalmyks]. Elista: Sanan, 1990. 144 (I)+28(II)+60 (III)+44(IV)+30(V)+XXXXIII p. Reprint of the 1912 edition. (In Russ.)
- Shovunov K. P. [Kalmyks in Cossack Service of Russia: Mid-17th to 20th Centuries]. Elista: Union of Kalmykia's Cossacks, Kalmyk Institute of Social Sciences, 1992. 320 p. (In Russ.)
- Smirnov P. [Across Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate: Travel Notes]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1999. 248 p. (In Russ.)
- Soplenkov S. V. [Road to Erzurum: Russian Social Discourse about the Orient, 1800s – 1850s]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2000. 214 p. (In Russ.)
- Tserenov V. Z. [The Happy Gift: 'Kalmyk Compliments' of A.S. Pushkin]. Elista: Dzhangar, 2012. 128 p. (In Russ.)
- Tynyanov Yu. N. About 'Journey to Arzrum'. In: Tynyanov Yu. N. [Pushkin and His Contemporaries]. Moscow: Nauka, 1968. Pp. 192–208. (In Russ.)
- Zhitetsky I. A. [Astrakhan Kalmyks: Sketches of Everyday Life. Ethnographic Observations of 1884–1886]. Moscow: M. G. Volchaninov, 1893. 74 p. Reprint. (In Russ.)
- Zhukovskaya N. L. [Traditional Mongolian Culture: Categories and Symbols]. Moscow: Nauka, 1988. 196 p. (In Russ.)

ОСОБЕННОСТИ СЮЖЕТНОЙ СТРУКТУРЫ ПОЭМЫ Д. КУГУЛЬТИНОВА «САР-ГЕРЕЛ»

Peculiarities of the Plot Structure of D. Kugultinov's Poem «Sar-Gerel»

Э. А. Эльдышев (E. Eldyshev)¹

¹научный сотрудник отдела письменных памятников, литературы и буддологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Researcher of the Written Monuments, Literature and Buddhism Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: eldyshev59@mail.ru.

Статья посвящена исследованию сюжетной структуры поэмы Д. Кугультинова «Сар-Герел». В ней рассматриваются особенности «жанровой инновации» – например, притчи, включенной в текст поэмы, — вопросы отражения философии времени, его гуманистических идеалов, выраженных поэтом через фольклорный сюжет.

Ключевые слова: сюжетная структура, поэма, фольклор, глава, композиция.

The article examines the plot structure and analysis of the poem D. Kugultinov «Sar-Gerel». It discusses the issues of «genre innovation», for example about the parables included in the text of the poem, the questions reflected the philosophy of time, his humanistic ideals expressed by the poet through a folk story.

Keywords: the structure of the plot, poem, folklore, chapter, composition.

Статья посвящена исследованию сюжетной структуры поэмы Д. Н. Кугультинова «Сар-Герел». Сюжетные линии, как единая динамическая структура, рассматриваются в ней с точки зрения авторской позиции. Исследование особенностей сюжетной структуры поэмы сопровождается выявлением метафорических средств, характерных для национального фольклора. Символика и условность фольклорной традиции в тексте поэмы выступают и тогда, когда поэт переходит к нравственным выводам, к определению непреходящих истин. Таким образом, в художественной структуре текста автор соединяет лирическую публицистику с фольклорной образностью. Отмечается и богатая полифоничность, психологическая и эмоциональная многозначность, героические, философские и трагические мотивы поэмы.

Творчество Д. Н. Кугультинова тесно связано с национальным фольклором. «Я добросовестно изучал фольклор», — писал он, и это знание народного творчества позволило поэту создать одно из лучших его произведений — поэму «Сар-Герел».

«В этой лирико-философской поэме на основе сказочного сюжета поэт осмысливает разнообразные явления жизни, поднимает серьезные философские проблемы — о взаимоотношении народа и личности, о человеческом счастье и служении народу, о том, что человека делает человеком» [Килганова 1973: 42]. Д. Н. Кугультинов решает эти проблемы как истинный художник слова.

Многие известные литературоведы отмечали достоинства поэмы «Сар-Герел». Так, Ю. Б. Розенблум, разбирая ее жанровую природу, особо отметил умение поэта «„увязать“ содержание древней легенды с нашей современностью» [Розенблум 1969: 122].

Б. А. Леонов в своей книге о Д. Н. Кугультинове посвящает анализу этого произведения целую главу («Поэма, а не сказка»). Опираясь на высказывание С. Я. Маршака, автор прослеживает фольклорные истоки поэмы [Леонов 1970: 15].

Строгая, четкая композиция поэмы — одно из главных достоинств произведения. Все — от посвящения космонавту Вален-

тине Николаевой-Терешковой до эпилога, связывающего легендарное прошлое с современностью, — отмечено печатью высокого мастерства.

По этому поводу З. И. Килганова пишет: «Эпическое повествование, философские размышления, вставная легенда о ласточке, лирические отступления, обращения к читателю — все это органически слито в единое, нерасторжимое целое» [Килганова 1973: 42]. Таким образом, композиция подчинена раскрытию смысла поэмы.

Сюжетная основа поэмы такова. Солнце влюбилось в девушку, которая в свою очередь влюблена в земного юношу и не может отказаться от своей любви. Тогда уязвленное Солнце скрывается за горизонтом. Наступает кромешная тьма. Люди просят девушку спасти их и уступить светилу. И девушка, превратившись в Луну, поднимается в небо. Но и там она при виде Солнца бежит от него прочь.

Впервые к сюжету, который стал основой поэмы «Сар-Герел», Д. Кугультинов обратился в очерке «Сказка» [Кугультинов 1966: 96–97]. В процессе работы замысел произведения претерпевал существенные изменения. Вначале поэт назвал поэму «Сар-Герел» сказкой. Но ознакомившись с подстрочником С. Я. Маршак заявил: «Это у вас поэма, а не сказка... Вы говорите, что в основе вашей вещи лежит фольклор. Хорошо, но что вы скажете тогда о «Руслане и Людмиле», «Демоне»? Как вам известно, авторы этих произведений называли их поэмами. Ведь они через сказочный сюжет выразили свое отношение к современной им жизни, свою философию! Нет, голубчик, что ни говорите, у вас не сказка, а лирико-философская поэма» [Кугультинов 1966: 218].

Сюжетная структура поэмы подчинена прежде всего задаче раскрытия характера героини, а через него — раскрытию смысла произведения. В прологе, играющем немалую роль в развитии сюжета, говорится о том, что Солнце жаждет встречи с земной девушкой. Века проходили за веками, и вот, наконец, в калмыцкой степи должна состояться так долго ожидаемая встреча.

В первой главе читатель знакомится с Герел ближе, она — подлинное воплощение физической и нравственной красоты:

Светится в ней чистая душа.

Две звезды из-под прозрачных век

Смотрят в сердце, словно утешая:

*«Не печалься, добрый человек,
Будет радость у тебя большая»*
[Кугультинов 1968: 92].

Герел — лучшая рукодельница в хотоне, Герел — умница, Герел — «вникла в целебные свойства трав», любой человек рядом с ней чувствует себя красивым и смелым.

Первая глава представляет собой экспозицию, намек на завязку заключен в самых последних ее строках:

Конь необъезженный — сердце Герел.

Не заарканил его никто.

Не заарканил его пока...

[Кугультинов 1968: 94].

Центральный эпизод второй главы — встреча Герел с пастухом Цереном, спасшим ее от разъяренного быка. Этот герой предстает как воплощение силы, ловкости, стремления вступить за слабого.

Безмерное и безоблачное счастье юной любви — содержание третьей главы поэмы. В то же время уже здесь есть предчувствие беды. Большую роль в последующем воплощении зловещего предчувствия играет лирическое отступление о степи. Конец третьей главы возвращает читателя к заключительным строкам пролога — свиданию Солнца и Герел.

В четвертой главе в диалоге с Солнцем проявляется характер героини. Она обращается к Солнцу, «молитвенно сжав ладони, как ее прабабки искони», но в то же время «гордость человека сохраняя»: вежливая, деликатная Герел становится непреклонной, защищая свое право, право человека, на любовь и счастье, и слова ее наполняются глубоким смыслом, утверждающим величие человеческой личности.

Пятая глава раскрывает другие грани характера героини. Высокое чувство ответственности за судьбы людей, сознание того, что она — причина, хотя бы и невольная, страшных невзгод, обрушившихся на ее земляков, рождают в душе Герел не страх и отчаяние, а самоотверженную решимость бороться за свое счастье, в то же время не противопоставляя его счастью других людей...

Седьмая, заключительная, глава поэмы — рассказ о том, как Герел стала Луной.

В поэме все подчинено основной идее взаимоотношений народа и человека, личности и общества. Д. Кугультинов не уменьшает сложности и многогранности этой извечной проблемы. Поэт говорит не

только о долге отдельного человека перед народом, но и об ответственности народа за каждого человека. Ибо необходимо помнить, что «не всякое людское скопище достойно называться народом». Тем, кто, «убоявшись холода и мрака», готов принести Герел в жертву разъяренному светилу, мудрец Цецен с укором говорит:

*Верьте мне, народом нам не быть,
Если мы не сделаем попытки
И любовь, и правду защитит!
Потому что подлинный народ –
Это справедливости оплот*

[Кугультинов 1968: 133].

В принятом Герел решении немалую роль сыграли близкие ей люди: ее жених Церен и мать, сумевшие, несмотря на свою огромную любовь к Герел, отказаться от счастья быть рядом с ней. Именно люди, подобные матери Герел, Церену, мудрецу Цецену, вместе и составляют народ.

«Основной конфликт поэмы «Сар-Герел», — отмечает Ю. Б. Розенблюм, — это конфликт Солнца и Земли. В предании он был лишь намечен, в поэме же он очень глубок по смыслу, современен и актуален. Небесное светило жаждет любви, но Герел не может ответить ему взаимностью — ее сердце отдано Церену. Так образуется своеобразный сказочный «любовный треугольник». Так сталкиваются три чувства, и возникает сложный, совсем земной конфликт...» [Розенблюм 1969: 125]. Поэтический вымысел усложняет конфликт, несколько меняет характер образов и значительно заостряет социально-философскую проблематику, заложенную уже в самой сюжетной основе народной сказки. Личный конфликт перерастает в конфликт общечеловеческий, а значит и социальный. Столкнулись две правды — правда Герел и правда Солнца. Но двух истин быть не может, и ее нельзя поделить пополам. Правда Солнца — это правда личного «я», она субъективна, а значит и ложна. В конфликте Земли и Солнца побеждает голубая планета, не предавшая своей любви, в страданиях утвердившая свою правду.

Сюжет поэмы определяет поступки героев. И конфликт, выраженный в столкновении взглядов и действий главных героев — Сар-Герел, Солнца, Церена, — становится тем мериллом, через которое проявляются их нравственные качества. Суть лирического конфликта поэмы заключается в фило-

софском противопоставлении взглядов Герел и Солнца. Можно отметить, что этот глубинный философский конфликт станет одной из важных особенностей творчества поэта. Конфликт поэмы, несомненно, отражает позицию самого автора, в котором выражена его мировоззренческая концепция.

«Пейзаж у Д. Кугультинова динамичен, — отмечает З. И. Килганова, — там, где показан внутренний мир героини, природа исполнена света и радостного движения. Герел, пришедшую на свидание с любимым, глубоко волнуют краски весенней степи, степь предстает в этот миг воплощением всего прекрасного. Степь для влюбленной Герел — «зеленая новь», где «ластится к ногам ее трава, шелестит и шепчет, как живая...». Это «бурлит в ней радость бытия и на волю рвется неустанно». Но вот Солнце отвернулось от людей. В картине «ледяного кладбища» преобладают эмоционально-насыщенные эпитеты («ледяная жадная пустыня»), метафоры и олицетворения («плачет земля о былом тепле», «ветры рвутся в кибитку, треплют кошму, хрипло визжат от злости», «тонкий плач метели»).

Тем рельефнее последующий переход к прежней тональности: ликующие, праздничные краски возрожденной природы находят в полном соответствии с душевным состоянием людей, увидевших вновь «сияющий мир земной», «забытую красоту» [Килганова 1973: 47–48].

В поэме множество тонко выписанных пейзажей, конкретных национально-бытовых черт, определяющих ее подлинно калмыцкий колорит, подчеркивает исследователь. Калмыцкий чай, гадание на бараньей лопатке, определение времени по названиям животных, вера в существование злого духа — Араха, особенности быта в кибитках и хотонах и т. д. «В поэзии Д. Кугультинова степь предстает полифоническим явлением, вызывающим целую гамму мыслей и чувств» [Салдусова 2007: 97].

В языке поэмы, с присущим ей романтическим стилем, философские раздумья сочетаются с лирической взволнованностью. Обращают на себя внимание афористичность речи автора и действующих лиц поэмы.

Известный критик Е. Осетров отметил: «Прежде всего меня поразил сюжет этой поэмы — Девушка-Луна. Это замечательный образ, который переключается со славянскими языческими легендами, в частно-

сти с той, которую использовал Островский в сказке о Снегурочке. Эта калмыцкая Снегурочка жертвует своей любовью во имя общего блага.

Но было бы наивно и неверно только так определять содержание этой поэмы. Поэму пронизывает множество различных линий и размышлений, в частности: человек и общество, соотношение старого и древнего, идущего из глубины веков, с современным, сегодняшним. Это — поразительное сочетание современности с древностью, национального с общечеловеческим» [Осетров 1967: 48].

Композиционное решение всей поэмы и ее частей подчинено принципам народной сказки. И первое, чисто внешнее, свидетельство тому — семиглавное построение и многократно наблюдаемый прием триединства действий сказочных героев, основанный на традиции, народных обычаях и высказываниях, восходящих к народным пословицам, поговоркам, приметам. По мере развития действия поэмы за фольклорным, сказочным все настойчивее и явственнее проступает второй план — философско-метафорический, открывающий простор для ассоциаций и толкований в направлении, указанном автором.

В народном творчестве обычно между притчей и произведением, в котором она звучит, существует прямая связь. Обнаруживается она и в поэме Д. Кугультинова — в проведенной прямой аналогии между тем, что говорилось в притче о ласточке, и тем, что происходит сейчас: «Нынче же правнучка мудрой птицы мучится здесь на глазах у людей». Тем самым предполагается, что потомок птицы, спасшей людской мир, должен быть теперь спасен благодарным человеком. Так следовало и Герел понимать эту притчу. И она, конечно, так ее и понимает.

Судьба девушки, превратившейся в ласточку, сходна в чем-то с судьбой Герел. Она не ведала, как «человеком сделаться снова», и навсегда осталась птицей, «а ведь с каким женихом рассталась!» Погибла ласточка, но сделала все, «чтобы других от смерти спасти».

Последняя ночь перед костром выписана удивительно скупой и предельно простой, а потому исполнена внутренней силой. Глядя на пламя и перебирая в памяти все, что было пережито и услышано ею от мудрых

стариков, сплавляя в сердце своем любовь к Церену с любовью к людям, Герел думает:

*Может статься, чтоб светить и греть,
Надо, не щадя себя, гореть,
До конца сгореть, испепелиться,
Птицей-ласточкой оборотиться
И людей от гибели спасти...*

[Кугультинов 1968: 144].

И она выходит в степь и говорит Солнцу, что согласна стать его женой. Люди не спали. Услышав слова Герел, ждали, как поведет себя светило. Так начинается седьмая, последняя глава. «Прорицатели, нахмутив лбы, принялись за старое гаданье: изучают косточки бараньи, долго держат над огнем лопатки, вглядываются в узоры трещин и вещают: люди, все в порядке! День счастливый косточкой обещан, вот благоприятный знак судьбы». И тут свое отношение к подобным «оракулам» автор высказывает, восклицая:

*Истомившись без тепла и света,
Люди ловят добрые приметы,
Вера и не веря пополам,—
Что, замечу, свойственно и нам!*

[Кугультинов 1968: 145].

Приближается рассвет. Люди побежали к Меч-горе. По слухам, с этой горы должна подняться в небо Герел.

Своим подвигом, своей гибелью Человек утверждает жизнь землян, соотечественников. Оптимизм пронизывает трагедию. На миг Меч-гора стала постаментом той, что «предстала пред толпой наверху — меж огней и звезд, распрямившись во весь рост» [Кугультинов 1968: 147].

«Подобные проблемы решаются в жизни, сопровождаясь трагическими ситуациями, и когда человек берется отразить их, то, естественно, трагическое входит в произведение. Сар-Герел — девушка, спасающая людей от гнева солнца; она стала луной, навсегда расставшись и с землей, и с любимым, и с родными, и с женским обликом. Судьба действительно трагическая. И трагизм стал, видимо, одной из черт поэмы, — размышлял сам ее автор. — Трагизм проявляется в искусстве тогда, когда художник берет из жизни моменты, в которые улыбаться невозможно, невозможно лгать, которые игнорировать нельзя никоим образом, когда следует не молчать, а говорить во всю мощь своей искренности и истины, которую несешь в себе.

Трагическое. Смерть. Присутствие их в произведении еще не означает пессимизма. Не всякая смерть есть поражение, часто она знаменует победу героя» [Кугультинов 1968: 92]. И судьба Герел — не поражение, но победа.

Н. Пюрвеева отмечает, что «концепты свободы человека и общества, добра и истины, отраженные в сказке-поэме, важны не

столько сами по себе, сколько в связи с проблемой, имеющей одновременно и общечеловеческий философский смысл» [Пюрвеева 2007: 94].

Таким образом, особенностью сюжетной структуры поэмы «Сар-Герел» является воплощенная в ней проблематика времени. Поэтическое мироощущение автора обогащено традициями национального фольклора.

Литература

- Килганова З. И. Поэзия и жизнь. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1973. 104 с.
- Кугультинов Д. Н. // Вопросы литературы. 1968. № 2. С. 92–97.
- Кугультинов Д. Н. Сар-Герел: поэма. Перевод Ю. Нейман // Я твой ровесник. М.: Сов. Россия, 1968. С. 85–154.
- Кугультинов Д. Н. Утоление жажды. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. 224 с.
- Леонов Б. А. Поэзия судьбы народной. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 104 с.
- Осетров Е. В. Из выступления: [О поэме «Сар-Герел»] // Теегин герл. Свет в степи. № 2.

1967. С. 48–49. (Неделя калм. лит. в Москве, 11–17 янв. 1967).

- Пюрвеева Н. Б. Сказки Д. Н. Кугультинова // Феномен личности Д. Н. Кугультинова – поэта, философа и гражданина. Мат-лы Междунар. науч. конф. Элиста: КалмГУ, 2007. С. 93–96.
- Розенблум Ю. Б. Давид Кугультинов. М.: Советская Россия, 1969. 144 с.
- Салдусова А. Г. Природа как художественный арсенал в поэзии Д. Кугультинова // Феномен личности Д. Н. Кугультинова – поэта, философа и гражданина. Мат-лы Междунар. науч. конф. Элиста: КалмГУ, 2007. С. 96–97.

References

- Kilganova Z. I. [Poetry and Life]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1973. 104 p. (In Russ.)
- Kugultinov D. N. (Article). *Voprosy literaturey*. 1968. No. 2. Pp. 92–97. (In Russ.)
- Kugultinov D. N. [Quenching Thirst]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1966. 224 p. (In Russ.)
- Kugultinov D. N. Sar-Gerel: Poem. Russian text by Yu. Neyman. In: [I Am a Contemporary of Yours]. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1968. Pp. 85–154. (In Russ.)
- Leonov B. A. [Poetry of People's Destiny]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1970. 104 p. (In Russ.)
- Osetrov E. V. Excerpts from report ('About Sar-

Gerel Poem'). *Teegin gerl*. 1967. No. 2. Pp. 48–49. (In Russ.)

- Pjurveeva N. B. D. N. Kugultinov's fairy tales. In: [Poet, Philosopher and Citizen: Phenomenon of D. N. Kugultinov's Personality]. Conf. proc. Elista: Kalmyk State University, 2007. Pp. 93–96. (In Russ.)
- Rozenblyum Yu. B. [David Kugultinov]. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1969. 144 p. (In Russ.)
- Saldusova A. G. Nature as source of D. Kugultinov's poetry. In: [Poet, Philosopher and Citizen: Phenomenon of D. N. Kugultinov's Personality]. Conf. proc. Elista: Kalmyk State University, 2007. Pp. 96–97. (In Russ.)

УДК 316.4.051
ББК 60.561

АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ)
Adaptation of Foreign Students (Regional Experience)

М. Б. Марзаева (M. Marzaeva)¹

¹младший научный сотрудник отдела этнологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Researcher of the Ethnology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: mbm.08@yandex.ru.

В статье рассматривается опыт адаптационной программы для иностранных студентов, реализуемой в Калмыцком государственном университете. На основе данных полевых материалов автора и интернет-ресурсов рассматриваются условия адаптации иностранных студентов в КалмГУ. Анализируются этапы адаптационного процесса, роль различных структур университета в развитии социального взаимодействия студентов-иностранцев в условиях новой социокультурной среды.

Ключевые слова: иностранные студенты, адаптация иностранных студентов, Калмыцкий государственный университет.

On the basis of field materials of the author and Internet resources the article analyses the conditions of foreign students adaptation at Kalmyk State University. The Adaptation Program implemented at the university contributes to the successful adaptation of foreign students to Russian educational system and more rapid adaptation to different culture conditions. The Adaptation Program for foreign students accepted in Kalmyk State University, consists of five important areas: organizational, documentary, informational and methodological, educational, sports. The work with foreign students at the University is organized at all structural levels: student groups, faculty, University, as well as student hostels. Due to effective organizational solutions the initial period of adaptation of foreigners to a new social environment becomes easier. One of the important conditions for more rapid integration of foreign students into Kalmyk State University is their active involvement in the socio-cultural environment of the University.

The adaptive nature of the ongoing activities of the various structures of Kalmyk State University, facilitates the process of entry of foreign students into a new culture. The participation of foreign students in social life of the University allows them to feel more comfortable in social and cultural space of the university. Various forms of extracurricular activities contribute to the development of skills of intercultural communication of foreign students in a new sociocultural environment. Among favorable conditions for sociocultural adaptation of foreign students at Kalmyk State University is the organization of intercultural interaction and cooperation of students in educational space of the University.

Keywords: foreign students, adaptation of foreign students, Kalmyk State University.

Приоритетным направлением в развитии современного высшего образования России является расширение международного сотрудничества в области образовательных программ. Присоединение нашей страны к Болонской декларации в 2003 г.

активизировало академическую мобильность студентов, что способствовало вовлечению многих отечественных вузов в международное образовательное пространство. В условиях открытого образовательного пространства численность иностранных

студентов, обучающихся в российских вузах, увеличивается. Поэтому исследования по проблемам адаптации иностранных студентов к условиям проживания и обучения в России являются актуальными. Научные изыскания по данной тематике также важны для всестороннего рассмотрения проблем межэтнических и межкультурных взаимодействий, возрастающих в условиях интенсивной международной миграции в мире.

Исследование адаптации иностранных студентов носит междисциплинарный характер и занимает особое место в работах отечественных и зарубежных ученых. В зарубежной историографии проблемы адаптации и интеграции иностранных студентов в новых условиях стали изучаться со второй половины XX в. [Forstat 1951; Davis 1960]. Теоретические подходы многих ученых к этой проблеме основываются на концепции культурного шока, разработанной американским антропологом К. Обергом [Oberg 1960]. В зарубежных работах большое внимание уделяется проблемам культурной адаптации студентов, обучающихся в новой социокультурной среде [Furnham 2004; Cemalcilar, Falbo, Stapleton 2005; Brown, Holloway 2007; Williams, Johnson 2011]. Среди них особого внимания заслуживает международное исследование, проведенное в 11 странах — Бразилии, Канаде, ФРГ, Франции, Гонконге, Индии, Иране, Японии, Кении, Великобритании и США [Klineberg, Hull 1979]. В данной коллективной работе проанализированы дружеские, национальные и этнические отношения студентов-иностранцев, выходцев из разных стран. В западной историографии также широко исследуются проблемы физического и психического состояния здоровья студентов-иностранцев в процессе адаптации к новой среде обитания [Bradley 2000; Sümer, Poyrazli, Grahame 2008; Molinsky 2007; Tung 2011].

Различные аспекты адаптации и интеграции иностранных студентов в принимающее общество исследуются во многих отраслях российской науки. Современные отечественные исследования по проблемам адаптации иностранных студентов представлены работами социологов [Витковская, Троцук 2005; Дорожкин, Мазитова 2007; Камара 2012], педагогов [Быкова 2008; Куликова 2015], психологов [Джамирзе 2012; Иванова, Титкова 1993] и других специалистов. Активно изучаются процессы адаптации иностранцев к учебному

процессу в региональных вузах [Неклюдова 2015; Кривцова 2011; Шеина 2011].

В рамках данной работы процесс социокультурной адаптации зарубежных учащихся в российском образовательном пространстве будет рассмотрен на примере Калмыцкого государственного университета. Источником для написания статьи послужил полевой материал автора и данные сайта Калмыцкого государственного университета, социальных групп интернет-ресурса «ВКонтакте».

Калмыцкий государственный университет (КалмГУ) — один из национальных вузов Юга России, в котором «осуществляется подготовка студентов по 24 специальностям, 35 направлениям бакалавриата, 13 направлениям магистратуры, по 14 специальностям среднего профессионального образования» [Калмыцкий государственный университет].

Процессы интернационализации в сфере высшего образования способствовали вовлечению многих вузов России в мировой рынок образовательных услуг. Среди них и Калмыцкий госуниверситет, успешно привлекающий к обучению иностранных граждан. В КалмГУ иностранные студенты представлены на всех ступенях образовательных программ: на факультете довузовской подготовки, отделениях основной формы обучения, на уровне магистерской ступени и по программе межвузовского взаимодействия в рамках стажировки.

История обучения иностранных граждан в Калмыцком университете начинается с последней четверти XX в., когда в университет прибыла группа студентов-монголов, которые обучались на отделениях гуманитарного факультета: историческом, русской филологии и романо-германской филологии.

Большую роль в привлечении зарубежных студентов в университет сыграло открытие в 2001 г. курсов по русскому языку для иностранных граждан при факультете довузовской подготовки и обучения КалмГУ. Если первоначально группа учащихся-иностранцев была немногочисленной и состояла преимущественно из слушателей курсов русского языка, то за последние годы значительно возросла не только их общая численность, но изменилось количество обучающихся иностранцев на различных степенях обучения, расширилась и география прибывших зарубежных студентов.

В 2011–2012 учебном году в КалмГУ обучались 73 иностранных студента из Бенина, Ирака, КНР, Конго, Мали, Чада, Киргизии, из них 28 — на бюджетной основе, 27 — на договорной основе и 18 в качестве стажеров. В 2012–2013 учебном году в университет прибыло 146 студентов, стажеров и аспирантов из 18 стран — Азербайджана, Бенина, Вьетнама, Ганы, Германии, Грузии, Ирака, Казахстана, Киргизии, Китая, Конго, Литвы, Мали, Монголии, США, Таджикистана, Японии [Международная деятельность]. Из них в 2012–2013 учебном году только на курсах довузовской подготовки занимались 26 студентов, прибывших из Вьетнама, Ганы, Германии, Китая, Монголии, Туркменистана. В настоящее время в Калмыцком госуниверситете по разным программам подготовки обучаются и проходят стажировку свыше 400 иностранных граждан из 36 государств. Анализ численного состава студентов-иностранцев в КалмГУ показывает, что среди них преобладают выходцы из азиатских и африканских стран. Данный факт объясняется не только более доступными условиями обучения для данной категории студентов, но и более комфортными безопасными условиями проживания в г. Элисте в отличие от крупных мегаполисов страны. Элиста — столица Республики Калмыкия, которая характеризуется исследователями как поликультурное сообщество с высокой степенью толерантности [Бадмаева 2006; Лиджиева 2012; Лиджиева, Немгирова 2014; Кальдинова, Марзаева 2007]. Немаловажную роль в увеличении численности иностранных учащихся играет также адаптационная программа, реализуемая в вузе.

Для успешной адаптации в университете действует программа поддержки иностранных студентов, направленная на ознакомление с общероссийской историей, региональными традициями и особенностями. Агентами социализации иностранных студентов в вузе являются как преподаватели, сотрудники университета, так и общественные студенческие организации. Важно отметить, что учебно-воспитательный процесс в КалмГУ в целом ориентирован на личностное формирование студентов, на развитие их познавательного, творческого потенциала. Этому способствует четко структурированная система студенческих общественных объединений. Так, Совет студенческих объединений КалмГУ в сво-

ем составе объединяет Студенческий совет, первичную профсоюзную организацию студентов (ППОС), старостат, Штаб студенческих отрядов «Джангар» (ШСО «Джангар»), клуб «Умник», спортивный клуб «Буревестник», Лигу интеллектуальных игр, Ассоциацию иностранных студентов (АИС), Центр поддержки и развития творчества студентов, студенческий гражданско-патриотический и волонтерский отряд КалмГУ «Старт» (СГПВО «Старт»).

Программа адаптации иностранных студентов, принятая в Калмыцком государственном университете, состоит из пяти важных направлений: организационное, документальное, информационно-методическое, воспитательное, спортивное. На первоначальном этапе прибывших иностранцев опекают кураторы групп, сотрудники отделов международного сотрудничества, молодежной политики, члены студсоветов общежитий, профкома студентов, актив Ассоциации иностранных студентов. Работники отдела международного сотрудничества, владеющие иностранными языками, оказывают им помощь в постановке на миграционный учет, визовом оформлении, медицинском обслуживании. Кураторы групп и студенческий актив университета проводят с ними инструктаж по инфраструктуре города, маршрутам передвижения, пунктам обмена валюты, местам продаж товаров первой необходимости, операторам связи. Старосты студенческих групп знакомят их с историей, структурой, системой учебного процесса факультета, с особенностями и графиком работы университетских библиотек, помогают с оформлением банковских карт.

Калмыцкий государственный университет располагает 7 общежитиями, а также имеет Дом отличника, куда могут заселяться студенты, получившие рекомендацию от Совета студенческих объединений за отличную успеваемость и общественную активность. Все иностранные учащиеся проживают в студенческих общежитиях. Студсоветы общежитий проводят инструктаж иностранных студентов по правилам внутреннего распорядка, пожарной безопасности. При распределении зарубежных студентов по комнатам в общежитиях заведующие по возможности стремятся учитывать социобытовой фактор адаптации. Так, одна из заведующих студенческим общежитием в интервью автору статьи сообще-

ла, что при заселении иностранцев принимают во внимание страну происхождения, религиозную принадлежность. При этом респондент отмечает, что не все иностранные студенты хотят проживать со своими земляками, некоторые из них просят разместить их со студентами из Калмыкии для совершенствования навыков владения русским языком. Таким образом, можно отметить, что на I адаптивном этапе работа с зарубежными учащимися в КалмГУ налажена на всех структурных уровнях университета: студенческой группы, факультета, университета, а также в студенческих общежитиях. Предпринимаемые эффективные организационные решения облегчают первоначальный период адаптационного процесса иностранцев к новой социальной среде.

На II этапе для успешного вхождения зарубежных студентов в студенческую среду мероприятия проводятся как на уровне всего университета, так и в общежитиях, учебных группах. Комплекс мероприятий для иностранных учащихся состоит из психологических тренингов по адаптации студентов-иностранцев, тренингов для знакомства и сплочения в общежитиях, спортивных и культурных мероприятий.

Одним из важных условий успешной интеграции иностранных студентов в Калмыцком госуниверситете является активное вовлечение их в социокультурное пространство вуза. Так, первым мероприятием для них становятся загородные лагерные сборы на базе РОЛ «Сайгачонок». Профкомом студентов совместно с АИС КалмГУ разработана воспитательно-образовательная программа для осеннего обучающего лагеря «Студенческий меридиан» [Студенческий меридиан]. В данном мероприятии принимают участие и студенты, и сотрудники университета. В проведении психологических тренингов, игр на сплочение коллектива, мастер-классов, творческих конкурсов активное участие принимают студенты. Условия равного общения во время сборов являются важным фактором, влияющим на развитие дружественных отношений иностранцев с местными студентами.

В 2014 г. в работе лагеря «Студенческий меридиан» приняли участие около 100 иностранных студентов из более чем 10 стран мира [Ассоциация иностранных]. Кураторами этого мероприятия были не только российские студенты, но и иностранцы. В рамках сбора были проведены дискуссион-

ная площадка «Правовые аспекты обучения в Российской Федерации: права и особенности», лекция о межкультурном общении, спортивные соревнования и проектный конвейер. Такие мероприятия помогают иностранцам-первокурсникам адаптироваться к процессу обучения в новых социокультурных условиях.

В университете иностранных студентов успешно вовлекают в коллективную творческую деятельность — их активное участие отмечено призовыми местами за работы в конкурсах студенческих проектов. Так, в осеннем обучающем лагере для студенческого актива КалмГУ «Навигатор ССУ» (2013) в конкурсе по социальному проектированию проект по адаптации иностранных студентов «Калмыцкий хотон», представленный студентами общежития № 1, в числе которых были и иностранные студенты, занял IV место. Опыт сотрудничества студентов-иностранцев в коллективной деятельности способствует включению их в систему социальных связей образовательной среды вуза [Кошелева].

Члены Ассоциации иностранных студентов КалмГУ активно участвуют и в других мероприятиях. Так, в конкурсе студенческих социальных проектов «Успех начинается сегодня» в 2014 г. выступили Ансельм Хундайи с проектом «Создание штаба филиала АИС в г. Элиста», Валерий Аль-Килани с проектом «Камера хранения», Евгений Чубыкин с проектом «Сердцу близка Калмыкия» — «Жүрөккө жакын Калмыкия» (на кыргызском языке), который был признан лучшим и занял I место [Чубыкин].

В Калмыцком государственном университете разработана система спортивных мероприятий, в которых участвуют и иностранные студенты. В интервью автору статьи сотрудники отдела молодежной политики вуза отмечали, что сборные команды иностранных студентов принимают участие в общеуниверситетских соревнованиях, посвященных Дню первокурсника, дню Защитника Отечества, Международному женскому дню 8 марта, Дню Победы и других, уясняя смысл и значимость данных праздников. В период зимнего каникулярного времени, согласно плану работы кафедры физической культуры и спортивного клуба для иностранных учащихся, проводятся занятия и соревнования по различным видам спорта [Новогодние праздники]. Необходи-

мо отметить, что проведение спортивных мероприятий имеет адаптогенный характер, так как выполняет компенсаторную функцию. Награждение грамотами, ценными призами победителей турниров и другие виды поощрения способствуют процессу сближения иностранных студентов между собой и с российскими студентами, приспособления к новым условиям, уменьшения чувства отчужденности студентов-иностранцев в условиях длительного проживания в инокультурной среде.

Социально-психологическая поддержка иностранных учащихся в университете осуществляется через студенческую психологическую службу, где студенты-иностранцы могут получить индивидуальную психологическую консультацию. На основе анализа материалов группы АИС КалмГУ в социальной сети «ВКонтакте» можно сделать вывод, что важным моментом, способствующим преодолению психологических трудностей, связанных с социокультурными различиями прибывших студентов-иностранцев и принимающего общества, является знакомство с местной культурой через организацию досуга: посещения кино, театра, концертов; встречи с известными личностями республики; проведение фестивалей, дней национальных культур [Ассоциация иностранных].

Большую работу в этом направлении проводит Ассоциация иностранных студентов КалмГУ. Филиал Ассоциации иностранных студентов в Калмыцком государственном университете был создан в апреле 2013 г. [В КалмГУ открыт]. До этого периода в университете действовал Клуб интернациональной дружбы, который объединял всех иностранных студентов университета.

Одним из главных мероприятий, проводимым АИС КалмГУ, является Фестиваль иностранных студентов «Диалог культур». Каждая национальная группа представляет свою страну, знакомит со своей национальной кухней, рассказывает о традициях, обычаях, культуре, показывает номера художественной самодеятельности [Немеева]. АИС университета совместно со студенческим профкомом регулярно проводит мастер-классы по традиционным видам народного творчества и национальным танцам.

Как отмечает президент АИС КалмГУ Хундайи Ансельм Нунаньон Харольд (Бенин), в течение учебного года члены ассоциации участвуют в широком спектре как

культурно-массовых, так и в особых социально значимых проектах — таких общеуниверситетских мероприятий, как «Студенческая весна в КалмГУ», концерт Дружбы народов КалмГУ, посвященные Дню Победы, волонтерские акции СГПВО «Старт», «Студенческий профнавигатор».

Для межкультурного обмена среди студентов организовываются мероприятия и на уровне общежитий: конкурсы, соревнования между общежитиями. Во время совместного проведения национальных праздников в общежитиях гостями бывают не только иностранные учащиеся, но и российские студенты приходят в качестве приглашенных на вечера, проводимые студентами-иностранцами [ПМА].

Важно подчеркнуть, что администрация и студсоветы стремятся создать благоприятные условия в общежитиях. Университетские общежития оборудованы не только учебными комнатами, но и располагают комнатами отдыха, спортивными уголками. Так, например, в конкурсе среди студенческих общежитий университета общежитие № 3 заняло I место за создание атмосферы «добраго дома» для студентов. Оформление внутреннего пространства общежития отличается уютом, созданием домашнего тепла. Помимо традиционных цветов, занавесок на окнах, на стенах размещены картины с пейзажами и достопримечательностями Калмыкии, создана студенческая мини-мастерская для рукоделия [ПМА].

III этап адаптационного процесса характеризуется включением иностранных студентов в новую социокультурную среду принимающего общества. Успешная адаптация прибывших студентов-иностранцев формирует интерес к культуре, истории народа принимающего общества. В приобщении студентов-иностранцев к российской культуре и истории большую работу проводят преподаватели факультета довузовской подготовки и обучения иностранных граждан (ФДПОИГ) [Факультет довузовской].

В своей деятельности преподаватели ФДПОИГ применяют различные формы и методы проведения мероприятий. Например, в 2015 г. на одно из заседаний разговорного клуба, посвященного теме «Знакомство. Моя профессия», были приглашены студенты-старшекурсники инженерно-технологического факультета. Вечер, посвященный Году литературы, был проведен в литературной гостиной Калмыцкого

медицинского колледжа. В 2014 г. студенты ФДПОИГ принимали участие в заседании английского клуба гуманитарного факультета КалмГУ, посвященного 450-летию Шекспира [Студенты разных].

Иностранные студенты — частые гости и в общеобразовательных учреждениях города. Например, в феврале 2015 г. слушатели ФДПОИГ посетили Русскую национальную гимназию имени Сергия Радонежского. В гимназии во время экскурсии по музею русской народной культуры они узнали много интересного об истории, культуре, быте и декоративно-прикладном творчестве русского народа [Факультет довузовской]. На таких мероприятиях происходит взаимный межкультурный обмен. Школьники выступают со своей культурной программой, а иностранные студенты рассказывают о своей стране. Практика посещения образовательных учреждений республики способствует расширению социальных связей студентов-иностранцев. Такие встречи имеют важное значение и для формирования толерантности молодого поколения.

Иностранные учащиеся КалмГУ неоднократно становились призерами различных творческих межрегиональных конкурсов. Так, в 2014 г. студенты-иностранцы, обучающиеся в Калмыкии, стали призерами конкурса чтецов и исполнителей русских песен, организованного на базе Пятигорского государственного лингвистического университета.

Для расширения общего кругозора иностранных студентов организовываются экскурсии в соседние города Астрахань, Волгоград, Ставрополь, во время которых они знакомятся с достопримечательностями и посещают музеи.

Калмыцкий госуниверситет нередко становится площадкой проведения межрегиональных, всероссийских, международных научно-академических мероприятий, в том числе и студенческих, в которых при-

нимают и студенты-иностранцы КалмГУ. Одним из значимых мероприятий для них стало проведение Фестиваля иностранных студентов Юга России в 2013 и 2014 гг. в г. Элисте [Халгинова]. Участники фестиваля 2014 г. обсуждали вопросы адаптации иностранных студентов, проблемы освоения русского языка. Участие студентов-иностранцев в подобных масштабных мероприятиях расширяет межличностные связи, контакты в новом социокультурном пространстве.

Иностранные студенты активно участвуют и в профориентационной работе университета. Участие иностранных учащихся в студенческих агитбригадах по проведению профориентационной работы среди выпускников общеобразовательных школ республики способствует их полной идентификации себя с вузом.

Таким образом, адаптационная программа, реализуемая в Калмыцком государственном университете, способствует успешной адаптации иностранных учащихся к российской системе образования и более быстрой их адаптации к инокультурным условиям. Адаптивный характер мероприятий, проводимых различными структурами КалмГУ, облегчает процесс вхождения иностранных студентов в новую культуру. Участие студентов-иностранцев в общественной жизни университета позволяет им чувствовать себя более комфортно в социокультурном пространстве вуза. Различные формы внеучебной деятельности способствуют развитию умений и навыков межкультурного взаимодействия студентов-иностранцев в новой социокультурной среде. Благоприятным условием для социокультурной адаптации иностранных учащихся в КалмГУ является организация межкультурного взаимодействия и сотрудничества студентов в образовательном пространстве вуза.

Источники

Полевые материалы автора (ПМА)

Литература

Ассоциация иностранных студентов КалмГУ [электронный ресурс] // URL: <http://vk.com/club45940183> (дата обращения: 06.04.2015).

Бадмаева Н. В. Проблемы этнической толерантности в этнокультурном взаимодействии (по итогам социологического исследования) // Молодежь и наука: третье тысячелетие. Материалы II респ. науч.-практ. конф. Элиста: Джангар, 2006. С. 292–300.

- Быкова Т. Л.* Особенности социальной и профессиональной адаптации иностранного студента к российским условиям образования // Сибирский педагогический журнал. 2008. № 11. С. 42–56.
- Витковская М. И., Троцук И. В.* Адаптация иностранных студентов к условиям жизни и учебы в России (на примере РУДН) // Вестник РУДН. 2005. № 6–7. С. 267–283.
- В КалмГУ открыт филиал Ассоциации иностранных студентов в России // Фестиваль иностранных студентов вузов Юга России «Мы такие разные, но мы вместе!» [Электронный ресурс] // URL: http://www.kalmsu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2072:2013-04-27-12-14 (дата обращения: 26.09.2014).
- Джамирзе Н. К.* Психологические особенности адаптации иностранных студентов в вузе // Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей. Сборник научных работ. Майкоп: Адыгейск. гос. ун-т. 2012. С. 73–84.
- Дорожкин Ю. Н., Мазитова Л. Т.* Проблемы социальной адаптации иностранных студентов // Социологические исследования. 2007. № 3. С. 73–77.
- Иванова М. А., Титкова Н. А.* Социально-психологическая адаптация иностранных студентов первого года обучения в вузе. Методические рекомендации СПб.: СПбГТУ. 1993. 6 с.
- Кальдинова Г. П., Марзаева М. Б.* Толерантность и воспитание культуры межнационального межрелигиозного общения в условиях Республики Калмыкии // Народы Калмыкии: проблемы национального самосознания и толерантности. Элиста: КТИ (филиал) ГОУ ВПО ПГТУ. 2007. С. 63–72.
- Камара И.* Иностранные студенты в России: проблемы социальной адаптации // Теория и практика общественного развития. 2012. № 8. С. 82–85.
- Калмыцкий государственный университет — основной центр образования, науки и культуры, самое динамично развивающееся высшее учебное заведение в Калмыкии // [Электронный ресурс] // URL: http://www.kalmsu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=21&Itemid=179 (дата обращения: 26.09.2014).
- Кошелева Ю.* «Мой самый лучший опыт». Осенний обучающий лагерь «Навигатор ССУ» // [Электронный ресурс] URL: http://www.kalmsu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2371:q-q &catid=1:news&Itemid=333 (дата обращения: 16.11.2015).
- Кривцова И. О.* Социокультурная адаптация иностранных студентов к образовательной среде российского вуза (на примере Воронежской государственной медицинской академии им. Н. Н. Бурденко) // Фундаментальные исследования. 2011. № 8. С. 284–288.
- Куликова О. В.* Проблема адаптации иностранных студентов в процессе обучения в российском вузе [Электронный ресурс] // URL: <http://jurnal.org> (дата обращения: 04.06.2015).
- Лиджиева И. В.* Этническая толерантность как фактор формирования гражданского общества в полиэтничном регионе // Вестник ИКИАТ. 2012. № 1 (24). С. 81–86.
- Лиджиева И. В., Немгирова С. Н.* Этнокультурное развитие региона: мониторинг этноконфессионального и межкультурного взаимодействия в Республике Калмыкия // Вестник КИГИ РАН. 2014. № 1. С. 15–22.
- Международная деятельность [Электронный ресурс] // URL: http://www.kalmsu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=145&Itemid=86 (дата обращения: 06.04.2015).
- Неклюдова В. В.* Адаптация иностранных студентов (на примере студентов пермской ГСХА) // Современный город: власть, управление, экономика. 2015. Т. 1. С. 337–345.
- Немеева В.* В единстве — наша сила [Электронный ресурс] // URL: http://www.kalmsu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=4401:2015-11-04-15-56-28&catid=1:news&Itemid=333 (дата обращения: 10.11.2015).
- Новогодние праздники провели вместе [Электронный ресурс] // URL: http://www.kalmsu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=3625:-qq-&catid=1:new (дата обращения: 06.04.2015).
- Студенты разных стран — о творчестве Шекспира [Электронный ресурс] // URL: http://www.kalmsu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=3119:2014-04-24-13-31-39&catid=1:news&Itemid=333 (дата обращения: 06.04.2015).
- Студенческий меридиан для иностранцев [Электронный ресурс] // URL: http://www.kalmsu.ru/index.php?option=com_content&view=article (дата обращения: 06.04.2015).
- Факультет довузовской подготовки и обучения иностранных граждан — хроника [Электронный ресурс] // URL: http://www.kalmsu.ru/index.php?option=com_content&view=article

- le&id=171&Itemid=35&limitst (дата обращения: 06.04.2015).
- Халгинова Н. Из вузов Юга России — в Калмыкию, на фестиваль иностранных студентов [Электронный ресурс] // URL: http://www.kalmsu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2007:2013-04-17-07-37 (дата обращения: 06.04.2015).
- Чубыкин Е. Записки иностранца о КалмГУ [Электронный ресурс] // URL: <http://vk.com/public78631997> (дата обращения: 06.04.2015).
- Шейна М. С. Адаптация иностранных студентов в социокультурной среде Приморского края // Высшее образование сегодня. 2011. № 10. С. 17–19.
- Bradley G. Responding effectively to the mental health needs of international students // Higher Education. 2000. № 39. Pp. 417–433.
- Brown L., Holloway I. The initial stage of the international sojourn: Excitement or culture shock? // British Journal of Guidance and Counselling. 2007. № 36 (1). Pp. 33–49.
- Cemalcilar Z., Falbo, T., Stapleton L. Cyber communication: A new opportunity for international students' adaptation? // International Journal of Intercultural Relations. 2005. № 29. Pp. 91–110.
- Davis F. J. Cultural perspectives of Middle Eastern students in America // Middle East Journal. 1960. № 14. Pp. 256–264.
- Forstat R. Adjustment problems of international students // Sociology and social research. 1951. № 36. Pp. 25–30.
- Furnham A. Foreign students: Education and culture shock // Psychologist. 2004. №17 (1). Pp. 16–19.
- Klineberg O., Hull W. At a foreign university: An International Study of Adaptation and Coping. New York: Praeger, 1979. 211 p.
- Molinsky A. Cross-cultural code-switching: The psychological challenges of adapting behaviour in foreign cultural interactions // Academy of Management Review. 2007. № 32 (2). Pp. 622–640.
- Oberg K. Culture Shock // Practical Anthropology. 1960. № 7. Pp. 177–182.
- Sümer S., Poyrazli S., Grahame K. Predictors of depression and anxiety among international students // Journal of Counselling & Development. 2008. № 86. Pp. 429–437.
- Tung W. Acculturative stress and help-seeking behaviors among international students. Home Health Care // Management Practice. 2011. № 23. Pp. 383–385.
- Williams C. T, Johnson L. R. Why can't we be friends? Multicultural attitudes and friendships with international students // International Journal of Intercultural Relations. 2011. № 35 (1). Pp. 41–48.
- International Study of Adaptation and Coping. New York: Praeger, 1979. 211 p. (In Eng.)
- Kosheleva Yu. 'My best personal experience ever': Navigator SSU training workshop. Available at: http://www.kalmsu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2371:qq&catid=1:news&Itemid=333 (accessed: November 16, 2015). (In Russ.)
- Krivtsova I. O. Social and cultural adaptation of foreign students to educational medium of the Russian high school (on the example of the Voronezh State Medical Academy of N. N. Burdenko). *Fundamental Research*. 2011. No. 8. Pp. 284–288. (In Russ.)
- Kulikova O. V. International students at Russian universities: adaptation issues. Available at: <http://jurnal.org> (accessed: June 4, 2015). (In Russ.)
- Lidzhieva I. V. Ethnic tolerance as a factor of civil society in the polyethnic region. *Vestnik IKIAT*. 2012. No. 1 (24). Pp. 81–86. (In Russ.)
- Lidzhieva I. V., Nemgirova S. N. Ethnocultural development of the region: monitoring of ethnoconfessional and cross-cultural interaction in the Republic of Kalmykia. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2014. No. 1. Pp. 15–22. (In Russ.)
- Molinsky A. Cross-cultural code-switching: the psychological challenges of adapting behavior in foreign cultural interactions. *Academy of Management Review*. 2007. No. 32 (2). Pp. 622–640. (In Eng.)
- Neklyudova V. V. Adaptation of international students: a case study of Perm State Agro-Technological University. In: [Modern City: Power, Administration, Economy]. 2015. Vol. 1. Pp. 337–345. (In Russ.)
- Nemeeva V. Our power — in our unity. Available at: http://www.kalmsu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=4401:2015-11-04-15-56-28&catid=1:news&Itemid=333 (accessed: November 10, 2015). (In Russ.)
- New Year holidays spent together. Available at: http://www.kalmsu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=3625:-qq-&catid=1:new (accessed: April 6, 2015). (In Russ.)
- Oberg K. Culture shock. *Practical Anthropology*. 1960. No. 7. Pp. 177–182. (In Eng.)
- Office of International Students' Association of Russia shall begin its work in Kalmyk State University. In: [We Do Differ – But Stay Together!]. Festival materials. Available at: http://www.kalmsu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2072:2013-04-27-12-14 (accessed: September 26, 2014). (In Russ.)
- Sheina M. S. Adaptation of international students in sociocultural environment of Primorsky Krai. *Higher Education Today*. 2011. No. 10. Pp. 17–19. (In Russ.)
- Student meridian for foreigners. Available at: http://www.kalmsu.ru/index.php?option=com_content&view=article (accessed: April 6, 2015). (In Russ.)
- Students from different countries — about Shakespeare's works. Available at: http://www.kalmsu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=3119:2014-04-24-13-31-39&catid=1:news&Itemid=333 (accessed: April 6, 2015). (In Russ.)
- Sümer S., Poyrazli S., Grahame K. Predictors of depression and anxiety among international students. *Journal of Counselling & Development*. 2008. No. 86. Pp. 429–437. (In Eng.)
- Tung W. Acculturative stress and help-seeking behaviors among international students. Home health care. *Management Practice*. 2011. No. 23. Pp. 383–385. (In Eng.)
- Vitkovskaya M. I., Trotsuk I. V. Foreign students adaptation to the Russian university reality (Peoples' Friendship University of Russia as an example). *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2005. No. 6–7. Pp. 267–283. (In Russ.)
- Williams C. T, Johnson L. R. Why can't we be friends? Multicultural attitudes and friendships with international students. *International Journal of Intercultural Relations*. 2011. No. 35 (1). Pp. 41–48. (In Eng.)

СЕЛЬСКИЕ ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ В 2010-е гг.: ТИПОЛОГИЯ И ХАРАКТЕРИСТИКИ

Rural Areas of the Republic of Kalmykia in 2010s: Typology and Characteristics

Л. В. Намруева (L. Namrueva)¹

¹кандидат социологических наук, заведующий отделом социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of Sociology, Head of the Department of Social, Political and Ecological Studies at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: Inamrueva@yandex.ru.

В статье рассматриваются демографические, производственные, социально-экономические характеристики сельских территорий Республики Калмыкия. Рыночные преобразования изменили социальную структуру населения и облик села. Это проявилось в снижении уровня жизни сельчан, сокращении рабочих мест, развале социальной инфраструктуры. С начала 2010-х гг. в регионе предпринимаются конкретные меры, чтобы возродить агропромышленную сферу, создать необходимые условия для улучшения социального самочувствия сельских жителей.

Ключевые слова: сельские поселения, аграрный регион, агропромышленные комплексы, миграция, старение населения, безработица.

Based on the huge amounts of statistical material, the author considers demographic, industrial and socio-economic characteristics of rural territories of the Republic of Kalmykia. Different types of these characteristics have been analyzed: without population, the small (population less than 10 people, to 100 people), medium (population from 101 to 500 people and from 501 to 1000 people), large villages with the population more than 1 000 people. The article gives the typology of the rural population depending on the standard of living.

Since the early 2010s, the authorities of the Republic began to pay close attention to the development of rural areas. During this period, both state and regional programs aimed at maintaining the village, creating the basic conditions of social comfort, bases stations, performing the role of socio-cultural and commercial-consumer services were being implemented. The article describes some specific steps to revive the agricultural sector, to improve the social well-being of rural residents.

Keywords: rural settlements, agricultural region, the agroindustrial complex, migration, population ageing, unemployment.

Роль сельских поселений и их место в жизни общества и государства, к сожалению, должным образом не поняты и не оценены, что ведет к крупным просчетам в социальной и экономической политике и, как следствие — к масштабным социально-экономическим потерям. Сельское население, агропромышленный комплекс выполняют одну из главных функций — обеспечение продовольственной безопасности России, значимость которой возрастает в связи с антироссийскими санкциями, объявленными весной 2014 г. западными странами. К сожалению, сельская местность как научная категория долгое время не являлась объектом серьезного изучения в отечественной

социологии. Поэтому исследование проблем социального развития села должно стать перспективным направлением. В данной статье рассмотрим, как выполняются демографические, производственные, социально-экономические функции в сельских территориях Республики Калмыкия, одном из российских аграрных регионов.

Республика Калмыкия расположена на юго-востоке европейской части России, площадь ее территории составляет 76,1 тыс. кв. км (0,4 % территории Российской Федерации), более 80 % от этой площади занимают сельские территории. Калмыкия, обладая значительными природными богатствами и будучи аграрно-индустриальным

по производственному профилю, не является экономически развитым регионом. В сельских населенных пунктах, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., сосредоточено 55,1 % от всего населения республики. Именно села, переживающие всю сложность кардинальных изменений 1990-х гг., во многом определяют социальный портрет региона. Сельские поселения преобладают над числом городских (3 города). Около 70 % сельского населения проживает в западной и центральной зонах республики (около 50 % от общей площади) с плотностью населения около 4 чел. на кв. км. В восточных районах проживает около 30 % сельского населения, плотность населения очень низкая — менее 1,5 чел. на кв. км. Как видим, для Калмыкии характерна низкая плотность населения — 3,8 человека на 1 кв. км, что меньше среднего показателя по России в 2,1 раза.

Распределение социально-территориальных поселений является важной характеристикой регионов и позволяет судить о социальных и демографических аспектах населения, экономических и производственных профилях. В современную эпоху развития урбанизации степень важности сельских поселений не снижается, наоборот, возрастает их роль в функционировании всего общественного механизма. В этой связи А. А. Хагуров отмечает: в условиях огромных пространств России именно села могут взять на себя функции социального контроля над территориями, а также сохранять исторически освоенные агроландшафты, продовольственную безопасность, в то время как сосредоточение людей в городах в условиях современной техногенной цивилизации является огромным риском [Хагуров 2009: 244]. В современных калмыцких селах, как и в целом по России, значительно сузилось сельхозпроизводство, сократилось количество сельхозпредприятий, ферм, в основном остались лишь крупные или объединенные хозяйства. Изменение характера сельских территорий, по мнению ученых, связано и с демографическими процессами — старением населения и миграционным потоком, в результате которых «село находится в процессе смены функций — от производства к проживанию и отдыху» [Цит. по: Сагдиева 2014].

В республике, по данным Калмыкиятата на начало 2014 г., находятся 111 сельских администраций, которые представляют со-

бой тип муниципальных образований, объединяющих несколько сельских населенных пунктов. Численность собственно сельских населенных пунктов составляет 262, из них 13 — с населением менее 10 человек, 3 — без населения. Наиболее распространенными являются сельские населенные пункты, где численность населения составляет до 100 чел. (101 село). Далее следуют села с численностью от 101 до 500 человек (70 сел), 50 сел с числом жителей от 501 до 1000 человек. Число крупных сел с численностью населения свыше 1 000 человек значительно уступает количеству малых сел (численность населения менее 100 человек) — 25 и 101 село, соответственно. Тем не менее, наибольшая численность сельского населения сосредоточена именно в крупных селах (58,5 % от всего сельского населения). В малых селах проживают всего 4793 человека, что составляет 3,0 % численности всех сельчан. В средних селах республики (от 100 до 1000 человек) проживают 48,5 % сельских жителей.

Специалисты отмечают, что специфические особенности хозяйственной деятельности населения региона (сельскохозяйственная деятельность с преобладанием животноводства) обуславливают существование малых населенных пунктов. Практика упразднения мелких поселений с целью развития более крупных в Калмыкии при большой площади и низкой плотности не может быть применена [Устойчивое развитие 2009: 80]. Малые и средние села в наибольшей степени пострадали от негативных последствий разрушения сельскохозяйственного производства, бесконечного реформирования агропромышленного комплекса. Все это проявилось в снижении уровня жизни сельских жителей, сокращении рабочих мест, развале социальной инфраструктуры. Длительный период времени сельское население Калмыкии, как и всей страны, находилось в состоянии экономической, социальной и социокультурной депривации, характерной особенностью которой является ухудшение условий и качества жизни [Жалсанова 2013: 159]. Отсутствие условий социального комфорта, возможности удовлетворять растущие жизненные запросы, снижение качества жизни побуждают сельских жителей покидать родные места. Выделим три основных миграционных вектора, характерных для сельских жителей Калмыкии:

1) миграция в средние и крупные сельские поселения, где есть возможность дать детям качественное среднее общее образование (в малых сельских школах либо отсутствуют учителя-предметники, либо ученики получают только начальное образование);

2) миграция в районные центры как наиболее крупные поселения, где сосредоточена административная, социальная инфраструктура, позволяющая не только трудоустроиться, но и удовлетворить социальные и культурные запросы;

3) миграция в город, как правило, в Элисту — столицу региона, являющуюся крупным городским образованием, в котором сосредоточено 2/3 населения всей республики.

Сразу отметим, что депопуляция стала характерна почти для всех районов республики, численность сельского населения сократилась со 175296 человек в 2001 г. до 155500 человек в 2014 г. В этот период рост населения наблюдался только в Целинном районе, ближайшем к г. Элисте, где численность населения за период с 2010 г. на начало 2014 г. увеличилась с 19950 человек до 20417. Сельские жители активно мигрируют и в другие пригороды Элисты, являющиеся по формальному статусу сельскими населенными пунктами, которые за последние двадцать лет настолько срослись с городом, что за этот период вошли в состав Элистинского городского округа.

Определяя типологию сельских жителей Республики Калмыкия, воспользуемся моделями, предложенными А. А. Хагуровым [Хагуров 2012: 150]. В основе первого типа лежит низкий уровень жизни селян, доходы которых ниже прожиточного минимума, их количество на селе не уменьшается. К бедным относятся многие работники бюджетной сферы (работники образования — их среднемесячная заработная плата 14 тыс. руб., ниже средней по республике, здравоохранения — их зарплата выше 14 тыс. руб., культуры — зарплата ниже 14 тыс. руб.), часть персонала сельскохозяйственных организаций, владельцев ЛПХ и, конечно, большая часть пенсионеров и безработных. Отметим следующую особенность сельской бедности: эту категорию составляют работающие, не только выполняющие малоквалифицированную, низкооплачиваемую работу, люди. Расслоение сельского социума, когда лишь небольшая часть населения имеет условия качественной комфортной

жизни, усиливая дискриминацию сельского населения в уровне доходности и благосостояния, приводит к низкому уровню образования, создавая предпосылки формирования целых поколений людей, проживающих в бедности [Намруева 2015: 199].

Ко второму типу уровня жизни отнесем селян, чьи доходы несколько превышают прожиточный минимум: часть владельцев ЛПХ товарного направления и работники сельскохозяйственных организаций, зарплата которых сильно дифференцирована. Сведения Калмыкиятата представляют данные о среднемесячной номинальной начисленной заработной плате работников организаций по 15 видам экономической деятельности. Самые низкие зарплаты в двух видах деятельности: рыболовство — 3926 руб. и сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство — 8385 руб. [Среднемесячная заработная]. Сотрудники руководства сельхозпредприятий имеют доходы выше этого уровня, а рабочие — гораздо ниже.

На третьем уровне находятся селяне, работающие вне сельскохозяйственной сферы, в тех видах экономической деятельности, в которых средняя месячная зарплата колеблется относительно средней по экономике (17 тыс.): сельские чиновники (их зарплата в пределах 20 тыс. по итогам 2013 г.); занятые в ЛПХ, сильно ориентированные на рынок; значительная часть фермеров. К этой категории примыкают также сельские жители, занятые в сфере финансов (их зарплата свыше 20 тыс.), государственном управлении (в пределах 30 тыс.), распределении электроэнергии, газа (в пределах 20 тысяч), торговле, на производстве и т. д. Следовательно, средний уровень доходов селян повышается в основном за счет работающих в несельскохозяйственных отраслях.

Четвертый уровень — самый малочисленный — составляют богатые и состоятельные предприниматели агропромышленного сектора, среди которых выделяются владельцы сельскохозяйственных организаций, на втором месте — зажиточные фермеры и преуспевающие домохозяйства, чьи доходы не уступают первым, но они не желают фиксировать свои доходы из-за налогов. Крупные владельцы земель и скота, получая огромные прибыли, платят наемным работникам гроши или выдают натуральную плату (небольшое количество поголовья ягнят, телят или корма, сено).

На неравенство социального положения территориальных поселений в Республике Калмыкия влияют такие факторы, как значительные площади региона, отсутствие селообразующих предприятий и низкая плотность населения. Слаборазвитая дорожная сеть и социальная инфраструктура, удаленность большинства сел от города способствовали росту нестабильности сельских поселений, снижению качества жизни и росту чувства социального отчуждения населения. За последние 3–4 года, с начала 2010-х гг., органы власти республики стали обращать пристальное внимание на сельские территории, где начали успешно реализовывать государственные и республиканские программы, направленные на поддержку села, создание в них базовых условий социального комфорта, опорных пунктов, выполняющих роль центров социально-культурного и торгово-бытового обслуживания населения.

Рассмотрим отдельные результаты отчета Контрольно-счетной палаты Республики Калмыкия по итогам проведенного аудита эффективности средств, выделенных на реализацию республиканской целевой программы «Устойчивое развитие сельских территорий Республики Калмыкия на 2008–2013 годы». Данная программа направлена на повышение уровня и качества жизни сельского населения региона, развитие социальной инфраструктуры и инженерного обустройства сельских территорий, создание условий для улучшения социально-демографической ситуации и повышения престижности проживания в сельской местности. Так, жилищные условия улучшила 551 сельская семья, в том числе 319 молодых семей. Площадь введенного и приобретенного жилья составила 44,6 тыс. кв. м., в том числе для молодых семей — 25,7 тыс. кв. м., что составило 125 % выполнения целевого индикатора.

В 41 сельском населенном пункте введены в эксплуатацию внутриселковые га-

зопроводные сети общей протяженностью 389,3 км при плане 358,7 км. В 19 селах введены водопроводные сети общей протяженностью 130,5 км при плане 126,5 км. Уровень газификации жилищного фонда сетевым газом в сельской местности вырос с 53 до 86 %, уровень обеспеченности сельского населения питьевой водой увеличен с 43 до 57 %. Таким образом, самые важные задачи программы по газо- и водоснабжению населения государственным заказчиком (Минсельхоз РК) полностью выполнены. Построено и реконструировано 49,78 км линий электропередач в двух сельских районах, введено в эксплуатацию шесть фельдшерско-акушерских пунктов в отдаленных поселках. Приобретено три противопожарных автомобиля для трех РМО. Введена в эксплуатацию сельская школа на 198 учащихся [Шакуев 2015]. В ходе реализации программы «Устойчивое развитие сельских территорий Республики Калмыкия на 2008–2013 годы» достигнуты основные целевые индикаторы, и по результатам экспертной проверки ее выполнение признано эффективным.

Несмотря на то, что в 2010-е гг. в республике стали планомерно решать вопросы социальной инфраструктуры сельских территорий, благоустраивать жизнь сельчан (асфальтовое покрытие, газ, электричество, сотовая связь, Интернет, кабельное телевидение, дошкольные и школьные учреждения, Дома культуры, библиотеки, магазины и т. д.), продолжает оставаться актуальной проблема нехватки молодежи на селе. В республике неуклонно повышается численность безработных в возрасте до 29 лет, их количество возросло за семь лет на десять процентов [Распределение численности]. За период с 2007 г. по 2013 г. количество безработных среди молодых мужчин увеличилось на 12 процентов (с 21,7 % до 34,4 %). За анализируемый период число молодых женщин, не имеющих постоянную работу, также увеличилось (с 28,2 % до 35,2 %).

Таблица 1.

Распределение численности молодых безработных (до 29 лет) в %

Возраст 20–29 лет	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Всего	24,6	26,3	28,8	31,4	33,2	31,7	34,7
Мужчины	21,7	26,4	27,1	31,8	32,5	28,8	34,4
Женщины	28,2	26,1	31,5	31,0	34,2	36,3	35,2

Источник: Данные Калмыкиятат

Молодежь в возрасте 18–35 лет всегда считалась наиболее динамичной частью общества, поэтому происходящие за последние десятилетия негативные социальные изменения в родном городе, поселке стимулируют в значительной мере молодых людей на миграцию в другие города, регионы или даже страны [Намруева 2013: 66]. Низкий уровень жизни большинства населения региона, отсутствие и нехватка рабочих мест, отсутствие жизненных перспектив для молодежи, населения трудоспособного возраста усиливают миграцию из республики.

В этой связи поддерживаем рекомендации коллег, считающих, что необходима государственная поддержка молодых семей на селе. Целесообразно предоставлять сельским хозяйствам возможность самостоятельно отстраивать жилые дома для молодых семей на селе, чтобы семьи, заключив договор с хозяйством, в течение нескольких лет, работая в сельском хозяйстве, выплачивали необходимую сумму. Часть этой суммы погашалась бы за счет Государственной программы помощи молодым семьям [Сагдиева 2014: 328].

Современное состояние сельскохозяйственной отрасли в республике свидетельствует о том, что в ней после затяжного кризиса наметились определенные позитивные сдвиги, получили развитие рыночные формы хозяйствования, крестьянские (фермерские) хозяйства, личные подсобные хозяйства, сельскохозяйственные потребительские кооперативы. В результате проводимых в регионе экономических преобразований функционирует 110 сельскохозяйственных предприятий, 2,7 тыс. крестьянских (фермерских) хозяйств и 13,97 тыс. личных подсобных хозяйств [Концепция]. За последнее десятилетие в ходе аграрной реформы произошла структурная перестройка и перераспределение объемов производства между различными категориями хозяйств и отраслями сельскохозяйственного производства. Основу экономики аграрного сектора республики составляет животноводство, ориентированное в основном на мясное скотоводство, мясное и тонкорунное овцеводство. На долю производства продукции животноводства приходится 80 % всей сельскохозяйственной продукции. По поголовью крупного рогатого скота мясного направления республика занимает первое место в России. Численность крупного рогатого скота на начало 2010 г. возросла на

21,4 % по сравнению с 1990 г. и составила 434,5 тыс. голов. По количеству овец и коз республика занимает второе место (2346,1 тыс. голов). Средний годовой настриг шерсти с одной овцы составляет 3,1 кг против 2,8 кг в целом по России [Концепция].

С начала 2010-х гг. республика стала активно продвигать свою продукцию на отечественный рынок. Зарегистрированные товарные знаки «Мраморное мясо Калмыкии» и «Степное мясо» пользуются спросом, в том числе и в московских ресторанах. Соотношение цена—качество степного мяса устраивает потребителей, по сравнению с импортной продукцией калмыцкое мясо обходится как минимум на 30 % дешевле. По оценкам экспертов, калмыцкое мясо имеет высокие шансы занять устойчивую нишу на российском рынке при условии контроля качества по международным стандартам. Специалисты, торгующие блюдами из говядины и баранины калмыцкого производства, отмечают, что это достойная, качественная, экологически чистая продукция. И это не случайно, ведь крупный и мелкий рогатый скот в республике находится в условиях почти круглогодичного травяного откорма, а это позволяет получать так называемое «мраморное мясо» без специальных кормов, как это предполагают технологии, например, в США. Поставщиками ОАО «Мраморное мясо Калмыкии» пока являются лишь 12 хозяйств, но в перспективе в общий поток могут включиться несколько сотен хозяйств [Малых 2014].

В 2014 г. животноводческая отрасль республики возвращается к промышленным оборотам: в июне был открыт первый крупный мясоперерабатывающий комплекс в селе Уманцево Сарпинского района республики, в котором предусмотрен докорм крупного рогатого скота (КРС) до товарных кондиций и современные технологии забоя. В конце сентября 2015 г. первый магазин мясной продукции из Калмыкии, названный «Чабан Хаус», начал работу в центре Москвы, на Новом Арбате. В нем реализуется продукция открытого мясоперерабатывающего комплекса. «Открытие в российской столице калмыцкого мясного бутика — это первый шаг предпринимателей республики на внутренний российский рынок», — сказал на церемонии открытия «Чабан Хауса» глава республики Алексей Орлов. По его словам, первый калмыцкий ритейлер даст толчок для брендинга экологически

чистого мяса калмыцкой породы крупного рогатого скота [В Москве открыли].

Функционирование подобных комплексов позволяет увеличить рентабельность сельхозпроизводства, создать новые рабочие места, увеличить налоговые доходы. В республике реализуется четыре инвестиционных проекта, направленных на переработку мясной продукции. В качестве первоочередной меры поддержки АПК правительство республики намерено снизить налоговую и неналоговую нагрузки на крупные и средние сельхозпредприятия, многие из них уже являются плательщиками единого сельскохозяйственного налога, который сам по себе является льготным режимом налогообложения.

Литература

- В Москве открыли калмыцкий мясной бутик [Электронный ресурс] // URL: <http://agromax.ru/novosti/v-moskve-otkryli-kalmyckij-myasnoj-butik/> (дата обращения: 02.11.2015).
- Ежегодное Обращение Главы Калмыкии к Народному Хуралу (Парламенту) Республики Калмыкия [Электронный ресурс] // URL: <http://glava.region08.ru/ru/soobscheniya-dlya-pressy/6765-obr-gl-30-12-2014.html> (дата обращения: 08.01.2015).
- Жалсанова В. Г. Социальные и демографические характеристики сельского населения Республики Бурятия // *Власть*. 2013. № 9. С. 158–160.
- Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года. – Официальный сайт Министерства сельского хозяйства. 24.12.2010 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.mcx.ru/documents/document/show/14914.77.htm> (дата обращения: 28.04.2014).
- Малых Я. Рибай-стейку нашли замену в степи [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2544990> (дата обращения 15.08.2014)
- Намруева Л. В. Миграционные установки молодежи Калмыкии (по материалам исследования) // *Вестник Калмыцкого университета*. 2013. № 2. С. 64–70.
- Намруева Л. В. Социальные проблемы села Калмыкии (по итогам опроса 2015 г.) // *Модели хозяйственного развития: теория и практика*. Мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 8 декабря 2015 г.). Электронный сб.

Однако при этом каждое пятое крупное сельхозпредприятие в республике является убыточным. Среди основных причин убыточности — высокие ставки арендной платы за землю, которая ежегодно составляет 300 млн. руб. или примерно 75 % валовой выручки этих предприятий [Ежегодное обращение 2014].

Таким образом, в республике имеются широкие возможности для развития сельскохозяйственной отрасли, наблюдается активизация инвестирования. Но развитие частных хозяйств и сельской кооперации необходимо поддерживать более масштабными организационными и экономическими мерами со стороны органов государственной власти.

- Элиста: Изд-во КалмГУ, 2015. С. 197–200.
- Распределение численности безработных по возрастным группам [Электронный ресурс] // URL: [http://www/statrk.gks.ru](http://www.statrk.gks.ru) (дата обращения: 10.02.2015).
- Республика Калмыкия. Статистический ежегодник. 2010: Стат. сб./Калмыкиятат. Элиста, 2010. 323 с.
- Сагдиева Э. А. Влияние форм организации сельского хозяйства на социально-экономическое положение татарских сел // *Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Казань 25–27 сентября 2014 г.)* / отв. ред. Г.Ф. Габдрахманова. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. 508 с. Казань С. 324–328.
- Среднемесячная заработная плата работников за январь-ноябрь 2014 г. // [http://www/statrk.gks.ru](http://www.statrk.gks.ru) (дата обращения 10.02.2015).
- Устойчивое развитие сельских территорий как фактор обеспечения экономической безопасности / под общ. ред. Н. Л. Курепиной. Элиста: Изд-во КГУ, 2009. 232 с.
- Хагуров А. А. О состоянии и проблемах российского села // *Социологические исследования* 2012. № 1. С. 145–150.
- Хагуров А. А. Современное российское село: проблемы и перспективы развития // *Россия реформирующаяся*. Ежегодник. Вып. 8 (отв. ред. М. К. Горшков). М.: ИС РАН, 2009. С. 243–257.
- Шакуев В. Радостно за село, за больницу — больно // *Хальмг үнн*. 2015. 15 февраля.

References

- [Head of Kalmykia to the People's Khural (Regional Parliament): Annual Address]. Available at: <http://glava.region08.ru/ru/soobscheniya-dlya-pressy/6765-obr-gl-30-12-2014.html> (accessed: January 8, 2015). (In Russ.)
- [Republic of Kalmykia: Statistical Yearbook, 2010]. Elista: Kalmykia Office of Rosstat, 2010. 323 p. (In Russ.)
- [Sustainable Development of Rural Territories as an Economic Security Factor]. N. L. Kurepina (ed.). Elista: Kalmyk State University, 2009. 232 p. (In Russ.)
- [Sustainable Development Concept (Roadmap) for Rural Territories of Russia: for the Period up to 2020]. At: Ministry of Agriculture of Russia, official website. December 24, 2010. Available at: <http://www.mcx.ru/documents/document/show/14914.77.htm> (accessed: April 28, 2014). (In Russ.)
- Average monthly salary: January – November 2014. At: Kalmykia Office of Rosstat, official website. Available at: [http://www/statrk.gks.ru](http://www.statrk.gks.ru) (accessed: February 10, 2015). (In Russ.)
- Kalmyk Meat Boutique opened in Moscow. Available at: <http://agromax.ru/novosti/v-moskve-otkryli-kalmyckij-myasnoj-butik/> (accessed: November 2, 2015). (In Russ.)
- Khagurov A. A. Conditions and problems of rural Russia revisited. *Sociological Studies*. 2012. No. 1. Pp. 145–150. (In Russ.)
- Khagurov A. A. Modern Russian village: problems and prospects. In: [Russia under Reform]. Yearbook. Vol. 8. M. K. Gorshkov (ed.). Moscow: Institute of Sociology (RAS), 2009. Pp. 243–257. (In Russ.)
- Malykh Ya. Ribeye be replaced by a product from (Russian) steppe. *Kommersant*. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/2544990> (accessed: August 15, 2014). (In Russ.)
- Namrueva L. V. Social problems of rural Kalmykia: summarizing results of one 2015 survey. In: [Economic Development Models: Theory and Practice]. Conf. proc. (Elista; December 8, 2015). Elista: Kalmyk State University, 2015. Pp. 197–200. (In Russ.)
- Namrueva L. V. The migration installation of youth of the Republic of Kalmykia. *Bulletin of Kalmyk University*. 2013. No. 2. Pp. 64–70. (In Russ.)
- Sagdieva E. A. Impacts of agricultural strategies on socioeconomic conditions in Tatarstan's villages. In: [Regulating Ethnosocial and Ethnocultural Processes in Regions of Russia: Positive Experiences]. Conf. proc. (Kazan; September 25–27, 2014). G.F. Gabdrakhmanova (ed.). Kazan: Märcani Institute of History, 2014. 508 p. Pp. 324–328. (In Russ.)
- Shakuev V. Feel happy for the village – and painful for the hospital. *Khal'mg ünn*. 2015, February 15. (In Russ.)
- Unemployed population by age. At: Kalmykia Office of Rosstat, official website. Available at: [http://www/statrk.gks.ru](http://www.statrk.gks.ru) (accessed: February 10, 2015). (In Russ.)
- Zhalsanova V. G. Rural population of Buryatia: social and demographic characteristics. *Vlast' (The Authority)*. 2013. No. 9. Pp. 158–160. (In Russ.)

УДК 631.452

ББК 4.40.3

ПОЧВЕННО-РАСТИТЕЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ ПОПУЛЯЦИИ САЙГАКА (SAIGA TATARICA) В ЗАПОВЕДНИКЕ «ЧЕРНЫЕ ЗЕМЛИ»

Soil and Vegetation Habitat Conditions of Saiga Antelope Population (Saiga Tatarica) in the «Chernye Zemli» Reserve

О. А. Кравчук (O. Kravchuk)¹, А. А. Ташнинова (A. Tashninova)²

¹ младший научный сотрудник Института аридных зон ЮНЦ РАН (Researcher of the Ecology Department at the Institute of Arid Zones of the Southern Scientific Center of the RAS).

² старший научный сотрудник отдела экологических исследований Института комплексных исследований аридных территорий (Senior Scientist of the Ecological Studies Department at the Institute of Integrated Research of Arid Areas). E-mail: annatashninova@mail.ru.

В статье приводится характеристика почвенно-растительных условий заповедника «Черные земли», как современной среды обитания популяции сайгака на территории Калмыкии.

Ключевые слова: бурые полупустынные почвы, злаково-белопопынный тип опустыненной степи, популяция сайгака, особенности питания сайгака.

The article provides characteristics of soil and vegetation conditions of the state nature reserve «Chernye Zemli» as a modern habitat of the saiga population in Kalmykia. The author reveals the main reasons for the fall in saiga antelope populations over the last decade which are connected with a complex of factors: reduced protection, a high level of the wolf population, increased fire risk. One of the fundamental conditions is the change in the composition of grassland vegetation as the core platform for the existence of the saiga population in the «Chernye Zemli» reserve.

Keywords: brown semidesert soils, grass-white wormwood type of desert steppes, saiga population, feeding habits of saiga antelope.

В статье приводится характеристика почвенно-растительных условий заповедника «Черные земли» как современной среды обитания популяции сайгака на территории Калмыкии. Выявляются основные причины падения численности сайгака за последние десятилетия, связанные с комплексом факторов: снижение обеспечения охраны, высокий уровень численности волка, повышенная пожароопасность. Одним из основополагающих условий является изменение состава пастбищной растительности как базовой платформы существования по-

пуляции сайгака на территории заповедника «Черные земли».

Согласно делению территории Калмыкии на природно-ресурсные районы, юго-западная часть Прикаспийской низменности, где расположен биосферный заповедник «Черные земли», относится к Черноземельской древне-дельтовой песчаной равнине с преобладанием бурых полупустынных или пустынно-степных песчаных и супесчаных почв. Отличительной чертой этой территории является наличие обширных морских равнин, сформированных в максималь-

ную и кумскую стадию позднехвалынской трансгрессии, слабо переработанных экзогенными процессами, с локальными проявлениями дефляций и массивами развееваемых песков — участков антропогенной нарушенности почвенно-растительного покрова [Доскач 1979: 7].

Территория заповедника «Черные земли», представляющая собой слабоволнистую низменную равнину с общим уклоном на юго-восток от -5 до — 25 м ниже уровня моря, расположена в северо-западной части Прикаспийской низменности (основной «степной» участок). Характерной чертой рельефа является чередование обширных равнинных участков с невысокими (3–7 м) повышениями и незначительными понижениями. Микро- и мезоформы представлены в виде западин, лиманов, ложбин. На территории заповедника имеют место массивы мелкобугристых и бугристо-грядовых песков с котловинами выдувания, возникшие как следствие эоловых процессов в континентальный период рельефообразования 10–12 тыс. лет назад, так и в более позднее время в связи с современными процессами дефляции. Территория заповедника («степной» участок) сложена толщей верхнечетвертичных морских отложений верхнехвалынского и новокаспийского ярусов, распространенных в Прикаспийской низменности. Они представлены светло-бурыми песчаными и супесчаными, реже суглинистыми засоленными породами, мощностью 10–15 м. [Государственный биосферный 2005: 4].

В структуре природных растительных ассоциаций преобладают белополынные, белополынно-эркековые и белополынно-житняковые. Сложность районирования территории Черных земель обусловлена их расположением в двух природных зонах: степной и пустынной. В пустынной области широко распространены ксерофито-полукустарничковые и пустынные сообщества с преобладанием белополынных. Заповедник относится к злаково-белополынному типу опустыненной степи на супесчаных бурых почвах, а также ковыльному — на супесях и песках. Для плакорных условий «степного» участка характерны следующие типы растительных сообществ: ковыльные ассоциации с участием степного разнотравья и пустынных видов. На выровненных участках пологохолмистой равнины широко распространены белополынные и прутняково-бе-

лопопынные ассоциации, по микропонижениям и окраинам бугристых песков — осоково-ковыльные ассоциации [Мяло, Левит 1996: 145].

На территории заповедника (основного «степного» участка) распространены бурые полупустынные (пустынно-степные) супесчаные и песчаные, бурые полупустынные солонцеватые супесчаные, бурые полупустынные слабодифференцированные почвы. Реже встречаются солонцы полупустынные в комплексе с бурыми солонцеватыми супесчаными почвами и пески слабогумусированные [Ташнинова 2000: 48].

Почвенный покров основного участка представлен полупустынными (пустынно-степными) супесчаными и песчаными почвами. Залегают на выровненных песчаных пространствах Прикаспийской низменности. Содержание гумуса в горизонте А от 0,2 до 1,2 %. Тип засоления хлоридно-сульфатный, верхняя граница засоленного горизонта в конце первого метра (с 95 см).

Бурые полупустынные слабодифференцированные почвы залегают среди обычных, солонцеватых почв и песков. Гранулометрический состав почв и пород супесчаный и песчаный. Реакция рН нейтральная и щелочная. Тип засоления почв — хлоридно-сульфатный.

Бурые полупустынные солонцеватые почвы залегают как чистыми массивами, так и в комплексе с солонцами, лугово-бурыми полупустынными почвами. Бурые полупустынные примитивные — перешедшие от песков к слабодифференцированным песчаным почвам — занимают небольшие контуры вблизи песчаных массивов. Почвообразовательным процессом затронута верхняя часть: гумусовый горизонт буроватого или светло-серого цвета, мощностью до 10 см, с содержанием гумуса в пределах 0,3–0,5 % [Ташнинова 2012: 310].

Лугово-бурые полупустынные почвы формируются в понижениях рельефа в условиях дополнительного увлажнения под попынно-злаковой растительностью. От автоморфных бурых полупустынных почв они отличаются повышенной гумусностью, большой емкостью поглощения, наличием слабого оглеения, относительно большой промытостью от солей и пониженным горизонтом вскипания. Тип лугово-бурых полупустынных почв разделяют на два подтипа.

Первый подтип: луговато-бурые полупустынные почвы — формируются в не-

глубоких западинах, увлажняемых за счет местного накопления снега и дополнительного поверхностного стока с окружающих участков. Чаще встречаются в комплексах с бурыми солонцеватыми почвами и солонцами. Грунтовые воды залегают глубже 4–5 м.

Второй подтип: лугово-бурые полупустынные почвы — формируются в более крупных понижениях, дополнительно увлажняемых как поверхностными, так и грунтовыми водами. Следы оглеения — во 2-м м. Из родов выделены обычные, солонцеватые, осолоделые, карбонатные и засоленные почвы.

Почвообразующие породы — древнекаспийские суглинки, супеси и пески. Содержание гумуса, емкости поглощения варьирует в зависимости от гранулометрического состава почв [Ташнинова 2012: 314].

Заповедник является территорией круглогодичного использования калмыцкой популяцией сайгака. За время исторического существования огромный по протяженности ареал сайгака в северо-западном Прикаспии под воздействием различных природных и антропогенных факторов значительно сократился. В сравнении с обитанием вида в 1960-х гг. к XXI в. область распространения сократилась более чем в 10 раз и занимает площадь не более 9,0 тыс. кв. км. Одновременно произошло резкое сокращение численности вида. Прекратились летние кочевки сайгака в степи Ростовской области и Ставропольского края, зимовочные миграции в Республику Дагестан не регистрируются, под воздействием трансформации природных ландшафтов к середине 1990-х гг. послеотельные кочевки сайгаков на летние пастбища в Сарпинскую низменность стали фрагментарными [Букреева 2005: 18].

В настоящее время немногочисленное поголовье сайгака России сосредоточено в регионе Черных земель — населяет юго-восточную часть Калмыкии и смежные с ней отгонные пастбища Астраханской области.

В конце 1980-х гг. в зоне обитания сайгака происходил процесс активизации гумидного климатического цикла, а с 1990-х гг. одновременно, в силу сложных экономических условий, происходило ослабление антропогенного пресса. Произошло резкое сокращение поголовья скота, появляются залежные земли, приостанавливаются дефляционные процессы. Мно-

гими исследователями установлено, что на территории Черных земель широкое распространение получили дерновинные злаки, среди которых особое место занимают житняк ломкий (*Agropyron fragile* (Roth) P. Candargy) и ковыли (*Stipa capillata* L., *Stipa sareptana* Beck.) [Мяло, Левит 1996: 150, Неронов, Очирова 1998: 12].

Распространенные ранее полукустарничковые сообщества заменены степными тырсово-ковыльными, с преобладанием степных злаковых сообществ с абсолютным господством ковыля волосовидного (тырса) (*Stipa capillata* L.). Ковыльные ассоциации оказывают существенное влияние на процессы демутиации — их мощная корневая система, сформировавшаяся дернина и значительная вегетация наземной фитомассы резко снижают эффективность ветровой эрозии, создают благоприятные условия для формирования фитоценозов [Неронов, Очирова 1998: 18].

Численность сайгака (*Saiga tatarica tatarica* L.), в XIX в. наиболее массового вида копытных, обитающих на территории северо-западного Прикаспия (изменялась от 800 тыс. в конце 1950-х годов до 150 тыс. особей в 1998 г.), к 2001–2007 гг. значительно сократилась и составляла от 15 до 19 тыс. особей [Букреева 2005: 11], к весне 2015 г., по экспертным оценкам, численность популяции находится в пределах 2,0–3,0 тыс. особей. Многократное падение численности связано не только с многолетними циклическими колебаниями и нахождением данной популяции на стадии спада своих популяционных возможностей [Букреева 2005: 14], но также снижением обеспечения охраны и эффективности ее ведения в сложных экономических условиях.

В условиях депрессии численности наибольшее влияние на популяцию сайгака в регионе Черных земель оказывают очевидные факторы — браконьерство и высокий уровень численности волка. Однако, по мнению многих исследователей, базовой платформой существования травоядных является обеспеченность кормами высокой продуктивности. Исследования, проведенные на территории северо-западного Прикаспия (Калмыкия) под руководством Б. Д. Абатурова, свидетельствуют о дефиците предпочитаемых кормов для сайгаков из-за изменений растительного покрова в основных местах обитания [Абатуров и др. 2005: 338; Ларионов и др. 2008: 1261].

В период 1978–2014 гг. нами проведены наблюдения за состоянием растительного покрова в местах основного обитания сайгаков — на территории заповедника «Черные земли», федерального государственного заказника «Меклетинский» и заказника «Степной» Астраханской области. На фоне режима невмешательства в природные процессы наиболее ярко прослежен биологический потенциал самосохранения биоценозов, выявлена эффективность саморегулирования и самовосстановления деградированной степи.

На современном этапе проективное покрытие исследуемых территорий незначительное и составляет 5–10 % при отсутствии вертикальной и горизонтальной структуры сообществ. Господствующие ранее в биоценозах ассоциации длительно-вегетирующих видов (*Artemisia Lerchiana* Web. ex Stechm., *Artemisia pauciflora* Web., *Kochia prostrata* (L.) Schrad., *Camphorosma monspeliacum* L.) имеют недостаточное проективное покрытие. Доминирующее положение занимают злаковые ассоциации (*Stipa capillata* L., *Elymus giganteus* Vah.), эфемеры и однолетние виды, которые к началу лета заканчивают свое развитие и, накопив значительную биомассу, усыхают, создают условия для возникновения пожаров. С начала XXI в. пожары стали неотъемлемой частью существования биоценозов Черных земель, изменяя ход и направление природного процесса развития, уничтожая семенной материал большинства видов растительности. В местах обитания сайгака сформировались флористически небогатые сообщества господствующих ассоциаций степного типа.

В настоящее время сайгаки ведут практически оседлый образ жизни, круглогодично используя в основном территорию ГПБЗ «Черные Земли» и заказника «Степ-

ной», где преобладают разнотравно-ковыльные и житняково-ковыльные ассоциации. Увеличение продуктивности и ежегодных запасов надземной фитомассы в злаковниках послужило в последние годы причиной распространения обширных пожаров на Черных землях, которые представляют собой серьезную опасность для этих животных (уничтожение кормовой базы и прямая гибель) [Государственный биосферный 2005: 12]. С другой стороны, пожары оказывают положительное влияние на кормовые условия — уничтожение огнем сухой ветоши ковылей способствует их лучшему отращиванию и вегетации молодых растений.

Господство в растительном покрове практически непоедаемой сайгаками тырсы, доля которой в наземной фитомассе составляет 90 %, сопровождается угнетением других видов, наиболее предпочитаемых сайгаками и составляющих основу их питания (полыни, маревые, бобовые, сложноцветные и др.). Низкие запасы этих растений в фитоценозе послужили причиной их малого участия или полного отсутствия в современном питании сайгаков. В питании стали круглогодично доминировать однодольные растения (злаки, осока). Обычно эти растения занимали заметное место только в весенний период или совсем не участвовали в рационе при наличии достаточного количества наиболее поедаемых двудольных растений (разнотравья). В настоящее время произошла вынужденная смена питания в сторону преобладания злаков, менее предпочитаемых сайгаками [Абатуров 2007: 786].

Комплексное решение проблемы сайгака — сохранение этого ценнейшего вида — в значительной степени зависит от развития, продуцирования, устойчивого развития и рационального использования степных экосистем.

Литература

- Абатуров Б. Д., Ларионов К. О., Колесников М. Н., Никонова О. А. Состояние и обеспеченность сайгака кормом на пастбищах с растительностью разных типов // Зоологический журнал Т. 84. № 3. 2005. С. 337–390.
- Абатуров Б. Д. Популяция сайгака в России и проблемы ее сохранения // Вестник РАН. Т. 77. № 9. 2007. С. 785–793.

- Букреева О. М. Состояние и охрана европейской популяции сайгака в Калмыкии // Бюл. Моск. о-ва испытателей природы, отд. биол. Т. 110. Вып. 4, 2005. С. 10–20.

- Государственный биосферный заповедник «Черные земли» / сост: В. С. Бадмаев, Б. С. Убушаев, В. Б. Бадмаев, М. Б. Фролова, Н. Л-Г. Маштыков, В. Н. Шахно. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 26 с.

- Доскач А. Г. Природное районирование Прикаспийской полупустыни. М.: Наука, 1979. 142 с.
- Ларионов К. О., Джапова Р. Р., Розенфельд С. Л., Абатуров Б. Д. Питание сайгаков на пастбищах Черных земель Калмыкии в условиях восстановительной смены растительности и остепнения // Зоологический журнал Т. 87. № 10. 2008. С. 1259–1269.
- Мяло Е. Г., Левит О. В. Современное состояние и тенденция развития растительного покрова Черных земель // Аридные экосистемы. Т. 2. № 2–3. 1996. С. 145–152.
- Неронов В. В., Очирова Н. Н. Сосудистые растения заповедника «Черные земли» // Флора и фауна заповедников. Вып. Ч. 1. М., 1998. 29 с.
- Ташинова Л. Н. «Государственный заповедник «Черные земли»» – справочно-аналитическая монография «Почвы заповедников и национальных парков Российской Федерации» (гл. ред. Г. В. Добровольский, отв. ред. О. В. Чернова, В. В. Снакин, Е. В. Достовалова, А. А. Присяжная). М.: НИИ-Природа – Фонд «Инфосфера», 2012. 352–368.
- Ташинова Л. Н. Красная книга почв и экосистем Калмыкии. Элиста: АПП «Джангар», 2000. 216 с. С. 76–83.
- References**
- [Chyornye Zemli State Biosphere Nature Reserve]. V. S. Badmaev et al. (comps.). Elista: Dzhangar, 2005. 26 p. (In Russ.)
- Abaturov B. D. Saiga population of Russia and problems of its preservation. *Vestnik Rossijskoj Akademii Nauk*. 2007. Vol. 77. No. 9. Pp. 785–793. (In Russ.)
- Abaturov B. D., Larionov K. O., Kolesnikov M. N., Nikonova O. A. Saiga antelopes in pastures with plants of different types: conditions and grazing supply. *Zoologicheskii zhurnal*. 2005. Vol. 84. No. 3. Pp. 337–390. (In Russ.)
- Bukreeva O. M. European population of the saiga antelope in Kalmykia: conditions and protection. *Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou*. 2005. Vol. 110. Is. 4. Pp. 10–20. (In Russ.)
- Doskach A. G. [Natural Zoning of the Caspian Semi-Desert]. Moscow: Nauka, 1979. 142 p. (In Russ.)
- Larionov K. O., Dzhapova R. R., Rozenfeld S. L., Abaturov B. D. Saiga antelopes in pastures of Kalmykia's Chyornye Zemli area: grazing conditions in the context of reconstructive plant succession and steppe recultivation. *Zoologicheskii zhurnal*. 2008. Vol. 87. No. 10. Pp. 1259–1269. (In Russ.)
- Myalo E. G., Levit O. V. Vegetation cover of Chyornye Zemli: current conditions and development trends. *Arid Ecosystems*. 1996. Vol. 2. No. 2–3. Pp. 145–152. (In Russ.)
- Neronov V. V., Ochirova N. N. Vascular plants of Chyornye Zemli Nature Reserve. In: [Flora and Fauna of Nature Reserves]. Vol. N. Part 1. Moscow, 1998. 29 p. (In Russ.)
- Tashninova L. N. [Red Book of Kalmykia's Soils and Ecosystems]. Elista: Dzhangar, 2000. Pp. 76–83. (In Russ.)
- Tashninova L. N. Chyornye Zemli State Nature Reserve. In: [Soils of Russia's Nature Reserves and National Parks: Reference and Analytical Monograph]. G. V. Dobrovolsky et al. (eds.). Moscow: NIA-Priroda – Infosfera Foundation, 2012. Pp. 352–368. (In Russ.)

РЕЦЕНЗИИ / REVIEW

Басангова Т. Г., Горяева Б. Б. Рец. на: *Герлтсн сувсн (Б. М. Санджиеван бичулжэ авсн амн урн үгин көрңгэс). Сияющая жемчужина (Фольклорные материалы, собранные Б. М. Санджиевой)*. Собираетель Санджиева Б. М. Записи 1972–1974 гг. / Вступ. ст., сост., предисл., подг. текстов и прилож. И. М. Болдыревой. Элиста: КИГИ РАН, 2014. – Серия «Өвкнрин зөөр» («Сокровища предков»). На калм. яз. – 230 с.

Basangova T., Goryaeva B. Review: *Gerltsn suvsn (B. M. Sandzhievan bichyulzh avsn amn urn yugin kyorngyas). Siyayushchaya zhemchuzhina. Refulgent pearl (Folklore material, collected by B. M. Sandzhieva)*. Compil. by Sandzhieva B. M. Records of 1972–1974. Introduction, comp., text prepar., appendix, by I. M. Boldyreva. Elista, KIH RAS, 2014. – “Ovknrin zyoor” (Sokrovishcha predkov) [“Treasures of ancestors”]. 230 p. (In Kalmyk).

Вышел в свет очередной сборник серии «Өвкнрин зөөр» («Сокровища предков»), призванной ввести в научный оборот произведения фольклорной традиции калмыков. Рецензируемая книга серии под названием «Герлтсн сувсн» («Сияющая жемчужина») представляет фольклорные материалы, записанные в разных районах Калмыкии Б. М. Санджиевой (Болдыревой) (1954–2010), более 25 лет проработавшей учителем родного языка в школах республики. Тексты, собранные от информантов, характеризуют устную традицию калмыков 1970-х гг. — это песенный фольклор, благопожелания, сказки, мифы, легенды и предания, пословицы, поговорки, загадки, образцы детского фольклора.

Бося Михайловна, собираетель представленных в книге фольклорных образцов, родилась в большой семье Месина Моголдыковича и Элзаты Ходжигоряевны Болдыревых — носителей традиционной культуры калмыцкого народа, знатоков устного поэтического творчества. Из содержания сборника видно, что родители собираетеля были одаренными людьми, несмотря на жизненные тяготы — войну, сибирскую ссылку, они сохранили любовь к своей Родине, народные традиции, язык и фольклор, о чем свидетельствуют записи, сделанные от них, — сказки и предания, в которых сохранились древние мотивы. Бося Михайловна Болдырева с детства проявляла творческие способности, большой интерес к устному народному творчеству предков. В школе девочка прилежно училась, пела,

танцевала, играла на домбре, была редактором школьной газеты, рисовала. После окончания школы в 1971 г. Бося поступает в Калмыцкий государственный университет на филологический факультет. Будучи студенткой, в 1973–1974-х гг. Бося Михайловна со своими подругами-сокурсницами ездит по районам республики и записывает информантов — хранителей сокровищницы калмыцкого фольклора.

Зафиксированный в прошлом столетии фольклорный материал ждал своего часа, и спустя сорок лет сестра Б. М. Санджиевой, Инджир Мосиновна Болдырева, подготовила к публикации и сделала всеобщим достоянием записи образцов устного народного творчества калмыков.

Структура сборника, в котором фольклорные тексты представлены по жанровым разновидностям, является традиционной для изданий данной серии, хотя в предшествующих книгах представлен репертуар конкретных сказителей — С. Бутаева [Буутан Санжин туульс 2008], Ш. Боктаева [Алтн чеежтэ келмрч Боктан Шаня 2010], Т. Тягиновой [Т. С. Тягинован амн урн үгин көрңгэс 2011]. Отметим, что при распределении произведений по жанрам составителем применяется как научная классификация, сложившаяся в трудах калмыцких фольклористов, так и, при подаче песенных текстов, использована классификация, предложенная информантом. После фольклорного и этнографического материала публикуются воспоминания о Б. М. Санджиевой и фотографии, представляющие личность

собирает. В справочный аппарат издания включены сведения об информантах, примечания к текстам, указатели имен персонажей и топонимов.

Сборник открывается разделом легенд и преданий, содержащий 14 текстов. Отдельные примечательные факты из истории села Цаган Нур освещены в первом тексте сборника. В тексте исторического предания «Алта нутг харсна туск ахр тууж» («Краткая история об откочевке на Алтай») отражены мифологические представления о железной птице, распространяющей болезни и страдания. В данной части книги также имеются тексты, повествующие о лошади как создании Будды Шакьямуни («Мөрн-эрднь»), о вихре, образуемом от бега шулмы¹ («Түргн салькн»), об источнике неиссякаемого богатства («Уурхан саң») и роге змеи («Моһан тускар») как средства народного лечения. В отдельную тематическую группу легенд и преданий можно выделить тексты о замужних женщинах, их горькой участи в новой семье («Нүцкн туула»), о тягостном обряде развода («Нег күүкд күн салсна туск тууж»). Материнскому чувству посвящен сюжет «Моһа һарһсн күүкнэ тускар» («О девушке, родившей змей»). В данных текстах отражены древние мифологические представления калмыков.

Сказки собраны по жанрово-сюжетным разновидностям и представляют собой варианты как известных международных, так и локальных сюжетов, не имеющих соответствий в Указателях сказочных типов. Среди этих сказок богатырские и волшебные, именуемые в народе *ут тууль* (букв. длинная сказка), отличаются более строгой структурой, наличием традиционных сюжетов и мотивов [Сарангов 2015; Горяева 2011], реализованных в сложившейся поэтико-стилевой системе [Басангова 2002]. Сказки «Өөт Мергн Темн» («Эт Мерген Темн»), «Өнчн күүкн» («Девочка-сирота»), «Хэдр авһин хаана көвүн» («Сказка о сыне хана Хядр авга»), «Хар Күкл» («Черная Коса») и другие, публикуемые в настоящем издании, отражают сказочную традицию калмыцкого народа с присущими ей языковыми особенностями (традиционные формулы, постоянные эпитеты и гиперболы).

В данном издании опубликованы древние песни-гимны обрядово-церемониального характера — шастры, в которых про-

¹ Шульм — одно из названий нечистой силы.

славлялись Родина, правители, религиозные деятели, родители и верный спутник калмыка-кочевника — конь. Исторические протяжные песни отражают важные моменты в судьбе народа. Зафиксированные среди разных субэтнических групп варианты той или иной песни дают богатый материал для дальнейших исследований, в том числе текстологических.

Обрядовая поэзия представлена благопожеланиями (15 текстов), посвященными знаменательным событиям в жизни человека, начиная с его рождения и до последнего вздоха.

Особо значимы представленные в сборнике два текста *яс кемалһн* — уникального жанра калмыцкого фольклора. Данные тексты являются вариантами жанра, широко бытовавшего в фольклорной традиции калмыков. Образцы афористической поэзии — пословицы и поговорки, хранят мудрость предков, передаваемую из поколения в поколение, представляют собой кладезь житейского опыта и знаний, систему нравственных ценностей народа, непреложные истины бытия, которые зиждутся на законах гармоничного сосуществования всех живых существ. Народные паремии остались заветом будущим потомкам, являя красоту и силу слова, раскрывая мощь и яркую образность живой речи. В сборнике представлены и приметы (*шинжэ*) — толкования, которые базируются на коллективном опыте и фиксируются в народной памяти [Болдырева 2014].

Представляет определенный интерес образец детского фольклора калмыков, именующийся *разговор пальцев* (инф. Ш. Б. Наранова), наиболее ранний вариант которого известен по записям И. И. Попова [Басангова 2009: 45].

Следует отметить, что среди информантов, записанных Б. М. Санджиевой, значится Сага Мукаев. Сказочные сюжеты, записанные от этого знатока устной традиции, опубликованы в четвертом томе «Хальмг туульс» (1974). В опубликованном сборнике талантливый сказочник предстает перед нами и как исполнитель протяжных песен, так называемых *ут дун*, требующих особого исполнительского мастерства.

Интересны образцы фольклора, записанные от Т. Б. Джалаева, при своей краткости сохранившие образы калмыцкой мифологии. От этого же информанта зафиксирова-

ны протяжные песни. В книге представлены также характеризующие стиль рассказчика известные сказочные сюжеты, некоторые — в сокращенном виде.

Публикуемые в издании этнографические материалы определенным образом дополняют фольклорные образцы, освещая традиции свадебного обряда и календарные праздники калмыков. В текстах фольклорных образцов сохранены диалектные особенности калмыцкого языка. Книга снабжена обширными указателями имен и топонимов, комментариями к текстам, подготовленными составителем — И. М. Болдыревой.

Таким образом, фольклорные произведения, представленные в данной книге, благодаря их разножанровости и тематическому разнообразию, представляют для калмыцкой фольклористики особый интерес, ибо отражают состояние устной традиции 1970-х гг. Данное издание, рассчитанное на преподавателей, учителей родного языка, научных работников и всех, интересующихся духовной культурой калмыцкого народа, несомненно, станет еще одной «жемчужиной» в сокровищнице устного народного творчества калмыцкого народа.

Литература

- Алтн чеежтэ келмрч Боктан Шаня. Хранитель мудрости народной Шаня Боктаев / сост., предисл., коммент. и прилож. Б. Б. Манджиевой; ред. Н. Г. Очирова, Б. Б. Горяева. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 172 с. (Өвкрин зөөр) (Сокровища предков). На калм. и рус. яз.
- Басангова Т. Г. Сказочная традиция калмыков // Сандаловый ларец: Калмыцкие народные сказки. Предислов., сост., перевод, коммент. Т. Г. Басанговой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. С. 3–38.
- Басангова Т. Г. Детский фольклор калмыков (исследование и тексты). Элиста: КИГИ РАН, 2009. 105 с.
- Болдырева И. М. Хальмг келн улсин йорлһна тускар (О калмыцких народных поверьях) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Элиста: КИГИ РАН, 2014. № 2. С. 91–96.

References

- [Folklore Materials from T. S. Tyaginova's Repertory: Self-Records of 2004–2010]. N. G. Ochirova (foreword), B. B. Goryaeva (comp., comments). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2011. 208 p. (In Kalm. and Russ.)
- [Shanya Boktaev: Guardian of Folk Wisdom]. B. B. Mandzhieva (comp. foreword, etc.), N. G. Ochirova, B. B. Goryaeva (eds.). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2010. 172 p. (In Kalm. and Russ.)
- [Tales Recorded from Sandzhi Butaev in 1971–1978]. In 2 vols. Vol. 1. N. G. Ochirova (foreword), B. Kh. Borlykova (comp., comments, index). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2008. 308 p. (In Kalm. and Russ.)

- Буутан Санжин туульс (Сказки Санджи Бутаева). Записи 1971–1978 гг. В 2-х кн. Кн. 1. Предисл. Н. Г. Очировой. Сост., коммент. и прилож. Б. Х. Борлыковой. Элиста: КИГИ РАН, 2008. 308 с. Өвкрин зөөр (Сокровища предков). На калм. и рус. яз.
- Горяева Б. Б. Калмыцкая волшебная сказка: сюжетный состав и поэтико-стилевая система. Элиста: ЗАОр «НПП „Джангар“», 2011. 128 с.
- Сарангов В. Т. Поэтика и стиль калмыцкой богатырской сказки. Элиста: Изд-во Калм. гос. ун-та, 2015. 108 с.
- Т. С. Тягинован амн урн үгин көрңгэс. Фольклорные материалы из репертуара Т. С. Тягиновой. Самозапись 2004–2010 гг. Предисл. Н. Г. Очировой, сост., коммент. Б. Б. Горяевой. Элиста: КИГИ РАН, 2011. 208 с. Өвкрин зөөр (Сокровища предков). На калм. и рус. яз.

- Basangova T. G. [Kalmyk Child Folklore: Studies and Texts]. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2009. 105 p. (In Russ.)
- Basangova T. G. Fairy-tale tradition of the Kalmyks. In: [The Sandalwood Chest: Kalmyk Folk Tales]. T. G. Basangova (foreword, comp., etc.). Elista: Kalmyk Book Publ., 2002. Pp. 3–38. (In Russ.)
- Boldyreva I. M. Kalmyk folk beliefs revisited. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2014. No. 2. Pp. 91–96. (In Russ.)
- Goryaeva B. B. [Kalmyk Magic Tale: Plot Structure and Poetic-Stylistic System]. Elista: Dzhangar, 2011. 128 p. (In Russ.)
- Sarangov V. T. [Kalmyk Heroic Tale: Poetics and Style]. Elista: Kalmyk State University, 2015. 108 p. (In Russ.)

Очиров У. Б. Важный источник по истории органов госбезопасности Калмыкии. Рец. на: «*Во имя безопасности России*». Элиста, 2005. 288 с.

Ochirov U.B. The important source on the history of the state security agency of Kalmykia. Review: *In the name of security of Russia*. Elista, 2005. 288 p. (In Russ.).

Историография истории правоохранительных и судебных органов Калмыкии XX века является одной из наиболее слабо изученных тем современной региональной историографии. Об этом свидетельствует простейший анализ библиографии: для пересчета книг, посвященных истории какого-либо правоохранительного и судебного органа Калмыкии в различные периоды XX века, хватит пальцев одной руки [Верность 1986; Во имя безопасности 2005; Они были солдатами 2015; Судебная 2007]. Все перечисленные книги можно классифицировать как сборники очерков; в некоторых случаях к очеркам могут быть добавлены различные материалы и справки. Ни одно из указанных изданий не является научно-исторической монографией, но может содержать в себе некоторые аналитические или исторические справки. С другой стороны, учитывая фрагментарность, а по ряду направлений истории правоохранительных органов даже полное отсутствие литературы, вышеперечисленные работы, являющиеся «первыми ласточками» по указанной теме, следует в силу этого признать весьма значимыми.

Среди указанных изданий наиболее выгодно с исторической точки зрения выделяются сборники очерков «Верность долгу» и «Во имя безопасности России», посвященные истории органов госбезопасности Калмыкии [Верность 1986; Во имя безопасности 2005]. Первая работа, также являющаяся первой книгой во всей библиографии по истории правоохранительных и судебных органов Калмыкии, вышла еще в 1986 г. Следует заметить, что хотя книги, повествующие о работе чекистов, окутанных в советский период флером загадочности и романтизма «рыцарей плаща и кинжала», пользовались у читателей большой популярностью, труды о деятельности региональных органов госбезопасности в советский период выходили не так уж часто. Библиография советского периода не насчитывает даже и десятка работ (без учета переизданий) по истории органов госбезопасности регионов РСФСР [Бударин 1976;

Бушуев 1987; Верность 1987; Жженных 1980; Литвин и др. 1980; Призваны 1987; Революцией 1987; Сулейманов 1974]. Неудивительно, что сборник очерков «Верность долгу», составленный Б. С. Асановым, стал в Калмыкии настоящим «бестселлером». Книга состояла из вводного очерка (автором которого был Е. С. Кузнецов, тогдашний руководитель КГБ Калмыцкой АССР), фотоиллюстраций и 11 очерков основной части, принадлежавших перу известных публицистов и журналистов того времени: А. Г. Балакаева, П. О. Годаева (автор трех очерков), В. А. Дейнеги, Ю. О. Оглаева (автор двух очерков), В. Н. Руденко, В. Н. Суйвы, С. Д. Таванец, Л. И. Щегловой [Верность 1986].

Все вышеперечисленные очерки спустя 19 лет вошли в новый сборник очерков «Во имя безопасности России» (хотя соответствующая пометка стоит лишь на 4 очерках), вышедший в 2005 г. под патронажем Управления Федеральной службы безопасности РФ по Республике Калмыкия (далее — УФСБ РФ по РК) и посвященный 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. При этом все 11 очерков из «Верности долгу» подверглись значительному редактированию, пять из них были переименованы, а некоторые существенно переработаны (в каких-то случаях удачно, а в каких-то — наоборот, ухудшив вариант 1986 г.). Например, в очерке Ю. О. Оглаева, описывающем деятельность И. И. Тениса во главе КалмГПУ, в пассаже, посвященном некоей контрреволюционной организации Сальского округа, именуемой автором «Кондльнг-Хутхвр улус», в издании 1986 г. (где очерк назывался «Только одна жизнь») указана главная цель калмыцких «гэпэушников» — Лиджи Карвин, а в издании 2005 г. (в котором очерк переименовали в «Латышский стрелок — начальник Калмыцкого ОГПУ») фамилия Карвина опущена, а цель чекистов определена расплывчато: «антисоветская интеллигенция» [Верность 1986: 27, Во имя безопасности 2005: 26]. Из очерка В. А. Дейнеги (в издании

1986 г. назывался «И вечный бой...», в издании 2005 г. — «Партизанскими тропами Словакии»), посвященного подполковнику милиции К. В. Огурцову, во втором издании вырезали значительный фрагмент о его деятельности на посту зам. начальника отдела уголовного розыска МВД Калмыкии [Верность 1986: 149–169, Во имя безопасности 2005: 186–198].

Еще более существенному сокращению подвергся очерк А. Г. Балакаева (в издании 1986 г. назывался «Чекисты», в издании 2005 г. — более точное название «Чекисты Уланхольского улуса»): из него исключили ряд сюжетных линий (фактически оперативных дел), например, Меклятиева, которого перед войной преследовали за критику пакта Молотова-Риббентропа и утверждения о возможном нападении Германии, «хромого Боли» — сына кулака, председателя колхоза «Сила пролетариата» Б. Баткаева и его друзей С. Муштыкова, Э. Морджијева и др. В результате в удаленных фрагментах осталась информация о месте рождения уланхольских чекистов, их характере, о строительстве железнодорожной линии Кизляр — Астрахань и т. д. Текст, который в издании 1986 г. выглядел как очерк, написанный профессиональным мастером, в издании 2005 г. стал «рваным», а в сюжете в некоторых местах появились нелогичные нестыковки [Верность 1986: 121–149; Во имя безопасности 2005: 106–122].

Самой значительной переработке подвергся очерк П. О. Годяева «Возмездие». В издании 2005 г. его фактически переформатировали заново: разделили на две части, одну из которых выделили в самостоятельный очерк, дописанный в соавторстве с А. Шурунговым, а вторую существенно дополнили, создав фактически новое произведение. Очерк «Возмездие» в издании 2005 г. от очерка с аналогичным названием в издании 1986 г. отличается почти на 70 %, хотя посвящен одному и тому же человеку — подполковнику МВД Х. Б. Сангаджиєву [Верность 1986: 109–121; Во имя безопасности 2005: 199–209]. В целом такое переформатирование, согласованное с автором, пошло на пользу очерку, поскольку позволило увеличить объем информации о герое и его биографии, хотя некоторые детали в издании 2005 г. все же исчезли (например, о сотрудничестве с Б. Огдоновым его братьев — Сангаджи-Гаря и Нарана Огдоновых).

Однако книга «Во имя безопасности России», хотя и включает в себя 11 очерков из «Верности долгу», фактически является новым сборником, обновленным более чем наполовину. Он состоит из вводного очерка, автором которого указан тогдашний руководитель УФСБ РФ по РК А. В. Бурдавицын, 25 очерков, посвященных разным сотрудникам органов госбезопасности, и приложений. Авторами очерков являются В. Д. Агаркова, А. Г. Балакаев, П. О. Годяев (им написаны восемь очерков, в том числе один — в соавторстве с А. Шурунговым), Т. А. Гюзяяева, В. А. Дейнега, Н. В. Ипполитова, Ю. О. Оглаев (три очерка), В. Н. Руденко, В. Н. Сюйва (три очерка, в том числе два — в соавторстве с С. Д. Сюйва), С. Д. Таванец, В. Л. Тимофеев, Л. И. Щеглова (два очерка). У одного очерка, ранее опубликованного в подарочном издании, посвященном 60-летию СМЕРШ [Смерш 2003], автор не указан. При этом в книгу оказались включены не только очерки о работе калмыцких чекистов в 1980-х – 1990-х гг. (самые последние по хронологии события, освещенные в сборнике, относятся к 1999 г.), но и очерки о более ранних годах, в основном, периода Великой Отечественной войны. Отнюдь не случайно эта книга была посвящена юбилею Победы, большая часть очерков связана именно с этой темой.

Составители сборника в выходных данных не указаны, но там названы Б. А. Шурунгов (в качестве ответственного за выпуск), Б. С. Асанов, Е. В. Гаврилова, Н. Г. Кикеева, С. А. Доржиева (члены редакционной коллегии), В. Н. и С. Д. Сюйва (редакторы). Большая часть из них являлась действующими сотрудниками и ветеранами органов госбезопасности. Скорее всего, именно они (все вместе или частично) и взяли на себя труд не только по редактированию, но и по подбору материалов, в том числе и из архива УФСБ РФ по РК, и составлению книги.

Выход в печать сборника «Во имя безопасности России» оказался весьма своевременным. Как раз в эти годы начали активно издаваться монографии или сборники, посвященные истории региональных органов госбезопасности России [Арсентьев и др. 2003; Бережков 2005; Бушуев 2000; Вепрев, Лютов 2002; Верой и правдой 2001; Мардамшин 1999; На южном 2000; Органы 2008; Петров 1995; Петрушин 1999; Призвание 1997; Рыжиков 2007; Соловьев 2002;

Щит 2002 и др.]. В нелегкие годы реформ «лихих девяностых» роль спецслужб, защищающих безопасность государства, заметно возросла, как и интерес населения к ним. С другой стороны, органы госбезопасности, взявшие на вооружение современные методы и методики PR-работы, пошли на раскрытие части информации о себе, чтобы повысить степень доверия населения. Неслучаен тот факт, что большая часть вышеперечисленных книг была составлена и издана региональными управлениями ФСБ, и лишь единицы являются итогом работы энтузиастов-одиночек.

Очерки рецензируемого сборника, хотя и были написаны профессиональными журналистами и публицистами в беллетризированной форме, основывались на базе документов и личных воспоминаний, многие из которых ныне недоступны современным исследователям. В силу этого данные произведения сами по себе являются ценными источниками, в которых содержится уникальные сведения и информация по истории правоохранительных органов Калмыкии. Почти все очерки, в силу профессиональной специфики авторов, носят биографический характер: главными героями являются конкретные люди — реальные работники органов госбезопасности Калмыкии. Среди них встречаются как руководящие работники, так и обычные оперативные сотрудники различных отделов, районных отделений Управления КГБ Калмыкии, затем УФСБ РФ по РК, а также чекисты, чья судьба была связана с Калмыкией, хотя в вышеназванном Управлении они не работали (например, М. А. Бурмистенко — 2-й секретарь Калмыцкого обкома ВКП(б) в 1932–1935 гг., К. В. Огурцов — зам. начальника отдела уголовного розыска МВД Калмыцкой АССР, уроженцы республики Э. Б. Дорджиев — агент советской разведки, Н. Ш. Лиджиев — инструктор Восточного отдела МВД МНР, У. Д. Андриюшкиев — оперуполномоченный Особого отдела 48-й и 2-й танковой армий и др.). Для специалистов, занимающихся историей органов госбезопасности, трудно переоценить значимость этих очерков как исторических источников.

Очень ценными и важными с точки зрения истории правоохранительных органов являются приложения, которые, хотя и именуются «Фотографии разных лет», но на самом деле состоят из списков руководи-

телей органов госбезопасности Калмыкии, отмеченных государственными наградами, знаками «Почетный сотрудник госбезопасности», «За службу в контрразведке», нескольких коллективных фотографий и текста песни, подаренной коллективу УФСБ РФ по РК сотрудниками Службы внешней разведки [Во имя безопасности 2005: 277–286].

За составлением списков стоит колоссальный труд кадровиков и архивных работников, которым пришлось на протяжении длительного периода обработать большой массив документов и материалов, в основном недоступных исследователям. К сожалению, в одном из списков (руководителей органов госбезопасности Калмыкии) оказались ошибки и лакуны. Это неудивительно. Период 1920-х – 1940-х гг., вместившей в себя ряд переездов, переподчинений, войну, оккупацию, эвакуацию и депортацию, в истории органов госбезопасности был весьма сложным, и значительная часть архивной документации оказалась утрачена, что и привело к появлению неточностей. В книге составителями были указаны следующие фамилии за 1922–1943 гг.: В. Л. Саввич (1922–1923 гг.), И. И. Тенис (1924–1928 гг.), В. А. Брузгулис (1928–1929 гг.), В. К. Павлов (1929–1930 гг.), П. И. Кишкин (1930–1934 гг.), Е. Н. Фирсов (1934–1936 гг.), П. Г. Озеркин (1936–1939 гг.), А. М. Моисеев (1941–1943 гг.), А. П. Михайлов (1943–1944 гг.) [Во имя безопасности 2005: 277]. Как видно, в двух местах имеются лакуны (1923–1924 гг. и 1939–1941 гг.), еще две фамилии (Фирсова и Моисеева) указаны неправильно. Автору данной статьи пришлось провести дополнительные изыскания, чтобы уточнить этот список. В 1923–1924 гг. Калмыцким отделом ОГПУ руководил И. С. Ларисов-Лукьянец. В 1934–1936 гг. Калмыцким отделом ОГПУ, а затем соответствующим управлением НКВД, руководил старший лейтенант госбезопасности П. И. Тимофеев. В 1939–1943 гг. наркомом НКВД (с 26 февраля по 31 июля 1941 г. — НКГБ) Калмыцкой АССР был капитан госбезопасности Г. Я. Гончаров. Кроме того, следует уточнить некоторые даты. П. И. Кишкин возглавил Калмыцкий отдел ОГПУ не в 1930 г., а в 1931 г., а полковник А. П. Михайлов покинул пост наркома госбезопасности Калмыцкой АССР не в 1944 г., а в 1943 г. [Очиров 2015: 147–152]. Что касается фамилий руководителей орга-

нов госбезопасности постдепортационного периода и годов их руководства, то они в книге указаны правильно, благо архивные документы того времени сохранились. Тем не менее, нельзя не отметить, что наличие данного списка и других материалов, опубликованных в 2005 г., стало существенным подспорьем в решении данной проблемы. Ведь у других правоохранительных органов республики такие списки и материалы

отсутствуют (по крайней мере, в открытом доступе), что весьма затрудняет изучение их истории.

В целом, подводя итоги, нельзя не отметить, что книга «Во имя безопасности России» является ценнейшим источником по истории органов госбезопасности Калмыкии, без опоры на который не может обойтись ни одно историческое исследование по данной тематике.

Литература

- Арсентьев Н. М., Юрченков В. А., Яровой А. В. От ВЧК до ФСБ. История и современность. Саранск: Изд-во Мордов. Ун-та, 2003. 376 с.
- Бережков В. Питерские. Руководители органов госбезопасности Санкт-Петербурга. М.: Яуза, 2005. 507 с.
- Бударин М. Е. Были о чекистах. Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1976. 352 с.
- Бушуев В. М. Грани: Чекисты Красноярья от ВЧК до ФСБ. Красноярск: Буква, 2000. 396 с.
- Бушуев В. М. Чекисты Красноярья. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1987. 266 с.
- Вепрев О. В., Люттов В. В. Государственная безопасность: три века на Южном Урале. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2002. 448 с.
- Верность долгу. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1986. 190 с.
- Верность долгу. Рассказы о чекистах. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987. 304 с.
- Верой и правдой. ФСБ. Страницы истории. Ярославль: НЮАНС, 2001. 528 с.
- Во имя безопасности России. Элиста: УФСБ РФ по Республике Калмыкия, 2005. 288 с.
- Жженных Л. А. В годы грозные: (Из истории Якутской губчека). Якутск: Якутск. кн. изд-во, 1980. 96 с.
- Литвин А. Л., Панюков В. Н., Титов Л. Н. Защищая революцию: Чекисты Татарии в первые годы Советской власти. 1917–1922. Казань: Татар. кн. изд-во, 1980. 238 с.
- Мардамшин Р. Р. Башкирская чрезвычайная комиссия (страницы истории). Уфа: Китап, 1999. 188 с.
- На южном форпосте России. Волгоград: Изд-во «Страница-2», 2000. 344 с.
- Они были солдатами. Прокуроры на войне / сост. Б. Дженгуров. М.: Редакционно-издат. дом «Рос. писатель», 2015. 92 с.
- Органы безопасности Карелии: исторические очерки, воспоминания, биографии. Петрозаводск: Скандинавия, 2008. 432 с.

- Очиров У. Б. Руководители органов госбезопасности Калмыкии в 1921–1943 гг. // Вклад регионов и народов Юга России в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Элиста, 23–25 апреля 2015 г.). Элиста: Изд-во КалмГУ, 2015. С. 147–152.
- Петров М. Н. ВЧК – ОГПУ: первое десятилетие (на материалах Северо-Запада России). Новгород: НовГУ, 1995. 162 с.
- Петрушин А. А. «Мы не знаем пощады...»: Известные, малоизвестные и неизвестные события из истории Тюменского края по материалам ВЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. 304 с.
- «Призвание — Родине служить!»: док. рассказы и повести о деятельности чекистов. Новосибирск: ИЦ «Writer», 1997. 323 с.
- Призваны революцией. Очерки о чекистах. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. 125 с.
- Революцией призваны: Документальные повести и очерки о чекистах Алтая. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1987. 213 с.
- Рыжиков А. В. Иваново-Вознесенская губернская чрезвычайная комиссия. 1918–1922 гг. Иваново: Иванов. гос. ун-т, 2007. 327 с.
- «СМЕРШ»: Исторические очерки и архивные документы. М.: Изд-во Главархива Москвы; ОАО «Московские учебники и Картолитография», 2003. 343 с.
- Соловьев А. В. Тревожные будни забайкальской контрразведки (из секретных и личных архивов). М.: РУСЬ, 2002, 544 с.
- Судебная система Республики Калмыкия (1922–2007 гг.). Элиста: ЗАОР «НПП „Джангар“», 2007. 176 с.
- Сулейманов С. И. На страже завоеваний Октября. Махачкала: Дагестанск. кн. изд-во, 1974. 112 с.
- Щит и меч российской государственности. Саратов: Летопись, 2002. 344 с.

References

- [‘Vocation – to Serve Motherland!’: Documented Stories about Chekists]. Novosibirsk: Writer, 1997. 323 p. (In Russ.)
- [Court System of Kalmykia: 1922–2007]. Elista: Dzhangar, 2007. 176 p. (In Russ.)
- [Fidelity to Duty: Stories about Chekists]. Irkutsk: Eastern Siberian Book Publ., 1987. 304 p. (In Russ.)
- [Fidelity to Duty]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1986. 190 p. (In Russ.)
- [In the Name of Russia’s Security]. Elista: Federal Security Service of Russia (Kalmykia Office), 2005. 288 p. (In Russ.)
- [In the Southern Outpost of Russia]. Volgograd: Stranitsa-2, 2000. 344 p. (In Russ.)
- [Recruited by the Revolution: Documented Stories and Essays on Chekists of the Altai]. Barnaul: Altaian Book Publ., 1987. 213 p. (In Russ.)
- [Recruited by the Revolution: Essays on Chekists]. Syktyvkar: Komi Book Publ., 1987. 125 p. (In Russ.)
- [SMERSH: Historical Essays and Archival Documents]. Moscow: Central State Archive of Moscow; Moskovskie Uchebniki i Kartolitografiya, 2003. 343 p. (In Russ.)
- [State Security Agencies of Karelia: Historical Essays, Memoirs, Biographies]. Petrozavodsk: Skandnaviya, 2008. 432 p. (In Russ.)
- [The Sword and the Shield of Russian Statehood]. Saratov: Letopis, 2002. 344 p. (In Russ.)
- [They Were Soldiers: Procuracy Officers at War]. B. Dzhengurov (comp.). Moscow: Rossiyskiy Pisatel, 2015. 92 p. (In Russ.)
- [With Good Faith and Fidelity: FSB, Pages of History]. Yaroslavl: NYuANS, 2001. 528 p. (In Russ.)
- Arsentiev N. M., Yurchenkov V. A., Yarovoy A. V. [From VChK to FSB: Past and Present]. Saransk: Mordovian State University, 2003. 376 p. (In Russ.)
- Berezhkov V. [St. Petersburg: Executives of City’s State Security Agencies]. Moscow: Yauza, 2005. 507 p. (In Russ.)
- Budarin M. E. [Chekists: True Stories]. Omsk: Western Siberian Book Publ., 1976. 352 p. (In Russ.)

- Bushuev V. M. [Chekists of Krasnoyarsk Province]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Book Publ., 1987. 266 p. (In Russ.)
- Bushuev V. M. [The Edges: Chekists of Krasnoyarsk Province – from VChK to FSB]. Krasnoyarsk: Bukva, 2000. 396 p. (In Russ.)
- Litvin A. L., Panyukov V. N., Titov L. N. [Defending the Revolution: Tatarstan’s Chekists during Earliest Years of the Soviets, 1917–1922]. Kazan: Tatarstan Book Publ., 1980. 238 p. (In Russ.)
- Mardamshin R. R. [Bashkir Extraordinary Commission: Pages of History]. Ufa: Kitap, 1999. 188 p. (In Russ.)
- Ochirov U. B. Executives of Kalmykia’s state security organs: 1921–1943. In: [Regions and Peoples of South Russia – and Their Contribution to the Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945]. Conf. proc. (Elista; April 23–25, 2015). Elista: Kalmyk State University, 2015. Pp. 147–152. (In Russ.)
- Petrov M. N. [VChK – OGPU: First Decade (a Case Study of Northwest Russia)]. Novgorod: Novgorod State University, 1995. 162 p. (In Russ.)
- Petrushin A. A. [‘We Know No Mercy...’: Known, Little Known and Unknown History of Tyumen Province Revealed from VChK-GPU-NKVD-KGB Documents]. Tyumen: Yu. Mandrika, 1999. 304 p. (In Russ.)
- Ryzhikov A. V. [Ivanovo-Voznesensk Provincial Extraordinary Commission: 1918–1922]. Ivanovo: Ivanovo State University, 2007. 327 p. (In Russ.)
- Soloviev A. V. [Anxious Weekdays of Trans-Baikal Counter Intelligence Service: a Case Study of Secret and Personal Archives]. Moscow: RUS’, 2002, 544 p. (In Russ.)
- Suleymanov S. I. [Defending Achievements of the Great October]. Makhachkala: Dagestan Book Publ., 1974. 112 p. (In Russ.)
- Veprev O. V., Lyutov V. V. [State Security: Three Centuries in the Southern Urals]. Chelyabinsk: Southern Uralic Book Publ., 2002. 448 p. (In Russ.)
- Zhzhenykh L. A. [In Harsh Years: Yakutsk Cheka, Glimpses of History]. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1980. 96 p. (In Russ.)

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Осорин Утнасун. Шинжэнэ өөрдирин болн хальмгудын домг, домг үлгүр, амн үгин тууж хэрцүлсн шинжллт (Мифы, легенды и предания ойратов Китая и калмыков России: сравнительно-сопоставительный анализ). Элиста: КИГИ РАН, 2015. 188 с. [электронное издание].

Данное исследование является первой попыткой изучения в сравнительно-сопоставительном аспекте ойратских и калмыцких мифов, легенд и преданий, которые занимают значительное место в монголоязычном фольклоре. Рассмотрены вопросы бытования, распространения, изучения мифов, легенд и преданий в Монголии, России, Бурятии, Калмыкии, Китае (Синьцзяне), проведен сравнительный анализ ойратских и калмыцких текстов. Монография адресована специалистам в области фольклористики, этнологии, аспирантам и студентам, а также широкому кругу читателей, интересующихся традиционной народной культурой.

Намруева Л.В. Этническая социализация молодежи Республики Калмыкия (анализ 2000–2010-х гг.). Элиста: КИГИ РАН, 2015. 194 с. 11,4 у.п.л.

Монография посвящена актуальной теме – этнической социализации молодежи Калмыкии. В работе обобщаются результаты социологических исследований, проведенных Калмыцким институтом гуманитарных исследований РАН за анализируемый период. Основное внимание уделено вопросам сохранения в молодежной среде основных элементов этнической культуры. Монография предназначена для широкого круга читателей, научных работников, сотрудников образовательных учреждений, представителей органов власти, общественных организаций, интересующихся вопросами развития этнических культур. Работа выполнена в рамках проекта Распределенного научного центра «Мониторинг межнациональных отношений и религиозной ситуации; анализ проблем этнокультурного и исторического образования; анализ языковой политики в

регионах Южного федерального округа» (науч. рук. акад. Тишков В.А., госзадание 213.01-11/2015).

Тепкеев В.Т. Ойраты в начале XVII века. Элиста: КИГИ РАН, 2015. 198 с. 24,7 у.п.л. [электронное издание].

В монографии рассматривается политическая история ойратов с момента их откочевки из Центральной Азии в степи Юго-Западной Сибири и Северного Прикаспия в начале XVII в. Подробно исследуются взаимоотношения ойратов с соседними народами. Немаловажную роль имеет и исследование русско-ойратских отношений, во многом определявших политическую историю Центральной Азии. В структуре монографии применен хронологический принцип: последовательно освещаются вопросы внутри - и внешнеполитического положения ойратов в начале XVII века, установление русско-ойратских отношений в Западной Сибири в первые десятилетия указанного периода, внешнеполитический кризис в 1625–1630 гг. и территориальный вопрос в русско-ойратских переговорах.

Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Сборник научных статей. Вып.3. Элиста: КИГИ РАН, 2015. 328 с. 20 у.п.л.

В статьях сборника исследуются проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов, а также специфики их культуры и этнокультурных взаимодействий. Издание включает два раздела. Первый из них включает статьи, в которых анализируются проблемы сравнительно-сопоставительного исследования культуры калмыков России и ойратов Монголии, а также вопросы антропологии монгольских этнических групп. Во втором разделе основное внимание уделяется проблемам исследования фольклора как источника по изучению этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов.

Б. Кензя. Орин өмн (Перед рассветом). Роман. Переложение на современное калмыцкое письмо Б. Х. Тодаевой. Элиста: КИГИ РАН, 2015.

Эдян Кензя — ойратский писатель, поэт, журналист, известный в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР деятель культуры. Его перу принадлежит ряд рассказов, поэм, повестей, а также роман «Перед рассветом» («Орин өмн»). Язык произведений, созданных писателем на родном языке, богат и красочен, он может служить источником для изучения языка и культуры ойратов. Роман Э. Кензи, опубликованный в 1994 году в г. Урумчи (СУАР КНР) на ойратской письменности «тодо бичиг» («ясное письмо»), не был до настоящего времени доступен широким кругам читателей. Благодаря работе известного востоковеда Б. Х. Тодаевой, осуществившей переложение с ойратской письменности на современное калмыцкое письмо, российский читатель получил возможность познакомиться с творчеством синьцзянского писателя. Действие романа охватывает 1930–1940-е годы — период гражданской войны в Китае, завершившейся свержением гоминьдановского правительства и провозглашением Китайской Народной Республики.

Частотный словарь современного калмыцкого языка / сост. Куканова В.В., Бембеев Е.В., Каджиев А.Ю.; вступ. ст. Куканова В.В., Бембеев Е.В. Элиста:

КИГИ РАН, 2015. [электронное издание]. URL: kalmcorpoga.ru.

Частотный словарь современного калмыцкого языка представляет собой структурно-вероятностную модель лексической системы языка, позволяющую получить сведения о частоте той или иной лексической единицы калмыцкого языка. Словарь основан на коллекции текстов художественной литературы второй половины XX в. объемом около 5 млн словоупотреблений из Национального корпуса калмыцкого языка (kalmcorpoga.ru), которые были автоматически обработаны морфологическим парсером и в которых была частично снята лексико-грамматическая неоднозначность, что позволяет судить о достоверности статистической картины, полученной при разработке частотного словаря. Все лексические единицы расположены в алфавитном порядке и имеют количественные показатели: абсолютную частоту, относительную частоту, общую частоту (ipm), ранг, коэффициенты Жуайна и D. Последние коэффициенты свидетельствуют о равномерности распределения частот в разных сегментах корпуса текстов. Словарь предназначен для специалистов-филологов, преподавателей калмыцкого языка, он может быть использован методистами для создания уровневой системы преподавания калмыцкого языка как иностранного с постепенным введением лексического материала в зависимости от его частотности

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН» принимает к печати авторские рукописи по приоритетным направлениям фундаментальных исследований РАН в области гуманитарных наук, а также рецензии, хронику, персоналии, ранее нигде не публиковавшиеся.

Журнал входит в **Перечень рецензируемых научных изданий для опубликования основных научных результатов диссертаций** на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по направлениям (редакция 01.12.2015):

- исторические науки и археология;
- языковедение и литературоведение;
- социологические науки.

Материалы принимаются в электронном виде в редакторе Word, набранные 14-м шрифтом через полуторный интервал (все поля по 2,5 см), объемом не более 0,7 п. л. При наборе необходимо использовать стандартную гарнитуру шрифта TimesNewRoman. Допускается представление рисунков в редакторе Word внутри текста статьи с перечнем подрисунковых подписей. Литература должна быть затекстовая в алфавитном порядке. Страницы обязательно должны быть пронумерованы.

К материалу прилагаются следующие документы: 1) аннотация на русском языке (объемом не более 10 строк); 2) аннотация на английском языке (объемом не более 500 слов); 3) перевод названия статьи; 4) ключевые слова (не более 20) и их перевод на английский язык; 5) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень; ученое звание; направление работы; должность (с указанием полного названия кафедры вуза или структурного подразделения исследовательского института); рабочий адрес и телефоны; адрес электронной почты; 6) внешняя рецензия на статью; 7) ББК и УДК; 8) договор (бумажный вариант договора с личной подписью в двух экземплярах).

Редакция отправляет предлагаемые к изданию рукописи на независимое научное рецензирование. Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикуемых материалов. Рукописи не возвращаются, редакция не вступает в переписку по поводу отклоненных материалов. Перепечатка опубликованных в журнале материалов допускается только по согласованию с редакцией.

Материалы могут быть отправлены простой корреспонденцией, заказным письмом (358000 Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8), электронной почтой (vestnik.kigiran@gmail.com).

Правила для авторов, Положение о рецензировании, а также договор опубликованы на сайте Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (www.kigiran.com/articles.php?cat_id=8).

INTSTRUCTIONS FOR AUTHORS

The Editorial Board of the Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences accepts for publication manuscripts relevant to the fundamental studies of the Russian Academy of Sciences in the field of Humanities as well as reviews, chronicles, personalia which have not been previously published.

The Journal is in the **List of cited scholarly journals and periodicals for publication of the basic scientific outcomes of dissertations** for those seeking for candidate and doctor of sciences degrees in the following fields of study (edited on 01.12.2015):

- Historical Sciences and Archaeology;
- Linguistics and Literary Studies;
- Sociological Studies.

Manuscripts should be submitted in the electronic version in the Word processing format, font: Times New Roman, font size: 14pt. with line spacing 1,5 (all margins: 2,5 cm.), paper size: no more than 0,7 of a printing (author's) sheet. Pictures should be incorporated in the text body with accompanying captions. References are listed in the alphabetical order, pages should be enumerated.

Every article should be accompanied with the following elements: 1) an abstract in Russian (no more than 10 lines); 2) an abstract in English (up to 500 words); 3) translation of the title; 4) keywords (about 20) with translation into English; 5) information on the author: surname, first name, patronymic name (in full); scientific ranks and titles, position including the full name of a chair or department of a research institution; work address and telephone numbers, e-mail; 6) an external review of the article; 7) ББК and УДК; 8) the agreement (two signed copies of the paper version).

The Board of Editors forwards submitted manuscripts for independent review. The Editorial Board's opinion can be different from that of an author. Entries submitted are not returned, editors do not enter into correspondence with authors concerning rejected articles. Reprint of the published in the Journal manuscripts is possible with the Editorial Board's agreement.

Submissions should be sent to the address: 358000, the Republic of Kalmykia, the city of Elista, Ilishkin Street, 8 or to the e-mail: vestnik.kigiran@gmail.com.

The Instructions for authors, Provisions on submitted manuscripts review and the Agreement text are posted on the site of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (www.kigiran.com/article.php?cat_id=8).

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ВЕСТНИК
Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН
№ 4, 2015

Сдано в набор 14.12.2015. Подписано в печать 21.12.2015. Формат бумаги 60x84½.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 24,8. Тираж 150 экз. Цена свободная.

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Калмыцкий институт гуманитарных исследований
Российской академии наук

Отпечатано в КИГИ РАН
(358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, 8).